

2
2026

2
(130)

Отчий край

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Отчий край

Речка

Облака

Берёзы

В оформлении 2-й и 3-й сторон обложки использованы картины члена Союза художников России Вадима ЖУКОВА

Основан в 1994 году В. Б. Смирновым

*Лауреат Всероссийской литературной премии
«Сталинград»,
Государственной премии Волгоградской области,
премии имени Виктора Канунникова*

2 (130)
2026

ОТЧИЙ КРАЙ

Главный редактор
Ольга КРЮЧЕНКОВА

Шеф-редактор
Василий СТРУЖ

Художественный редактор
Вадим ЖУКОВ

Технический редактор
Кадрия ТАШЛАНОВА

Корректор
Валентина КРАВЧЕНКО

Художник обложки
Евгений ГУДИМЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр ЛЕПЕЩЕНКО,
председатель редакционного совета,
директор ГБУК ВОУНБ имени М. Горького,
член Союза писателей России

Александра ЕРОНОВА,
заведующая отделом «Редакционно-издательский центр»
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Лариса ТРОПКИНА,
директор лицея № 5 имени Ю. А. Гагарина,
депутат Волгоградской городской Думы

Лариса ЖАРАВИНА,
доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы и методики ее преподавания ВГСПУ

Василий СУПРУН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Александр МЛЕЧКО,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской филологии и журналистики ВолГУ

Елена ТИШИНА,
кандидат филологических наук,
доцент Московского университета «Синергия»

Ольга НАЗАРОВА,
заведующая сектором краеведения
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Роман ШКОДА,
кандидат экономических наук, главный редактор
интернет-издания «Царицын.рф»

Александр РОМАШКОВ,
председатель совета ветеранов Волгоградской
областной организации «Союз журналистов России»

Анатолий ЕГИН,
кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ,
член Союза писателей России

Александр КОЛОМЫТКИН,
директор ГБУВО ГАВО

Александр ТКАЧЕНКО,
кандидат политических наук,
почетный член Союза журналистов России

Петр ХАРИТОНЕНКО,
историк, краевед

Людмила ДУДОВА,
кандидат филологических наук, профессор кафедры
ЮНЕСКО РГПУ имени А. И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Лариса САВИНА, Марина САМОСТЬЕВА. Художественный мир Б. П. Екимова 4

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

Борис ЕКИМОВ. К тёплому морю 12

ИМЕНА

Владимир ГУД. «За третьим тостом — тишина...» *Памяти Виктора Верстакова* 20

ПРОЗА

Александр ПРОХАНОВ. Меченосец 33

Захар ПРИЛЕПИН. Тума 55

Роман СЕНЧИН. Разговоры 82

Самид АГАЕВ. Тайна книги Аристотеля 112

Владимир ГОЛУБЕВ. Деревянный танк 178

Александр ГОРОХОВ. Собор 198

ПОЭЗИЯ

Виктор ВЕРСТАКОВ. «Пылает город Кандагар...» 28

Игорь ВОЛГИН. «Обретаясь в земной круговерти...» 50

Анатолий КИМ. Философские стихи писателя 78

Сергей ДОНБАЙ. «Собираю слов огарки...» 105

Варвара ПЕТРОВА. «Я хочу жизнь прожить без оглядки,
напиваясь ею сполна» 135

Даниил БЕЛЯЕВ. Город, куда ты бежишь? 171

Ольга ЛЫСЕНКО. «Как хочется мира и добрых вестей» 197

Михаил СМОТРОВ. «Судьбы твоей воздушный трафик...» 252

ЛИТЕРАТУРА

Виктор КУЛЛЭ. Дерзость и смирение 129

Сергей АЛИХАНОВ. К юбилею Василия Стружа 175

СКРЕПЫ ИСТОРИИ

Роман ШКОДА. Красный Верден: Царицын в революции
и Гражданской войне 148

Виталий РУЧКИН. «...Пока не похоронен последний солдат» 230

Александр СМИРНОВ. Когда приходишь в «Поиск»,
жизнь только начинается. *Эпизод второй* 246

СКРЕПЫ СУДЬБЫ

Татьяна ФЕДОСЕЕВА. Сталинград: послевоенное детство 240

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

Александр ФОЛИЕВ. Последний комбат «катюш» 192

Лариса САВИНА, Марина САМОСТЬЕВА

Художественный мир Б. П. Екимова

Рассказы Бориса Екимова потрясающе современны. Каждый его рассказ — это микророман, надо обладать талантом, чтобы в этой жгучей современности обойти примитивную политику, не впасть в публицистику. Борис Екимов — удивительный писатель. Сегодняшний день встает крупным планом в его рассказах.

Сергей Есин, писатель и журналист

Живет такой писатель Борис Екимов, один из очень немногих (поостерегусь сказать «единственный»), кто в полной мере наследует традиции классической русской литературы и чей портрет легко можно представить на стене школьного кабинета литературы вслед за портретами Шолохова и Шукшина...

Лев Пирогов, литературный критик и публицист

Национальная литературная традиция, так или иначе связанная с изображением жизни русской деревни, уходит своими корнями в восемнадцатое столетие, в эпоху сентиментализма, когда появляется «Деревня» Н. М. Карамзина. Среди наиболее известных произведений с аналогичным

САВИНА Лариса Николаевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Родилась в 1961 году. Живет в Волгограде. Награждена медалью «Народное признание педагогического труда», почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Волгоградской областной думы, комитета образования, науки и молодежной политики Волгоградской области. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2025).

САМОСТЬЕВА Марина Владимировна — преподаватель, кандидат филологических наук. С 2000 по 2015 год — доцент кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Родилась в 1978 году. Живет в Волгограде. В 2003 году под руководством А. М. Буланова защитила кандидатскую диссертацию «Жанр рассказа в творчестве Б. П. Екимова: традиции и новаторство».

названием — повести Д. В. Григоровича и И. А. Бунина, кроме того, были еще и «Записки охотника» И. С. Тургенева и «Власть земли» Г. И. Успенского, «Мужики» А. П. Чехова, однако к ним мы все же не применяем определение «деревенская проза». Собственно «деревенская проза» — явление конкретно-историческое, возникла она в начале 60-х годов XX века. Как считает Л. И. Емельянов, «в это время деревенская литература начинает противопоставляться литературе „городской“»*. В действительности оппозиционность «деревенской прозы» следует понимать более широко, поскольку ее создатели абсолютно игнорировали метод соцреализма, как, впрочем, и всю официальную советскую идеологию, обращаясь напрямую к глубинным основам народного бытия.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать создававшиеся на протяжении столетий многочисленные произведения о деревне (в частности, русской деревне) как длящийся диалог, в котором разные тексты-высказывания «соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли» (М. Бахтин). Очевидно, что в начале 60-х годов XX века сформировались определенные предпосылки для актуализации этого диалога, возникла необходимость осмысления писателями своего места в существующей традиции.

В произведениях «деревенской прозы» отчетливо ощутима смысловая доминанта, которую разные исследователи определяют по-разному. Так, например, Л. Ш. Вильчек считает наиболее существенной в философско-историческом содержании произведений «деревенской прозы» проблему национального развития, исторических судеб России. Многие обращают внимание прежде всего на нравственные традиции народной жизни, которые отразились в произведениях «о деревне». В частности, А. И. Солженицын полагает, что писателей-«деревенщиков» «правильнее было бы назвать нравственниками — ибо сутью их литературного переворота было возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью»**. И все без исключения исследователи сходятся на понимании того, что деревня для писателей — это нечто неизмеримо большее, нежели просто географический регион, это понятие социальное, национальное и нравственное, объединяющее весь сложный комплекс человеческих отношений. В произведениях о деревне нашли отражение коренные проблемы современности.

Итак, деревня не только место действия, но, прежде всего, пространство художественное, предстающее в литературном произведении в особом качестве, наделенное особыми смыслами и значениями. Выбор именно этого, а не другого художественного пространства становится, безусловно, знаковым, поскольку продолжает определенную литературную традицию, в которую органически включено творчество Б. П. Екимова. В последнее время всё чаще звучит термин «новая деревенская проза», и самого Екимова некоторые критики объявляют «новым деревенщиком». Однако дело даже не в терминах, а в сущностных основах художественного мира писателя. Несомненно одно, что «включенность» Екимова в данную традицию определяет целый ряд идейно-художественных особенностей его прозы.

* Емельянов Л. И. Василий Шукшин: очерк творчества. Л.: Худож. лит., 1983. С. 20.

** Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына В. Распутину 4 мая 2000 г. // Новый мир. 2000. № 5. С. 186.

Чрезвычайно высокую оценку таланту Б. Екимова дает В. Сердюченко в своем критическом обзоре «Русская проза на рубеже третьего тысячелетия», где имя Б. Екимова продолжает ряд имен русских классиков: Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева.

В. Сердюченко, объявляя Б. Екимова достойным преемником русской классической традиции, указывает на «общий пафос его дарования: демократизм, народность, абсолютную правдивость, нравственную чистоту авторской позиции и, что главное, изобразительный талант»*. По мнению критика, рассказы Бориса Петровича Екимова — один из немногих удачных примеров литературы «сопротивления и несогласия скверне мира». Творческое кредо писателя, сформулированное им самим в беседе с обозревателем «Литературной газеты» П. Басинским: «Мне не нужно по-новому, мне нужно по-доброму». И это не просто слова — это художественная реальность екимовского творчества, поражающего читателей, прежде всего, своей цельностью, верностью раз избранным идеалам.

Нравственные проблемы всегда были в центре внимания отечественных писателей. Не меркнувшее со временем обаяние русской классики как раз во многом определяется тем, что истина, добро и красота всегда существовали в ней в нерасторжимом единстве. Большинство рассказов Б. Екимова несет в себе «память жанра», верность классической реалистической традиции, и потому нравственность и духовность для писателя не просто слова, но суть всех его художественных исканий. В этом смысле знаменательно, что в 2008 году Б. П. Екимов стал лауреатом премии А. Солженицына. Особого внимания заслуживает отточенная формулировка, объясняющая выбор жюри: «За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка». И это единственный случай, когда объявлению лауреата для СМИ сопутствовало слово самого Солженицына: «В последние десятилетия, когда, кажется, само существование русской деревни выпало из нашего поля зрения, не говоря уж об окоеме искусства, — Борис Екимов вошел в литературу новым писателем-«деревенщиком». Во множестве ярких рассказов и очерков Екимов рисует мало кому знакомую обстановку нынешней сельской местности с ее новым бытом, манящими возможностями и крутыми угрозами. Этот живой поток екимовских картин, раздвигая наши представления о непростой жизни сегодняшней деревни, помогает восстановить, хотя бы мысленно, единство национального тела. А уж как интересно послушать суждения из донской глубинки — о событиях новейших»**.

Когда читаешь екимовские рассказы, вновь и вновь убеждаешься в справедливости народной мудрости: «Не стоит село без праведника!» (напомним, что именно так первоначально назывался знаменитый рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор»). Сохраняя веру в живую душу народа, Б. Екимов достойно продолжает важнейшие традиции русской классики, настойчиво ищет в современной жизни доброту, человечность, способность к состраданию, все те качества, которые сейчас в большом дефиците. Поразительно вернуть,

* Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы литературы. 2000. Июль — август. С. 95.

** Цит. по: Зайцев П. Одноэтажная Россия // Российская газета. 12 марта. 2008. С. 6.

на наш взгляд, мысль высказал Я. Удин в своей статье «О прозе Б. Екимова». Конкретность, а иногда и категоричность оценок Б. Екимова, по мнению критика, обусловлены тем, что сегодняшний день оценивается им первоизданным мериллом — совестью. Авторская концепция вобрала в себя «деревенскую философию жизни, где основные нравственные категории — те же добро и зло — существуют во многом в своем первоначальном, не «размытом» позднейшими наслоениями и разночтениями значениями»*. Екимовская проза дарит читателю ощущение гармонии с миром и при этом заставляет задуматься над многими серьезными вопросами.

На сегодняшний день уже существует «мир Б. Екимова» или, как еще более точно выразился В. Пендраковский, можно «представить и заселить страну Екимию». В этой «стране» мы непременно встретим строгого, но справедливого и доброго управляющего Чапурина («Чапурин и Сапов», «Солонич», «Гнездо поручейника», «Путевка на юг», «Очередь на тот свет» и другие), силача-тракториста Гаврилу Тарасова и его верную жену Раю («Тарасов», «Враг народа»), отшельника Шаляпина («Ночь проходит...», «Тимофей Иванович»), скотника Николая Скуридина («Путевка на юг», «Челядинский зять», «Набег»). Семейства Амочаевых, Челядиных, Арчаковых, Турченковых и многие-многие другие — может быть, фигуры не столь значительные, но они тоже полноправные «жители» созданного Б. Екимовым мира.

«Страна Екимия» имеет вполне определенные географические координаты: хутора Вихляевский, Мочаев, Малые Сокари, Большие Сокари, Дербень без труда можно обнаружить на карте Волгоградской области — все вместе они служат основой для создания обобщенного образа Донского края в творчестве писателя. Образ малой родины в прозе Б. Екимова многогранен. Ведь Донской край — это его история, география, природа, это и его жители, их быт, обычаи, язык и культура, это и серьезные социально-экономические проблемы современного села, о которых много пишет Б. Екимов.

В символически-обобщенном виде идея кровной связи человека со своей родиной, со своим домом выражена в строчке из народной песни, упомянутой в одном из екимовских рассказов: «Быть да быть мне в той стране, в которой зарожден...» Любопытный факт: на вручении премии Солженицына в 2008 году Б. Екимов в своей речи рассказал об этой старой казачьей песне.

Проснется день красы моей,
Зарёй украшен свет.
Не быть, не жить мне в том краю,
В котором зарождён.
А быть и жить мне в том краю,
В котором осуждён.
Отцовский двор спокинул я,
Травой он заращён.
Травой густою, муравой
Да горьким-горьким полыном
Родной двор заращён.

Читатели сообщили ему, что в действительности это — «Прощальная песнь» из «Паломничества Чайльд Гарольда» Дж. Г. Байрона (в одном

* Удин Я. О прозе Б. Екимова // Волга. 1988. № 3. С. 134.

из переводов, сделанных И. Козловым). А самому Екимову рассказывали когда-то, что «песню эту сочинил старый казак Мушкетов, семью которого в 1930-х годах выслали в Сибирь. Он эту песню придумал, пел, плакал и однажды умер, последних строк не допев. Его сыновья, на Дон вернувшись, принесли эту песню на родину». «Разные люди, разные земли, разные языки. А вот душа поет, радуется и плачет об одном: о жизни на родной земле», — говорит писатель. Здесь авторство на самом деле уже не важно. Важны лишь те чувства (общие для всех!), которые испытывает человек, оторванный от родного края.

Песня всегда в прозе Б. Екимова художественно значима, во многих случаях она является ключом к пониманию идейного смысла всего рассказа. Песни — неотъемлемая часть образа малой родины в таких рассказах Б. Екимова, как «В той стране», «Проснется день», «Набег», «Белые воды», «Солоних», «На ферме казачьей», «Привет издалека».

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, рассказ «Переправа» — лирический монолог-воспоминание автора о детстве, о волнующих мгновениях переправы на пароме через Дон. «Та сторона, Задонье, с высокими холмами, глубокими лесистыми балками, казалась страной далекой и сказочной. Там ловилась крупная рыба, росли земляника, череда, дикие, но едовые яблоки, груши, вишня, а где-то возле дома отдыха, бывшего мужского монастыря, по слухам, доживали век монастырские сады и виноградники — совсем уже сказка. <...> Бродишь по парому. Быки неторопливо жвачку жуют, лошади подрагивают кожей, отгоняя мух. Неторопливый говор. Наш берег всё дальше и дальше. Мальчишки с причала кричат вслед. Берег уходит, вокруг — просторная вода и глубь, которую не измерить. <...> Берег всё ближе, он высится, растет, и наш просторный паром кажется уже малой букашкой, а сам ты тем более. Уж лучше на берег не глядеть, а в светлую бегучую воду. И в небо. Над водой оно глубже, синей, и белые облака, ладьи неспешные, плывут и плывут к тому берегу, к нашему. И уже как-то жалко его, свой берег, что-то посасывает в груди — все же дом, родина. И думаешь, как вечером плыть назад, как с парома сойдешь, — будет радость». И неподдельную горечь мы чувствуем в последних словах: «Теперь ничего этого нет. Просто — мост через Дон, бетонная высокая дуга. Вот и кати по ней. Две минуты на третьей скорости».

Главное свое воплощение образ малой родины находит в великолепных екимовских пейзажах. Красота природы у Б. Екимова не существует отдельно от человека, и возникает она, собственно, как красота, увиденная героями. Так, герою рассказа «Стенькин курган» сварщику Матвею Яшкину с высоты этого самого кургана открылся поразивший его воображение вид родной земли: «Далеко внизу спокойно синел Дон, посверкивая под солнцем рыбьей чешуей волны. Длинное его коромысло одним плечом тоньшало и убегало серебряной прядью вверх, теряясь в светлом тумане края земли, другое — ширилось, уходя к Калачу, а там, почти за три десятка верст, легкой паутинкой висел над рекою мост. И был виден. Но что Дон, что воды его — малая морщинка земли, когда с высоты открывалась глазу такая безудержная ширь, такой размах, что захватывало дух». Довольно точно такой способ восприятия охарактеризовал И. Питляр в статье «Достоинство человека»: «Екимовский герой твердо стоит на земле, смотрит вначале под ноги, а потом поднимает глаза, видит дальние планы... сочетание близкого, неподвижного с далеким,

летающим создает особую лирическую наполненность, особую взволнованность и одухотворенность екимовского пейзажа»*.

Гармонично дополняет лирический образ родного края звучная, яркая донская речь, в которой, как в зеркале, находят свое отражение все его природные и культурные особенности. Интересные наблюдения над речевой структурой прозы Б. Екимова были сделаны В. Васильевым. По словам критика, язык екимовской прозы «напитан чабрецово-полынной терпкостью донского казачьего говорка, в котором резкость тюркизмов как бы утишается и облагораживается мелодичным складом украинской мовы... Самый лад екимовского письма с его непрямым порядком слов и глаголом в конце предложения, напевно закругляющим и вместе раскатывающим фразу, волной набегающую на новую, как в народной казачьей песне, — тоже сугубо донской»**.

Художественное пространство в рассказах Б. Екимова по давно сложившейся традиции организует образ дома, крестьянской избы. Знакомство с домом — это всегда знакомство с его хозяином. Так, например, об избе бабы Надежи из рассказа «Возвращение» Б. Екимов пишет: «Домик у нее — хозяйке под стать — ветхая скворечня. Словно на курьих ножках, стоит на какой-то шаткой подставе. Дунь — улетит вместе с хозяйкой, которая всё больше гонит». А вот у Солоница, известного на всю округу плотника, дом был «словно сказочный дворец»: «Он сиял, словно игрушечка: крыша на четыре ската, труба с узорчатым дымником, резные ставни, витые столбики крыльца, ворота, скамеечка со спинкой, колодец, тоже с шеломистым навесом и резьбой...»

Нельзя не заметить, что всё чаще в рассказах и очерках Б. Екимова появляются образы заброшенного поместья, хутора, дома («Проснется день», «Наш старый дом», «Последний рубеж», «На распутье»).

«За погубленную человеческую жизнь судят высшей мерой.

Как же надо судить за погубленный хутор?! Каждый погибший хутор, селение — это наш шаг отступления с родной земли. Мы давно отступаем, сдавая за рубежом рубеж. Похоронным звоном звучат имена ушедших: Зоричев, Липологовский, Липолебедевский...» («Последний рубеж»). Как видно даже из этого небольшого фрагмента, социально-экономические проблемы современного села приобретают у Б. Екимова, как, впрочем, у В. Распутина и В. Астафьева, этическое, духовное измерение. «Последний срок» для старухи Анны (повесть В. Распутина), «Последний поклон» В. Астафьева, «Последняя хата» для бабы Поли (рассказ Б. Екимова) — знаменательная переключка названий всех этих произведений — идейное созвучие, указывающее на так называемую пограничную ситуацию, которая являет нам экзистенциальный смысл наиболее значимых моментов человеческого бытия: прощания с детством и юностью, прощания с домом, прощания с жизнью.

Закон внутренней целостности, самодостаточности родного пространства обуславливает один из основных типов конфликта в прозе о деревне, где необходимость переезда, разрыва со своими корнями неизбежно становится «поводом для настоящей драмы». И. Шайтанов полагает, что ситуация переезда превратилась в расхожий штамп в рамках данной литературной традиции. Переезд, действительно, событие особой значимости, что, однако,

* *Питляр И.* Достоинство человека // Новый мир. 1985. № 8. С. 253.

** *Васильев В.* Высота Б. Екимова // Васильев В. Достоинство слова: Литературно-критические статьи и заметки о современной поэзии и прозе. М., 1988. С. 153.

еще не предполагает шаблонности в художественном его осмыслении различными писателями.

Покидать или не покидать родной дом, решают герои рассказов «Солонич», «Холюшино подворье», «Привет издалека», «Музыка на соседнем дворе», над проблемой переезда задумываются и Алексей из рассказа «Белые воды», и Хурдин из рассказа «Мальчик на велосипеде», более того, данная ситуация вынесена в заглавие одного из лучших екимовских рассказов — «Переезд». Б. Екимов в отличие от своих предшественников, размышлявших преимущественно над судьбами героев, вынужденных покинуть родной дом, делает акцент на свободном выборе героя. Поэтому в его рассказах история переезда предстает как вариант ситуации нравственного выбора, центральное событие, так или иначе связанное с моментом самоопределения, становления личности, часто в этот момент происходит «проба характера», проверка жизненных ценностей, своеобразное испытание героев.

Характерно название одного из очерков Б. Екимова последних лет: «Надейся лишь на себя!». Вот итог многолетних авторских размышлений над сложившейся в сельском хозяйстве ситуацией: не осталось больше веры в разумную помощь и поддержку «сверху». Ясно, что спасение крестьянства в России — дело рук самих крестьян. Как совершенно справедливо заметил в своей статье, посвященной екимовской прозе, В. Б. Смирнов: «Существует один социально-психологический тип, который является излюбленным объектом художественного исследования Б. Екимова»*. Этому социально-психологическому типу в критике уже подобрали подходящее определение — хозяин. Настоящий хозяин, труженик-крестьянин, который чувствует «власть земли», — образ, безусловно, традиционный, однако именно сейчас он актуален как никогда. К данному типу можно отнести Холюшу, Тарасова, Солонича и конечно же Корытина, героя повести «Пиночет», готового взять на себя тяжелейшее бремя ответственности за судьбу родного колхоза, за жизни своих земляков.

Ради спасения колхоза Корытин-младший решается на крайние, подчас очень жесткие меры: забирает у колхозников краденое сено (что недвусмысленно определяется одним из героев как «раскулачивание»), за воровство строго наказывает — не благодарность, а проклятия слышит он в свой адрес, Пиночетом его окрестили односельчане. Но Корытин не отступает, он выполняет предсмертную просьбу отца, прежде всего ради тех, кто умеет и любит трудиться и всё равно не может заработать на хлеб насущный в условиях такого хаоса и беспредела, который творится на селе. Б. Екимов в повести показывает, что возрождение дома, своей малой родины требует высокой цены. И он с большой любовью и сочувствием пишет образ Корытина, решившего во что бы то ни стало спасти родной край от разорения.

Любимые екимовские персонажи, продолжающие галерею народных героев-праведников, обладают главным, по мнению их создателя, достоинством — «живой душой»; их нравственная сила раскрывается отнюдь не в пространных размышлениях, а в конкретных поступках, в реальных добрых делах. Действительно, спасение только что родившегося теленка («Живая душа»), внимание, уделенное старому человеку («Некому посидеть со старухой»), вскопанный огород («Как рассказать...») — будничные, на первый

* Смирнов В. Б. Постигание правды // Наш современник. 1982. № 6. С. 161.

взгляд, неприметные «малые дела», но они, как верно увидел писатель, обладают важным свойством — «энергией памяти», так как каждый когда-то сделанный добрый поступок становится своеобразным психологическим катализатором в реакции распространения доброты в нашем мире.

С особенной любовью изображает писатель стариков и детей. Старики Б. Екимова (Махора Алифанова из рассказа «Привет издалека», баба Поля из рассказа «Последняя хата», дед Архип из рассказа «Теплый хлеб») в соответствии с уже сложившейся литературной традицией наделены жизненной мудростью, сердечной теплотой, памятливым душой и трудолюбием. Невольно возникают в памяти образы распутинских старух, бабушка Катерина из «Последнего поклона» В. Астафьева. Но, как справедливо заметил Я. Удин, «старики и старухи Екимова немножко другие, не то что лучше или хуже, нет, просто они приземленнее, что ли. Никто из них, например, не рассуждает о душе, не размышляет о смысле жизни, о том, для чего родились и живут на этой земле, — вечные вопросы их не беспокоят. Их разговоры и мысли неизменно «о картошке, которую начали копать, о сухой твердой земле, об урожае». И это нормально, потому что и так видно, какие они, эти люди: какова работа — такова и духовность. Такой подход ненавязчиво присутствует в рассказах Екимова, чьи герои совершенно не беспокоятся о том, в каком свете могут предстать. И если в них, в этих старых людях, есть поэтическое чувство жизни, то оно чаще всего сокрыто под наслоениями забот и обязанностей»*.

Стремление писателя обратить внимание взрослых читателей на идеальность детской природы, изначально не ведающей зла, также прочно связывает его творчество с национальной литературной традицией. Совсем юные герои Б. Екимова — последняя надежда на то, что именно они исправят ошибки, допущенные родителями, именно они изменят этот несправедливый мир и восстановят помянутые идеалы.

Во многих рассказах Б. Екимова («Ночь исцеления», «Живая душа», «Некому посидеть со старухой», «Проснется день», «Возвращение», «Старый да малый» и других) мы наблюдаем характерный принцип организации образной системы, когда образы детей и стариков сюжетно и композиционно сближаются, являя читателям одну из важнейших составляющих авторского идеала. Утверждение мысли о преемственности, о духовной связи поколений — генеральная идея всего екимовского творчества. Будущее, по мысли автора, немислимо без памяти о прошлом, без опоры на его лучшие традиции. Яркое художественное воплощение заветной мысли писателя находим в рассказе «Фетисыч» (1996), признанном критикой одним из лучших произведений конца XX века.

Прозу Б. Екимова по праву можно отнести к «памятливой» литературе, которая через традиционные формы возвращает нам утраченное — верные нравственные ориентиры, искреннее чувство глубокого патриотизма. Здесь новизна особого рода, новизна восстановления ценностей, исторически не исчерпавших себя. Б. Екимов говорит просто об очень сложных вещах, он всегда оставляет надежду и убеждает всех отчаявшихся и разуверившихся: «Не надо плакать. Нужно жить!» Этот свет, эта вера в «неистребимое человеческое достоинство» и есть отличительные черты екимовской прозы, благодаря которым ее создатель снискал подлинно народную читательскую любовь.

* Удин Я. Указ. соч. С. 137.

Борис ЕКИМОВ

К ТЁПЛОМУ МОРЮ

(Из сборника рассказов)

(Продолжение. Начало в № 1 за 2024 год)

К ВОДЕ

Нынешней осенью да зимой наши прогулки с внуком Митей стали приятнее. Малыш подрос — ему целых четыре года! — и потому можно не только рядом с домом бродить, возле гаражей, сараев, машин, но и уходить подальше, на берег Дона, к воде, в которой вроде еще вчера купались, плескались, а нынче она холодна даже на погляд. Но можно бросать камешки. Это занятие давнее, славное: булькнет, волнeshки идут. Бросать камешки, собирать белые и розовые раковины, которые потом пригодятся; выламывать длинные копыя сухого желтого камыша с легкими султанами на маковках или сухие стебли рогоза с коричневыми набалдашниками, в которых много легкого пуха. Он далеко по ветру летит. Пускать кораблики, которые порой так далеко уплывают. А еще просто глядеть на просторную донскую воду, задонские высокие холмы. Словом, на берегу много всего хорошего. Не то что у гаражей да сараев, где кучи мусора да бродячие кошки.

ЕКИМОВ Борис Петрович — прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1938 году. Живет в Волгограде. Является почетным гражданином города Калача-на-Дону и Волгоградской области. Повесть «Пастушья звезда» включена в Президентскую библиотеку — серию книг выдающихся произведений российских авторов. Лауреат премий: журнала «Наш современник» (1976), «Литературной газеты» (1987), имени И. А. Бунина (1994), журнала «Новый мир» (1996), премии «Москва — Пенне» (1997), Государственной премии РФ (1997), Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1999), премии Александра Солженицына (2008), премии «Ясная Поляна» (2014), Патриаршей литературной премии (2016), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2020) и др.

Самая короткая, прямая дорога от дома к воде проторена рыбаками. По ней мы и ходим, пересекая железную дорогу и заводскую территорию, которая когда-то была, конечно, обнесена забором из высоких бетонных плит, но теперь завод давно уже не работает, ограда во многих местах порушена, и рыбаки протоптали тропинку. Шагай по ней, не заблудишься.

Вот и шагаем вдвоем, рука об руку, старый да малый. Справа остается хлебозавод, от него так сладко пахнет печеным хлебом, особенно когда помогает ветер или сырая погода.

Одолев половину пути и перебравшись через земляную насыпь с навалом сухих сучьев да веток, одолев эту засеку, выходим на дорогу торную и уже видим вдали береговые тополя и задонские холмы.

— До-он! — возвещает Митя, но шагу не прибавляет, и даже напротив, замедляет его, порой останавливаясь. Дело в том, что вступили мы на территорию бывшего завода. Большие просторные здания, корпуса уже два десятка лет как заброшены, в них лишь ветер гуляет. Для маленького Мити они тем более кажутся огромными и главное — непонятными. Начинается разговор, он всякий раз повторяется, когда мы проходим здесь.

— Дед... — негромко спрашивает Митя, внимательно вглядываясь. — А кто все окна разбил? Плохие мальчишки?

У малыша хорошая память: год ли, два назад окно в подъезде его дома разбили «плохие мальчишки». Об этом были разговоры. А здесь перед его глазами — огромное здание, просторные окна которого зияют пустотой. Не одно, не два, а все до единого.

— Плохие мальчишки, — со вздохом соглашаюсь я.

— Их надо ругать и наказывать? — просит он подтвержденья.

— Надо. Конечно же надо, мой милый.

— А это что?

Наши походы к Дону, по этой дороге, начались в пору предзимнюю, когда всё вокруг серо и голо: низкое небо, деревья, кусты, травы. И потому даже для меня эти огромные заброшенные строения с черными глазницами окон, дверей гляделись страшновато. А уж для Мити тем более. В городке нашем, в людском жилье, слава богу, все окна целые, красят их шторы, цветы на подоконниках. Здесь — иное, которого детским умом своим, малым опытом Митя понять не может. Потому и недоумење.

Проходим мимо бывшего сборочного цеха. Он вовсе огромный, конца-края не видно. Но картина та же: пустые глазницы окон, выломанные двери, ржавая вязь вентиляционных труб, лестниц, решеток.

— А это что? — спрашивает Митя.

— Сборочный цех, — объясняю. — Здесь делали домики.

Здесь в самом деле когда-то собирали передвижное жилье для работающих на Севере газовиков, нефтяников. Теплые деревянные домики с хорошим оборудованием: кухня, санузел, кровати, столы, освещение, отопление. Собирали целые модули: баня, столовая, гостиная — малый городок с теплом и уютом. Потом всё рухнуло: заводы, колхозы, прошлая жизнь.

— А кто здесь разбил окна? Тоже плохие мальчишки?

— Мальчишки... Плохие... — подтверждаю я.

В его малой головке всё это не очень укладывается.

— Их было много? Плохих мальчишек? — спрашивает он, удивляясь, округляя глаза. — Двери сломали. Давай туда заглянем?

Подходим к одному из проемов. Митя осторожно просовывает голову внутрь, руку мою сжимая крепче.

— Там страшно, — отстраняется он. — Пойдем отсюда.

Мне тоже всё это видится страшноватым: когда-то живое, людное, днем и ночью в огнях и трудах. Теперь — угрюмое кладбище, еще и зореное. Поневолле становится жутковато. Но, слава богу, конец пути уже близок.

— А это что? — из раза в раз спрашивает Митя.

— Котельная была. Тепло давала. Как у вас, возле дома, с высокой трубой.

— А теперь?

— Теперь — ничего. Лишь стены и крыша.

— Окна разбили, — дополняет Митя. — Тоже плохие мальчишки. А это что?

— Подстанция, трансформаторная. Электричество, свет давала.

— А теперь?

— Сам видишь. Ничего. Пусто.

В конце пути перед высокой дамбой высится еще одно большое кирпичное здание в четыре этажа под шиферной крышей.

— А это что? — всякий раз не устает вопрошать Митя.

— Контора была. Инженеры, конструкторы тут работали.

— А теперь?

— Пусто, мой милый, пусто.

— Стекла разбили, — непременно замечает Митя. — Плохие мальчишки. Их надо в милицию, в кутузку посадить, ругать и наказывать.

Я лишь вздыхаю, всякий раз вспоминая своего товарища-одногодка, который всю жизнь на этом заводе работал, поднимал его, создавал. Теперь он на пенсии. Конечно, рыбачит, но этой дорогой, через свой завод не ходит, объясняя: «Боюсь, сердце не выдержит».

А Мите, уже не в первый раз, на ум приходит иное. Он останавливается, оглядывает здание: кирпичное, под шиферной крышей, похожее на его дом, тоже пятиэтажный. Он оглядывает и говорит:

— Дед, давай стекла поставим и будем здесь жить. Никитку позовем, Егора, Головина, Ибрагима. Тут много места. Купаться будем. Рыбу ловить.

Ему нравится этот дом возле воды. Мне тоже. Но как объяснить...

— Тут много работы... — уклончиво отвечаю я. — Пойдем.

И вот позади остаются заводские руины. Открывается с береговой дамбы водный простор: затон, широкая протока к Дону, камыши, песок.

— До-о-он! — кричит Митя и мчится, меня обгоняя, к воде, которая дышит холодком, свежестью, сладкой преснотой, сродни хлебной.

Начинается обычное, славное: вода, камешки, красивые ракушки да улитки, прибрежный камыш да чакан, бумажные да картонные, из спичечных коробков, кораблики, которые уплывают порой очень далеко, теряясь из вида: к другому берегу, а может быть, дальше. Гадаем вслух: «В Ростов уплывет, потом в Азовское море...» Мите хочется дальше: «Атлантический океан... Индийский океан...»

Так вот мы и бродили по берегу, ожидая зимы и льда. Декабрь выдался теплым, лишь под Новый год слегка приморозило. Появились забереги, сначала малые, потом просторней. Ледок был непрочный, тонкий.

— Это опасно, — предупреждал меня Митя. — Забереги, — но цеплялся за мою руку и пробовал ногой хрусткий береговой наслуд и тонкий ледок.

И наконец, при тихой безветренной погоде, в ночь ударил крепкий мороз, разом сковав давно остывшую воду. Дон покрылся ровным, гладким, прозрачным льдом, светлым на мелях и зеленым на глуби. Без единой морщинки от берега к берегу. Слово подарок для Мити. Он долго ждал. Я не помню такого зеркального льда на Дону. На озерах бывает. На Дону не припомню.

В день первый страшновато было ступать на такой лед, словно на тонкое стекло. Не верилось, что удержит.

Всё отчетливо видно: песчаное дно, камешки, мертвые ракушки, улитки, стайки малых рыб: из-под ног, веером, в рассыпную. А дальше — глубь страшная, зеленая полутьма и тьма с яркими вспышками рыбок под солнцем. Идешь, словно паришь над бездной. Такое было чувство вначале. Но быстро обвыклись. Скользили, катались, сначала на меляках, потом дальше. Лед — прочный, в четыре пальца, рыбаки рассыпались по всему Дону. Но мы держались берега. Хватало и здесь радости: скользить, словно парить над прозрачной водой, над стаями серебристой мальвы. И недолго, с опаской, на глуби, над темной таинственной бездной, в которой ослепительно вспыхнет порой серебряная рыбка.

Обычно после таких прогулок Митя долго и крепко спит, а во сне улыбается. Видно, снится ему хорошее: зимнее белое солнце, ровный прозрачный лед, стаи рыбок, уплывающих в таинственную глубину. Остальное забывается. И слава богу.

«ДОЧА, ПОГОДИ!..»

Недавно, перебирая старые бумаги, попалась мне на глаза толстая тетрадь, из тех, что прежде назывались общими: в них много страниц. На обложке запись: «Для рассказов». В эту тетрадь я когда-то коротко записывал интересные, на мой взгляд, житейские случаи, на основе которых можно рассказ написать. Что-то пригодились, а что-то так и осталось в тетради короткой записью.

Теперь вот попалась на глаза эта тетрадь. Начал ее проглядывать, вспоминая годы теперь уже давние. На одной из страниц задержался. Там лишь одна строчка: «Тарасов: „Доча, погоди... Погоди, доча!“»

Тарасов... Разве забудешь его... Казачина могучий... Работяга. Тракторист. Давно умер. А в рассказах написанных он остался. Имена да фамилии прототипов всегда я меняю. Потому что одно дело — жизнь, а другое — рассказ ли, повесть. Это уже литература. Но Тарасова по-другому назвать рука не поднялась. Понимал, что надо. Но не мог. Казалось, он сразу поблекнет, уйдет. Будет не то. Так и оставил его Тарасовым, написав о нем, кажется, два рассказа.

А вот этот сюжет так и остался строчкой в тетради: «Доча, погоди!..» Хотя в то время рассказ мне ясно виделся, можно было писать. Но...

В те же далекие времена уже знал я повесть Валентина Распутина «Деньги для Марии». Простой сюжет. У продавца сельского магазина Марии обнаружили денежную недостачу. Как говорится, проторговалась.

Недостача обнаружена, надо ее «погасить», то есть деньги внести. А сумма для сельского жителя тех времен немалая. Но не вернешь деньги, значит, будет суд и тюрьма. Дети останутся сиротами. Так было в те годы.

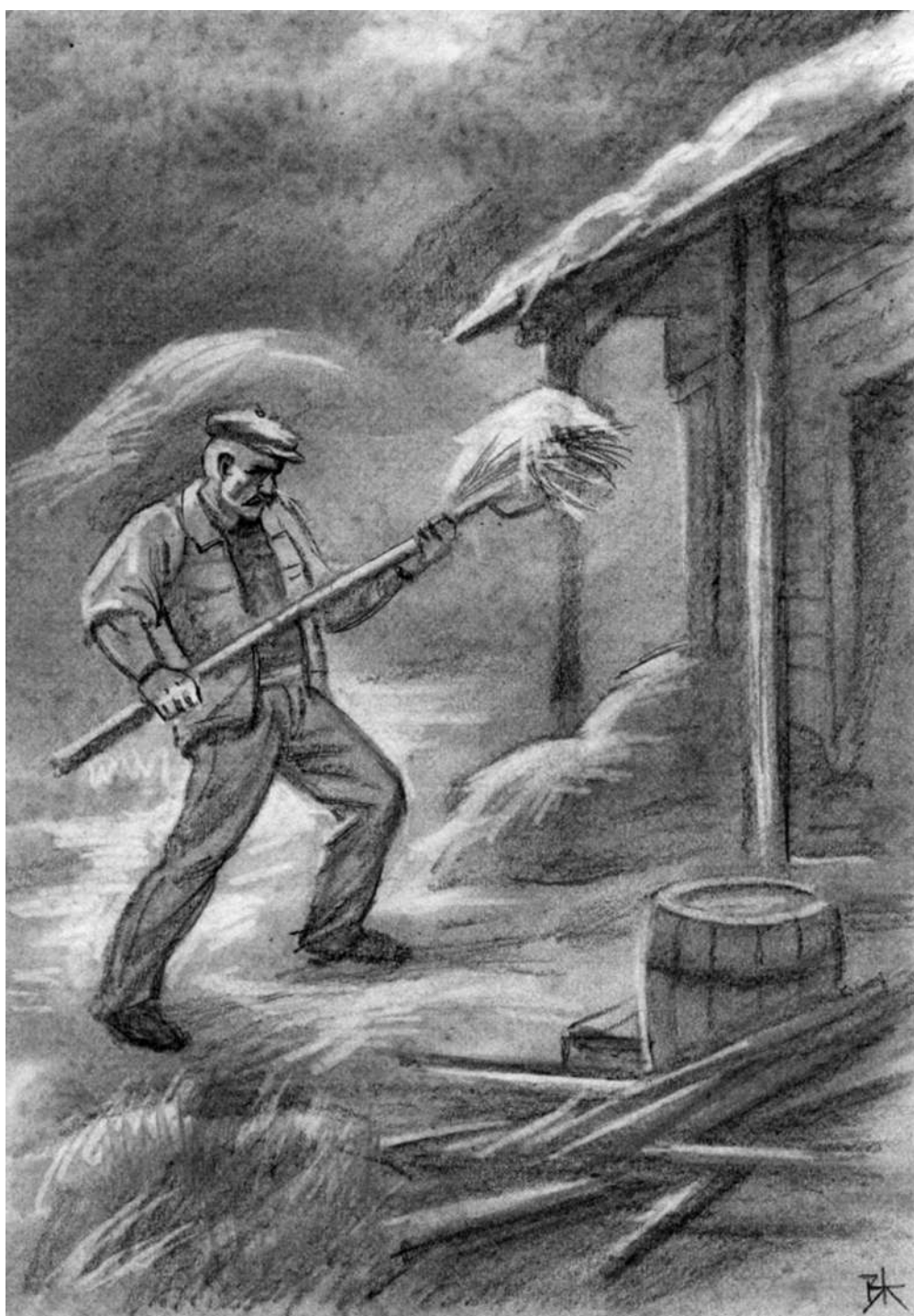

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Вот и идет Мария по людям, по знакомым, от двора к двору. И везде — отказ. Жили небогато. И не все понимают чужую беду. Тем более — продавщица. Вполне возможно, украла, а теперь вот ходит.

Повесть горькая. Написана хорошо. Помню последние строки ее: «Молись, Мария...» Это от автора, когда Мария переступает порог последнего дома, прося о помощи. Последний дом, последняя, теперь уже слабая, надежда. И потому: «Молись, Мария...»

Длинное отступление, но нужное. Возвращаюсь к своей тетрадке, где короткая запись: «Тарасов: „Доча, погоди!..“»

История сельская, похожая на распутинскую: прошлый век, семидесятые годы. На хутор Клейменовский в тамошний магазин прислали новую молоденькую продавщицу. Она окончила в райцентре курсы продавцов — было такое учебное заведение.

Полгода она проработала, не больше. И проторговалась. Приехала проверка и обнаружила недостачу, товара ли, выручки за него. Словом, нужно эту недостачу покрыть деньгами, немедленно. Иначе — уголовное дело.

А у девочки-продавщицы какие деньги? Мать у нее — уборщица, отца нет. И конечно же, любому ясно, что обманули ее в райцентре, на базе, при получении товара. То ли недоглядела, то ли накладную не ту подписала.

Молодая девчушка, тихая. Вот и получилось...

Хуторской народ всё понял сразу:

— Обчичекали... И думать нечего. Тама такие ащаулы сидят, абманаты... За ними — в четыре глаза не углядишь. А она дите дитем... Тихая вода... Какой из нее торгаш. Вот и обчичекали.

Понять-то люди поняли, но продавщице разве от этого легче? Магазин опечатан. Недостачу надо покрыть за неделю. Родных нет. Мамка лишь плачет.

И пошла продавщица по хутору, простодушно прося:

— Помогите... Я верну... Я буду работать... Я дам расписку и всё верну... Обязательно... Господом Богом клянусь...

С такой вот нехитрой песней, от дома к дому. Не все, но верили и давали деньги. Хотя жилось тогда непросто. Но сироту жалели, беде сострадая. Как говорится, от сумы да тюрьмы... А девушка-то молодая, славная. Полгода на хуторе пробыла, но худого о ней никто не сказал. Дитя дитем, и в тюрьму? Как не помочь? Посильно, хотя бы малой копеечкой.

Так она и шла, от двора ко двору, прося, обещая: «Я буду работать... Я отдам... Господом Богом клянусь...»

Нужную сумму молодая продавщица собрала. Может, еще и в райцентре соседи помогли? Но до суда дело не дошло.

В магазине стала торговать своя хуторская бой-баба. Но это уже другая история.

О молодой продавщице скоро забыли, но долго помнили из этой истории тарасовское: «Доча, погоди!..»

К Тарасовым девушка за деньгами тоже приходила. По хуторским меркам Тарасовы жили богато: скотина, птица, большой огород. Хозяин — трудяга, лучший тракторист. Но зарплаты — колхозные, копеечные. Денег всегда внатяг. Тем более что сын — в городе, в институте учится, а дочка — в райцентровском техникуме. Но как девчушке откажешь? Голосок тоненький. «Господом Богом клянусь...» А в глазах — слезы.

Что-то набрали, вытаскивая, наверное, и вправду последнее из кошельков да гаманков. Не меньше других наскребли.

Но когда девушка, деньги приняв, поблагодарила и ушла, Тарасов вдруг спохватился:

— Рая! Да у нас еще за зеркалом полсотня лежит! Забыли!

Он достал деньги и заспешил: в коридор, а потом — на крыльцо, с криком:

— Доча, погоди!.. Погоди, доча!

Тарасов — мужик тушистый, не меньше центнера весом. Заторопясь, он на пороге споткнулся и рухнул, слава богу, что не вниз по ступеням высокого крыльца, а на крепкие, дубовые перила, которые хругнули, но удержали хозяина.

— Доча, погоди... — просипел Тарасов, пополам сгибаясь от боли.

Девушка его услышала, вернулась, взяла деньги. А Тарасов так и остался на крыльце, отдыхался и никак не мог отдышаться. Спасибо, жена Раиса вышла и помогла ему, утянула в дом. А потом долго его лечила. Своими средствами, укоряя: «Вот тебе и „доча, погоди“. Помчался, молоденький...»

В районную больницу Тарасов, конечно, не поехал. И на работу ходил. Но в кабину трактора влезал с трудом, стоная и охая. Ему помогали.

Но еще долго вспоминали, повторяя то, что жена его Раиса по всему хутору разнесла: «Доча, погоди! Погоди, доча!..»

Люди подсмеивались, но по-доброму. Тарасова уважали.

Теперь всё это в далекой дали.

В тетради — несколько строк. Сюжет неисполненный. Рассказ не написан. Потому что в ту пору, в кругах литературных, это могло показаться каким-то нарочитым, нарочно придуманным вызовом распутинской повести.

Хотя всё это было: житейский случай, хутор Клейменовский, края донские.

СЕНО СПАСАЛ

По возрасту всё чаще приходится мне в больницах бывать, у врачей. У глазного доктора и вовсе, считай, прописка постоянная. Сладкого в этом мало: очереди, долгое и долгое ожидание, теснота коридоров, своя боль, а рядом — чужая: в рассказах да жалобах; много детворы; на них глядишь, вовсе душа вянет.

Один из походов. Четвертый этаж клиники. Очередь к врачебному кабинету; а потом — к процедурному, там — уколы. Но людей меньше, чем на этаже первом. Вдоль стены — стулья есть свободные. Можно сидеть. Ожидание обычно долгое. Коротаем его в негромких беседах, которые всё о том же, о хвори. Печальные повести, со вздохами да охами. Так бывает всегда.

Но нынче от меня недалеко услышал я разговор иной: семейные да соседские новости, порой с удивлением, хохотком — живой говорок, словно в обыденной, не в больничной жизни.

Старый человек, сухонький, седенький, голову держит высоко, чуть закинув ее. Его собеседник — много моложе. По облику и стати — сын. Обычное дело: плохо видящий или вовсе слепой отец, а с ним помощник его, для сопровождения по врачам да кабинетам. Не вперебив и не разом, разговор их журчал и журчал, скрашивая тоскливое больничное ожидание.

К ТЁПЛОМУ МОРЮ

К людям разговорчивым, словно на огонек, невольно тянутся. Так было и нынче. И конечно же, в конце концов беседа повернула к обычному: как да что...

— Он у нас сено спасал, — усмешливо сообщил молодой.

Его не поняли.

— Пожар, что ли? Горело?

— Навовсе сгорело. Темная ночь, — пожаловался старик, вздымая незрячие глаза. — А во сне всё явственно вижу, как молодой. Всё дочиста. Весь хутор...

— Ничего... — успокоил старика женский голос. — Операцию сделают, будешь опять глядеть.

— Делали операцию, — сказал старик. — Хорошую, дорогую, сынам спасибо. Но не уберется... Доктор упреждал, они же всегда говорят: после операции не нагибаться, тяжелее ложки ничего не поднимать, лишь дыши, да и то через раз. Но это в городе хорошо. А на хуторе... Сено меня подвело. Это как раз после Троицы случилось. На Святую мне операцию делали. Я приехал, берегся. А потом привезли сено. Тележку трактор притянул, на забазье свалили. Такое расхорошее сено. Я глядел, радовался. Степовое сенцо, пахучее, зеленое. Как говорится, пуд сена, что пуд меда. Сын обещал после работы подъехать, сложить его.

А тут, как на грех, стало замолаживать: тучки пошли. Не дай бог, думаю... Такое сено... Намочит, потом суши, почернеет, сгубится сенцо.

И решил я полегонечку его складать. А там, может, и сын подъедет. Я берется, как доктор велел: не более двух килограмм. Небольшие навильнички брал, понемногу. Помаленьку складаю. А тучи идут... Издаля вижу: черная такая тучака, низкая, дождевая. Надо бы успеть. Заторопился, и вроде как сами собой навильнички всё больше становятся, всё тяжелее. А туча уже наблизу, дождем пахнуло. И видно, я совсем подзабылся, ведь надо успеть. Последние пласты кладу. Чую — внапряг. Прикладок сложил. Дерюжкой накрыл его, жердями придавил. А тут сразу — ветер и ливень стеновой. Я — под крышу. Чую: щиплет глаза. Труха, видно, попала или пот. Умылся. Глянул, вроде какой-то туман. И как-то он всё гуще и гуще. А потом и вовсе — темная ночь. Ничего не вижу. Теперь вот возят меня, — повернул он к сыну невидящие глаза. — В дело — не в дело. Туда да сюда. А проку?..

— Погоди, — успокоил его сын. — Вот пройдем процедуры, может, и лучшает... Вон сколь народу, все надеются, — убеждает он отца и себя. Тоже — не молоденький, на батю похожий: жилистый, в морщинах заветренное лицо, седые виски.

— Вот так-то вот, — со вздохом заключает старик, — сему спасал...

Обычно такие рассказы идут вперебой с оханьем, со слезой. А старик вроде даже подсмеивался над собой, над жизнью: «Сему спасал...»

Рядом сидящий сын слушает отца, эхом повторяя: «Сено спасал». Укора нет на лице его, в голосе. Он всё понимает.

Владимир ГУД

«За третьим тостом — тишина...»

Памяти Виктора Верстакова

Война становится привычкой:
опять по кружкам спирт разлит,
опять хохочет медсестричка
и режет сало замполит...

Всю ночь мы пили молодое домашнее вино и пели песни, сидя на полу в моей севастопольской квартире. Мы пели песни офицера-«афганца» Виктора Верстакова, вернее, подпевали автору. Сам Витя сидел тут же, среди нас, принимал заявки, но чаще пел по подсказке души. А душа у нас у всех была одна, потому что все мы прошли через Афганистан, все побывали «за речкой».

Почему на полу? Потому что квартиру я получил всего несколько дней назад и в ней не было никакой мебели, кроме раскладушки, табурета и холодильника «Саратов». Но это не помешало нам расстелить скатерть на полу в гостиной, сервировать на ней неприхотливый мужской ужин, украшением которого стали две десятилитровые бутылки домашнего вина.

...А хорошо сестра хохочет
от медицинского вина.
Она любви давно не хочет:
ей в душу глянула война...

ГУД Владимир Адамович — поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России. Военно-морской врач, подполковник медицинской службы в отставке, ветеран боевых действий. Родился в 1956 году. Окончил Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова. Живет в Санкт-Петербурге. Публиковался в газетах «Смена» и «Красная звезда», журналах «Аврора», «Нева», «Звезда», «Студенческий меридиан», «Юность», «Знамя», «Советский воин». Автор четырнадцати книг стихов и прозы.

«ЗА ТРЕТЬИМ ТОСТОМ — ТИШИНА...»

В этот момент заявила дородная соседка Ира, потребовала, чтобы мы «прекратили орать», однако прислушалась и неожиданно попросила остаться...

Друг Игорь незаметно записывал импровизированный концерт на магнитофон. Эту кассету я потом слушал лет пятнадцать, пока не «размагнитилась пленка»... И как жаль, что не догадался вовремя переписать эти песни на лазерный диск!..

А тогда мы до шести утра пили и пели, пели и пили... И каждый мысленно был там — в Кабуле, Шинданде, Баграме, Кандагаре, Джелалабаде, Кундузе, Гардезе, Газни...

Днём ветер, ночью снегопад,
морозные рассветы.
А мы летим в Джелалабад,
в Джелалабаде лето...

Там, как на ёлке в Новый год,
пунцово-красным шаром
бесценный безымянный плод
красуется задаром...

Там обезьяны из чащоб
пугают визгом уток.
Там снайпера стреляют в лоб,
что тоже кроме шуток.

...Кто был, тот знает... Мы пили и пели, а соседка — суровая продавщица Военторга, пила и плакала...

В королевских конюшнях
места нет для коня.
Медсестра раскладушку
принесла для меня.

Очень трудно голубке
в коридорах, где сплошь,
встык, обрубком к обрубку
полегла молодёжь...

Вертолётчик без правой,
миномётчик без двух.
На повязках кровавых
ничего, кроме мух...

Это про тот самый первый армейский госпиталь в Кабуле, который второпях разместили в афганских королевских конюшнях, и Витя успел побывать там еще до ремонта, до реконструкции: кровавые бинты, крики, стоны, не выветрившийся запах навоза и лежалой соломы и те самые страшные синие азиатские мухи, проникающие сквозь кровавые повязки и в подсознание...

...Медсестра, медсестричка,
что ж ты слезоньки льёшь?
Как же ты без привычки
здесь, в конюшнях, живёшь?

В королевских конюшнях,
в госпитальном чаду,
в наркотичном, спиртушном,
матерщинном бреду.

Если чудо случится,
если снова срастусь, —
дай свой адрес, сестрица,
может быть, пригожусь.

Ну а коль не воскресну,
всё равно хоть часок
проживу, на чудесный
поглядев адресок.

В королевских конюшнях
места нет для коня.
Медсестра мою душу
унесла от меня.

Тут уже многие прослезились, а соседка заревела, бросилась в ванную умываться:

— Ну вас! Всю душу наизнанку вывернули!..

* * *

Мы познакомились в 1985 году в Юрмале, на Всеармейском совещании молодых литераторов. Виктор был уже не начинающим, а признанным молодым армейским поэтом в капитанских погонах, корреспондентом военного отдела газеты «Правда»! Побывав на нашем семинаре, Витя тут же на меня «наехал», разгромив в пух и прах мое лирическое стихотворение о Крыме:

— Как можно писать сопливую лирику в Крыму, где фельдмаршал Манштейн с одной армией разбил наши четыре! Там земля на километр вглубь нашей кровью пропитана! А ты про снег на пляже «Хрустальный»!

На заключительном заседании Виктор спел около десяти своих песен, а на банкете подошел ко мне:

— Стих твой не плох на самом деле, но прошу: проникнись Крымом всерьез! И вот мой служебный телефон, всегда буду рад твоим успехам и нашим встречам.

Позже узнал, что и Виктору крепко досталось от политработников за «Королевские конюшни»: «...в наркотичном, спиртушном, матерщинном бреде». Ну разве возможно подобное в современной Советской армии?!

Спустя полгода позвонил в военный отдел «Правды» и узнал, что Виктор в очередной раз в командировке в Афганистане.

Спустя месяц в журнале «Советский воин» прочел его стихи:

Опять жара за пятьдесят,
Пески взметнулись и висят.
Ты лезешь в бронетранспортёр,
Как в полыхающий костёр...

«ЗА ТРЕТЬИМ ТОСТОМ — ТИШИНА...»

Спустя еще полгода лично прочувствовал всё это на себе: жарища «за пятьдесят», оранжевые барханы пустыни Регистан и пулеметный огонь с соседнего гребня. Сидящий рядом комбат подзатыльником сбил меня вниз, в раскаленное чрево бэтээра, а потом еще удерживал за ворот: «Куда... твою мать?! Жить надоело?! Сдохнуть захотел?! Я за тебя... твою мать, перед комбригом головой отвечаю!...»

А я, потеряв рассудок, упрямо карабкался наверх... потому что заживо сварился в этой «духовке», потому что мне на тот момент было всё равно...

А когда вернулись в расположение, комбат неожиданно позвал меня в баню. «Какая на хрен парилка!» — кричало всё внутри. Однако, выйдя из 120-градусной сауны, я по достоинству оценил ночную 40-градусную «прохладу». Захотелось рассказать об этом Виктору, написал ему письмо, но ответа не получил. Спустя полгода узнал, что Витя был в это время в знаменитой Бамианской долине и пролетал в боевом вертолете мимо исполинских буддистских статуй...

Поэт и офицер Виктор Глебович Верстаков

...В Бамианской долине
цветут абрикосы,
виноградной лозью
обвиты стволы,
там журчат ручейки,
там ревут водосбросы,
там дома —
как чайники
на дне пиалы...

Буддам всё не впервой —
им пятнадцать столетий.
Время не пощадило
их каменных лиц.
И надменным покоем
на путника светит
пустота
их изъеденных ветром глазниц.

Будды были одеты
и в глину,
и в золото.
Злато сняли монголы,
а глину — ветра.
Будды были бедны,
будды были богаты,
будды были богами,
их память пестра...

Как же здорово! Вот она — настоящая лирика!..

А спустя еще полгода Витя в теплом письме поздравил меня с подборкой «афганских» стихотворений в журнале «Аврора»: «Особенно хорош твой „Таможенный досмотр“! Ты первый, кто так выступил по этому поводу!.. От души поздравляю!..»

А сам он в то время выступил с концертом в Москве, в госпитале имени Бурденко, перед ранеными «афганцами». Среди слушателей оказался высокопоставленный политработник в чине полковника, который громко возмутился, но не решился прервать выступление. И хорошо сделал — уверен, бойцы выставили бы его из зала самого. Зал рукоплескал. А злой замполит впоследствии допытывался: «отлитованы» ли тексты Верстакова, то есть прошли ли они военную цензуру? Да что там допытывался — копал, рыл как бульдозер под барда в погонах. Но Витя был в ту пору уже признанным, можно сказать, народным!

* * *

Еще встреча в Севастополе. В Доме офицеров Витя пел:

Насели «духи» с трёх сторон.
С четвёртой — в пропасть, в преисподнюю...
Мотострелковый батальон
встречает ночь новогоднюю.

Я подарю тебе «рожок»,
ты подари мне обещание:
последней пулю, дружок,
меня одаришь на прощание...

А потом снова поехали ко мне и до рассвета просидели на кухне:

За третьим тостом — тишина...
И в этой паузе короткой
мы поднимаем рюмки с водкой
и пьём, не чокаясь, до дна
за тех, кого взяла война.

Две нетронутых рюмки,
два кусочка черняшки
для Семёнова Юрки,
для Михайлова Сашки...

«ЗА ТРЕТЬИМ ТОСТОМ — ТИШИНА...»

И о служебной собаке:

Плачет Нюрка — живая душа.
Слёзы с кровью смешались на лапах.
Ах, как Нюрка была хороша —
самый тоненький чуяла запах!..

Ну и конечно же:

Пылает город Кандагар!
Живым уйти нельзя.
И всё-таки «Аллах акбар!
Аллах акбар, друзья!..»

Эта песня уже успела стать нашим афганским гимном!

* * *

Спустя полгода прочел в солидном толстом журнале стихи, посвященные Виктору Верстакову:

Этот мальчишка всё рвётся в огонь.
Вот оно — русское сердце!
Крикнуть бы пуле душманской: «Не тронь
Цвет моего офицерства!..»

Тогда же узнал, что в Афганистане Виктор был контужен, лежал в госпитале, награжден медалью «За боевые заслуги».

* * *

А потом мы «съездили» в Чечню. Я — в Аргунское ущелье, в командировку с батальоном морской пехоты и уже в звании подполковника...

Виктор — многократно — короткими рейдами по всей Чечне, уже как полковник, известный военкор и всенародно признанный поэт.

А потом мы уволились в запас.

Для меня наступил период десятилетнего затишья: заново искал себя в Петербурге, сначала разведенный, без работы и жилья. Потом, уже в новом качестве спецкора известных федеральных изданий, стал писать и возвращаться к жизни.

О Викторе слышал время от времени: пишет, издает книги, выступает с концертами. Побеждает на творческих конкурсах.

Но как-то глуше стала звучать в атмосфере сытых «нулевых» афганская тематика, да и сами «афганцы» постарели, стали разными и другими. Кто-то умер, кто-то спился, кто-то заработал большие деньги и заперся в собственном мире, а кто-то и обиделся на весь мир.

Вот и Виктор пропал с радаров. Случайно отыскалась в соцсетях его дочь Мария — к тому времени талантливая певица. От Маши узнал, что

Виктор Глебович после смерти любимой жены поселился в удаленной тверской деревеньке. Рыбачит, собирает грибы, пишет «в стол», то есть для себя. Но ежегодно в декабре приезжает в Москву и дает концерт в арт-кафе «Гнездо глухаря», и в кафе в это время не пробиться — любят и помнят Виктора Верстакова.

Рискнул послать Вите через Машу свою книгу «Город, которого нет». Памятуя былой разнос по «крымской лирике», я волновался и был вдвойне удивлен, когда Маша написала мне: «Папе книга очень понравилась!..»

А потом и Витя сказал мне по телефону несколько теплых слов: «Срезы эпохи. Искренне, честно, правдиво написано — не для моралистов и ханжей. Хочется возвращаться и перечитывать. Хочется вспоминать свое...»

А дальше — время... Я перестал приезжать в столицу: Москва действует на меня угнетающе. Постепенно становлюсь пленником Петербурга. А Витя после смерти жены всё глубже и глубже погружался в тверскую глушь... Искал поддержки и спасенья в природе? Еще Маша посетовала: папа выпивает. Что на это сказать? Среди моих знакомых, в подобных ситуациях, почти не встречаются такие, кто не пьет.

На одном из последних снимков Виктор, исхудавший, сидит на завалинке возле деревянного дома... И уже не угадать, кто на фотографии: блестящий офицер, известный поэт или местный житель.

Что происходило у Вити в душе, понял, лишь прочтя стихи его последних лет. Он, оказывается, всё время писал. И писал не менее талантливо, не менее ярко, с какой-то особой светлой болью, и это очень органично вписывалось в его пронзительную военную лирику:

Под колокольней Воскресенского собора
ещё туман и птичьи голоса.
Пожалуй, ты появишься не скоро:
до утренней молитвы — полчаса.

Священник прибыл на автомобиле,
звонарь и дьякон подошли пешком.
Я вспоминаю, как они любили
девчонок, с кем я тоже был знаком.

А впрочем, богохульствовать не буду,
о молодости нашей промолчу.
Я жду тебя. Ведь ты земное чудо.
Другое чудо мне не по плечу.

Луч полыхнул в надвратную икону,
порозовев, рассеялся туман,
светила куполов средь небосклона
сверкают, как оптический обман.

И ты идёшь по улице Белова,
прекрасна, высока и молода,
иходишь в церковь, не сказав ни слова,
румяная от счастья и стыда...

А вот еще. Похоже на прощание?

«ЗА ТРЕТЬИМ ТОСТОМ — ТИШИНА...»

Май. Засыпанный снегом балкон.
Непогода. Безвременье. Скука.
С колокольни доносится звон,
в нем пасхальная радость и мука.

Неужели и я постарел?
Ни безумства не будет, ни счастья?
Неужели весь мир отсырел,
как забор перед воинской частью?

Снежный ветер в берёзах свистит.
Не припомню печальнее мая.
— Бог поймёт, — говорю, — Бог простит.
Но поймёт и простит ли? Не знаю...

Перечитываю и проникаюсь: Виктор создал не просто собственную ВСЕЛЕННУЮ. Он населил эту вселенную своими современниками, то есть всеми нами. Впервые со времен проникновенной лирики Симонова, Суркова, Твардовского он сделал современную военную поэзию народной...

И вот еще — напоминание всем нам, живущим...

От боя до боя не долго,
не коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.

И пусть на пространствах державы
весь фронт наш — незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.

Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая прядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.

Звезда из некрашеной жести
восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять!

Нечего больше терять. И отступать нам больше некуда.

Виктор ВЕРСТАКОВ

«Пылает город Кандагар...»

* * *

Ещё на границе и дальше границы
стоят в ожидании наши полки,
а там, на подходе к афганской столице,
девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
то не было роты, приснилась она...

Войну мы тогда называли «работа»,
а всё же она оставалась войной.
Идёт по Кабулу девятая рота,
и нет никого у неё за спиной.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович (20 декабря 1951 — 11 мая 2026) — поэт, журналист, военный корреспондент. Член Союза писателей СССР, секретарь правления Союза писателей России, член правления Союза писателей Москвы. Окончил Военно-инженерную академию имени Ф. Э. Дзержинского. Работал в военном отделе газеты «Правда», неоднократно выезжал в горячие точки, в том числе в Афганистан и Чечню. Награжден медалью «За боевые заслуги», орденом «Знак Почёта» и медалью «За укрепление боевого содружества». В 1989—1994 годах занимал должность начальника Военно-художественной студии писателей при Министерстве обороны. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Завтра», в журналах «Знамя», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Роман-газета» и др. Автор пятнадцати книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат литературных премий имени Бориса Полевого, Александра Твардовского, Андрея Платонова, Константина Симонова, Михаила Лермонтова, Ивана Бунина и др.

«ПЫЛАЕТ ГОРОД КАНДАГАР...»

Пускай коротка её бронеколонна,
последней ходившая в мирном строю, —
девятая рота сбивает заслоны
в безвестном декабрьском первом бою.

Прости же, девятая рота, отставших:
такая уж служба, таков был приказ.
Но завтра зачислят на должности павших
в девятую роту кого-то из нас.

Войну мы опять называем «работа»,
а всё же она остается войной.
Идёт по России девятая рота,
и нет никого у неё за спиной...

* * *

Горит звезда над городом Кабулом,
Горит звезда прощальная моя.
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
Когда на снег упал в атаке я...

И я лежу, смотрю, как остывает
Над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
А нас и знать не будут никогда...

Без документов, без имён, без наций
Лежим вокруг сожжённого дворца.
Горит звезда, пора навек прощаться...
Разлука тоже будет без конца.

Горит звезда декабрьская, чужая,
А под звездой дымится кровью снег,
И я слезой последней провожаю
Всё, с чем впервые расстаюсь навек.

Горит звезда над городом Кабулом,
Горит звезда прощальная моя.
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
Когда на снег упал в атаке я...

* * *

В королевских конюшнях
места нет для коня.
Медсестра раскладушку
принесла для меня.

Очень трудно голубке
в коридоре, где сплошь,
встык, обрубком к обрубку
полегла молодёжь.

Отыскала местечко
в самом дальнем углу,
где десантник навечно
задремал на полу.

Унесли бедолагу,
положили меня.
Я отсюда ни шагу,
я спокойней коня.

Ведь от ног до макушки
весь я гипсовым стал,
Мне не надо подушки,
разве что пьедестал...

Медсестра, медсестричка,
что ж ты слёзоньки льёшь?
Как же ты без привычки
здесь, в конюшнях, живёшь?

В королевских конюшнях,
в госпитальном чаду,
в наркотичном, спиртушном,
матерщинном бреду.

Если чудо случится,
если снова срастусь, —
дай свой адрес, сестрица,
может быть, пригожусь.

Ну а коль не воскресну,
всё равно хоть часок
проживу, на чудесный
поглядев адресок.

В королевских конюшнях
места нет для коня.
Медсестра мою душу
унесла от меня.

* * *

Пылает город Кандагар,
живым уйти нельзя.
И всё-таки «Аллах акбар,
Аллах акбар, друзья!»

Мне было тошно в жизни той,
я жить, как все, не мог.
Простился с верною женой:
«Аллах акбар, дружок».

«ПЫЛАЕТ ГОРОД КАНДАГАР...»

И над могилою отца
заплакал наконец:
«Твой путь пройду я до конца.
Аллах акбар, отец».

Аллах акбар! Горит песок,
и рушится скала,
и очередь наискосок
дорогу перешла.

Аллах акбар! Грохочет склон,
и перебит дозор.
Веди ж в атаку батальон,
Аллах акбар, майор.

Вы слышите, как мы поём
там, в цинковых гробах?
Ты видишь ли, как мы идём,
мы не свернём, Аллах!

А если кто-нибудь живым
вернётся в Кандагар,
его мы, может быть, простим:
ему — Аллах акбар...

* * *

Ах, какая плохая погода!
Снег с дождём объявили в Крыму.
Время жизни со временем года
совпадают один к одному.

Дует ветер с открытого моря,
нагоняет на сердце печаль.
Я давно уже с веком не спорю,
только мне Севастополя жаль.

Под погашенными фонарями
на Приморском бульваре стою.
Мы порой Севастополь теряли,
но впервые вот так — не в бою.

Малороссы и великороссы,
мы забыли, что русские мы.
Снег с дождем, роковые вопросы.
И последние в бухтах дымы.

Ослабевший орёл над волною
смотрит в мутно-дождливую даль.
Разве важно, что будет со мною?
Только мне Севастополя жаль.

Господам офицерам

Как служится вам, господа
в кокардах с орлами двуглавыми?
Не снится ли ночью Звезда,
сверкавшая отчею славою?

А этот трёхцветный флажок,
нашитый на западном кителе,
вам душу ещё не прожёт,
октябрьских событий воители?

Ах, вы вне политики, ах,
вы не за буржуев и прочее...
Но кровь, господа, на штыках
на ваших осталась — рабочая.

И вас награждают не зря
крестами на грудь и на кладбище
кремлёвские ваши друзья,
нерусские ваши товарищи.

Но вам не дадут за труды,
какого б вы ни были звания,
ни ордена Красной Звезды,
ни ордена Красного Знамени.

* * *

Посмотрим холодно и честно,
поплачем тихо и светло.
Добро разлито повсеместно,
а побеждает всюду зло.

Какие истины ни ведай,
дела какие ни верши,
зло снова празднует победу
в сраженьи плоти и души.

Добро духовно, зло телесно,
душа незрима, плоть груба.
Была бы даже неуместна
с другим исходом их борьба...

Александр ПРОХАНОВ

Меченосец

(Продолжение. Начало в № 3 за 2025 год)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вернувшись в Кузьминки, капитан Листовидов поставил машину среди других, теснившихся у девятиэтажного дома. Дом хмуро темнел, лишь несколько окон, разбросанных по фасаду, продолжали гореть. Там припозднились жильцы: старик, томимый бессонницей, работник, отправлявшийся на ночное дежурство, инфарктник, разбуженный приступом. Включил сигнализацию, увидел, как вспыхнули у машины четыре фары и погасли. Направился к подъезду и почувствовал, что за ним наблюдают. Глаза смотрели на него, и он искал их среди пустого двора с детскими лесенками и песочницами, на мучнистом фасаде в слюдяных черных окнах. Не нашел. Но, шагая к подъезду, чувствовал этот следящий взгляд.

ПРОХАНОВ Александр Андреевич — прозаик, публицист, сценарист, политический и общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра», член правления Союза писателей России, председатель и один из учредителей Изборского клуба (сообщества экспертов, изучающих внутреннюю и внешнюю политику России), член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Родился в 1938 году. Живет в Москве. Награжден орденами «Знак Почета» (1981), Трудового Красного Знамени (1984), Дружбы народов (1988), Александра Невского (2023). Лауреат премии Ленинского комсомола (1982), премий журналов «Знамя» (1984), «Наш современник» (1990, 1998), Международной Шолоховской премии (1998), Бунинской премии (2009), Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2012), Международной литературной премии «Белые журавли России» (2013), премии «Золотой Дельвиг» (2013), Всероссийской премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2023), Национальной литературной премии «Слово» (2024). В 2025 году удостоен звания Героя Труда РФ за особые заслуги в развитии отечественной культуры и литературы.

Дома повесил в шкаф пиджак, рассматривал голубой шелковый галстук, подарок Вари. Она была рядом, в его доме. Кораблик продолжал плыть на золотом отражении. Утки взлетали с черной воды. Ее розовые пальцы освещала свеча. Ее женственность, печаль, голос с потаенной трещинкой — всё это было теперь в его доме. И сосновые шишки на подмосковной даче, и синий дымок самовара, и белобородый босой старик в рубахе навывпуск, и виденье Кремля, проплывшего, как заря. Всё это присутствовало в его неухоженном, скупо обставленном доме, принесенное голубым шелком ее подарка. И что-то еще, чуть слышное, тревожное, из другой, не его, жизни.

Капитан снова почувствовал на себе чужой взгляд, сквозь стекло, за которым спал город.

Его служба была такова, что за ее пределами у него не существовало жизни. Не оставалось свободного от работы времени. Свободное время было той же работой. Его встреча с Варей случилась во время работы и стала частью работы. Он пользовался Варей как инструментом в работе. Его внезапное к ней обожание, нежданная нежность случились во время работы, не исключали работу, вливались в нее. Это оказалось вторжением, не предусмотренным операцией. Требовало осмысления. Нужно было понять, насколько это вторжение опасно и будет ли мешать операции. Или, напротив, делает операцию рафинированной, утонченной, одухотворенной.

Так думал Сергей Максимович, пытаясь закрасить участок контурной карты. Но краски не помещались в скупой чертеж, нарушали сухой контур, создавали новый ландшафт.

Его любовный опыт был невелик. На одну минуту он влюбился в рыжеволосую сверстницу из детского сада. Ее щеки, розовые, как молочный кисель, веселые веснушки, зеленые кошачьи глаза, хрупкое, с голубой жилкой, запястье вдруг стали драгоценными. Ошеломленный, он смотрел на ее розовое, ставшее прекрасным лицо. Через минуту обожание прошло и больше не повторялось.

В институте Сергей влюбился в однокурсницу, в ее сочные смеющиеся губы, грудной голос, плещущую под платьем грудь, жаркие глаза. Он старался быть рядом с ней, провожал домой, посвятил стих. Но ухаживания его были несмелые, он не решался ее обнять. Однажды увидел ее в сумерках парка. Она целовалась со взрослым мужчиной. Тот с жадной торопливостью расстегивал ей платье. Она не противилась, тихо умоляла. Такого страдания он больше никогда не испытывал. Погибало не тело, а та глубина, где берегалась его личность, смысл его появления в жизни. Этот смысл был погран. С годами боль сменилась страхом ее повторения.

Окна общежития глядели на фасад старого дома. В одном окне по утрам появлялась женщина, обнаженная, ленивая после сна. Медленно надевала лифчик на полную грудь. Сергей замороженно смотрел, а она медлила одеваться, улыбалась ему. Он пришел в ее душную комнатку с ковриком на стене, где плавали толстобокые лебеди. Она задушила его жаркой грудью, утопила в глубокой кровати, нависла над ним белизной, рассыпанными волосами, шумным дыханием. Он несколько раз побывал у нее, а потом она бесследно исчезла.

Окончив школу разведки, Листовидов женился на веселой красавице, отвоевав ее у товарища. Они прожили недолго. Ей не сиделось дома. Одна, без него, ходила по гостям, приносила домой запах табака и чужого одеколона. В конце концов сделала аборт и ушла к музыканту, игравшему в ресторанах.

У него были случайные встречи, в командировках, когда по коридору, мимо гостиничного номера, стучали женские каблуки, раздавался смех, каким смеются одинокие женщины в провинциальных гостиницах. Вечером в ресторане он пьянел со случайной красавицей, нес вздор, танцевал, перебирая пальцами мягкую спину, и вел ее вверх, на этаж.

И вдруг теперь, внезапно, непредсказуемо, необъяснимо, порывом, случилось наваждение. Будто из невидимого проектора хлынули лучи, на белой стене возникло изображение, проявилась тайнопись. Что значила свеча на носу корабля? Кто соединил их руки, сберегая свечу?

У капитана вдруг заболела голова. Этой болью кто-то мешал ему думать. Боль была дурной, тупой, будто напялили чехол из железной ткани. Затравленным зверьком убежал Марк. Черепанов в золотой перевязи тыкал стальным пальцем. Неслись кобылицы с безумными всадниками. Черные птицы испятнали белый снег.

Листовидов глотал таблетки, унимая боль. На ребрах оставался синяк от ракеты. На плече саднила сыпь. Ломило голову. Это были издержки работы.

Он заснул мутным сном. В этой мути двигались тени. Поднимались из тьмы уроды. Лысые старухи с синими распухшими венами. Кривоногие толстячки, юркие, как шарики, носились по загаженным комнатам. Огромное, поднебесное, в алмазах, в чудовищном балахоне, вертело вокруг себя сверкающую карусель.

Проснулся от ужасного грохота, будто падал потолок. Вскочил. В окне небо, красное, как кровавый тампон. Жуткая мысль — атомная бомбардировка Москвы. Кинулся к окну, ожидая увидеть пенистые, по всему горизонту, грибы. По улице, тархтя, катила поливальная машина, раздувая водяные усы. Мокрый асфальт краснел, отражая зарю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наутро, пережив «атомную бомбардировку», Листовидов продолжал составлять «атлас разведчика». Подобно открывателю новых земель, рисовал карту местности, продвигаясь вглубь территории. Московские кружки, что он посещал, наполнились слухами, сплетнями, наивными вымыслами, злобными выходками. Всё это не годилось для серьезных разработок, было зыбко, расплывчато, жидко. Но в каждой зыбкой среде таился твердый клубенок. Чутье разведчика угадывало в нем опасность. Оружейник Морковин, понося чекистов и партийцев, упоминал о боевых генералах, готовых бросить батальоны на Кремль. Психопаты в доме с аркой плодили затеями такую ненависть к власти, что это сулило террористические акты. Русские интеллигенты в своих языческих и православных мечтаниях грезили русским национальным государством, роспуском нынешней «красной империи». Каждый из клубеньков был выявлен, описан. К нему тянулась нить. Двигаясь по нити, внедряясь вглубь клубенька, можно было выйти на заговор.

Именно это искусство проникать в среду, плавно сливаться с ней позволило Листовидову, тогда молодому лейтенанту, внедриться в преступную группу и предотвратить угон самолета. Теперь замышлялся угон не самолета, а государства. Капитан госбезопасности, внедряясь в кружки, предотвращал угон государства.

В тот год, в свои первые «оперативные выходы», лейтенант Листовидов отправлялся в места скопления интеллигенции. Эти скопления он называл «нерестилищами». Там гуляли диссидентские веяния, из личинок вылуплялись зрелые диссиденты, сочинялись злые анекдоты, извлекались из-под полы запретные книги и рукописи. «Нерестилищами» были Дом литераторов, Дом журналистов, Дом ученых, Дом архитекторов. Из всех «домов» писательский был самым привлекательным. Среди писателей во все русские времена возникали заговорщики.

Листовидов приходил в Дом литераторов под вечер, когда писательский люд, после дневной работы над рукописями, стекался в клуб. Сплетничал, ужинал, пил водку, интриговал, читал стихи, хвастал, бранил власть. В этой едкой мути лейтенант учился отличать фрондеров от заговорщиков, шумных витий от тихих идеологов. Он присаживался за столик, в «пестрый зал», где шумело писательское многолюдье. Писатели тесно, плечо к плечу, сидели за столиками. Чокались, хохотали, ссорились, произносили бестолковые речи, заманивали к себе хмельных женщин. Стены были покрыты фресками с изображением маститых писателей, многие из которых сидели тут же, среди своих изображений.

К Листовидову за столик подсел весельчак, миловидный, говорливый, с рыжими глазами тростникового кота. Назвался Сержиком, поделился водкой, рассказал анекдот про Брежнева, смешно копируя генсека. Первый начал смеяться. Выслушал стих Сергея, который тот сочинил, выдавая себя за поэта. Предложил купить у него принтерные издания запрещенных книг. Достал из сумки «Приглашение на казнь» Набокова, «Движение русской исторической мысли» Милюкова. Листовидов не знал ни того ни другого. Купил обоих. Расстались приятелями, уговорились встретиться.

Лейтенант запоем прочитал Набокова, восхищаясь сладостью языка, превосходящего бунинский. Сверкающий топор, который месье Пьер носил в футляре, как носят виолончель, приснился Листовидову ночью. С карандашом проштудировал Милюкова, изумляясь трактовкам русской истории, с которыми был вынужден согласиться.

Через день встретился с Сержиком в «пестром зале», где «нерестились» писатели. Восхищался прочитанным. Топор месье Пьера был топором чекистского палача. Русская историческая мысль рождалась под гнетом государства, которое обрубало ее топором месье Пьера. Сержик извлек из той же подержанной сумки «Котлован» Платонова и «Истоки русского коммунизма» Бердяева. Листовидов купил, и они стали встречаться.

Сержик, милый, интеллигентный, зарабатывал тем, что продавал писателям запретные книги. Размножал на принтере одиночные экземпляры, тайком привезенные из-за границы. Он был обожатель этих книг, знаток философии и поэзии, которые увез из России «философский пароход», оставив после себя грохочущую пустоту.

С Сержиком они пили водку, рассуждали о Шестове, Франке, Флоренском. Сержик грезил библиотеками Парижа и Нью-Йорка, говорил, что скоро получит к ним доступ. Проговорился, что задумал бежать за кордон. Листовидов признался, что и он замышляет побег. Нужно уехать в Карелию, лесами пробраться к финской границе и уйти в Финляндию. Он подробно рассказывал Сержику, как будет скрываться в заброшенных карельских деревнях, питаться грибами и ягодами, ставить петли на глухарей и сети на озерную рыбу.

Сержик слушал, соглашался и однажды сказал, что незачем терпеть все эти лесные невзгоды. В Финляндию можно добраться быстрее — угнать самолет.

Лейтенант не зря просиживал в пьяном «пестром зале», не зря пил водку с Сержиком, не зря штудировал кристаллические тексты Бердяева, упивался мучительным и чудесным Платоновым. «Самолет» — так будет называться операция, зародившаяся в «пестром зале» под фреской с остроносым Евтушенко, что «ест тушенку».

Тогда Листовидов впервые ощутил в себе дар перевоплощаться, становиться тем, кем хотят его видеть, неотличимым от тех, с кем общался. Он, как и Сержик, бранил государство, хулил власть, поносил чекистов, расстрелявших Гумилева, замучивших Мандельштама, накинувших петлю на Цветаеву, изводивших Ахматову.

Он восхитился идеей угнать самолет, предлагал Сержику план угона. Убеждал, что нужно найти смельчаков, готовых бежать из страны. Составить бесстрашную группу, способную угнать самолет. Тот выслушивал, соглашался. Становился вдруг осторожным и недоверчивым, пропадал на несколько дней и вновь появлялся. Они сидели в пьяном зале, и Сержик выслушивал план Листовидова, как угнать самолет. Наконец случилось то, чего терпеливо ждал лейтенант. Сержик позвал его к человеку, замыслившему угон.

Их свидание состоялось в Музее изобразительных искусств, у бронзовой статуи кондотьера, у копыта лошадиной ноги. Человека звали Олег. Статный, тонкая переносица, пушистые брови, внимательный ясный взгляд. Длинные светлые волосы падали на лоб, он отбрасывал их нервным кивком головы. Отбрасывая волосы, он походил на поэта, читающего стихи.

Рука, которую он протянул Листовидову, был теплая, мягкая, но вдруг стала цепкой, твердой, не желала выпускать его ладонь.

Олег предложил новому знакомому прогуляться по залам музея. Там, решил разведчик, среди картин и редких посетителей Олег откроет ему план угона, предложит войти в команду угонщиков. Но предложения не последовало. Олег останавливался перед картинами импрессионистов, читал Листовидову небольшие лекции по искусству.

Ван Гог, по словам Олега, сделал открытие, о котором мечтал Эйнштейн, но так и не сделал. Художник открыл волновую природу вселенной, вибрацию, которая охватывает весь земной и небесный мир. На его картинах волнуется небо, восходят сразу несколько лун и светил. Волнуется и трепещет дорога, по которой идет пешеход. Волнуются рожь, река, дерево, женщина. Все превращается в волну, летит, струится.

— Гоген, — утверждал Олег, — открыл европейцам рай. Из парижских трущоб, кокаиновых курилен, грязных притонов, больных ночлежек он попал в неземные красоты с райскими деревьями, божественными цветами, восхитительными небожителями, которые ставят смуглые стопы на золотой песок, подносят к фиолетовым губам малиновые плоды.

Листовидова удивляли эти небольшие изысканные проповеди, произносимые для него одного. Это было испытание. Олег хотел почувствовать того, кого ему предлагали в команду, быть может, в команду смертников. Хотел, чтобы этот смертник был близок по духу, шел на смертельное дело, исповедуя ту же веру, что и он.

Лейтенант угадал этот замысел. Стоя перед картиной Ван Гога «Пейзаж в Оверни после дождя», рассказал Олегу, как однажды на Оби испытал

волшебные вибрации мира. Вдруг взволновались и полетели травы. Засверкала множеством струй река. Взлетели тысячи стрекоз. На белые цветы уселись тысячи бронзовых жуков. В тумане из трав поднялись два светила, голубое и розовое.

Олег положил свою теплую руку ему на плечо. Ничего не сказал об угоне. Предложил погулять в подмосковном лесу.

Они встретились на платформе Опалиха. С Олегом был Сержик и третий, по имени Гога, суровый крепыш с тяжелыми надбровьями и черными, как жуки, глазами. Они углубились в березняк. Олег достал пистолет. Повесил на березу носовой платок, протянул пистолет Листовидову. Предложил сделать выстрел. Чекист был отличным стрелком, посещал тир в подвале Лубянки. Но здесь, в лесу, как и в залах музея, его проверяли. Пусть думают, что он не знаком с оружием. Неохотно принял у Олега пистолет, долго целился в платок, сделал два выстрела, оба мимо. Олег отобрал пистолет и, почти навскидку, сделал выстрел, прошив в платке дыру.

Тут же, в лесу Олег изложил Листовидову план захвата самолета, летящего рейсом Москва — Ленинград. Все четверо войдут в салон, дождутся взлета. На половине пути захватят кабину пилотов, блокируют стюардесс, оружием заставят пилотов изменить курс. Минувя Ленинград, перелетят в Финляндию и попросят политическое убежище. Разведчик согласился не сразу: сомневался, переспрашивал, делал вид, что готов отказаться. Олег убеждал новичка в совершенстве замысла, и тот был принят в команду.

Они развели костер, пекли картошку, пили водку. Олег на французском читал стихи Элюара, рассказывал о Париже, с наслаждением произносил: «Сакре-Кёр», «Фоли-Бержер», «Остров Сите». Он обожал французскую культуру. Говорил, что в нем течет кровь маршала Нея. Наполеоновский маршал, взяв Москву, влюбился в московскую дворянку, и ночами Олегу является его французский прародич.

Сергей ничего не знал об Олеге, где живет, есть ли семья, как собирается жить за границей.

Решили слетать в Ленинград и в полете, на борту, смоделировать предстоящий угон. Олег захватит кабину. Гога займет позицию в хвосте самолета. Сержик ближе к кабине. Листовидову предстояло двигаться по салону, успокаивать испуганных пассажиров. Всем четверым полагалось оружие. Его завернут в фольгу, маскируя под фены, коробки, столярные инструменты.

В Ленинграде Олег и Листовидов сидели в кафе на Невском. За окном переливался, шелестел проспект. Они пили красное вино, слушая, как саксофон сладко выводит «Утомленное солнце». Олег вспоминал любимую женщину, сделавшую Ленинград городом его любви. Открыл Сергею, что везет с собой за границу рукопись романа. Листовидов спросил, о чем роман. Олег ответил: роман о бабочках. Он издаст его во Франции, получит много денег, и на первое время этих денег хватит всем четверым, чтобы обосноваться в Париже.

Олег был мечтателен, в его серых глазах переливался перламутровый Невский. Лейтенанту вдруг стало худо. Он готовит этому мечтателю ужасную долю. И надо открыться, отговорить от безумного плана, и пусть всё так же краснеет вино в его бокале, пусть медовый саксофон выводит «Утомленное солнце», и бабочки летают по страницам его романа. Это искушение длилось мгновение... Еще и еще раз они продумывали до мелочей план операции.

Наступил день угона. Все четверо с билетами в карманах, с завернутыми в фольгу пистолетами шли к стойке регистрации, когда их перехватила группа захвата. Сержика и Гогу скрутили сразу и увели из толпы. Листовидову нацепили наручники и оттеснили в сторону. Олег успел выхватить пистолет, открыл стрельбу, убил бойца и пассажира, был подстрелен в ногу. Его волокли, он кричал, оставляя на полу кровавую борозду.

Следствие длилось два месяца. Лейтенанта вызывали в тюрьму Лефортово. Следователь был однобровый. Другая бровь сгорела в неизвестном пожаре, и вместо нее краснел рубец. Следователь был краснобровый, как тетерев. Листовидова вызвали на очную ставку с Олегом. Тот сидел сутулый, бритый наголо, с бескровным лицом, потухшими глазами. Рядом со стулом стоял костыль. Сергей рассказал о заговоре, о «пестром зале» с пьяными писателями, о залах музея с картинами Ван Гога и Гогена, о березняке в Опалихе, где стреляли по платку, пекли картошку и пили водку. Рассказал о кафе на Невском, где медовый саксофон играл «Утомленное солнце». Когда следователь спросил Олега, подтверждает ли он эти показания, Олег выпрямился, глаза его жарко вспыхнули, и он плюнул в Листовидова.

Сержика и Гогу приговорили к десяти годам колонии, а Олега расстреляли. Лейтенанта повысили в звании и объявили благодарность. Он просил руководство показать ему рукопись изъятого романа о бабочках. Но ему отказали.

Теперь, спустя годы, капитан госбезопасности Сергей Максимович Листовидов осуществлял операцию внедрения. Он предотвращал угон государства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром позвонила Варя. Ее голос с таинственным печальным звучанием взволновал Листовидова. Так вдруг начинает звучать слабо натянутая струна.

— Я приглашена в еврейский дом. Милые люди. Известный физик. Распорядитель театрального общества. Молодой режиссер. Хозяйка дома актриса. Мудрец, кажется математик, кого называют раввином. Старенькая, всего боящаяся Клара Соломоновна. Бывают интересные гости: Утесов, Райкин. Хотите, пойти?

— Вы считаете, что их можно переселить в космос?

— Сталин хотел переселить их в Биробиджан, но для него это плохо кончилось.

Капитан шел не на свидание с Варей, а на боевое задание. Была суббота, но он шел на работу. Его ночные тревоги, сны, головные боли покинули его. Он становился точным, пластичным, доверчивым, любознательным, наивным. Был готов очаровывать, тушеваться, быть интересным, приятным, до тех пор пока его перестанут замечать, примут за своего, потеряют к нему интерес и станут прозрачными для его «лобного ока».

Листовидов спустился к машине, любовался хрустальными фарами, темно-фиолетовым лаком, солнечными каплями, оставленными поливальной машиной. Достал ключ и почувствовал, что за ним наблюдают, ощутил давление чьих-то глаз. Стал искать эти глаза среди окон дома, на детской площадке среди играющих детей, в кустах, которые длинными ножницами

подрезал дворник в оранжевом жилете, в подъездах, откуда выходили жильцы. Не находил глаз. Но они смотрели, неподвижные, немигающие. Так смотрит осенняя луна, и от этого лунного недвижимого взгляда становится жутко.

Капитан катил по Москве, выбираясь из спального района к центру, мимо автозавода, где по конвейеру двигались нарядные стальные личинки, превращаясь в автомобили, мимо мясокомбината, где убивали током коров, и окровавленные туши качались на цепях, а их кромсали бензопилами и ножами. И невидимые глаза следили за ним. За ним велось наружное наблюдение. В зеркале он увидел черную «Волгу», не обгонявшую его, «висевшую на хвосте». Причалил машину к тротуару. «Волга» ушла вперед. Он снова тронул машину, но глаза продолжали за ним следить, не отставали. Еще одна машина, поношенный «жигуль». Листовидов дал газ, ушел вперед, некоторое время «жигуль» тщился его догнать, но отстал, потерялся в потоке.

Но глаза не отпускали. Разведчик хотел понять, зачем генерал устроил за ним слежку. Быть может, полученное задание было лишь частью другого, неизвестного Листовидову, а то было составной частью еще одного, более сложного. Одна комбинация погружалась в другую, третью. Он, выполняя свое задание, играл второстепенную роль. Замысел основной операции был ему неведом. Основная операция, растянутая на десятилетия, замышлялась давно в кабинете с тяжеловесными креслами, резными звездами. Была задумана тем, чья тень мелькнула на паркетной дорожке, блеснув пенсне.

Глаза продолжали следить. Листовидов оставил машину подле универсама, вошел в магазин, полный людей. Покупатели толкали тележки вдоль длинных прилавков, снимали с них сыры, батоны, мороженую рыбу, венгерские компоты, болгарские вина. Капитан смешался с покупателями, взял тележку, покатил ее вдоль рядов. На прилавках лежали фантастические рыбы, пойманные глубоководными тралами в Атлантическом океане у берегов Перу. У рыб были саблевидные плавники, змеевидные хвосты, зубастые пасти, красные жабры. Они звались «простилома» или «рыба-меч». Листовидов брал рыб, складывал в тележку. Думал, как эти чудовища всплывали в синеватом свечении на поверхность океана и смотрели на звезды. Теперь у замороженных рыб глаза в золотых ободках смотрели недвижно, и ему показалось, что именно этот взгляд наблюдает за ним. Он находится под наблюдением этих остановившихся, замороженных в рыбы головы глаз.

Сергей Максимович оттолкнул коляску к стене и прошел к выходу мимо кассирши, перетряхивающей корзины других покупателей. Сел в машину. Глаза исчезли. Остались на прилавках глубоководных атлантических рыб.

Они встретились с Варей у Колхозной площади. Подъезжая, он увидел ее на краю тротуара. Она поворачивала голову вслед проезжавшим машинам, видно, боялась его пропустить. На ней была малиновая юбка, легкий сиреневый джемпер, опоясанный ремешком. Когда девушка села в машину, он увидел на ее шее нитку речного жемчуга. Представил, как она, стоя перед утренним зеркалом, примеривает жемчуг.

— Вы не боитесь входить в незнакомые дома, к незнакомым людям? — спросила Варя. — Какой-нибудь псих на вас нападет. Какой-нибудь язычник станет обращать в свою веру. Какой-нибудь раввин заставит читать Тору. Не боитесь?

— С вами мне ничего не страшно.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Они проехали по Сретенке и остановились перед большим серым домом начала века, где прежде жили уважаемые московские семьи. И теперь дом населяли именитые жильцы, и эта именитость ощущалась в тяжеловесных дверях, гулком вестибюле, бархатном рокоте лифта. Их встретил хозяин, высокий, в домашней блузе, с мраморно-белым, «античным», как подумал капитан, лицом. Античными был властный, с горбинкой, нос, ниспадавшие на лоб вьющиеся волосы, величественное, породистое высокомерие, с которым он оглядел стоящих на пороге Варю и Листовидова.

— Шалом, — сказала Варя, и хозяин рассмеялся, стал добродушным, поцеловал ей руку.

— Вы, Варенька, чуть-чуть не дотягиваете до еврейки. Но это поправимо.

— Лев Семенович, это мой друг Сергей Максимович Листовидов. Он занимается космическими поселениями, ищет желающих переселиться в космос.

— Тогда он пришел по адресу. Здесь многие готовы переселиться куда угодно, даже в космос, — Лев Семенович остановил гостя, желавшего снять туфли и надеть домашние тапочки. — Нет, нет, здесь не мечеть. Прошу вас, — и повел гостей по сверкающему паркету в гостиную.

Гостиная была столь просторна, что напоминала танцевальную залу. На высоком потолке, на узорных цепях, блистала люстра. Стеклянно сиял черный рояль. По стенам стояли кресла, диван, стулья с гнутыми спинками, маленькие, восточного вида, скамеечки. На стульях и в креслах сидели люди. Середина гостиной оставалась пустой, будто и впрямь все ждали, когда выскочат танцоры.

— Сергей Максимович ищет поселенцев для полета в космос, — Лев Семенович представил Листовидова.

— Он что, Моисей? — хмыкнул мужчина с розовым целлулоидным лицом, на котором смотрели выпуклые голубые глаза.

— Изя, это ты Моисей. Ведешь нас из плена египетского, — хозяин Лев Семенович усадил Варю и Листовидова на восточные скамеечки.

Обитатели гостиной дружно, по-птичьи, повернули в их сторону головы.

— Ну так я спрашиваю, кто придумывает еврейские анекдоты? — маленький лысый гость с клювиком и хохолком подхватил с полслова прерванный разговор. — Например. Еврей молит Бога: «Господи, смерти прошу! Господи, смерти прошу! Не для себя прошу!» Кто придумал?

— Всеволод Аронович, еврей и придумал. Еврейский юмор. Еврейский смех — страшная сила. Камни перемалывает. Не доводите еврея до смеха, пусть лучше плачет, — худой, с коричневым усохшим лицом и резким, опущенным книзу носом гость посмотрел на Листовидова угрожающим взглядом.

— Веня, не надо! — сидящая в кресле маленькая старушка умоляюще протянула руки. Губы ее были подкрашены малиновой помадой. Седые волосы уложены. Ноги не доставали пола. На открытой шее темнела вена. Глаза, темные, испуганные, переливались слезами. В них был глубинный, испокон веков, страх. — Веня, не надо!

Тот, кого называли Веней, покорно опустил нос.

— Не буду, Клара Соломоновна, не буду.

Варя наклонялась к спутнику, шептала пояснения. Хозяин Лев Семенович с античным ликом был распорядитель театральных обществ. Веня, Вениамин Михайлович, коричневый, как мореное дерево, — востоковед. Всеволод Аронович, с клювиком и хохолком, — публицист. Старушка Клара Соломоновна

с испуганными тоскующими глазами — это мать хозяина дома. Гость Изя с целлулоидным лицом, недружелюбно посмотревший на Листовидова, — кинорежиссер. Тяжелый, тучный гость, вросший в кресло, — физик, профессор Браудо. Яркая черноволосая женщина в черном шелке, с декольте, из которого смело выглядывала полная грудь, была музыкант, жена хозяина Флора. Чернобородый, в темной тройке и галстук, — это Лазарь Исаакович, «раввин», как назвала его Варя. Мир, в котором оказался Листовидов, был плотный, без зазоров. В него трудно было вписаться. Сергей Максимович искал для себя зазор и не находил.

— Еврейский юмор шаловливый, проказливый, — Всеволод Аронович задиристо потряхнул хохолком. — Мой племянник Мотя, не буду его хвалить, талантливый скульптор. Льет бюсты Героям Советского Союза. Ну, знаете, такие головы и плечи, а ног нет. Ставят на родине Героя. Мотя крепко пошутит. Герою вместо советской звезды прилепил звезду Давида. Ариэль Шарон, вы себе представляете! Так и поставили в деревне Курлыкино-Мурлыкино. Потом Мотю в КГБ приглашали. Он психом прикинулся. Ему Вера Хенах справку даром достала, — Всеволод Аронович смеялся, тряс хохолком, тыкал клювиком.

— Это плохой смех, — возмутился профессор Браудо, не сумев шевельнуться в кресле, с которым был высечен из одного камня. — Этот герой освободил Освенцим и спас евреев, которым уже мыло раздали. Они бы твоего Мотю по щекам били.

— Он же псих! — оправдывался Всеволод Аронович. — Это он в благодарность от еврейского народа!

— От таких свиней, как твой Мотя, евреев в печи толкают и за чертой оседлости держат, — чернобородый раввин посмотрел на Всеволода Ароновича так, что у того лег хохолок. — У еврейского народа много ран. Не надо ему делать еще.

— Таких евреев надо сдавать в КГБ, — сурово произнес Изя с целлулоидным лицом.

— Изя, не надо! — умоляюще возрыдала старушка Клара Соломоновна, и в ее слезных глазах был ужас.

— Вы, Лазарь Исаакович, Мотю поросенком называли, мне хотели сделать обидно, — хохолок Всеволода Ароновича снова поднялся. — Мотя этим дурным поступком черту оседлости вокруг евреев хотел стереть. Он хотел дырку в стене пробить, чтобы евреи могли уехать в Израиль. Тогда евреев дальше черты оседлости не пускали и теперь не пускают. Тогда евреи пошли из черты оседлости в революцию и теперь пойдут. Евреи из черты оседлости пробились, и где делся царь, и где делись казаки, которые евреев хлестали, где делись попы, которые русским говорили, что евреи Христа распяли? Они сами теперь за чертой оседлости, которую им Троцкий провел.

— Черта оседлости, за которую вы плачете, Всеволод Аронович, шла по черноземным полям, где сады и раз в год снег выпадает. Это не Полярный круг, за который русские ходили и теперь идут. Не Урал, где летом в шубах спят. Вы помолчите про черту оседлости, Всеволод Аронович, — профессор Браудо выдохнул воздух, чтобы стать тоньше, и шевельнулся в кресле. — Евреи в революцию пошли не стирать черту оседлости, а чтобы Гагарин в космос полетел, Курчатова бомбу построил, Жуков войну выиграл. А вы мне тут говорите, Всеволод Аронович!..

— А почему, профессор, русские так ненавидят еврея Троцкого, если он им космос сделал? — Всеволод Аронович стал похож на рассерженного петушка. Бил клювиком, трепетал хохолком.

— Троцкий не еврей, — раввин Лазарь Исаакович повел бородой, укрощая неистового петушка. — Троцкий дал русскому народу столько слез, что русские и сегодня плачут, — чернобородый Лазарь Исаакович посмотрел на Варю и Листовидова, словно хотел увидеть на их лицах слезы. — Десять раввинов приехали в Мексику и перед домом Троцкого совершили Пульса де-нура. И Троцкий умер.

— Что вы такое плохое говорите? — Лев Семенович, далекий от религиозных обрядов, допытывался у Лазаря Исааковича.

— Десять самых посвященных раввинов встали у дома Троцкого инесли ему «Удар света». Они обратились к Богу: «Убей его одного или нас десятых». Наутро Троцкий был убит.

Листовидову стало жутко. Он ощутил таинственную мощь, извергнутую чернобородыми, в черных шляпах, раввинами, стоящими стеной перед домом Троцкого, посылающими из-под черных шляп и бород чудовищный удар смертоносной молитвы. Молитва сталью расколола череп, булькала кровью в горле, а раввины удалялись от дома по солнечной улице.

— Значит ли это, Лазарь Исаакович, что Сталин убил Троцкого по молитве евреев? — Лев Семенович благоговейно взирал на раввина, как если бы тот стоял перед домом Троцкого и копил под шляпой угрюмую мощь, наносил «Удар света».

— Сталина убили десять раввинов, совершив Пульса де-нура, когда он готовил переселение евреев в Сибирь. Уже были готовы товарные вагоны, составлены списки, в которые попали, быть может, наши папы, мамы и бабушка, — раввин посмотрел на Клару Соломоновну, которая дрожала, стиснув грудь руками, черная вена на шее билась и была готова порваться.

— Не надо, Лазарь, не надо! — умоляла она

— Раввины встали напротив Кремля и молились Богу: «Или он, или мы десять». «Удар света» взорвал ему мозг. Он лежал в гробу, и на лбу у него синело пятно.

Листовидов видел мрамор Дома Союзов, затянутые крепом люстры, открытого розами мертвеца с синим пятном на лбу. Мимо гроба, в нескончаемой толпе, прошли десять раввинов.

— Не был Сталин антисемитом, это я вам рассказываю, — профессор Браудо распирал кресло боками, словно хотел его разрушить и встать. — При Сталине, послушайте меня, евреи цвели. Великие физики, великие музыканты, великие врачи, великие полководцы. Таких евреев в мире не было, как в Советском Союзе.

— А «дело врачей»? Из еврейских врачей на Лубянке делали еврейских пациентов.

— Бог евреев рассеял и не дает собраться. Если евреи соберутся и начнут храм Соломона строить, они не храм, а банк поставят. Евреи храм Соломона в банк превратили, в торговую точку. Бог повелел евреям собрать все народы и привести в храм Соломона. Евреи собрали все народы и привели в банк, — раввин грозно водил по сторонам черной бородой. — Бог не отвернулся от евреев и посылает им то Сталина, то Гитлера.

Клара Соломоновна трепетала, жила на шее раздувалась, готовая лопнуть:

— Не надо! Прошу, не надо!

— Евреи соберутся в Израиле, и это будет наш Моссад, — Флора, жена хозяина, торжествующе улыбалась. — Гениальные еврейские физики сделают бомбу. Гениальные еврейские архитекторы построят города. Гениальные еврейские ботаники посадят сады. Гениальные еврейские полководцы возглавят армию. Гениальные еврейские умы станут управлять государством. Нет никакого для нас государства, кроме Израиля. Мы его граждане, — Флора воинственно сверкала черными бриллиантовыми глазами. Ее белая, в вырезе, грудь порозовела от волнения.

— Государство Израиль — заговор сионистов! — закричал на нее Изя. — Собрать всех евреев, засунуть в мешок среди миллионов арабов и прихлопнуть. Что вы там будете делать? Воевать дни и ночи? Арабы плодятся, евреи вымирают. Не смейте ехать в Израиль, в арабскую мышеловку! Сюда надо ехать, в Россию! Мне говорят: «Поедем в Германию». Сумасшедшие! Там каждый камень еврейским пеплом посыпан! Сюда, в Россию, со всего мира! — Изя черпал руками воздух, сгребал себе на грудь, будто созывал евреев, прижимал к сердцу. Его целлулоидное лицо горело, глаза были гневные, пророческие. Он обличал, угрожал, умолял: — Здесь будут перемены, колоссальные! Советы падут, будет другая страна! Евреи возглавят страну.

Создадим Еврейский конгресс. Это и есть государство Израиль, здесь, в центре России! Русские будут защищать государство, евреи будут творить. Еврейские министры будут управлять экономикой. Еврейские бизнесмены возьмут под контроль нефть. Еврейские режиссеры создадут еврейские театры. Русско-еврейское государство будет самым процветающим в мире. Русский дух и еврейский ум. Русское слово и еврейская цифра. Русская мечта и еврейское дело. Советы рухнут, их место займет Еврейский конгресс!

Все молчали, и только Клара Соломоновна, как рыдающая птица, стенала:

— Изя, не надо!

Листовидов был оглушен разговорами, похожими на непрерывные взрывы. Старался не оглохнуть от взрывов. Среди разговоров хотел найти себе место. Скользнуть в глубину жаркой едкой стихии и слиться с ней, как это случалось в других кружках. Но стихия его не пускала, выталкивала из глубины на поверхность. Слишком насыщен был рассол, слишком соленым оказалось Мертвое море.

Еврейский конгресс был тем клубеньком, за который он хотел зацепиться, сблизиться с целлулоидным Изей, понять, чем является пресловутый «еврейский заговор».

Варя была здесь своей. Смеялась шуткам, сама шутила. Ахала, когда спор приближался к ссоре. Ободряла обиженного. Радовалась удачному слову.

— Слушаю вас и готова писать диссертацию об общей русско-еврейской судьбе. Главная мысль. Евреи и русские — два мессианских народа. У обоих целостные картины мира, от сотворения до последних времен. Идет совмещение этих картин. Как двести лет назад, так и сегодня. Слушаю вас и вижу, как обе картины накладываются одна на другую, то совпадают, то расходятся. Когда совпадут две эти картины, тогда завершится земная история и начнется небесная.

— Варя, вы рассуждаете, как еврейский мистик, — раввин качал бородой, черной, как вар, прилипший к его подбородку.

— Я вас умоляю, дорогой Меркович! Оставьте Варю красивой русской женщиной и не тащите ее в синагогу! — Лев Семенович послал Варю воздушный поцелуй.

— Ровно об этом Еврейский конгресс! — воскликнул целлулоидный Изя. — Русская душа, еврейский ум. Русское слово, еврейская цифра.

— А что скажет наш гость? — профессор Браудо повернулся к Листовидову. — Как будет выглядеть в космосе русско-еврейский диалог?

Капитан смутился, был не готов отвечать. Диалога не слышал, а слышал гул взрывов. Варя улыбалась ему, кивала, губы ее шептали, и он считывал слова с ее губ.

— В космосе не будет ни евреев, ни русских. Там исчезают народы и возникает новое человечество. Мы не возьмем в космос земные распри, обиды. Там не будет ни евреев, ни русских, ни индусов, ни китайцев, ни зулусов. Там будет летающий солнечный народ. Это будет космическое государство, населенное летающим народом.

— Прекрасно, — профессор Браудо попытался подняться из кресла, но оно не пустило. — Мне уже не летать, — сказал он огорченно.

— Нет, позвольте! Не надо так хорошо рассуждать. А то у меня начинают расти крылатые перышки! — Всеволод Аронович смешно взмахнул руками, дернул хохолком, задолбил клювиком.

— Не надо нам давать кушать воздух! Кушайте сами и не полнейте! — сердито сверкнула глазам Флора. — Тут скоро такое начнется, что евреям лучше держаться подальше, поближе к Иерусалиму.

— Вздор произносите, Флора! К арабам в мешок? Сюда всех евреев, сюда! Еврейский конгресс — как крепость Моссад. Войдем и запрем ворота. А кто пойдет на евреев, тому «Удар света!» Правильно я вас понял, Меркович?

Раввин стал отвечать, но Клара Соломоновна жалобно вскрикнула:

— Изя, не надо! — ее темная жила жутко забурлила. Цепляясь за кресло, она соскользнула на пол.

— Мама! — крикнул Лев Семенович. Кинулся ее поднимать. Флора ему помогала. Клара Соломоновна лежала на руках сына, ее маленькие ноги в темных туфельках жалобно свисли. Лев Семенович вынес старушку из гостиной в соседнюю комнату.

Все молчали, смотрели на пустое кресло, где сидела Клара Соломоновна. Прислушивались к голосам за дверью.

Появились Флора и Лев Семенович.

— Ничего, мама заснула, — Лев Семенович отер ладонью свой античный мраморный лоб. — С мамой случается. Выпила капли и отдыхает.

— Клара Соломоновна была в Бухенвальде, — сказала Флора. — Ее братьев, маму и папу сожгли. Дедушек, бабушек Льва Семеновича. А над ней надругались. У нее на руке есть номер. Сорок три тысячи шестьсот одиннадцать.

— Сорок три тысячи шестьсот одиннадцать, — повторил Лев Семенович.

Продолжали молчать, вздыхали. Раввин Меркович испустил из бороды долгий громкий выдох.

— Теперь же возблагодарим Господа, Бога нашего, Царя царей, за истекшую неделю, проведенную нами в трудах и добрых делах. Отпразднуем субботу, святой Шаббат, молитвой и трапезой, — раввин сделал знак Льву

Семеновичу. Тот удалился и вернулся с темными шапочками. Они были вложены одна в другую. Стал обходить гостей и раздавать кипы. Все брали кипы, надевали на темя. Капитан видел, как под кипой скрылась лысина профессора Браудо, седины Изи, задорный хохолок Всеволода Ароновича. Они крутили головами, похожие на птиц, сидящих на гнездах.

— Такое мое недосмотрение! — Лев Семенович остановился перед Листовидовым, виновато разводя руками: — Кипы кончились. Могу принести вам шляпу.

Сергей Максимович колебался. Не предполагал, что, выполняя задание, он наденет кипу. Но, внедряясь в чужеродную среду, он должен в ней раствориться, стать невидимым, стать как все. Если нужно, фуражку офицера госбезопасности сменить на кипу, тубетейку, чалму, хоть бы и на тюрбан, на дамскую шляпку.

— В следующий раз я принесу кипу с собой, — сказал он.

— Нет, нет, я вам приготовлю! — Лев Семенович удалился в прихожую и вернулся с черной шляпой. Протянул Листовидову. Фетровая шляпа была не новой, с опавшими полями, с залысинами. Капитан натянул шляпу, поправил и стал невидим. Шапка-невидимка скрывала его подлинное лицо, утаивала истинную сущность. Он стал как все. Стал птицей, сидящей на гнезде.

Флора внесла и поставила на журнальный столик семисвечник. Он был похож на олени рога. Темные дуги украшало золото. Семь белых свечей венчали рогатый подсвечник. Гости поднялись с мест. Раввин Меркович в кипе, в черном сюртуке, с черной бородой, тяжкой, как плита на груди, протянул к подсвечнику руки. Флора перламутровой зажигалочкой запалила свечи, одну за другой, дожидаясь, когда над каждой поднимется узкое пламя.

Листовидов смотрел, как горят в еврейском семисвечнике свечи, вспомнил другие свечи, горящие на березовом полене, и ту волшебную свечу на носу корабля, которой он и Варя не давали погаснуть.

Меркович опустил и поднял тяжелые веки, открыл в черной бороде красные губы, загудел глубоким, из горла идущим рокотом:

— Благословен ты, Господь, наш Бог, Царь всей вселенной, освятивший нас своими заповедями и повелевающий нам зажигать свечу в час субботы.

Сергей Максимович вздрогнул, будто повеление было обращено к нему, и он, надев шляпу, потерял свое имя, забыл, зачем сюда явился, смотрел на семь зажженных огней, был во власти грозных повелений.

— Мир вам, посланцы, служители, ангелы всевышнего Царя царей, святого, благословенного. Придите с миром, посланцы мира, ангелы всевышнего Царя царей, святого. Благословен он!

Рокот из бороды Мерковича распространился по всей гостиной. Рокотало в углах, в хрустальной люстре, в развешенных по стенам картинах, в пламени свечей. Всё трепетало, волновалось, вздрагивало. Мир обнаружил свою волновую природу. Листовидов колыхался на волнах растревоженного песнопениями мира.

— Благословите меня миром, посланцы мира, ангелы всевышнего Царя царей, святого. Благословен он!

Гудело, рокотало, волновалось. Огни отрывались от свечей и летали по комнате. Сливались в большой огонь, возвращались к свечам, садились на олени рога, как пылающие шары.

— И был вечер, и было утро, день шестой. И были завершены небо, земля и все их воинство. И закончил Бог на седьмой день свой труд, которым занимался. И в седьмой день отдыхал от всего своего труда.

Листовидов чувствовал медовую сладость слов, грозную мощь сотворенного мира. Черная шляпа кружила голову. На ней, как от ветра, загибались поля. У него отняли имя, отняли волю, отняли телесность. Он парил в невесомости над тьмой, из которой доносился умоляющий вопль Клары Соломоновны. Той тьмой, куда уходил еврейский корень, достигая глубин, где кончалась сотворенная жизнь и начиналось несотворенное, непостижимое, о чем было невозможно помыслить и при мысли о котором начиналось помрачение.

— И благословил Бог седьмой день и освятил его, ибо в этот день он отдыхал от всего своего труда. Внемлите Господу. Благословен ты, Господь, наш Бог, Царь вселенной, творящий плод виноградной лозы, производящий хлеб из земли, который освятил нас своими заповедями и благоволил нам, наделив нас Святой субботой по любви и благосклонности в память о сотворении мира.

Огни летали вокруг Листовидова, и он летал за огнями, подымаясь к лепному потолку, уходя вглубь картин, где смуглые небожители ставили стопу на золотистый песок, подносили к фиолетовым губам малиновый плод. Он летал за огнями, становился огнем, опускался на рогатый подсвечник, горел свечой. «Кто я такой, офицер разведки, стоящий в черной шляпе среди еврейских молитв, выброшенный материнской рукой из Оби, чтобы стоять сейчас в черной шляпе среди еврейских молитв, вопрошая, кто я такой?»

— Если в субботу удержишь свою ногу, отказавшись от дел в мой святой день, назовешь субботу отрадной. Ибо шесть дней созидал Господь небо, и землю, и море, и всё, что их наполняет, а в седьмой день пребывал в покое. Хорошей недели!

Меркович умолк, и губы его в бороде улыбнулись. Флора склонилась к подсвечнику и задула свечи. Листовидов стоял ошеломленный, будто уносился в иные миры и вернулся на землю.

— Теперь же можем вкусить хлеб от земли и плод виноградной лозы, — Лев Семенович повел гостей в столовую, где ждала трапеза.

Флора вынесла фарфоровую чашу, расписанную цветами, кувшин с отвисшей фарфоровой губой. На ее плече висело белое полотенце. Совершали обряд омовения рук. Подходили, протягивали к чаше руки. Флора лила из кувшина. Ополаскивали руки, вытирали о полотенце. Листовидов протянул ладони к цветастой чаше, подставлял под струйку воды. Чаша для всех была общей, полотенце — общим, вода соединяла их со всей мировой водой: речной, океанской, дождевой.

Уселись чинно за стол. Меркович взял круглую пшеничную лепешку, ломал, раздавал ломти. Пахло теплой сдобой. Капитан принял теплый ломоть, жевал, глядя, как жуют другие. Был как они. Был принят в их круг.

Разливали по бокалам вино, чокались, шутили, подтрунивали друг над другом. И Листовидов шутил, чокался с Мерковичем, с Изей, с профессором Браудо. Ему было хорошо среди этих шумных, смешливых людей. И вдруг подумал: он пришел в их дом, был накормлен, напоен, но принес им несчастье. Принимая от них добро, готов причинить им зло. От этой мысли ему стало худо. Захотелось встать, уйти и забыть про Еврейский конгресс, про «Удар света». И он ждал минуты, когда встанет и, не прощаясь, уйдет.

МЕЧЕНОСЕЦ

Еще не окончили трапезу, а Флора вернулась в гостиную, села за рояль. Громко, бурно заиграла. Все повскакали, наполнили гостиную пляской, прыжками, криками «Ой-вей». Лев Семенович ловко подпрыгивал, выплескивал ноги, его античное лицо дергалось и хохотало. Профессор Браудо тяжело топтался, переставлял ноги, шлепал стопами. Ухал: «Ой-вей!» Изя, верткий, неистовый, повисал в прыжке, успевая скрестить ноги, неся волчком по кругу. Всеволод Аронович, маленький, с круглыми птичьими глазами, ходил ходуном, цеплял ногу за ногу. Варя хлопала в ладони, выкрикивала: «Ой-вей!»

Листовидов вначале сторонился, жался к стене. Но потом ветер танца, бурная музыка, лихие возгласы «Ой-вей» обаяли его, сорвали с места. Он в своей черной шляпе стал отплясывать дикий танец, то ли кадрили, то ли фокстрот, то ли брачный танец журавля. Другие перестали танцевать, открыли ему место, хлопали в ладоши, раскачивались. А он кружил, будто в него вселился неведомый вихрь.

Продолжение следует

Игорь ВОЛГИН

«Обретаясь в земной круговерти...»

(Глава из книги стихов «Прикосновенный запас». Продолжение)

* * *

Не разжигается уголь древесный —
падает с облака дождик отвесный,
гасит костёр, заливаает мангал,
жить нам мешает, как римлянам галл.

Мы б возлежали, фалерн осушая,
горлицы кровь оттирал бы с ножа я,
кесаря чтил, смаковал бы лозу,
тайно б гражданскую нежил слезу.

Кто мы, откуда? Из лесу, вестимо.
Нету давно ни волчицы, ни Рима.
Галл отложился, низложен сенат,
изгнан Гораций из отчих пенат.

ВОЛГИН Игорь Леонидович — поэт, прозаик, историк, достоевист, академик РАЕН, доктор филологических, кандидат исторических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Родился в 1942 году. Живет в Москве. Вице-президент *International Dostoevsky Society (IDS)*, президент Фонда Достоевского. Ведущий программы «Игра в бисер с Игорем Волгиным» на телеканале «Россия — Культура». Основатель и бессменный руководитель (с 1968 года) старейшей в мире литературной студии «Луч». Лауреат российско-итальянской литературной премии «Москва — Пенне» (2011), премии Правительства Москвы и Правительства Российской Федерации в области культуры (2012, 2016), Ломоносовской премии (2014), Российской национальной телевизионной премии ТЭФИ (2016), Бунинской премии (2017), Тютчевской премии (2016), премии Высшей школы телевидения (2018), премии «Ясная Поляна» (2019), Пушкинской премии (2021), премии журнала «Отчий край» (2022), Общенациональной литературной премии имени П. П. Бажова (2023), Национальной литературной премии «Слово» (2025), Международной литературной премии имени Ф. Искандера (2026), Всероссийской литературной премии «Гипертекст» (2026). Обладатель Гран-при национальных премий «Поэт года» и «Писатель года» (2021).

«ОБРЕТАЯСЬ В ЗЕМНОЙ КРУГОВЕРТИ...»

Так и бредём — из России с любовью.
Дождь обложной по всему Подмоскovie
мочит дороги и точит стога —
кончился август — и вся недолга.

Вьётся двуглавый орёл над столицей,
важный выходит из бани патриций,
«Хлеба и зрелищ!» — взывает плебей,
и не проспится Ильич, хоть убей.

* * *

Три дружбана во Беловежье,
приняв рюмашку не одну
и тем усилив центробежье,
решили поделить страну —

разъять в порядке вожделенья
её для собственных услад,
забыв, что в правилах деленья
таится атомный распад.

И повлачили прочь из дому
народы с думою одной:
довериться ли псу цепному
или реакции цепной?

В одном ли плавилась мы тигле,
своя ль у каждого беда?
И эти споры не утихли
и не утихнут никогда.

Уж не добыть свидетельств веских
стране рабочих и пейза
ни с куртизанов беловежских,
ни с белорусских партизан.

* * *

Чтоб не остаться у зренья в долгу,
замоскворецких ворон на снегу,
луг и берёзок девичник
изобразил передвижник.

Кисти своё поверяя нутро,
мерно катящего воды Днипро,
ночь над баштаном и місяц
вывел другой живописец.

Что их роднило — веселье, тоска ль,
уж не упомнят хохол и москаль,
что историческим драмам
братским обязаны срамом.

И не поможет тут даже Ватсап,
чтоб с малороссом сдружился кацап
и, словно сиську младенец,
обнял жида западенец.

Каждый художник в душе интроверт.
Каждый, как может, воздвиг свой мольберт.
Каждый, как праведник раю,
предан родимому краю.

Глаз не замылен, и совесть чиста —
только пейзаж исчезает с холста.
Лишь обвилась повилика
вкруг проступившего лика.

Танки на цели наводит ГЛОНАСС.
Божия Матерь рыдает по нас,
не различая меж ратей,
кто перед кем виноватей.

2019

* * *

Что мне расскажут «Вести»,
знаю я наперёд.
...Ночью за грузом двести
вылетел самолёт.

Но на пути обратном
вышел такой кульбит:
был он огнём двукратным —
чьим неизвестно — сбит.

Нет, умирать — так сразу,
под лепетанье муз.
...Смерть по второму разу
выдержал смертный груз.

Молча ангелы примут
души скорбные их.
Мёртвые сраму не имут —
к зависти нас, живых.

* * *

Ни о чём не тужи: вот и лето приспело —
затерялось во ржи, по-над речкой пропело.

Спозаранок скворцы занимают скворешни.
Пахнут так чабрецы, тяжелеют черешни.

«ОБРЕТАЯСЬ В ЗЕМНОЙ КРУГОВЕРТИ...»

И влачатся поврозь облака к Приднепровью —
как у нас повелось: из России с любовью.

И кружатся вороны в степях Украины —
там, где ржавые дроны и те «джавелины»,

там, где адовым пламенем ночь разогрета
и где, сколь ни проси, не кончается лето.

* * *

Только слышь, да не видь,
если в небе ревущая сила...
— Нас не будут бомбить? —
пяtilетняя дочь спросила.

И, познаньями горд,
я отвечивал мудро, как Плиний:
— Не бойсь, это борт
Заурюпинских авиалиний.

Больше там никого!
Лишь гадая, где чёт, а где нечет,
бдят войска ПВО,
да беспечная птаха щебечет.

И над кнопкою *off*,
отрешённый от страсти и гнева,
задремал Саваоф —
и отвела яблока Ева.

Что же, выпьем крюшон.
Поиграем, как водится, в прятки.
Значит, грех разрешён —
и никто не страшится обратки.

* * *

Жизнь моя почти уже за гранью.
И, по чьей не ведаю вине,
не пришлось весенней гулкой ранью
мне скакать на розовом коне.

Потому ль, что конь был слишком розов,
ну а я — стеснителен и сер,
но в стране убыточных колхозов
я на это дело не подсел.

Мне такая роскошь не по чину,
да и страх мальчиший оттого,
что, как и предсказано, кончину
от коня ты примешь своего.

...День и ночь шарашат дальнобойки.
И письменник Гоголь не забыт.
И, глядишь, у нашей птицы-тройки
шар земной летит из-под копыт.

* * *

Истину знать не хотите ли?
Так поезжайте в Батум,
где обитают властители
наших безрадостных дум.

Если вы всё же до малости
с их не согласны судом,
умственной в силу отсталости
вам обеспечат дурдом.

Но и, ничтоже сумняшесь,
смей только ей возражать,
вас не одобрит и наша вся
теледолбящая рать.

Мигом объявят: «Деменция!»,
и, как теперь ни крути,
уж никакая бабенция
вас не прижмёт ко груди.

Знать, к сожалению вящему,
несовершенный весьма,
верящий каждому ящику
мир этот сходит с ума.

В силу сего происшествия —
в раже взаимных охот
так и второго пришествия
мы провороним приход.

Захар ПРИЛЕПИН

Тума

(Продолжение. Начало в № 3 за 2025 год)

ГЛАВА ВТОРАЯ

VI

На другой день Степану в темницу занесли две корзины.

В одной — снедь: морква, луковиц и чеснока помногу, и несколько лепешек, и сыра полкруга, и бараний бок, и вяленых лещей дюжина.

В другой — овечья шкура, теплые шаровары и рубаха, и татарский халат, а в кармане — малый кошель, и там мелкие османские монетки.

Степан кликнул ляха. Тот, помедлив, отозвался.

— *Чы жичы собе вачьпан рыбы и пляцка татарского?* (Не угодно ли пану рыбы и лепешки татарской? — *пол.*) — спросил.

ПРИЛЕПИН Захар (ПРИЛЕПИН Евгений Николаевич) — писатель, общественно-политический деятель, актер, музыкант. Секретарь Союза писателей России, член президентского Совета по культуре и искусству, член исполкома Общероссийского народного фронта. Заместитель командира полка особого назначения Росгвардии, подполковник. Родился в 1975 году. Окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского и Школу публичной политики. Живет в Нижнем Новгороде. Автор 26 книг прозы и публицистики. Печатался в литературных журналах «Наш современник», «Новый мир», «Дружба народов», «Отчий край» и др. Лауреат литературных премий «Национальный бестселлер», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Большая книга», премий имени И. А. Бунина, А. И. Герцена, С. А. Есенина, М. Ю. Лермонтова, премии Правительства РФ в области культуры, премии журнала «Отчий край» и др. В школьную программу включен сборник рассказов «Собаки и другие люди». Экранизированы рассказ «Белый квадрат», повесть «Восьмёрка», роман «Обитель», сборник рассказов «Ополченский романс». Прилепин — участник первой и второй чеченских кампаний, гражданской войны на Донбассе, СВО. Награжден орденом Мужества (2023), медалью «За воинскую доблесть» (2025), имеет благодарность президента РФ (2025). С романом «Тума» Захар Прилепин стал победителем Национального конкурса «Книга года», Национальной премии «Слово», литературной премии имени В. Б. Смирнова (2025).

Лях, снова помолчав, ответил сдержанно, но не спесиво:

— *Дзенкуе, ясны пане козаку. Не мам потшебы.* (Благодарю, пан казак. Нужды не имею. — *пол.*)

Тут и Минька явился, доволен.

Стал в дверях. Цыкнул зубом, стегнул, не оглядываясь, нагайкой по закрываемой двери.

— Экая вонь тут у вас... Абидка! — крикнул нетерпеливо.

Тот снова раскрыл дверь, услужливо выглядывая.

— *Хызметчилер кельсин — бу ерлери сипирип-ювуп чиксынлар!* (Приведи рабов — пусть выметут здесь, вымоют! — *тат.*) — велел строго. — *Бундан гайры, яны легенлер кетир, эскилери тешик... Тазе пичен де кетир, языксынма... Хапыны хапатма! Ачих халсын!* (И другие лохани тащи, а то текут... Свежего сена сюда, не жалей... И дверь не затворяй! Настежь оставь! — *тат.*)

Постоял, задрав нос, дожидаясь, когда хоть чуть протянет сквозняком.

Степан, полулежа, разглядывал его.

Минька был нынче в огромной чалме, в турецком дорогом платье; из-под широкого шелкового пояса торчали две рукоятки кинжалов с золотой насечкой.

— А как разговорился-то, Степка! — воскликнул вдруг Минька. — Со мной — дерзок! А с пашой, да продлит Аллах его безмятежные дни, — запел, запел... Мыслил, ты нетчик и на кол пойдешь, а со своего не сойдешь! Не передумаешь... — засмеялся Минька. — А ты хитер, казачина!..

...в проходе раздался шумный шорох: тащили сено. Едва протискиваясь в двери, тут же бросали.

— Слушай, Степка... — Минька подхватил пышную охапку, прошел к Степановой лежанке, кинул себе.

Взял, не спрашивая, из корзины дареную овечью шкуру. Постелил и с кряхтеньем уселся.

— Скрывать не стану... — начал Минька. — Надобно, чтоб ты, хоть хром, да пошел поскорей. Чего лекарь сказывал за то?

— Сам бы и выспросил, — сказал Степан без вызова.

— А тебе и не любопытно! — оскалился Минька. — Ты ж как мыслишь, Степка: сразу не сгубили — должно, желают приспособить для своих азовских дел. Получается, никакой выгоды тебе поспешать нету. Гладом не морят и держат в стенах — не в яме ж. Хоть и смердит, да в душу не задувает... Рожа твоя, Степка, гляжу, опала, — вгляделся Минька в Степана, — и зрак второй глядит, а то всё прятался.

Минька склонился к Степану и, щедро дыша жареной рыбой с луком, шепотом поделился:

— Знатному мужу поведут на показ тебя. Нужда им, Степка, в толмаче! Да больно ты опухлый, и нога в деревяхе: дурной подарок — не войдешь достойно, не поклонись. Другу ногу тут же ж и поломают за такое... И мне заодно, обе. Ну?

Минька откинулся, глядя на Степана как на базарный товар.

— Кланяться тож нельзя мне, — сказал Степан.

— С чего бы?

— Блоха с волосьев посыплется.

Минька собрал бабьи губы свои пучком, шевеля ими; так тянутся облобызать дитя.

— Как тебя расходить, Степка? — всерьез спросил. — Ежели девку привести — побежишь? — Минька оскалил зубы, но не засмеялся.

Всякий раз вместо смеха Минька издавал глоткой сип, как выпускающий дух.

...во дворе заскрипели, раскрываясь, ворота.

Забегала стража.

— По твою душу неверную явились, — Минька тут же поднялся, отряхивая задницу, хотя соломы на нем не было. — Нынче ожидает тя, Степка, великая для судьбины твоей встреча. Себе пагубу избрать или долю лутчую — сам решай уж.

Благообразный, с печальными глазами и бородой, шитой проседью, человек в зеленой чалме хаджи уже был в комнате, когда впустили Степана.

Ему позволили усесться на пол.

Мюршид кинул одну из подушек к Степану.

— *Дедюклерим анладын? Кафир, меню ишитир мисин?* (Понимаешь ли ты мою речь? Слышишь ли меня, неверный? — тур.) — спросил он.

— *Бели, дуяр ве де анларым* (Да, я слышу и понимаю. — тур.), — был ответ.

— *Гёклери ве ери ярадан, каранлук ве айдынлуклары вар эден Аллаху теалая хамдолсун. Дедюклерими анларсун, текрар эдермисюн?* (Хвала Аллаху, который сотворил небеса и землю и установил мрак и свет. Понимаешь ли ты сказанное мной, способен ли повторить? — тур.)

— *Бели, ишиттим ве де анладым, текрар едебилirim* (Да, я слышу, понимаю и способен повторить. — тур.), — ответил Степан.

— *Аллаху теала бизи чамурдан яратты* (Аллах — тот, кто сотворил нас из глины. — тур.), — бережно проговаривал мюршид каждое слово, словно обводя его языком и выталкивая наружу. — *Аллаху теала хаят ичюн заман вермиш, ёлюм кюню белирлемиштир. Хамдолсун ки кыямет кюни де вардыр. Аллаху теалая инананлар тирилечектир. Кафир, текрар эдермисюн?* (Аллах — тот, кто назначил срок для жизни и день для смерти. У него есть и день для воскрешения, хвала Аллаху. Все служащие Аллаху воскреснут. Сможешь ли ты повторить сказанное, неверный? — тур.)

— *О бизи чамырдан яратты, хем хаят хеми де ёлюм кюню белирлеендир. Кыямет кюню о билир.* (Он — тот, кто сотворил из глины. Тот, кто назначил срок для жизни и день для смерти. Он знает и день воскрешения. — тур.)

— *Кафир, ким сана тюрки окутту?* (Кто выучил тебя языку, неверный? — тур.) — спросил мюршид, не меняя выражения лица и голоса.

— *Анамун тилидир* (То язык моей матери. — тур.), — ответил Степан.

— *Динле ве унутма. О гёкте ве ердеки Аллахтур. О оланлары ве оладжаклары билендир. Шинди дюшюндюгюню билир. Бени кандырмак истерсин, ону да билир. Ичинде олтугун кедер ве де каранлуктан нелер булаурсун, ону билир. Кафир, бени анларсин?* (Слушай же и помни. Он — Аллах на небесах и на земле. Он знает всё. То, что ты думаешь в сей миг, знает он. И как хочешь обмануть меня, знает. Он знает и о том, что ты можешь приобрести из своего нынешнего горя и своей нынешней темноты. Ты понимаешь меня, неверный? — тур.)

Говоря, мюршид поднимал вверх обе руки и сначала как бы лепил шар, а потом вдруг сминал его. Пальцы его были белей лица. Хорошо стриженные ногти имели почти молочный цвет.

— *Бели, ишиттим, анларым* (Да, я слышу и слушаю. — тур.), — отвечал Степан, глядя на пальцы мюршида.

— *Аллаху Теала сенин аклына гелмеэнлере де кадирдюр* (Аллах способен на всё, о чем бы ни подумал ты. — тур.), — говорил мюршид, на сей раз будто взяв в руки незримый шар и медленно поднимая его к лицу. — *Аллах Джелле, кулларына рахметинден нелери ачарса ону тутар, кимсе кысамаз* (Никто не в силах остановить милость, которую Аллах открывает людям. — тур.), — мюршид отпустил бесшумно покотившийся по воздуху шар; пальцы его чуть подрагивали. — *Аллаху Теала кадирдюр ве шерика ёктур. Ол дер, олур. Онун хюкмюнден ведахи газабындан кимесе качамаз. Догру му, кафир?* (Аллах всемогущ и не имеет соперников. Он устанавливает то, что пожелает, и никто не уберется от гнева его и не избежит его закона. Так, неверный? — тур.)

Степану казалось, что пальцев у мюршида больше, чем десять: так быстро они струились. Теперь он будто перебирал струны, и те струны рождали его покорительные слова.

— *Аллаху теала биртир ве ондан башка танры ёктур, Аллах догдамы, догурмады, онун тенги ёктур* (Нет божества, достойного поклонения, кроме одного лишь Аллаха, который не родил и не был рожден и которому нет равных. — тур.), — говорил он; выражение его лица по-прежнему не менялось, и голос был ровен, как ток песка в часах. — *Аллаху теала иман саадетини калбинде тек танры олан херкес билюр. Гёклерде ве Ерте ве дахи икиси арасында хюкюм Аллахьундур. Истедигини яратыр. Аллаху теала кадирдюр, она чёллер, денизлер, бозкырлар энгел дегилтир* (О счастье веры в Аллаха знают все, кто очистил свое сердце через единобожие. Аллаху принадлежит власть над небесами, землей и тем, что между ними. Он создает, что пожелает. Аллах способен на всё, его путь не преградит ни пустыня, ни степь, ни море. — тур.), — мюршид чуть облизнул пересохшие губы. — *Христианларун «Биз Аллах эвладыыз, онун севдиги кулларыыз», дедюклерини дуярым, онлар кендилерине шуну сорсунлар: «Аллаху теала неден онлара гюнахлары ичюн элем верир?» Биз неден олтугуну билيريюз. Онлар севгили куллар дегилтир. Онлар Аллахын яраттиги ама Аллахы гёрмеи беджеремеэн инсанлардан базыларытыр. Анжак онлар дахи севгили кул олабилерлер. Сен дахи Аллахун севгили кулу олабилерсюн* (Я слышал, как христиане говорят: «Мы — сыны Господа и его возлюбленные». Пусть они спросят себя: «Отчего же Аллах причиняет им мучения за их грехи?» Мы знаем отчего! Они — не возлюбленные! Они — всего лишь одни из людей, которых сотворил Аллах, но не сумевшие увидеть Аллаха. Но они могут стать возлюбленными. Ты можешь стать возлюбленным Аллаха. — тур.), — смотревший всё время своей проповеди словно бы сквозь Степана, вдруг вперился в него так, что Степан не смог отвести взгляд. — *Дедиклерюми ишиттин ми?* (Ты слышишь сказанное мною? — тур.) — мюршид снова облизнул губы.

— *Бели, хепсини анларым* (Да, и понимаю каждое слово. — тур.), — ответил Степан тихо.

— *О халде, кафир, шуны бил ки; Аллаху теала истедюгини багышлар, диледюгини кедере гарк эдер. Аллаху теала истедюгинюн ярдымына пейгамбери Мухаммед саллаллаху алыхи vessелеми гёндерюр. Санчаги алтунда дурмак истезни керим Аллах мюкафакландырур* (Тогда ты должен понять, неверный. Аллах прощает, кого пожелает, и причиняет мучения, кому пожелает. Кому пожелает, Аллах воздаст за помощь его пророку Мухаммеду. И щедро

отблагодарит того, кто решится встать под знамена Аллаха. — *тур.*), — мюршид зачерпнул рукой незримую воду, извлекая из той воды незримую послушную рыбу, не умеющую покинуть его руку.

Чувствуя тяжелую томность, Степан ощущал, как с переборами, то застылая, то спеша, бьется зябнущее его сердце.

— *Кюнлер ве геджэлер бою халаыны дюшинюп эзиет чекмектесин амма бенюм сана вердюгом хабер чок даха севинчли* (День и ночь ты скорбишь и тешишь себя мыслями о своем освобождении, но весть, которую принес я тебе, куда более радостна. — *тур.*), — сказал мюршид, указывая в грудь Степана тонким прямым смуглым пальцем. — *Гёктеки капуларун араландугы, зинданларун айдынландугы, мелеклерин гёрюндюги, пейгамберлерин ве елчилерин гёзлеринин ачылдугы бир неджаттан бахседьерум!* (Услышь же слово мое о таком освобождении, из-за которого разверзнутся небесные врата, и озарят светом темницу, и возликуют ангелы, и возрадутся очи пророков и посланников! — *тур.*) — он повысил голос, и комната стала тем голосом полна. — *Аллаху теала инананлары дженнет бахчеси иле мяокафатландурур, дженнети ким истемез, кафирлер дахи, чюнки дженнет ебеди саадет юрдудур. Сен де саид олмак ве Аллахин сени эсиргемесини истеме мисин?* (Аллах вознаградит праведных райскими садами, ведь рай желанен всякому, даже неверному, ведь рай является обителью радостных! Хочешь ли ты радости себе, да смилостивится над тобой Аллах? — *тур.*)

Степан искал в себе нужные ответные слова.

— *Бютюн джанлылар азап дегил саадет истер* (Всякий живущий хочет радости, а не горя. — *тур.*), — сказал глухо.

— *Сенин мюршидин оладжак ве сени хем ерде хем дахи гёкте куртараджак тарике гётюреджегим* (Я буду твоим мюршидом, я наставлю тебя в твоей вере, которая спасет тебя на земле и на небе. — *тур.*), — пообещал его собеседник, всё так же не меняя выражения бесстрастного лица.

Голос его словно бы опеленал Степана.

— *Зиндандан чыкаджак ве гидеджексин. Герчек бир мяюсюман оларак намазын кыладжаксын, Аллаха якараджаксын, ниче япылыр, сана ёгретеджегим. Рамазаны шерифте оруч тутаджаксын. Фыршат булдукча садака дагытаджаксын, бу саеде сана лазым геленден даха чогуна сахип оладжаксын. Сана хедие эдилен, башыны сокажагун о эвин бюнядына гайрет гетиребилюрсин...* (Ты оставишь темницу и выйдешь прочь. Дабы оставаться истинным мусульманином, ты будешь выполнять намазы: молиться Аллаху, и я научу тебя как. Ты будешь поститься в священный месяц Рамадан. Ты будешь при всякой возможности подавать милостыню, оттого что будешь иметь куда больше, чем нужно тебе одному. Ты сможешь посвятить себя созиданию того дома, что приютил тебя и одарил тебя... — *тур.*) — мюршид снова вылепил руками призрачный, из удивительного стекла, шар и держал его на кончиках пальцев. — *...Веяхут кёле калырсын. Кёлелиги ми сечерсин?* (...Либо ты можешь остаться рабом. Ты выбираешь рабство? — *тур.*)

Пальцы его были готовы отпустить тот шар, чтобы он разбился.

— Нет, — ответил Степан, выдохнув.

Мюршид сомкнул руки и переплел пальцы, которые продолжали даже в переплетенном состоянии, шевелясь, струиться.

— *Бен дахи сени дуйдум, сенин адина севиндим* (Я тоже слышу тебя и радуюсь о тебе. — *тур.*), — сказал он, не выказывая голосом никакой

радости. — *Незжат тарикине гирмек ичюн ялнызча саг элини калдырып, нейсе ки прангасыз, дедюгими текрар етмен етер: «Ашхаду алля иляха илляллах ва ашхаду анна Мухаммадаррасуллаллах».* (Чтобы начать спасительный путь, ты всего лишь должен поднять правую руку, милостиво не стесненную кандалами, и произнести: «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». — *тур., араб.*)

Мюршид бесстрастно и устало смотрел в глаза Степана.

— Я не могу поднять руки мои. Они переломаны воинами Аллаха, — был ответ.

VII

Казачья станица — двадцать четыре казака, заглавный Наум, — в ту зиму так и не вернулась, а пришла лишь к майским дням, переждав водополе. Круг созвали поутру.

Собрались все выжившие в азовских осадах и не умершие в первый же год от покалечин.

Вышел Осип Колуженин — в легком, опоясанном темно-синим поясом голубом кафтане, в барашковой шапке. В руке — украшенная сияющими камнями булава. Вослед вынесли бунчук — ореховую палку, на ней серебряный с позолотой шар, а с шара того свисал белый султан конского хвоста.

За спиной атамана встали есаулы Корнила Ходнев и Павел Чесночихин, иная старшина, булавничий, писарь и старики казацкие.

Пред атаманом и старшиной был стол, крытый персидским ковром. На столе тихо мерцала серебряная чернильница.

Поп Куприян, по своему обыкновению задирая голову, прочитал молебен. Рыжую его бороду золотило майское солнышко.

Когда он произнес последнее «Аминь», с вала ударила пушка. Ни у одного казака не дрогнула и ресница.

— Здрaвы будем, атаманы-казаки! — прокричал высоким голосом своим Осип. — Вернулась в ночь станица, ходившая до Москвы. Будем слушать станичного атамана Наума, какую весть доведет он!

Наум был в потертых, со шпорами, желтых сапогах, в шелковом, с закидными рукавами и позолоченными шнурами, пропыленном насквозь зипуне.

Он заговорил горько, будто отпустив себя на волю и не страшась ничего:

— Батюшка православный государь наш... неторопоко держал совет с ближние бояре! Трижды перечтя казну русскую... порешили они... не брать дар наш — Азов-город!.. А велели того заместо: возвернуть город султану османскому. Дабы с тем султаном мир государев не порушить!..

Казаки стояли онемев. Бугрились воловьи лбы их.

— А дьяка нашего войскового, — густо гудел Наум, — Федора сына Иванова Порошина... посмевшего в тех советах об Азове-городе... срамить за бесстыдство бояр московских... облаяв их презренье к животам казачьим... по цареву указу заковали в кандалы... и сослали в монастырь Соловецкий! На другой край руськой земли христианской! К ледяному морю!.. Отмаливать грех поперечного слова!..

Поп Куприян торопливо закрестился, оглядывая молящим взглядом казаков: лишь бы никто не выкрикнул какой хулы на государя и слуг его...

Тимофей Разин вернулся с круга взбеленный. От злобы его шатало. Держался за грудь, будто там затянули вокруг сердца жестокий узел. С грохотом усевшись в курене за стол, хрипя, крикнул Матрене:

— Вина мне!..

...пил, как по мелкому камню сглатывал.

...выпив, грохнул ковшом о стол. Тут же замахнулся, чтоб сбить тот ковш на пол, — но, сжав кулак, кулаком тем сдвинул ковш от себя подальше, на середку стола.

Сидел с минуту.

В чаше на столе были насыпаны азовские орехи. Отец начал давить их, целиком обращая в крошево.

— Б***ин сын! — выкрикнул, не вынеся.

Матрена, зажав рот, побежала из горницы прочь, выталкивая стоявших в сенях Ивана, Степана, Якушку: чтоб не слышал никто, не видел, не помнил.

...когда к Азову вновь явилось турецкое воинство — не застали они города. Узрели же — огромный пустырь за одинокими крепостными башнями. Стены раскатали по камню.

Мосты разбили в щепы.

Минареты подорвали, обрушив.

...одна сажа, и пыль, и кладбище всюду...

На руинах не было даже собак.

Посреди сгарища остались лишь церкви Иоанна Предтечи и Николая Угодника.

Их казаки сберегли и окопали рвами.

VIII

...прежнюю корзину не уполовинил еще, а тут Абидка снова занес.

— *Сирб сени унутмамыш, явур* (Серб о тебе помнит, неверный. — *тат.*), — сказал в нарочитой строгости, а потом, поставив корзину, не пойми с чего засмеялся.

Под домотканым узорчатым сербским ковриком таилось настоящее богатство. Куль творога, от кисло пахнувшего духа которого выступила радостная слезка. Мягкий, как бабий живот, пирог с капустой, и с рыбой еще пирог. Вяленая телятина — на язык так и плеснуло теплой слюною. Сербские духмяные лепешки. Серая каменистая соль. И пузатая капуста на самом дне, от которой повеяло морозцем.

Будто за руку ведомый, Степан отломил у капустки первый листок — там ему и открылась, величиной в половину ладони, иконка.

Сердце качнуло от радости, как ребенка на качельке.

То был Спас в Силах.

Степан оглянулся по сторонам.

Он не дышал, будто пугаясь спугнуть с ладони самую буйноцветную бабочку.

Спас тот был заключен в тройную славу.

Под четырьмя углами внешней славы были различимы ангел, телец, лев и орел.

В средней, округлой славе виднелись престолы, поддерживающие Господень трон.

Во внутреннем, писанном суриком кристалле пребывал сам Спас: круглолицый, бесконечно истомленный и печальный. С набрякшими подглазьями, с разделенной надвое внизу непышной, будто ногайской брадою. Двуперстно осеняющий, бесконечно непобедимый.

...перекрестился, поцеловал.

Спрятал в солому под голову.

...Минька явился сосредоточен, сух.

С ляхом не здоровался, как не видел его. Привычно уже расстелил себе овечью шкуру, уселся по-турецки. Собрал в руку несколько длинных сухих травин и начал их, безрадостно играя, надрывать по кусочку.

Степан ожидал, что меж ними отныне начнется злая прятка, — и не угадал.

— Чего я, Степка, вспоминал надясь... — начал Минька раздумчиво. — О том годе, когда твою мать в полон брали, у вас и церкви не было в Черкасском городке.

Степан насмешливо скосился на его смазливое лицо: до чего ж сметливый янычар.

— Не вчера родился я, — разгадал Степановы гляделки Минька, рассуждая до противности сладким голосом. — Не было, так! Ни церкви, ни часовни, ни попа. Когда ж казаки ваши донские на поиски собирались, молитву сам атаман творил. Ни исповеди, ни причастия казаки не ведали тож. Чад не пойми как и крестили. Потому: басурманкой некрещеной мать была твоя! — твердо заключил Минька.

Степан разглядывал оседающую в луче света пыль: Минька, махнув шкурою, поднял.

— Всемиловитый Аллах всегда был с тобой чрез мать твою, — продолжал Минька. — Половина твоей души всегда дождалась пресвятого и великого Аллаха. Ты и в Черкасском городке, так мыслю, в татарской станице обитался подолгу, иначе б не балякал так по-татарски. Угадал ведь? Угада-а-ал... Аллах всеблагий заждался ты, Степка. Не упрямствуй, не сердди добрых людей. Слушай, как скажу! Новообращенный — получишь большие дары от паши! — Минька понизил голос и наклонился к Степану. — А то и от самого хана!.. А не только такое вот... — Минька ткнул загнутым носком татарского сапожка сербскую корзину.

Вдруг приосанился, вдохновленный новой думкой:

— ...а вот возвратился ты на Дон... Казаки донские, может, прямо и не обвинят тебя в лазучестве, Степка... Однако ж никаких посольств тебе боле не будет! Ни в Московию, ни к ногаям, ни к мурзам калмыцким! Не хуже меня ведаешь про то: для московитов всякий плененный — порченый человек. А какой еще? От православной веры отпал, в церковь не ходил, постов не блюл. И всякую скверность, как и ты, по средам, и по пятницам, и в посты едал. В Руси такой, как ты, на всю жизнь больной, проказой тронутый. Не поверит те никто, что не побасурманился. Оттого что, — Минька снова понизил голос и даже подмигнул, — и не случается здесь таких. А какие возвращаются и бают, что хранили веру, — лгут все безбожно!

Минька, бросив ободранную травину, жестко отряхнул ладони.

— Был тут один, помню! Сын мужичий. Живучи у жидовина, веру держал жидовскую и во храмы жидовские ходил. Продал его жид. Живучи у турченина,

веру держал татарскую и по-татарски маливался. Продал его турченин. Жил у греченина — и веру держал с греченином снова русьскую... Ну, так его снова продали и к эфиопам свезли теперь!.. — Минька, раскрыв зубастый рот, захохотал, не издавая, по своему обычаю, ни звука и лишь пытаюсь выдохнуть.

Сам себя оборвал и, не мешкая, зашел с другой стороны:

— Прежде, Степка, правили Русью князья, и платили дань басурманам, и были под ыми — под их единой властью. И по сей день из Москвы сюда везут дань, хотя данью считать ее не желают, а именуют ноне подарками. Лукавцы! Глупцы! То не подарки, а как была дань, так и есть. Скоро Астраханское ханство, и Казанское ханство, и ханство Шибирское вернутся в Орду единую. Все города наши, русьские, уж и розданы султаном мурзам татарским! Все поделены! Всё станет по-прежнему, Степка. Как при наших дедах и прадедах. Когда князьям нашим жить под ханами было не в ущерб и не в позор.

— Так они ж не басурманились, — сказал Степан без вызова, а как бы раздумывая. — Князья-то.

— И-и-и! — вдруг по-стариковски пропел Минька. — Да откуда тебе знать, чего они там делали в Орде за-ради ярлыка?

Степан смолчал; Минька и не ждал ответа.

— Может, с нас всё и зачинается, Степка? — спросил он, глядя благостно. — Ведь одно, когда татарове приходили на Русь, а совсем иное — когда мы с тобой придем...

У Миньки хмельно засияли глаза: верно, не впервой о том загрезился.

Лях в своем углу затих, будто прислушиваясь.

Смолкнув, Минька вдруг завалился в сторону на локоть, чтоб разглядеть ляха.

Толкнувшись рукой, снова уселся.

— Спит, — сказал, посерьезнев.

«Слов — как на пригожую вдову потратил...» — подумал Степан.

...посидев недолго, то вытягивая, как на лобызанье, то втягивая губы, Минька вдруг поднялся.

На прощанье выговорил:

— Посылок слишком у тебя. Боле не будет, Абидке скажу. Но коли захочешь — от меня принесут...

От самых дверей, не оглядываясь, но свернув голову в сторону, еще сказал:

— Гляди, если руку вдругорядь не подымешь... Не держать тогда те ни саблю, ни поводья, запомни себе.

IX

Зима донская начиналась — с ветра, кусачего, как пес.

По воде шла непрерывная рябь, травы бледнели, становилось всё меньше разноцветья. Степные буйные запахи вымещал вкус сырости — отсыревшей земли, сырого дерева, промокшей травы, скользких на дожде грив.

Потом, в одну ночь, сырость заедал неодолимый вкус хлада и вызревшего снега.

Сбегая по ступенькам куреня, Степан видел мохнатую ветвь груши в легком налете изморози. Дон еще льду не поддавался, зато протоки вымерзли враз.

...еще с померзлых и скрипучих мостков расслышал ругань на валах. Караульные казаки, ругаясь со стен, гнали прочь незваных гостей, стоящих у ворот. Гости не слушались. Бранчливая перепалка то и дело прерывалась хохотом.

Степан без труда догадался: хохлачи!

Вскоре они уже толпились у плетня разинского куреня. Хозяин, улыбаясь одной, не побитой дробью стороной лица, вышел навстречу без шапки.

Первым входил еще пуще раздобревший телом, в жупане из тонкой серебряной парчи и в синем кунтуше, Демьян Раздайбеда. Кушак — креповый, а сабля — в богатых ножнах на шелковых перевязях.

За ним — Боба. Не забыв имени младшего Разина, он, завидев его, засмеялся:

— Здоров, дядько! Как, Степанко, бьет пицаль твоя?

У Бобы теперь был шрам на лбу — белый, чуть вздутый, словно через голову протянули жилу — и она обросла мягкой кожей.

Одет Боба был богаче, чем в прошлый раз: в сафьяновых, обшитым золотом сапогах, в шапке с алым верхом.

Пока отец обнимался и перешучивался с Демьяном, Боба сообщил Степану, что в прошлый месяц они били шляхту, и, вынув из сапога, показал совсем малый пистоль:

— У шляхетной ляшки под юбкой нашел! — пояснил шепотом, голосом, почти звенящим.

Степан принял в ладонь пистоль так, словно тот нес еще тепло ляшки.

К ним, стесненный, подошел Якушка, поклонился. Боба поднял глаза и, миг оценив мальчика, лишь кивнул, снова продолжив говорить только со Степаном.

...но за стол Боба — уселся, а двенадцатилетнему Степану еще было рано.

Иван, зная о том, что ему тоже места не найдется, возился в проездном сарае с упряжью, а потом ушел к гумну точить косы.

Счастливая явленьем земляков, Матрена ухаживала за хохлачами особенно старательно и, если какой казак выходил в сени, ловила, расспрашивала про дела в украинских городках; иных из тех названий Степан и не ведал.

...к вечеру — будто зашедший мимоходом — Корнила Ходнев от дверей кликнул Тимофея: выдь на час.

На улице Корнила злым шепотом говорил:

— Слышал, что стряслось, Тимоха?

Разин смолчал, дожидаясь разгадки, — но и Корнила, бледный от злости, не спешил, а смотрел куда-то в сторону часовни, где неожиданно загудел в один, будто бы случайный, удар колокол.

— Говори ж... — попросил наконец Разин.

— Хохлачи хвастают тем, что побиили шедший с Московии на Крым царев караван, — ответил Корнила, глядя Разину в глаза.

— Мои гости не хвастают, — сказал Тимофей.

— И не ведают о том? — изгально спросил Корнила.

— О том не вспоминали никак, — ответил Тимофей и оглянулся на курень: там засмеялась Матрена и тут же раскатисто загрохотал Раздайбеда.

— Помимо караванных людей и посла нашего, сечевики взяли в полон и турецкого посла, — раскрыл Корнила. — Государевы послы везли грамоты к султану. Их сечевики силком отняли, доставили сюда и Осипу да Науму в сей час понесли.

Тимофей отер мелкий крупистый снег со лба.

— А на кой? — спросил, хмурясь.

— На кой? — опять озлился Корнила. — А такая их забава... Как они рассудили, Тимоха. Государь не принял от нас, казаков, Азов-город? По той причине, должно, Войско Донское смертно рассержено на Москву! Так разобиделись мы, что пограбленный караван простим своим братьям-сечевикам! Они ж нам такие братья! Крепче не сыскать! — Корнила язвил. — Когда бы наши бояре не отказались от Азова, сечевики б не явились с подобной вестью! — продолжал он. — Они б ввали напропалую, что караван побили не они, а татарове!.. А теперь грамотку доставили: гляди, какие угодливые!

— А что в грамотке? — спросил Тимофей.

— А в грамотке той султану государь именует казаков... «ворами!» — ответил Корнила. — Сами сечевики, пальцем вода по свитку, зачитали!.. И я заглянул! Так и писано: де, воры мы. И еще писано султану от государя: казаки на Дону без призора одичали, творят, что пожелают: то крымски берега шерстят, то Азов воюют... А он-де про то не ведает.

— Так и не ведает? — повторил Тимофей, нехорошо скалясь.

— Брось, Тимофей, — оборвал его Корнила. — То дело государево, как ему с османами вести дела и какие им грамотки слать. Не нашего ума то! Наше же дело — стоять крепко, где стоим. Жалованье царево едим? Едим! Заботу свою Москва выказывает? Выказывает!..

— Корнила! — чуть пропел Разин, отирая усы от настырной ледяной мороси. — Так не шлет же ж! Не шлет жалованье второй год! Пороховых запасов не шлет! Скоро пушки нечем будет заряжать! Заботу, эти нашу мать, не выказывает нам! Голым задом в сию зиму будем ногаев с валов пужать!

Корнила схватил Тимоху за плечо, потрянул. Тот двинул плечом, смахивая руку.

— Нельзя идти на поводу у хохлачей, Тимоха! — примирительно заговорил Корнила, сбавляя голос. — Они со своей шляхтой режутся насмерть! Они с королем своим не в ладах! Так им завидно, что у нас с государем иначе! Они желают и нам той же доли! Подтравливают нас на Москву!

Тимофей несогласно крутнул башкой.

— Я не вор, Корнила, а ты сам реши за себя. А я — не вор. На Монастырском яру три тысячи схоронили — все не воры. За каждого скажу: не вор. По мне, хоть три жалованья заплати, а вором себя считать не стану.

— Не то говоришь, Тимоха, — снова оборвал, досадуя, Корнила.

— Скажи то.

— Прибывших хохлачей надо гнать с Дона! Нечего разговоры с ними водить.

— Так, значит? — Тимофей развернулся, встав лицом к лицу с Корнилой. — ...может, их еще и Москве выдать?

Корнила смолчал, мелко рубя нагайкой порхающий у ноги снежок.

Тимофей шепотом отчеканил:

— Москва христианскую казачью кровь — за кровь не считает.

— Царь — помазанник Божий, — ответил Корнила.

— Царь — помазанник, а кровь нашу льют — как из ведра свиньям, — сказал Тимофей.

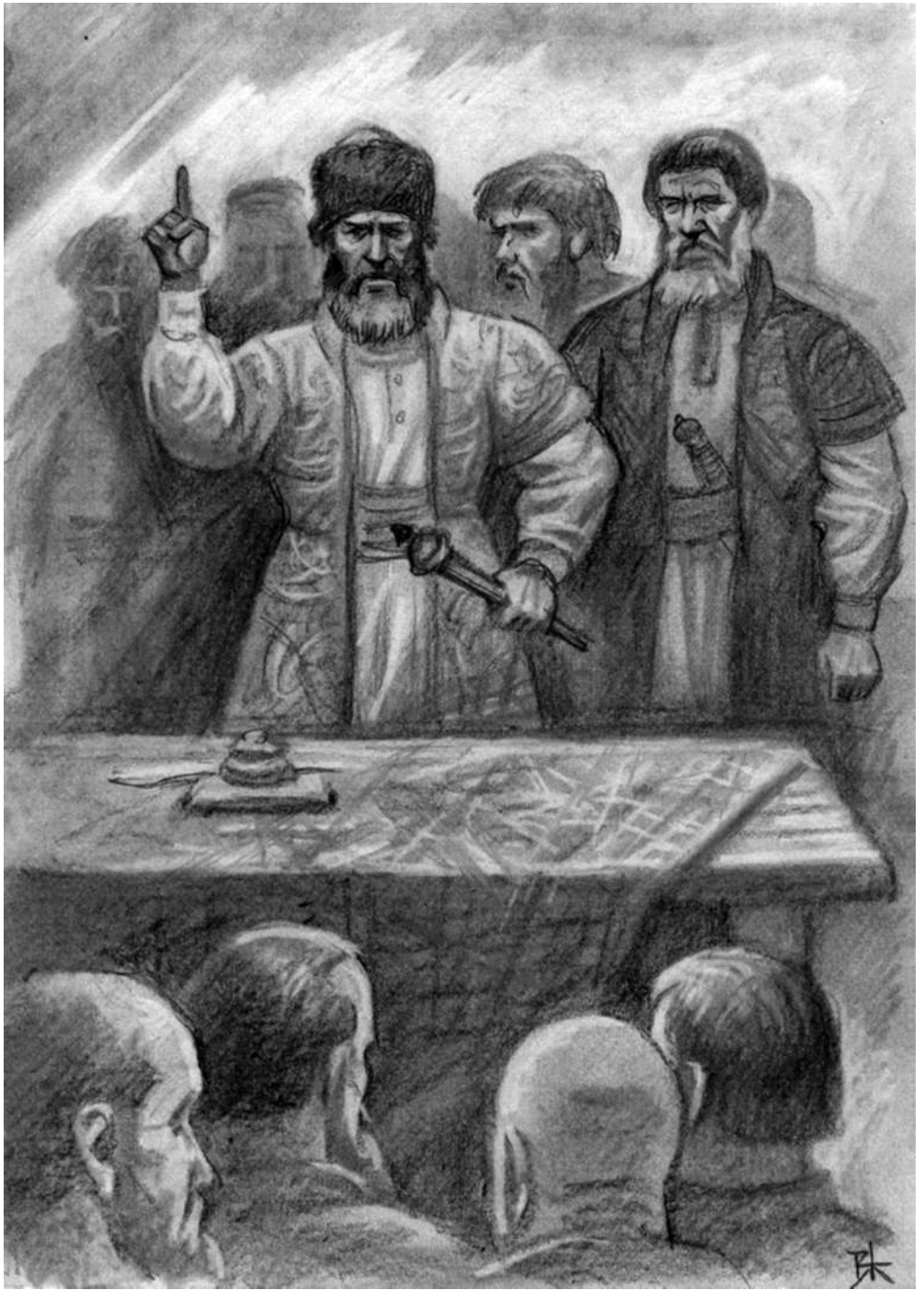

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Корнила громко втянул ноздрями воздух.

— Хохлачи с нами имали Азов, — начал Тимофей медленно, вытягивая каждое слово, как грузило из воды. — Их там в азовских камнях — как и нас смолото.

— Как и нас... — повторил Корнила. — Но ты так сказываешь, будто хохлачи заране догадались, что в грамоте написано, когда разбоем брали караван.

— А и не догадались, — легко и зло согласился Тимофей. — Ты желаешь, чтоб я посла пожалел, — апосля того, как московские бояре нас не пожалели?

— На том перелазе они нарочно дожидались русского посольства! — гнул свое Корнила. — Да только русский посол проследовал там за несколько дней до того. Хохлачи кинулись за ним вослед — и нагнали-таки. Они, Тимофей, даже не наживы своей ради бросились.

— А ради чего?

— А раздора нашего для, говорю ж! Чего ты не расслышишь меня никак? — Корнила уже и не слишком сдерживал голоса своего. — Хохлач — брат наш во всяком походе и всякой битве с бусурманами! Однако ж, Тимофей, знай. Дончаку всегда легче — он на своего царя хоть через раз, да оглядывается. А сечевик — под чужим королем ходит, он ляцкой проповедью травлен, и оттого веры у него нет никому. Они зарежут русского посла, чтоб проведать, что московский царь пишет турецкому султану. Потом турецкого посла прирежут, чтоб разгадать, что у султана на уме. Следом зашлют гонцов в обе стороны — с присягами.

— Пойдем, их самих спросим — зашлют ли? — нежданно предложил Тимофей.

— Не пойду, — уперся Корнила.

— Ты сечевиков боишься?

— Тимоха... не говори такого мне...

— Ну так пойдем?

Корнила сплюнул:

— ...а пойдем.

...через час захмелевший Раздайбеда, то ли шуткуя, то ли всерьез спрашивал Корнилу:

— Раз ты ходил со станицей до Москвы, батько Корнила, нет ли у ты московских бояр в дружках, чтоб умолили государя принять под свою руку малороссийскую Сечь? С Киевым в придачу?

— Вы перейдете в подданство, а як чога не по-вашему, побежите в другу сторону, к униатам своим, переговаривать наново, — насмешничал Корнила, нарочито путая донской выговор с малоруським.

— А то вы сами не бегаете, — отвечал добродушно Раздайбеда.

— Мы не бегаем, а стоим, где стояли, — отвечал Корнила, медленно поднимая руку, сжатую в кулак, — и, вдруг сильно стукнул себя по груди, там, где, невидимый, висел крест. — Казак православный токмо царю православному и может служить, какой бы вольный ни был, ибо за казацкой волей глядит всеблагой Христос, а у Христа православный царь на земле один самовластный — русский. Других нетути.

Раздайбеда и не спорил, а Боба и вовсе ел, в три слоя покрывая тертым хреном холодец и глядя на всех смеющимися глазами.

Корнила не скрывал раздраженья.

— ...на Северском Донце не ваши ли сечевики без зазрения напали на струги верховых донских казаков, пограбив и погубив их? — допрашивал он.

Раздайбеда крутил головой и крестился:

— Нет, Корнила, не мы, Христом Богом клянуся.

— А в землях воронежских — о прошлом месяце обидели русских купцов, отняв у них всё и утопив всех, не вы ли? — продолжал Корнила.

Раздайбеда без подвоха переспрашивал:

— А верно ль, что не ваши верховые казаки учудили ту подлость, батька Корнила? Откель можно ведать про то, ежели всех, как сказываешь, побили? Как мы будем бить православного человека, когда мы — ветвь одного корення?

— Корення... — передразнил Корнила и перевел глаза на Тимофея с тем видом, что веры средь хохлачей нет никому.

X

Сколько Степан себя помнил, он просыпался в радости.

Выплывало сознание, как каюк, из тумана — и сразу, какой ни была б его постель, — первые слова его были: «Господи, помилуй, как же пригоже всё у тебя...»

...в степных переходах лежали рядом вповалку братья, одежда в присохшей крови, и кто-то в полусне или бреду шептал то по-русски, то по-черкесски, то не пойми как. Он, очнувшись, думал: «Спасе мой, Спасе».

...сладко было просыпаться в стружке, в изнуряющем майском поиске, где и сон был — не сон, а черный обморок, и сквозь обморок всё время являлись вёсла, которые, падая, гасят звёзды, но спустя миг звёзды снова оживают и множатся, с вёсел стекая; и, еще не открыв воспаленные, словно бы раздавленные бессонницей глаза, — слышать море, и еще как в соседнем стружке — не плачет, чтоб не прибили, но по-собачьи, не в силах сдержать себя, скулит молодая ясырка...

...а какой трепет на душе — в час возвращения с поиска! Зной струится навстречу, облака рябят на воде. Всё больше, меж скрипом уключин, слышится голосов на берегах, а вот и колокол ударил, и звон коснулся чела...

...и все свершенные на поисках грехи уносит вспять донская вода.

...или же очнуться не пойми где, с возникшим в ушах тем самым, неделями слышимым струеньем воды о борта, — и вдруг сладко догадаться: он в курене, и курень никуда не плывет, а он вернулся, и сундуки его полны...

...просыпаться на летних охотах, тут же слыша смиренный, освежеванный дух битого зверья, и усеянное серебряным крошевом небо, и будто сошедшее к самой голове душное разнотравье, и первые птичьи голоса, понимаемые им так же, как понимал он разноязыкую речь базаров.

...как хорошо было пробуждаться в ноябрьские черкасские дни, когда сыплют по чакану крыш дожди, и носится ветер, вдруг с разгону толкаясь в плетни, и дрожит, завывая, терновник, и шумит вода в протоках, хлеща с размаху по сваям мостков, и прячутся собаки в конуры, громыхая цепями.

...и когда вставшая в три утра, долго молившаяся Матрена уже готовит, и запасы рыбы, мяса, солений и дров в их удачливом хозяйстве еще велики, и вдруг замечаешь сквозь бычий пузырь окошка: выпал снег.

...и когда от голода сводит уже не нутро, а душу, и жрать нынче тоже придется всё ту же рыбу, — но лед на Дону дал длинную трещину, и до мая они всё равно доживут: и Матрена, и Якушка, и брат Иван, и отец, и Мевлюдка...

...и в марте, открыв посреди ночи глаза, лежать оглушенным капелью, стучавшей на сотни голосов. Когда вокруг куреня, рыхлый, шумно оседает снег — будто кто-то чужой, но не страшный ходит и заглядывает во все оконца. Станет, постоит. Снова идет...

...и когда отцвел абрикос, а в степи буйствуют горицвет и лохмач, и кружатся пчёлы над цветами, а шмели над алычой, и вечерами лягушки орут с такой силою, словно Черкасск обратился в лягушачье царство...

...или ж проснуться после хмельной ночи на крыше у дружков-ногаев в их станице на краю Черкаска и, встречая майский полдень, снова пить бузу, сидеть с ними, с крыши не слезая, дивясь, что идущие или едущие мимо казаки, деревья, бараны, бабы, стоящий возле куреня верблюд, куры — выглядят совсем иначе, потешней. И смеяться надо всем, путая ногайскую речь с русской, и, падая на крышу, прятаться от бредущих мимо ногайских стариков. И, сойдя наконец вниз, бродить из одного татарского куреня в другой, повсюду без стеснения угощаясь. И вдруг расслышать домбру, пиликающий кобыз, и увидеть, как немолодой уже ногой выкатился посередь толпы, раздул щеки, вскинул руки, издал рык и... так и остался стоять, шевелимый блаженными судорогами. Тут же в его поддержку раздаётся мычанье других ногайцев, и все они затягивают свою дикую песню — из одного, как коровья жвачка, бесконечного слова. И от немолодого ногоя судороги перекидываются на других — и вот уже вокруг Степана стоят все его товарищи ногайцы, то мыча, то крякая, то вскрикивая. Раздувают щеки, вскидывают руки, во все стороны качают хмельными головами, перетаптываются на месте по-медвежьи. И, влекомый происходящим, Степан, отрешившись от себя самого, топчется тоже, скрывая за вялыми движениями огромную силу, слыша, как переливается кровь и буза в нем, и ощущая при том, что сон его так и не закончился и всё вокруг — марево, блажь.

...или ж очнуться в монастырских трудниках, когда надо поспешать к заутрене, и будет долгая служба, и он будет слушать пение, и любоваться на по-котеночьи пугающиеся всякого сквозняка огоньки свечей, и снова смиренно ждать, когда раскроется его сердце и коснется его негаданное тепло...

...ему было тепло и сейчас, в азовском его сентябре: оттого, что сено было свежим, а в корзине лежали лепешки, и рыба, и дюжина вареных яиц, и груши, и яблоки, и абрикосы, и вдруг вопил муэдзин, и свет оконного проема пах недавним дождем, и возможно было расслышать, как азовские бабы выплескивают помои на сырую дорогу.

Рассвет приходил всё позже.

И переломанная нога уже не ломила, не ныла, как прежде, и синева сошла с плеч и рук, и сломанная грудина заживала сама собой, и битая голова его возвращала прежние свои очертания, и глаза — видели.

...в полдень разодетый Минька, кидая Степану обновки, торопил: — Сбирайся, собирайся, Степка...

Глядел, часто моргая, как Степан, задрав шаровары, тянет на опухшие еще ступни принесенные им червчатые теплые чувяки.

Вошел молдаванин, волоча новые, как боярские сани, носилки. Полотно у них было крепкое, а не драное, а рукояти — гладкие и с коньками на концах.

Молдаванину помог уже виденный Степаном валуйский Петр, из невольников, побасурманившийся и взятый в службы.

Во дворе ждала волом запряженная повозка. Абидка сидел возницей.

Петр торопливо застелил Степаново место медвежьей шкурой.

«Не то к хану повезут...» — дивился Степан, привычно не ожидая ничего, кроме подвоха.

Кухари стучали ножами. Из раскрытых кухонных дверей валил пар. Над кучей рыбьей чешуи, очисток и объедков густо брнужали огромные мухи.

У коновязи гнедой конь в дорогой сбруе обмахивался хвостом.

Журчал фонтан.

Минька довольно оглядел Степана, наряженного им, не по теплой еще погоде, в кобянку. Махнул Абидке рукой: трогай.

Повозка выкатила в раскрытые ворота.

Отставший было Минька скоро нагнал их на том самом гнедом.

Степан, чтоб не глядеть на Миньку, тут же, вытянув ноги, улёгся на спину.

Улочка была узка, горбата.

Пахло помоями и вареной кукурузой.

Несколько татарских женщин, несущих на головах тазы с бельем, прошли навстречу.

Игравший у дороги чумазый мальчик, завидев проезжавших, нагнал повозку и, упав на ее край загорелым голым животом, болтал босыми ногами. Некоторое время он катился так, не глядя на Степана, будто тот был чем-то неживым, вроде снастей.

— Кул! (Раб! — тат.) — крикнул мальчик, сильно ударив Степана по колену, и спрыгнул в лужу.

Минька, свистя, оглянулся на татарчонка. Тот еще звонче свистнул в ответ, так и оставаясь посреди лужи.

Миновали сад: слуга, рус по виду, стоя за высокой оградой, стриг засохшие ветки черешни.

Показались вычурные, в два этажа, с многочисленными балконами и лестницами, татарские хоромы.

Проехали зеленые ворота, с начертанными на них многими полумесяцами.

Близкая, открылась ставня. Из окна пахнуло кальянным дымом.

Мелькнула белая тонкая рука: ногти были крашены темно-красным цветом.

Съехали с широкой дороги в сторону. Чавкая колесами по грязи, со спуска на подъем, катили кривыми путями вдоль татарских лачуг.

Степан видел: везут в сторону Дона.

«Неужели на мен?» — думал насмешливо, сам себе не веря.

XI

В предпоследний апрельский день Степана пробудило небесное пение: вытягивая шею, за черными тягучими облаками кричали незримые птицы.

Он открыл глаза и сел на лавке.

ТУМА

Никаких птиц не было.

...не слухом, а существом своим осознал: городок вмиг очнулся весь. В сенцах уронила пустые ведра выбежавшая Матрена.

Били в котлы тревогу.

Иван кружил по куреню, сминая стеленную овчину и безуспешно пытаясь запрыгнуть в шаровары. Яков, сидя на лавке, одевался так прилежно, словно был собственной куклой, — и только поглядывал в дверь: а где матушка, а когда придет.

В соседних дворах заорал, загоношил скот.

Мимо куреня, надрывно крича, проскакали конные казаки.

— Беда, детушки, — сказал уже одетый отец будничным голосом.

Он стоял посреди куреня, проверяя, ничего ль не запамятовал.

Тут же колокол будто сорвался и покатился с горы, а человеческих криков, ржання, воя, свиста стало в разы, обвальное, больше.

...чужие трубы на той стороне Дона верещали так, как если бы в самом густом лесу каждое дерево обрело голос и возопило.

— Матрену слушайте! — перекрикивая нисходящий на Черкасск ад, велел отец. — Скажет бежать — бегите, чада.

Не закрывая дверей и с Матреной не простившись, вышел и уже во дворе, вспрыгивая на коня, крикнул Мевлюду:

— Проломят — бегите на каюке!

Привычного «а-люб-ба!» Степан не расслышал.

— На валы пойду! — выпалил, тараща глаза, Иван, справившись наконец с шароварами. — Кто ж там явился-то?

— Смертушка, — по-взрослому ответил Яков.

...на валах городка шла свалка. Слышался непрерывный лязг, крик.

Всё ближе, накатывая, вгоняя в дрожь всю душу целиком, звучали чужие литавры, рога, цимбалы, набаты.

И лишь пушек и ружей казачьих слышно не было: пороховой запас в Черкасске закончился еще в декабре.

Воздух сек непрерывный свист татарских стрел. Всё чаще падали те стрелы посреди городка, утыкивая куреня и мостки, рая лошадей, скотину, казаков, баб.

Бешено лаяли во все стороны собаки. Металась домашняя птица, взлетая необычайно высоко и падая на бегущих казачек, тащивших на руках малых детей и пихавших впереди себя тех, кто мог бежать сам.

— Бросайте всё! — пронесся охлюпкой казак, размахивая саблей. — Не сдержим поганых!..

...Степан увидел, как, завалив плетень, незнакомые воины с разных сторон окружают жилище Корнилы Ходнева.

И лишь спустя миг догадался: татарва!.. Уже пришли! Явились!

Матрена, став посреди двора, странным, чужим, слишком высоким голосом крикнула:

— К протоке отец велел вам! На воду!..

Иван не шевельнулся. На боку его висела сабля, за спиной — карабин.

Матрена беспомощно посмотрела на Ивана. Потом махнула рукой и некрасиво, по-бабьи, села на ледяную землю.

—...нехай нас всех тут побьют, — сказала.

Иван, зарывав, бросился к Матрене: поднимать ее.

...с базара бежали ночевавшие там торговые люди: московские — в распахнутых кафтанах, в заломленных на затылок шапках, персидские, сверкающие ошалелыми глазами, — в чалмах, эллинские, чернявые и губастые, — в шляпах с полями.

Повсюду валялись тюки с просыпанным товаром, уздечки, сёдла, гроздь ожерелий. То медно, то серебряно мигала в разгоравшихся огнях посуда, хрустел побитый хрусталь. Из пробитой бочки лилось в жирную лужу вино, пробивая в грязном песке тонкую черную дорогу.

...Разины пробежали через расстеленную дорожку дорогого сукна к протоке.

В каюке их дожидался Мевлюд.

Увязавшийся за ними жеребец Ворон недолго трусил вдоль протоки, но поперек его пути выкатилась повозка — и, сломав ось, завалилась.

Старуха несла вдоль воды кричащего годовалого ребенка — дитя извивалось, указывая во все стороны растопыренными пальцами.

Калечного казака на бегу спихнули в апрельскую воду; он сразу канул, будто каменный.

Дребезг, лязг, визг слились в единый тошнотворный гомон: будто над адом подняли крышку. Пестрела огненными языками вода. Черкасский колокол стал различим и запропал в реве.

С протоки казалось, что черкасский люд бежит во все стороны сразу, словно земля зашаталась и стороны света спутались.

Последнее, что Степан разглядел: кто-то, будто от шума, захлопнул закрытые ставни в курене.

...толкнулись боками с каюком, где сидели дед Чернойрец со старухой, их невестка, прочая разномастная сопливая Чернойрецова поросль, самый старший среди которых был Ванька, а самый малой — меньше годочка, у невестки на руках; лез по матери, как по дереву, хватая ее то за губу, то за ухо.

Протокой вышли на большое донское течение. Погнали на самую средину, торопясь отстать подальше от берегов, чтоб не побили из луков.

Смертный гомон так и висел над ними, не отставая, кружа, изводя жутью.

...только за излучкой — Мевлюд, на удивленье ловко, хакая, греб, — шум начал ослабевать. Лишь по воде будто бы тек тихий гуд.

На еще заснеженных берегах изредка показывались за камышами конные татары, но стрел не тратили.

...вскоре стал различим плеск воды. С берега раздалось стрекотанье одинокой птицы.

Матрена смотрела в сторону невидимого уже, но дымящего пожарами Черкаска. Яков не шевелился. Мевлюд безмолвно плакал, не утирая слёз.

...каюки и струги убежавших растянулись на несколько верст.

Одни отставали, другие гнали вперед.

В рукавах и протоках расходились кто куда считал верней.

ТУМА

За Разиными так и шли Черноярцы; греб Иван. Он рос длинным, рукастым, очень сильным, но в их каюке было больше людей.

Старуха Черноярца сидела как черная безглазая птица.

...раздался выстрел; следом — крики; свист стрел; снова крики...

Разины пошли рукавом, уходя от засад.

Навстречу им выгребли Минаевы. Молча, как окаменевшие, замахали руками, указывая на правый берег, в камыши.

Мевлюд, багровея сразу всем круглым безбородым лицом, закусив верхнюю губу, остервенело погреб к тому берегу.

...ползком, черпая рукавами воду, братья Разины размяли посреди камыша дорожку и затащили каюк в камыши.

Влекли его всё дальше вглубь, в камышовые заросли, пока не пропали из вида вовсе.

...не слишком далеко раздался вопль и дурная предсмертная суতোлка; и крики татарвы:

— *Бу ере! Чек! Чек! (Сюда! Тащи! Тащи! — тат.)*

...шумная суетня приблизилась.

Иван, сжав топорик, завалился на бок, ожидая...

Оказалось: Ивашка Черноярец с дедом затащивали в камыш свой каюк.

...у молодой их бабы вдруг вскрикнул — сквозь материнскую руку, зажимающую рот его, — младенец.

Дед Ларион хапнул ребенка из бабьих объятий и тут же сунул, как полено, в стылую воду. Баба рванулась к Лариону, но дед безжалостно сгреб всё её лицо в другую, раскорячившуюся пауком длань, сминая ей неумолимыми перстами рот, скулы, виски, как глину, другой же рукою продолжая держать младенца под водой.

Баба, теряя сознание, осела.

Спустя недолгое время дед вытащил из воды онемело обвисшую, побелевшую, в красных пятнах, клешню. Сжал-разжал кулак, разгоня застывшую в жилах руду.

...к ночи вышли на каюке из едва проницаемой серой мари навстречу — нос в нос — казачьему, на стружке, дозору, державшему вёсла на весу, ружья наготове.

Не сумели уже ни напугаться, ни обрадоваться.

Кровь их закислелась.

Якушка не переставая лязгал зубами.

В лице Матрены не нашлось бы и кровинки, и губы ее как растворились.

К станции Верхние Раздоры, откуда ходил дозор, татарва не пришла.

...в натопленном курене у беленой, набухшей жаром печи плоть их оживала.

Ивану со Степаном поднесли по ковшу крепкого вина.

Сжимали те ковши непослушными ладонями, лили неразличимое на вкус в стылые рты.

Под висками обрывочно застучало. Нехотя поползла красная кисельная жижа сквозь занемелую плоть.

Поднесли в плошке обжаренное, шипящее сало.

Ни пальцы, схватившие его, ни рты ожога не ощутили.
Начали жевать — глаза у братьев стали круглые, слюдяные.
Якушка всё лязгал зубами и не мог ничего прожевать.
...кутав всех троих шкурами, Матрена тоже, зажмурившись, выпила.
И, хоть не могла по-прежнему произнести ни слова, будто отрешившись от своего тела, деревянно пошла до хозяйки куреня в сени.
Вернулась, неся в руках сухие порты и рубахи.
Все трое ее казаков безропотно разделись донага.
Матрена развесила на печи насквозь сырые одежды.
Растерла хлебным вином Якова, зажав его голову под мышку, чтоб не лязгал ртом. За ним — Степана, ставшего, без стыда, столбом перед ней.
За ним — Ивана; и тот — дался.
...только потом занялась собой.

...крепко, потерянно спавшего Степана растолкал старший брат. Голос плохо слушался Ивана, он сипел:

— Слышь? Стёп? Шумят...

Заполошная жуть сжала сердце: вослед за Черкасским городком явились татарове в Раздоры!..

В курене трепетали лампы. Кто-то грохнул дверями, выбегая.

Матрена с Якушкой спали в соседней землянке: надо было скорей разыскать их, не потеряться.

Всё происходило будто в тягучей одуре.

Похватили высохшие кафтаны, влезли в теплые рукава.

Ткнувшись друг в друга, стали на крыльце.

Горели, расплескивая языки, факелы. Огромные тени проносились по лужам. Тоскливо, умученно ржали во тьме лошади.

Не стучали тулумбасы, не взывали трубы, не громыхали ружья, не свистели стрелы, — не звучало того отчаянного хора, что со вчерашнего дня так и клокотал в голове...

Никто никуда не бежал.

Шла перекличка.

— Прокопий!

— Тута!

— Мартын!

— Слышу!

— Агей!.. Агей!

— ...с лекарями Агейка!

— Емельян!

— Здесь!..

...двинулись на близкие голоса, к мутящимся теням.

Всё было как длящийся, обморочный сон.

Возле прокричали:

— С Черкаска!.. Горсть и еще полгорсти! Вернулись! Засадной отряд! Весь день кружили с татарвой по степи!.. Насилу отбили их!

— Батька, батька, батька... — повторял беззвучно, одними губами, Степан, пробираясь меж присталых лошадей и задирая голову.

...грязные бороды, бесноватые глаза...

ТУМА

...лошадиные морды в кровавой пене...

Отец окликнул сынов сам.

Он был на чужом коне. Без шапки. Дробные выемки в изуродованной щеке забиты грязью.

Смотрели друг на друга так, будто виделись жизнь назад.

— ...здесь? — спросил Тимофей, чуть склонившись и вглядываясь сыновьям в лица. — ...Яшка с вами?.. Матренушка?..

XII

...по конскому ржанью, по густеющему навозному и сенному духу догадался: везут на конный торг.

Минька подмигнул:

— Пособишь подобрать лошадку, Степка? У вас, слыхивал, добрые базары в Черкасске... Ногаи пригнали утрось табун отборный. И кызылбашские люди торгуют, а у них товар случается — эх!..

...азовский конный торг был вынесен за городские стены.

Проехали мимо Дона, такого близкого, но дотянуться к нему было — как до матери во сне.

Издалека гладь водная казалась недвижимой. Камыш на том берегу был выжжен. Далеко виднелась степь, и над ней — несчетные облака. Над тем берегом висел беркут.

У конного торгога стояли в ряд несколько едален и кофейен.

В гостевых клетях шумели.

Пахло жареной камбалой, овечьим сыром, зеленью, бараниной.

У кофейен, под открытым небом, сидели множество людей в тюрбанах. Одни курили кальян, другие дремали.

Неподалеку виднелся прогон, через который, верша счет, загоняли лошадей.

Указывая путь повозке, Минька первым заехал в раскрытые ворота с той стороны, где торговали ослами.

Торговцы в татарских халатах сидели подле ослов на сене. Многие пили кофе. Высокие кофейники стояли тут же.

Миновали загон с пастушьими собаками. Собаки, безучастные ко всему, спали; лишь две молча бегали вдоль изгороди.

Степан примечал ногайские, турские, черкесские, славянские, греческие, кызылбашские, ляхские, сербские, цыганские лица и платья. Тюрбаны, замшевые калфаки, матерчатые буреки, башлыки, шубары, валяные колпаки, папахи, роговки, тибетейки — всё здесь мешалось, как в грибной жарехе.

Разноязыкие выкрики были понятны ему.

Меж рядами ходили толмачи, громко предлагая помощь:

— *Чингенелернен, ногайларнен, эрменилернен хонуша билирим! Кельдиниз эки аяхла, кетерсиз дерт аяхла!* (Говорю с цыганами, с ногаями, с армянами! Пришли на двоих, уйдете на четырех! — тат.)

— *Хандлюе для ляха, для русака, для вшелякего словэна, волоха и булгажина! В блонд не впровадзе, скшивдзичь не позволе!* (Торгую для ляха,

для русака, для всякого словена, для валаха и болгарина! Не введу в обман, в обиду не дам! — пол.)

Минька часто останавливался.

Минюя низкорослых пузатых ногайских лошадей, смотрел иные породы. Не отвечая на поклоны и таратористую речь торговцев, призывал Степана разделить с ним радость.

— Взгляни, Степка! А?.. — кричал, и тут же торговцу: — Да отстань ты, рожа неумытая... Аз сам себе сынши. Заморенная, гляжу, кобыла твоя! Через кудыкину гору, что ли, довел ее сюда... Всех, кто навстречу шел, обогнал на ей?.. Собаке оставь на праздник!.. Во-о-он к той пойдем приценимся лучше, слышу, зовет меня. Степка? Слышишь, что зовет?

Степан перетерял и перегубил лошадей несчетно, и хоть всякую бурушку свою и каурушку помнил, и прочих соловых, и буланых, и гнедых, и вороных тож, — но прикипать сердцем отучил себя. Однако восторг втайне всё равно настигал его, когда видел, как по тонким и сухим ногам лошадиным пробегает легкая дрожь.

Минька из притороченной сумы достал морковь — и сразу, криво сцепив пальцами, три крупные морквы кинул Степану:

— Сам не съешь всё, тебе еще дам, побалуи лошадок-то, до какой дотянешься. Пусть поглядят тебя губой, Степка!..

Минька, наскоро отерев рукой морковку, с хрустом откусил, жмурясь, начал грызть.

...тот вороной, что привлек внимание Миньки, был не ногайский, а кызылбашский.

Конь будто знал, что им любят. Чуткие его уши в стоящем гаме, верблюжьем реве, ослиных воплях различали всё, что касалось его: окрик хозяйина, близкие удары хлыстов, раздававшийся поблизости собачий лай.

Спешившись, Минька подошел к нему на чуть пригибающихся от восхищения ногах. В холке конь был с него ростом.

С наигранным неудовольствием вороной пошел по загону кругом, без упрека неся сухую, точеную голову с удивительно прямой линией лба и переносья.

Минька следовал, как привязанный, вослед.

Угостил коня морковкой. Тот пошел за ним, благодушно фыркая, изящно переставляя стройные, с длинными бабками, тонкие ноги. Минька зарделся.

— Степка, ты разглядел? — крикнул, оглядываясь на повозку. — Вот коник! В нем же руда бриллиантова течет! У него, видно, Горыныч Змей в отцах!

...на подошедшего продавца, опознавшего русскую речь, и воскликнувшего — «Добырый! Кароший!», — Минька глянул хмуро, разговора не подержал.

...сделали полный круг по торгу.

Минька вспотел, накричался.

Наскоро влюбился еще в одного, валашского, жеребца и тут же к нему охладел за злой голос.

У ворот, перекивая оголодавших ослов, нагнулся с коня к Степану:

— Берем? Того? Змея сына Горыныча?.. Кня-а-ажеский!

ТУМА

Степан молча пожевал губами: не его торг.

...Минька кликнул сидевшего при воротах татарина — видно, ему знакомого. Тот споро подбежал. Склонившись, Минька долго пояснял: какого, за сколько.

— *Артык олмаз, бак!* (И не больше, гляди! — *тат.*) — крикнул вослед.

Дожидались в каменном караван-сараяе, где Минька заказал овечьего сыра с бараниной.

Нетерпеливый, жуя на ходу, вышел на улицу, будто и не волнуясь, что Степан сумеет укывлять или с кем перекинуться запретным словом.

...едва оставшись один, Степан поднял голову, чтоб оглядеться, что здесь за люд; сразу поймал на себе острый пригляд татарчонка, стоявшего неподалеку. Неотрывно, как суслик, он глядел на Степана.

...когда час спустя Степан, придерживаемый возницей, усаживался в повозку, там лежали: черной кожи седло, изукрашенная сбруя, боевые стремяна, потник, попона.

Минька, стоя у повозки, всё перебрал, перетрогал, помял, понюхал.

Остался предоволен.

...в тюремном дворе, привязывая восхитительного кызылбашского вороного к столбу, Минька говорил Степану:

— Ты пока посидишь, а он тебя дождется тут. Голос запомнил его? В окошко слушай, как зовет. Как пожелаешь выйти, он и тут... Имя сам дашь али мне?

Степан сидел на краю повозки, дожидаясь молдаванина, и покачивал больною ногой.

— Всё гадаю... — ответил. — Тебя самого-то как звать, Минь?

Минька прищурился, решая. Собрав брови и посуровев голосом, сказал твердо:

— Мехмет. Мехмет мое имя.

— Султанское, — уважливо кивнул Степан. — Здоров будь, Мехмет... А меня как звать станут — подобрал?

Минька не слишком доверчиво оскалил одну сторону рта, вглядываясь в Степана. Решившись, вкрадчиво предложил:

— Сулейман?

— Мыслишь, так? — Степан задумался.

Минька молчал, выглядывая в Степановых глазах насмешку, однако веря еще в удачу.

Здрав в темнеющее небо голову, где летала чайка-хохотунья, Степан погрезил:

— ...встретились два казаченьки, Мехмет один, другой Сулейман... Песню б такую сложить, да?..

Минька проморгался.

— Никак, потешаешься? — спросил.

...молдаванин спешил к повозке, волоча носилки.

Кызылбашский конь прядал ушами, слыша перестук рукояти носилок по дворовому камню.

Анатолий КИМ

Философские стихи писателя

Одинокий журавль

Старый журавль
Утро рассветное
проспал
И от клина своего отстав
Полетел по небесному
океану
Как одинокий летучий
корабль
И с тех пор никто на
земле
Его не видел и не
встречал
Потому что включив
свою
антигравитацию
На полную мощь
Он настолько
стремительно
и высоко в небо умчал

КИМ Анатолий Андреевич — прозаик, поэт, драматург, переводчик и сценарист, член Союза писателей России. Родился в 1939 году. Живет в Москве. Академик Академии российской словесности (1996). Награжден премией журнала «Дружба народов» (1980), премией Евангелической церкви Рейнланда (1981), орденом «Знак Почета» (1984), премией журнала «Юность» (1997), премией имени Ю. Казакова ПЕНклуба Казахстана (2000), премией «Ясная Поляна» (2005), орденом «Достык» II степени Республики Казахстан (2009), золотым орденом «Мугунхва» Президента Кореи за вклад в мировую культуру (2014), орденом «За заслуги в культуре и искусстве» (2022). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова в номинации «За вклад в русскую литературу» (2020).

Что обрёл космическую
левитацию
Погрузился сразу
из утра в ночь
Оборвав притяженья
земного причал
И оказался в
межзвёздном пространстве
Затерянным кораблём —
одиноким журавль
В летаргическом
космическом трансе

* * *

Странно когда
не видишь жизни конец
Ещё более странно
когда не видишь
её начала...

И не доскакав вдруг
с коня упал
Ударился оземь головой
Превратился в жар-птицу
Взмыл к небесам
и слился с синевой.

Конь ускакал
А ты не получил
ни петиции
ни грамоты
зашитой в шапку
Где весть, что жизнь
всего лишь репетиция
в которой ни валко ни шатко
А начало концу
не принадлежит.

И непонятно всё
Так ли, не так ли
И наконец состоится ли
спектакли
И была ли там роль
Мальчика-с-пальчика
Или вовсе не было
мальчика.

Вероятностный человек

Зачем приходил я
На этот свет
Почему ушёл из него
И куда ушёл
И где мой след
На Млечном Пути
И где я упал
Когда изнемог
И куда мне хотелось уйти
И докуда дойти не смог

Среди моря
Эфирных морей
И пустот
Над провалами
Чёрных дыр —
Лишь горсточка
Добрых землян
Узрит мой уход
Как над дальним
Костром
Истаявший дым

Я не буду стенать
И скорбеть
В задымлённом
Небытии
Слёзы глотать
Волосы рвать на себе —
Я уйду незаметно
Растаю как дым
Может старым
А может и молодым

Был ли не был я
Среди вас
Никому и дела нет —
Хвостик Малой
Медведицы
Оторвался угас —
И не помутился
Белый звёздный
Свет

Только жаль
Бесконечно мне
Что Спаситель
Христос
Будет дальше идти
Без меня по земле
А я над ним

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ ПИСАТЕЛЯ

Затеряюсь
Меж звёзд
И сквозь небесную
Синеву
Видеть царство Его
И вечно тосковать
По Нему

Скерцо кантабиле

Любовь кровоточит
из сердца
И падает на землю ало
И вырастает Паганини
скерцо
Над которым вечность
затаив дыхание встала

Любовь бушует градом
Небесного звездопада
Звёзды любви падают
рядом
И одна из них
попала в меня
из их мириада

Это Никколо Паганини
скерцо
Упало с неба на меня
Из блистающей
бесконечности
Кроваво пробило моё
сердце
И остановило его
в вечности

Роман СЕНЧИН

Разговоры

ВОЗВРАЩЕНИЯ

Я открыл глаза и не узнал номер в отеле *Palazzo Salgar* на берегу Неаполитанского залива, куда наша писательская делегация вселилась пять дней назад. И вообще я был не в кровати — а ведь в нее лег вечером, побужденный граппой, — а стоял у окна в большой, с высоким потолком зале, и смотрел на море.

Неаполитанский залив был виден широко — ни бетонных сооружений у пирса, ни многоэтажного лайнера, ни морского вокзала. Зато много-много мелких корабликов, рыбацких лодчонок... Ничего похожего на то, что было вчера. Лишь Везувий на месте, но и он какой-то не совсем такой, к какому я уже успел привыкнуть, — словно бы выше и острее.

И я сам не тот, что обычно. Волосы до плеч, лицо — чувствую — уже и длиннее, и одет в стягивающий, плотный, как панцирь, то ли сюртук, то ли камзол...

Меня удивляли перемены, но не до такой степени, чтобы заметаться в панике. Стоял и смотрел сквозь волнистые из-за плохой шлифовки стекла на мир. Пытался сообразить, что случилось.

В дверь стукнули, и вошел откуда-то хорошо знакомый, близкий мне человек. Но вызывающий страх и желание спрятаться. Он был пожилым,

СЕНЧИН Роман Валерьевич — прозаик, редактор, литературный критик. Родился в 1971 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Дружба народов», «Октябрь» и др. Лауреат премий еженедельника «Литературная Россия» (1997), журналов «Кольцо А» (2000), «Знамя» (2001), «Урал» (2010), «Отчий край» (2021), премий «Эврика» (2002), «Венец» (2006), Горьковской (2011), Правительства Российской Федерации в области культуры (2012), «Ясная Поляна» (2014), «Большая книга» (2015), «Писатель XXI века» (2017) и др.

РАЗГОВОРЫ

невысоким, плотным. Тоже в старинной одежде, белом парике при густых черных бровях.

— Как почивали, Алексей Петрович? — спросил он.

«Какой еще Алексей Петрович?!» — хотел возмутиться я, а вместо этого качнул головой:

— Спасибо, благополучно, Петр Андреевич.

Тот, кого я назвал Петром Андреевичем, улыбнулся:

— Слава богу, слава богу... Так как, Алексей Петрович, вчера вы обещали объявить решение. Каково же оно?

Откуда-то я знал о вчерашнем разговоре и ответил:

— Я в сомнении, граф. Я не верю...

— Но ведь государь написал, что прощает, что примет, ждет.

— Я не верю, что батюшка... что государь действительно простил. Меня казнят или замучают на дыбе. Довольно я видел тех, кто вставал поперек государя, а потом каялся. И все они были без голов, с переломанными костями, вывернутыми ребрами.

— Но ведь меня простил, — напомнил граф, — а я ведь ой как стрельцов распаллял в первом бунте, Софье рьяно служил. И государь живот даровал, милостями осыпал. А вы ведь сын его! Вы — наследник.

— После рождения Петра я уже не наследник. Государь грозился отсечь меня, как уд гангранный.

И от обиды на батюшку-государя у меня в горле заклокотали едкие слезы.

— Позвольте? — граф Петр Андреевич кивнул на кресло.

— Конечно, присаживайтесь.

— И вы, царевич. Потолкуем откровенно.

В его голосе послышалось нечто такое, что я с готовностью опустился в кресло, а потом придвинул его ближе к креслу графа.

— Хочу сообщить вам, Алексей Петрович, — почти шепотом заговорил граф, — что братец ваш Петр Петрович — не жилец на этом свете. Болеет, хил, ему уж почти три года, а не говорит, не ходит. Что ж, государь пить горазд, вообще в желаньях несдержан, да и супруга его тоже. Потому, видно, и чадо такое. К тому, — Петр Андреевич кашлянул и оглянулся на дверь, — и сам государь сдает... Одряхлел, обрюзг, с сердцем неладно. Иногда лицо до черноты багровеет... хрипит, задыхается. Батюшка, Алексей Петрович, — граф вдруг рыданул, — на вас вся надежда! Рухнется Россия в ад, если не вы. Разъедают нас все эти голландцы да немцы, французы, шваль всякая. Ждем вас, молимся, просим: вернитесь, спасите народ наш многострадальный.

Я, тот я, в сковывающей тело одежде, худой, с падающими на глаза прядями, вспомнил, как бежал с родины, заметал следы, прятался в австрийских замках, в Альпах-горах. Как сначала хотел свергнуть отца, а потом забыть его, забыть матушку, насильно постриженную в монахини, забыть Россию, русский язык. Вспомнил, как мечтал переплыть океан и затеряться в огромной Америке, поселиться среди простодушных дикарей в их вигвамах, добывать самому скудную пищу, проповедовать им слово Божие, учение Иисуса Христа...

Но ничто не забывалось, Америка была всё так же далека и здесь, в Неаполе, который стал для меня тупиком на всей огромной и разнообразной земле, о которой я столько читал. Уже много месяцев я сидел в этом

замке на берегу Тирренского моря, меня вкусно кормили, мыли мое белье, но не пускали дальше. И каждый день, каждый день давали понять, что лучше всего мне вернуться домой... А потом появился граф Петр Андреевич. Поначалу угрожал, потом просил, потом передал письмо отца, а теперь умолял:

— Батюшка-царевич, ждет вас народ российский, ждет и верит в вас. Народ наш измученный, иноземцами-кровососами задавленный...

Слово «народ» слышал я, конечно, и раньше, но куда реже, чем «подданные», «рабы», «чернь», и никогда не придавал ему значения, а теперь оно изобразилось перед моим мысленным взором таким камнем, огромным, пестрым, драгоценным, который дробит, крошит тяжелый и неустанный молот. Искрошит в пыль, если я не спасу.

— А как же Ефросинья? — вспомнил. — С ней что будет? Она как жена мне.

Граф Петр Андреевич вытянул руки:

— Улажено-улажено, батюшка. Государь не против венчания. И скорому появлению внука ли внучки очень рад и доволен.

— Но ведь она простая.

— Хм, и у государя, смею напомнить, супружница нынешняя совсем не из принцесс.

— Мне надо поговорить с Ефросиньей.

— Момент, кормилец! — слишком проворно для своих лет вскочил граф и потрусил к двери.

Странно, все эти дни он общался со мной как с осажденным в крепости, от которого требуют открыть ворота и сдаться на милость победителя, а сейчас, после шепота, стал относиться будто пес к хозяину. Неужели он действительно видит во мне скорого самодержца и спасителя России...

Вошла Ефросинья, за ней граф. Он остался у дальней стены и повернулся к ближайшему окну, демонстрируя, что не желает участвовать в нашем разговоре, не будет давить и настаивать.

— Афросьюшка! — воскликнул я, словно мы не виделись давно, обнял и почувствовал, что вот-вот заплачу.

У меня уже была жена. Германская принцесса. Я не любил ее, женился по велению отца. Она родила дочь и сына и умерла. И появилась Ефросинья — Афросьюшка — чудо, единственная любовь моя. Простая русская девушка. Не толста, но и не из тех селедок, что в последние годы развелись не только в Петербурге, но даже и в заповедных российских землях. Со впалыми щеками, бледной кожей, подбитыми ватой жадами и грудями.

У Афросьюшки кожа, будто лаком покрыта, блестит и переливается, щеки румяны, коса — канат корабельный. Глаза всегда горят жизнью и страстью. Спать с ней — великое удовольствие, будто рядом с печью лежишь, а если сверху, то как на перине пуховой; ее все время хочется трогать и гладить, как свежую сдобу.

— Афросьюшка, граф Петр Андреевич убедил меня в том, что государь простил нас. Он больше не сердится, он не против венчания, рад сыну нашему или дочери. Более того, — как и граф недавно, я перешел на шепот, — здоровье государя плохо, и братец мой Петр слаб и болезнен. Государь-батюшка видит меня наследником. И... и народ российский — тоже. Как быть, Афросьюшка, возвращаться? Ехать в Россию?

Ефросинья смотрела на меня честными и влюбленными глазами:

— Едем, друг мой! — сказала. — Я давно ждала, что ты решишься. Я истомилась здесь, на чужбине неласковой. И Россия по тебе истомилась. Она ждет тебя. Ты ее спасешь, Алешенька, вернешь традиции наши русские, обычаи, сам стержень бытия нашего.

Хоть и из крепостных, но она умела говорить хорошо. Она вообще умница, моя Афросьюшка.

И я сказал графу:

— Едем!

Условились, что мы с Петром Андреевичем выезжаем завтра поутру, а Ефросинья через несколько дней. В ее положении спешка была бы губительна — могла скинуть плод; нужно было экипаж подготовить, обслугу в дорогу нанять.

На прощанье я обнял ее осторожно, приложил ладонь к животу. Я, конечно, не знал, что не увижу ребенка, что больше не прикоснусь к Афросьюшке. Мы увидимся с ней лишь однажды, на очной ставке, где она даст убийственные для меня показания: что я подговаривал европейские силы пойти на Россию и свергнуть государя... Мне переломают кости, а потом задушат.

Выезжая из Неаполя, я видел свое будущее счастливым и грандиозным. Я уже готовился принять скипетр и державу, подставить голову под шапку Мономаха. Я уверовал, что верну родине то, что она начала терять при деде, а потеряла при отце. Конечно, я отменю не всё, что есть, но многое. И Россия снова станет Россией.

— А дома уже снежок лежит, — вытирая потный лоб, сказал граф Петр Андреевич, усевшись.

Я выглянул в оконце кареты и увидел зеленоватое теплое море, Везувий, над которым висело всегдашнее сизое облако, вдохнул аромат вызревших трав и стал погружаться в дрему.

И привиделся Петр Андреевич. Не таким, какой сидел напротив меня, — пышным и важным, а хилым, заросшим бородой, в дырявом полушубке. Он покачивается на голой лавке в крошечной темной келье, он дрожит от холода, глотает свои сопли вместо еды.

— Граф, — сказал я, — а ведь вы умрете в заточении. На Соловках. Страшно умрете, позорно.

Петр Андреевич улыбнулся:

— Надеюсь, не по вашему приказу, Алексей Петрович?

— Нет, не по моему.

— Ну и слава богу.

Он улыбнулся снова — вернее, ухмыльнулся беззлобно, как пошалившему ребенку, — и принялся набивать заморским ядом дорожную трубочку. Я закрыл глаза.

...Проснулся, казалось, через мгновение, но уже не в карете, а на террасе богатой виллы. И я был другим. Старееющим, усталым; мне было трудно дышать, но я курил крепкую папиросу; мне мешали густые и пышные усы, и глаза всё время скашивались на них.

— Алексей Максимович, — говорил мне симпатичный, улыбчивый человек тоже с усами, но узенькими, прикрывающими лишь ложбинку под носом; я знал, что его зовут Генрих. — Алексей Максимович, поверьте если не государственному человеку, то вашему земляку, которого вы знали еще пацаненком, Ягодкой называли, там для вас уготовлен рай. Земной рай. И в плане быта, и в плане творчества.

— Мне не нужно отдельного рая, — начал я и вздрогнул от собственного голоса, басовито-глухого, с ударом на «о». — Лучше других жить не хочу.

— Но, Алексей Максимович, как говорится, каждому по способностям и труду. А вы классик нашей литературы. Советской литературы.

— Ну уж, — пошевелил я усами.

Я хотел убедить себя, что никакой я не классик, что на равных со многими, да и отстаю от них — они-то в Союзе Советов, а я здесь, в Италии, в солнечном, расслабленном Сорренто на берегу моря, а на родину приезжаю коротко, нечасто.

Но убедить не получалось — я знал, что я главный, что во мне дьявольская сила, я многое смог и еще смогу.

— Алексей Максимович, — в голосе Генриха послышалась мольба, — вы не имеете права на самоуничтожение. На вас смотрит весь советский народ. Вся Россия ловит каждое ваше слово... Рай строится, строится для всех. Трудно, со скрипом, с кровью порой, но — строится. И одно только ваше присутствие рядом, на одной земле со своим народом придаст ему столько сил, что он горы свернет. Стократно усилит!.. Это не высокие слова, а... Я говорю не только от своего имени, вы ведь понимаете.

— Понимаю, Генрих, понимаю. — Я взял новую папиросу. — Сам здесь истомился, вычерпал всё, а нового-то нет. Откуда возьмется? В прошлые приезды хоть и увидел кое-что, но вжиться не успел. Прочувствовать. Жить надо там, о чем пишешь. Жить, а не гостить.

— Вот-вот! Вы ведь знаете, как в СССР встретили вашего «Достигаева». Репетируют во всех ведущих театрах. Ждут вас на премьерах, и именно как своего. Нашего, по-настоящему советского писателя и драматурга. До дышка!

Я вздохнул. Уже пять лет я делил свою жизнь между Сорренто и Союзом Советов почти поровну, но домом по-прежнему считал эту виллу, эту черную землю — переваренный лишайником пепел Везувия. Здесь был мой огромный архив, мой кабинет, множество дорогих памяти вещей... Я понимал, что на протяжении последних дней вбивает в мое сознание Генрих: нужно определиться. Нужно окончательно выбрать.

— Но ведь я столько критиковал Иосифа Виссарионовича, самого Владимира Ильича, — решился я на откровенность, — в том числе и в печати. Одно мое открытое письмо в защиту эсеров... И скольким, как оказалось, врагам помог уехать. Ведь мне в любой момент могут припомнить.

— Бросьте, Алексей Максимович. Всё забыто и перелистнуто. Кто не ошибался?.. Хочу передать вам мнение самого: многие ваши замечания спасли страну. Вы сами могли это заметить. И вас воспринимают не только как писателя, а... Гениальный человек во всем гениален. А вы — гений нашей эпохи.

Я возмущенно дернулся, но Генрих выставил вперед руки:

— Погодите! Не спорьте! Мы говорим откровенно, надеюсь. Цену вам знают на родине, знаете ее и вы, Алексей Максимович. Вы человек поистине государственного масштаба. Ваша роль неоценима. Восемнадцатый — двадцатый годы демонстрируют это. Если бы не вы — у нас была бы пустыня в плане культуры... Сейчас появилась идея создать Союз советских писателей. Это должна стать огромная сила, не слабее Совнаркома. И пост председателя Союза мы — советский народ — просим занять вас, Алексей Максимович. В помощники подберем честных, талантливых, смелых литераторов.

РАЗГОВОРЫ

К вашему слову будут прислушиваться, в том числе и на самом верху. Вернее, и вы тоже будете верхом. Партия и литература будут идти рядом и друг другу помогать.

Я снова пошевелил усами:

— Хм, сложно поверить, Генрих. Сло-ожно.

— Это не утопия. Вы сами участвовали в создании новой, советской литературы. За пятнадцать лет она окрепла, стала великой мощью и готова участвовать в государственном строительстве. Честное слово, Алексей Максимович!

— М-да, м-да-а... — Я не знал, что ответить.

— Эту вашу виллу называют новой Ясной Поляной. Но может ли Ясная Поляна быть за тысячи верст от России? Ведь это нелепица, насмешка... Знаете, какая эпиграммка гуляет по Москве? Только не волнуйтесь, но вы должны знать. — И Генрих, слегка закатив глаза, продекламировал:

В Сорренто некогда барон
Жил с пролетарской простотою:
Хранил он в банке миллион
И поторговывал собою.

Он летом — ярый коммунист;
К зиме ж, как заяц, вдруг белеет.
Зимой — преданный фашист.
А к лету снова багровеет.

Весною здесь, зимою там,
И всюду денежки собирает...
Вот у кого учиться нам,
С кого пример брать подобает!

— Это всё? — спросил я не горлом, а своей измученной грудью.

Генрих вздохнул:

— К сожалению, подобного немало, Алексей Максимович. Но посудите сами, летом вы действительно в СССР, а зимой здесь, у Муссолини, который запретил компартию, творит черт знает что... Возвращайтесь, пожалуйста! У вас будет большой дом в самом центре столицы, но в тихом месте... Нет! — Генрих снова выставил руки, — это не будет выглядеть дворянским особняком. Это будет настоящая Ясная Поляна. Вы будете встречаться с людьми, входить в их проблемы, а мы — власть — будем эти проблемы решать... Честно говоря, — голос Генриха упал до шепота, — положение не из лучших. Иосиф берет всё в свои руки, хочет самолично всем управлять. Но ведь Ильич учил не этому. Коллегиальность. Ее почти не осталось. Конечно, Троцкий враг и провокатор, но остальные... Многие старые большевики оттерты от реальной работы. И вообще — уровень человечности падает. В девятнадцатом году человечности было больше.

— Да? — я удивился, но не сказать, чтобы абсолютно искренне.

— Да, Алексей Максимович. Общее благосостояние растет. А вот что делается в деревнях... Голод, мор, разруха похлеще, чем в Гражданскую. Солдовки переполнены... Расстрелы. Знаете, — Генрих подался ко мне, — пора прекратить расстреливать людей.

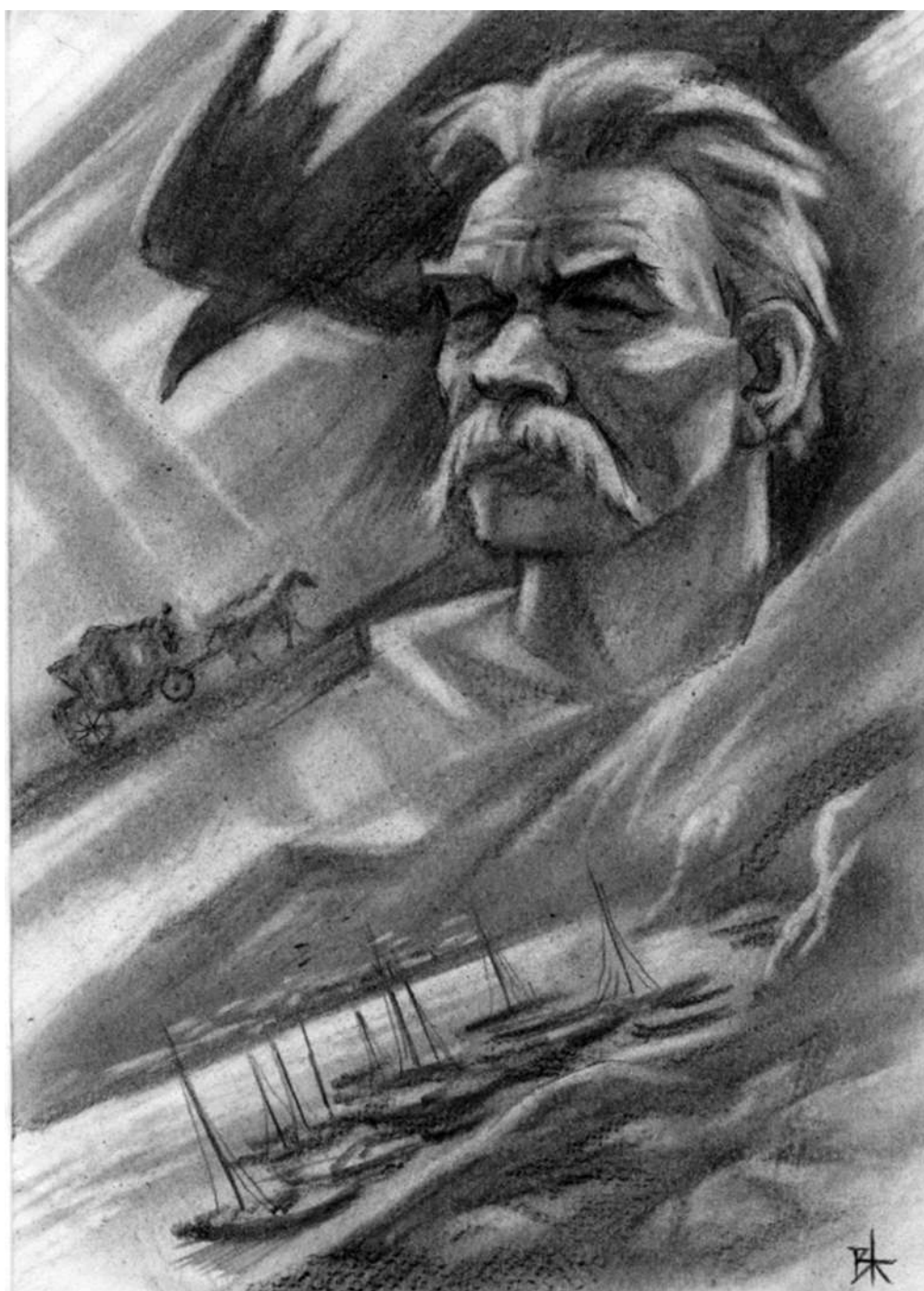

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Я даже вздрогнул от такой идеи. А Генрих продолжал тихой скороговоркой:

— Я знаю, вы пьесу новую написали. Про вредителей. Погодите ее предлагать театрам. Не надо подливать масла в огонь. Хорошо?.. Человечность необходима, и только вы можете ее дать. Для Иосифа только вы авторитет, только вас он станет слушать. Но если вы будете рядом. Россия, — он судорожно вздохнул, — Россия погибнет без вас, Алексей Максимович.

Я закурил еще одну папиросу. В груди давило, дышать было всё трудней. Но не курить в этот момент я не мог. Иначе бы разрыдался.

— Это всё правда, что вы говорите, Генрих?

— Абсолютная. Разве бы я стал вам... Честное слово! — Он помолчал и продолжил шепотом: — Народ русский на последней грани. Не столько физически, а — нравственно. После такой войны, такого напряжения всех сил не сбылось то, за что боролись. То же самое самодержавие строится. Но... Но есть силы, Алексей Максимович, которые хотят создать справедливое государство. Они не враги Иосифу. Нет. Но его нужно поправить. Он сам ждет этого. Поверьте. И только вы, Алексей Максимович...

— Не надо, — остановил я, — я всё понимаю.

Но Генрих продолжал:

— От Радищева до Пушкина, от Пушкина до Толстого, от Толстого — к вам. Вот цепочка. Золотая цепь нашей человечности. Она не должна оборваться, истлеть здесь, на чужбине. Вернитесь к нам, Алексей Максимович. Спасите нас!

Я не выдержал. К счастью, не зарыдал, но горячие крупные слезы побежали по моим глубоким морщинам, как по каналам.

— Всё, решено, возвращаюсь! — Я вспомнил о Марии. — Единственное, мне нужно знать, что Мария Игнатьевна будет иметь в Союзе права моей законной жены.

Генрих округлил глаза:

— Само собой! Да разве ее кто обижал в прошлые разы?

— Я имею в виду... после моей смерти.

— Алексей Максимыч, какая смерть... В любом случае — Мария Игнатьевна для всех ваша истинная жена и верный товарищ. И Екатерину Павловну, и Марию Федоровну уже давно воспринимают отдельно от вас.

Это замечание меня кольнуло. Но сейчас было не время обращать внимание на нюансы. Я плевком затушил папиросу и крикнул:

— Мура! Мура, мы едем в Россию!

Она появилась на террасе мгновенно:

— Надолго?

— Навсегда! Вели паковать архив, картины.

Через неделю я покинул Италию в сопровождении сына, невестки, внушек. Моя милая Мура обещала нагнать нас, но вместо этого уехала в Лондон. В следующий раз я увижу ее перед самой своей смертью.

Я не знал, что прощаюсь навсегда с Сорренто, проступающим сквозь дымку островом Капри, на котором прожил до революции семь лет, громадой Везувия, Неаполем, Тирренским морем. Что в последний раз наслаждаюсь запахом отцветающей глицинии... Я буду рваться сюда, но вместо Сорренто меня будут возить на дачи то в Горки, то в Крым. Мне объяснят: «Муссолини задружился с Гитлером, а Гитлер сажает в лагеря коммунистов, притесняет евреев, сжигает на кострах книги, в том числе и ваши. Вас могут арестовать

в Италии, могут выкрасть немецкие национал-социалисты, могут отравить. Советский народ не имеет права вами рисковать».

В Москве меня поселят в особняке, реквизированном у семейства купцов-староверов Рябушинских, которое я хорошо знал, и мне будет неуютно в этом роскошном доме, словно это я сам отобрал его у хозяев... Меня будут окружать чуждые мне люди, я не смогу свободно ходить по улицам, принимать любого, кто захочет со мной поговорить. Зато ко мне станут привозить делегации заранее отобранных и подготовленных рабочих, колхозников, ученых, литераторов. По двадцать человек, тридцать, пятьдесят. Девяносто! Меня будут круглосуточно охранять, и это будет очень похоже на домашнее заключение.

Когда я умру, начнется массовый террор. Людей будут пытаться, ссылая в лагеря, расстреливать, а трупы сжигать, так как нарыть такое количество ям для сгустков мяса и костей окажется делом очень трудным. Большую группу людей будут пытаться и расстреливать в том числе и за то, что они меня отравили...

От сборов я очень утомился. Сел в поезд и сразу же задремал. И увидел, как Генриха, сильного, крепкого мужчину, волокут по подвалу. Лицо перекошено, усики сбились куда-то на щеку... Его подводят к сидящему на высоком стуле человеку в кожаном фартуке, и тот стреляет Генриху в затылок.

— Генрих, — сказал я, очнувшись, — а вас расстреляют.

— Фашисты? — Он спросил равнодушно, явно мне не поверив.

— Нет, свои. Краповые петлицы.

Генрих улыбнулся, пожал плечами и отвернулся к окну. Я уснул.

...Открыл глаза. Плазма на стене, зеленоватый огонек подзарядки ноутбука, мигание красной точки пожарной сигнализации. Номер отеля, ставший за пять дней родным.

На тумбочке бокал с недопитой граппой. Проглотил ее, взял мобильник, нажал клавишу. Экранчик осветился.

«05:27. Чт 19.04.2018». До возвращения в Россию оставалось двое суток.

РАЗГОВОРЫ

1

Около семи часов вечера, когда и без того тихая К-ая улица пустела и сидевший на углу Т-го переулка бородатый бездомный, ссыпав из шапки в карман мелочь и бумажки, заходил в винный магазин, а потом брел куда-то ночевать, может быть, и домой, а бездомным лишь притворялся... Так вот, в седьмом часу вечера на К-ой улице появлялись немолодые мужчины.

Одни несли в руках портфели, у других висели на плечах сумки, которые принято называть сумками для ноутбуков, но всем, а их было пятеро, подходило определение «интеллигенты».

Они были пунктуальны, поэтому сходились у шестизэтажного, без балконов, со скупой рустовкой и скромными карнизами дома почти одновременно. Нырjali в один из тех туннельчиков, что люди романтического склада называют арками, а прочие — подворотнями.

Дверь в нужную квартиру к их приходу уже была открыта, встречал тоже немолодой, тоже похожий на гостей этой особой чертой интеллигента мужчина.

Четверо из гостей снимали уличную обувь и надевали коричневые кожаные тапочки без задников, а один приходил в калошах поверх ботинок, поэтому, сняв калоши, допускался в глубь квартиры в ботинках.

Большая или маленькая была квартира, много ли, мало ли людей в ней обитало, гости не знали. Во всяком случае по средам вечерами здесь было тихо и безлюдно. Они проходили по коридору до конца и сворачивали налево — в кабинет хозяина.

Кабинет был большим, но не просторным. Три стены прятались за широкими и высокими — впритык к потолку — книжными шкафами, четвертая стена была с окном, всегда, по крайней мере когда приходили гости, завешенным толстыми темно-серыми шторами.

Большой, явно антикварный, а сейчас бы сказали винтажный, письменный стол с кривыми ножками, такое же антикварное-винтажное, гнущее полукресло с кожаным сиденьем и высокими подлокотниками, специально сделанными для отдыха рук после долгого писания...

На столе кроме письменных принадлежностей, бумаг и книг стояла высокая зеленая лампа, которая зачастую являлась единственным источником света.

Один из шкафов был навесным, а под ним располагалась коротенькая кушетка. Не для сна, а для размышлений.

По центру кабинета стоял низкий стол. Такие обычно называют журнальными, но этот был больше обычного журнального. На столе шесть чашек на блюдцах, вазочка с мелким печеньем и вместительная хрустальная пепельница. Вокруг стола шесть полукресел попроще, обыкновенных — по сути, стулья с намеком на подлокотники.

В кабинете стойко пахло смесью книжной пыли и табачного дыма. Запах для посторонних неприятный, но для людей кабинетных, привыкших подолгу читать, писать и думать — родной.

2

В эту среду встреча мужчин была необычной. Гости оказались взволнованными.

— Алексей Алексеевич, вы слышали? — прямо в прихожей заговорил один, высокий и сухой; голос его был тихий, но словно бы придушенный — ему явно хотелось кричать.

— Кошмар, — добавил другой, плешивый, с кудряшками над ушами.

Хозяин, Алексей Алексеевич, затряс головой:

— Слышал, конечно. Места себе найти не могу. Хорошо, что пришли.

Третий, полный, с флегматическими глазами, отозвался, стягивая калоши:

— Ну, традиция. Давно без наших сред жизнь не представляю.

— Да уж, — вздохнул плешивый.

Четвертый гость, седой, при этом моложавый, изумился:

— А что за траур? Пока никто не умер.

— Евгений Романович, как вы можете! — вскрикнул высокий и сухой и тут же опять перешел на придушенный полусшепот: — Наш товарищ теперь там, и после всех этих поправок, может быть, надолго.

— От пяти до восьми, — вставил полный нейтральным тоном.

— Типун вам, Сергей Павлович, — сказал Алексей Алексеевич. — Проходите.

Гости прошли в кабинет, а хозяин свернул на кухню и принес оттуда кофейник.

— О чем он думал, когда такое устраивал? — спрашивал в этот момент седой Евгений Романович таким тоном, каким задают риторические вопросы.

— Ничего он не устроил, — отозвался плешивый. — Публичное чтение...

— Хм! Надо думать, что и кому читаешь.

— Синявского он читал, — сказал Сергей Павлович.

— Ну да, — подтвердил хозяин, разливая кофе по чашкам, — после нашего обсуждения пошел в лавру и начал куски из «Литературного процесса в России». Прямо у входа в некрополь, где Достоевский, Карамзин...

— Идиот, — почти неслышно выдохнул Евгений Романович.

— Слушайте, не оскорбляйте! — услышал высокий. — Он наш товарищ, и мы должны...

— Борис Маркович, это не оскорбление, это констатация. Он вообще понимал, что сейчас за время, как люди отреагируют на «диверсант», «динамит», «секс». Тем более в таком месте. Услышали и сообщили.

— Ну да, — согласился флегматичный Сергей Павлович. — Одно дело в нашем кругу, ученая беседа, а тут... случайные прохожие...

Хозяин потер виски:

— Господи, меня трясет, метаюсь здесь от стены к стене. Страшно.

— Вы, Алексей Алексеевич, действительно не в себе, — усмехнулся седой. — «Метаюсь»...

— Прошу извинить — мечусь, конечно, мечусь. Но...

— Не извиняйтесь, — перебил высокий Борис Маркович. — Я тоже заговариваться стал. И, знаете, я всё-таки предложу: нужно его защитить. Хотя бы попытаться. Письмо написать открытое от нашего сообщества. Мы всё-таки с именами. Может быть, поможет. Он ведь эмоциональный. Ну, пугнули — и отпустите... Как, согласны?

Сергей Павлович пожал плечами:

— Я, в принципе, за.

— Не будет толку, — сказал плешивый. — Только хуже сделаем. Они шума не любят.

— Ну а что — сделать вид, что ничего не случилось! — возмутился высокий.

— А я согласен с Дмитрием Юрьевичем, — сказал седой. — Правильно — только хуже сделаем. Их раздражает, когда в их дела лезут. Тем более, — он вздохнул, — я его взгляды не разделял и говорил ему об этом в лицо. Предупреждал. Я его предупреждал!

Хозяин поднял руку:

— Всё-всё, успокойся. Давайте успокоимся и, может быть, начнем. Что у нас намечено? Извините, всё перемешалось...

— Поздняя лирика Георгия Иванова, — профессорским голосом ответил флегматичный.

— Может быть, не будем? — предложил высокий. — Не то состояние.

Полный Сергей Павлович снова пожал плечами:

— Почему же не будем? Сгущающемуся мраку мы можем противопоставить только культуру. Нашу великую русскую культуру.

А Евгений Романович усмехнулся:

— Я освежил в памяти Иванова. И скажу вам, что, хм, некоторые стихотворения на статью тянут. И, может быть, не на одну. «Россия тридцать лет живет в тюрьме». М?.. Лучше другое что-нибудь.

Борис Маркович усмехнулся в ответ:

— Ну вы совсем, коллега. Всё опубликовано, издано-переиздано, лицензировано. Так и у Пушкина можно найти...

— Можно. И находят.

— Всё, Евгений Романович, перестаньте нагнетать, — неожиданно жестко при своей флегматичности сказал Сергей Павлович. — Я вот набросал сообщение, надеюсь, оно задаст тон нашей сегодняшней беседе.

— Минуту, — остановил хозяин. — Как-то не по себе от этого стула.

Он поднялся, отнес шестой стул к дальнему шкафу. Потом переставил пустую чашку на письменный стол. Уселся и произнес:

— Слушаем вас, Сергей Павлович.

3

Прошла неделя. Следующая среда. Вместо четырех гостей к Алексею Алексеевичу пришло теперь трое. И вновь с порога:

— В курсе?.. Слышали?.. Знаете?..

— Да, — кивал Алексей Алексеевич. — В курсе.

— С ума схожу, — признался плачущим голосом высокий Борис Маркович. — Хорошо, что мы собираемся. Поговорить хоть. Невыносимо молчать...

— Ну вот и поговорили в прошлый раз, — с горькой иронией отозвался Евгений Романович.

— Но это не из-за нашего разговора об Иванове, надеюсь. Не из-за его сообщения...

— Естественно. — Евгений Романович повесил пальто на плечики. — Он домой вернулся и стал строчить в сети: «Сверкнет над русскими снегами богами расщепленный атом». И комментировать. Ну и вот...

— Он очень эмоциональный, — признал Борис Маркович. — Слишком.

— Да ну что вы! — изумился Алексей Алексеевич. — По-моему, самый... самый спокойный из нас.

— Это внешне. Внутренне он кипел. Да и какие работы у него. Живые! Нет, он очень эмоциональный человек.

— Но нужно себя сдерживать, — заявил Евгений Романович. — Должен же человек понимать, что ситуация сложная, даже классика — а эти стихи Георгий Иванов, кстати, не публиковал — может в определенном контексте стать инструментом подрыва...

— Вы, коллега, прямо как на лекции, — сказал Алексей Алексеевич. — Проходите, пожалуйста, в кабинет.

— Да, и этот проклятый Синявский со своим диверсантом-динамитом вспомнился, — пробурчал Борис Маркович.

А седой заметил хозяину:

— Лекции я теперь основательно редактирую.

— Будьте точнее в формулировках, уважаемый Евгений Романович. Самоцензурируете, вероятно, а не редактируете.

— Соглашусь, если вам так угодно.

Гости вошли в кабинет, а хозяин завернул за кофе. Потом без лишних объяснений убрал подальше стул выбывшего Сергея Павловича, его чашку.

Сел на свое место, словно бы с усилием разлил кофе по оставшимся чашкам. Гости молча наблюдали. Поставил кофейник на подставку и спросил:

— Что, будем сегодня беседовать?

— Я вот уже и не знаю, — ответил со вздохом до того не проронивший ни слова плешивый Дмитрий Юрьевич. — Он перед глазами... как он трогательно калоши снимал...

— Да, как-то не до бесед о литературе.

— Ну полно, коллеги, — улыбнулся Евгений Романович. — Сегодня у нас персонаж семнадцатого века. Какие проблемы?..

Борис Маркович поддержал:

— Давайте, давайте. Я подготовился. Очень интересная личность, ну и литературный дар бесспорный...

— Еще бы. Так сформулировать: «Хлебом кормят, а срать не пускают». Потрясающе!

Евгений Романович обвел мужчин восторженным взглядом, ожидая поддержки, но те смотрели на него с неодобрением и тревогой.

— А что, «срать» признали матом? — севшим голосом спросил он.

— Пока нет, но сама цитата вызывает нежелательные ассоциации, — сказал Дмитрий Юрьевич.

Евгений Романович кашлянул и достал сигареты.

— Так, — после паузы заговорил Борис Маркович, — я с вашего позволения начну. Итак, «Житие протоппа Аввакума», им самим написанное, а также его письма, «Книга бесед» и другие произведения...

4

Через неделю пришли только Евгений Романович и Дмитрий Юрьевич.

— Приветствую.

— Добрый ве... Здравствуйте, Алексей Алексеевич.

— Здравствуйте, коллеги.

Дмитрий Юрьевич стал было снимать пальто, а потом вернул на себя, как-то в него закутался. Сказал, глядя на дверь:

— Я, гм, наверное, пойду...

— Да вы что! — испуганно воскликнул хозяин. — Нам сейчас лучше вместе держаться.

— Группе лиц больше дают.

Евгений Романович глянул на сказавшего это Дмитрия Юрьевича:

— Это сарказм?

— Это реальность.

— Хм, если бы это была реальность, взяли бы нас всех, разом.

— Логично, — заметил Алексей Алексеевич. — Пойдемте.

Гости прошли в кабинет. Не смотрели друг на друга — изучали корешки давно известных им книг.

Вошел хозяин. Пригласил садиться. Разлил кофе. Стула, на котором в прошлую среду сидел Борис Маркович, не было. И чашки тоже.

— Кто-то, — тихо и твердо заговорил Дмитрий Юрьевич, — кто-то из нас стучит. Говорю это открыто. Не может быть совпадением, чтобы после каждого разговора... — Он глянул на седого. — После каждой среды...

РАЗГОВОРЫ

— Что вы на меня так смотрите? — В голосе Евгения Романовича послышалось веселое бешенство, как у готового ударить. — Коллега, прошу быть осторожней в высказываниях.

— Но ведь нужно этот ужас как-то объяснить.

— Объясняйте себе, как хотите. Я повторяю: если бы кто-то стучал, то взяли бы всех разом. Тем более вы сами сказали: группе лиц дают больше... Моя версия такая: они сами виноваты. Всё эти проклятые соцсети, тяга к публичности. А у людей недержание. Ну вот зачем было Борису Марковичу цитировать на своей странице: «Выпросил у Бога светлую Россию сатана», «безумный цариска»? Зачем, скажите на милость? Мы здесь занимаемся наукой, здесь это уместно, а там... Отскринили, послали в органы. Теперь будут разбираться.

— Арестовали на два месяца, — потусторонним голосом произнес хозяин кабинета.

— Ну вот и разберутся за это время.

— Ох, Евгений Романыч, мне б ваш оптимизм... Но за что, всё-таки за что? — Алексей Алексеевич схватил себя за голову. — На два месяца... И прежних...

— Ну, по первому делу — очевидно. На улице взять и начать про динамит, про диверсантов...

Алексей Алексеевич взвизгнул:

— Тихо! Не надо этих слов. Вы что?..

Помолчали. Покурили. Голубоватый дым в спокойном воздухе висел над столом, как полупрозрачный купол.

Молчание было тяжелое, гнетущее. Евгений Романович не выдержал:

— Что ж, коллеги, давайте займемся делом. Не зря ведь мы собрались. Уж государственный Гаврила Романович, надеюсь, безопасная тема.

— «Надеюсь, надеюсь» — какое глупое слово, — проворчал Дмитрий Юрьевич. — И не такой уж государственный был Державин. Я покопался.

— А что? Что у него? — Хозяин кабинета встревожился.

— Восемьдесят первый псалом. «Властителям и судиям».

— Но это ведь о жажде справедливости, — усмехнулся Евгений Романович, — а вовсе не против государственного строя.

Дмитрий Юрьевич пожал плечами:

— Смотря как взглянуть.

— Да, смотря как... Знаете, давайте не будем сегодня беседовать, — предложил Алексей Алексеевич. — И вообще — надо прекращать эту практику до лучших времен.

Теперь усмехнулся Дмитрий Юрьевич:

— «До лучших времен». Такое пожелание наверняка какой-нибудь статье соответствует.

Евгений Романович отпил кофе и сказал:

— Я согласен: приостанавливаем наши беседы о русской литературе. Соберемся, когда обстановка стабилизируется, когда людям перестанет мерещиться угроза черт знает в чем.

— Да... А вы, Дмитрий Юрьевич?

— Что?

— Согласны?

— Согласен. Я тогда пойду.

- И я, — поднялся Евгений Романович. — Почитаю...
— Что читаете? — как-то с усилием заинтересовался Алексей Алексеевич.
— Да так... Не стоит конкретизировать. До встречи, коллеги.

5

- Через неделю пришел только Евгений Романович.
— Можно? — спросил жалобно.
Алексей Алексеевич открыл дверь шире, впуская:
— Прошу.
— Слышали?
— Слышал.
— Как же так, он ведь ничего никому, только жене...
— Вы откуда знаете? — с подозрением и страхом спросил Алексей Алексеевич.
— Позвонил, она рассказала. После ужина почитал ей стихи Державина, воспоминания. Тот кусок, где про Шешковского, главу Тайной канцелярии. Про тогдашнего Берю, в общем. Самое интересное, что к тому моменту, о котором Державин пишет, Шешковский уже больше года был на том свете... Ну тот его, дескать, стал обвинять в якобинстве.
— Понял. Всё. Не надо.
— Извините... увлекся... Ох-х, тяжело.
— Да. Это — да...
По пути в кабинет Евгений Романович продолжил:
— Ну и забрали следующим утром. Вменяют...
— Я не хочу ничего слышать. Не надо.
— Да, понял, разделяю...
Вошли в кабинет. Стояли рядом со столом. Смотрели друг на друга, друг другу в испуганные глаза. Евгений Романович тихо, почти шепотом заговорил:
— Вы в прошлый раз спросили, что я читаю. Повесть «Софья Петровна» читал. Пропустил в свое время, я ведь девятнадцатым столетием занимаюсь... И там... Страшная повесть...
И Алексей Алексеевич так же тихо перебил-повторил:
— Я не хочу ничего слышать. Если угодно, посидим. Только молча. Молча, без всяких этих...
— Да, да. Посидим молча.
Они сели. И сидели. Долго. Кофе в этот раз не было.

6

- А в следующую среду уже никто не пришел.
Около семи часов вечера хозяин квартиры Алексей Алексеевич бродил по длинному коридору и бормотал:
— Ну а его-то, его-то?.. В соцсетях никаких записей уже полгода, в институте не был — бюллетень по болезни... как и я... Что он-то?.. Самый всегда осторожный. Хотя, не осторожный, а... а простодушный, что ли. Как назвать? Верил, что разберутся. Ну вот — разберутся...

Приближаясь к кабинету, Алексей Алексеевич заглядывал в него и отшатывался. Доходя до входной двери, отшатывался тоже. Брел обратно. Отшатывался, брел к двери. И бормотал, бормотал:

— Подозревали, что он стучит. Подозревали. И я тоже... Странно вел себя, и этот оптимизм... А теперь он там. И все там. Я один. И как? На меня будут думать, что я... Сюжет... Достоевщина... Ни при чем я. Просто я во время разговоров молчал... в основном. У меня собирались из-за условий. Кабинет большой, курить можно. Вот у меня и собирались. И ничего ведь такого... ученые беседы, безобидные разговоры.

В домофон позвонили.

ПЕРВЫЙ ПРИСТУП

Татьяна любила гастроли. Правда, раньше радоваться, наслаждаться впечатлениями мешала тревога: как там дети, справится ли с ними муж, который с восьми до восьми на работе. Ну, не всё это время на работе, конечно, но дорога туда и обратно съедала несколько часов...

А теперь дети выросли, сами работали, опекать их нужда отпала. С мужем они не то чтобы отделились друг от друга, а... Ну, как это бывает у хорошо проживших вместе четверть века супругов, преодолевших трудности и, случилось, несчастья, — стали жить немножечко для себя.

Муж больше времени проводил с приятелями, открыл для себя боулинг и даже животик прибрал в частых поединках, Татьяна пила кофе с подругами или гуляла по торговым центрам, не поглядывая поминутно на часы; после спектаклей она не бежала домой, чтоб накормить, проконтролировать уроки, вовремя уложить спать.

И на гастроли отправляться стала, как в туристическую поездку. Скорее, не работать, а отдыхать. Молодела душой, а может и внешне, еще на вокзале или в аэропорту и замечала внимательные взгляды мужчин. Становилось щекотно и тепло.

Уже третий год сезон у них в театре начинался с октября. В первый раз отложили из-за коронавирусной пандемии, а потом как-то само собой получилось. И поэтому гастроли были не только летом, в жару и духоту, но и вот как сейчас — в сентябре.

Если бы поехали в это время лет десять назад, Татьяна бы извелась, как там без нее Сережка и Никитка, сыновья, совладеет ли с ними муж, не будут ли голодать или есть глазунью три раза в день, не лягут ли спать в одиннадцать, при этом не сделав домашку...

Да, утонула бы, захлебнулась в тревоге. А теперь она была свободна. Почти. Игла тревоги колола слабенько, затупилась, сточилась то ли о время, то ли об опыт.

В этот раз приехали в город на Урале. Не очень большой, но с крупными заводами. Такие города в советское время обустроивали, как отдельные миры: со своими театрами, филармониями, вузами или филиалами крупнейших вузов страны, стадионами, спортивными школами, музеями. Центр обязательно с вместительной площадью, горком — дворец с колоннами...

Гастроли были рассчитаны на десять дней, предполагалось восемь взрослых спектаклей и пять детских. Билеты хорошо покупали заранее,

поэтому возможность пустых залов не портила настроения. Татьяне случилось играть перед десятком-другим зрителей в зале на триста-четырееста мест — это мучение, унижение просто. И неправда, что со сцены не видишь зрителей. Всё видишь, всех.

Да, предвкушала очень хорошие дни, на деле же... На деле та игла тревоги, что, казалось, сточилась, снова стала острой, впилась в сердце, мешала жить, играть, о чем-то думать, кроме как о детях.

На второе утро здесь, еще в кровати гостиничного номера, открыв интернет в своем телефончике, Татьяна увидела новость: президент объявил о частичной мобилизации.

Дернулась, будто ее ударило током — буквально подбросило.

Соскочила с кровати. Каким-то чутьем, что ли, догадалась, что читать это нужно стоя. Или пионерско-комсомольская юность напомнила о себе. Тогда ведь часто стояли шеренгой по стойке смирно, отдавали честь, клялись, чеканили хором речевки... Татьяне даже нравилось — она любила дисциплину, коллектив.

Но потом прошло, стало казаться пошлым, лживым, насилием каким-то. А сейчас вот ударило, подбросило, поставило. И с тем же вниманием, с каким когда-то отличница и заместитель комсорга Татьяна Макарова читала новости о положении в мире, теперь впивалась она в строки на экранчике телефона.

Да нет, с бóльшим вниманием, конечно. И не внимание это было, а что-то другое...

Впивалась, казалось, накрепко, осознавала каждое предложение, но на самом деле ничего не соображала... В президентском указе не говорилось, кто под эту частичную мобилизацию подпадает. Президент и не должен заниматься частностями... Нашла разъяснения Министерства обороны.

Так, уже отслужившие. Рядовые, сержанты — до тридцати пяти лет, младшие офицеры — до пятидесяти... Так, служившие в армии, имеющие военно-учетную специальность... Имеющие боевой опыт...

Фуф, отлегло. Присела. Мужу — он после института, говорит, получил лейтенанта, — давно не пятьдесят, слава богу. Старший сын, Сережа, служил, но в боевых действиях, конечно, не участвовал. Младший, Никита, студент.

Но тревога тут же вернулась. Военно-учетная специальность... Что это? Сережа мотострелком был, кажется. Это специальность?

— Так, надо звонить, — сказала себе.

И сразу остановила. Разница во времени два часа. Они спят еще. Позже...

Позже были долгие разговоры, причем и Татьяна, и муж, и даже острые на язык, бóрзые сыновья старались выражаться не в лоб, а эзоповым языком. Не старались, а как-то само так получалось. Как-то за последние полгода, а может и за больший срок, прижилось опасение, что могут услышать чужие, что не надо писать в соцсетях всё, что хочется, перепощивать, лайкать...

Татьяна до сегодняшнего утра демонстративно, часто подчеркнуто демонстративно, пресекала разговоры с ней о политике, о разных проблемах; когда кто-нибудь начинал при ней критиковать власть — или обрывала, если обращались лично к ней, или уходила... В театральной брехаловке, в буфете с подобным сталкивалась почти каждый день. Сердилась, морщилась, а теперь...

Нет, и теперь она не хотела слушать и отвечать, не знала, правильно или нет, нужно или не нужно всё то, что происходит. Скорее, материнский

инстинкт заставлял ее искать, как бы защитить, куда бы спрятать детей. Сыновей... Ну, младший учится, второкурсник-очник, а старший...

Ругала теперь себя, что не настояла, чтобы получил высшее образование, поступил в институт. Даже гордилась немного, что Сережка выбрал техникум, получил рабочую профессию оператора дефектоскопной тележки. Татьяна до сих пор не до конца понимала, что это: что-то для выявления неполадок с рельсами с помощью такой вот тележки, а на деле целой лаборатории на колесиках.

После техникума год отслужил в армии недалеко от дома. Хорошо отслужил, и навещали его часто. Теперь вот второй год работает по специальности.

— Сынок, ты узнай, — говорила ему в телефон Татьяна, — наверняка твоя профессия не попадает... — Хотелось сказать, что люди с его профессией наверняка не подлежат мобилизации, дороги ведь нужно содержать в исправном состоянии. — Нет, не надо! — останавливала. — Ничего не спрашивай. Может, отпуск возьмешь? И... к бабушке, может?..

Мать Татьяна жила в маленькой деревне на Севере. Татьяна всё уговаривала ее переезжать, продать дом новым дачникам, у которых мода на участки в глухих местах. Сейчас же ей казалось, она была уверена, что именно этот дом в деревне среди тайги спасет ее сына.

— Ладно, мам, не волнуйся. Посмотрим, — гудел Сережка молодым баском. — На работу надо, еще позавтракать...

В театр Татьяна пришла за двадцать минут до спектакля. Ловила на себе взгляды женщин и мужчин — актеров, монтировщиков, помрежа... У всех в глазах: «Можно поговорить? Как ты?» Все знали, что у нее двое сыновей.

Татьяна ни с кем не стала разговаривать. Переоделась, села перед зеркалом в гримерке. Смотрела в сторону — не могла видеть себя. Послушно подставляла лицо кисточкам гримерши Лены. Та, спасибо, работала молча.

Отыграла, быстро собралась и ушла. Поела в кафе недалеко от гостиницы, хотя в гостиничном ресторане был заказан ужин для трупы. Но не хотелось ни с кем из своих встречаться, снова наткнуться на их взгляды, пусть молча, тоже взглядом, но реагировать.

В номере до поздней ночи листала соцсети, новостные каналы, паблики. Сообщали, что повестки вручают и тем, кто до этого не воевал. Много ошибок, их стараются устранять... Грубо бросила телефон на тумбочку, укрылась с головой одеялом, подтянула колени к подбородку. Было страшно.

На другой день играли спектакли без ее участия. Хорошо. Татьяна не представляла, как бы выходила на сцену, произносила реплики. Вчера случился ожог, а сегодня пришла боль. Даже звонить домой было больно. Попросила в Ватсапе, чтобы — если что — звонили сами. Звонков от сыновей и мужа не было. Значит, успокаивала себя, у них всё спокойно...

Сидела, лежала. Ела то, что принесла вчера из кафе; чайник в номере был, даже чайные и кофейные пакетики. Постучала горничная, Татьяна сказала, что ничего не нужно. Вечером, перед закатом, пошла прогуляться. А то не заснет, и снотворное не поможет.

Было тепло, солнце, как часто случается весной и осенью, ярко светило сбоку, делало стены домов, желтые и багровые листья на деревьях ярче. Вообще, как могло, веселило мир.

Татьяна медленно шла по пешеходной улице. Удивлялась, сколько вокруг улыбающихся людей, музыке из магазинов, бодрым голосам зазывал посетить распродажи, музей оптических иллюзий...

Улица упиралась в набережную. Набережная широкая, капитальная, гранитные плиты, красивые фонари. А река внизу крошечная, узкая. Почти ручеек. Но, может, весной она разливается...

Татьяна с удовольствием вдыхала чистый, вкусный воздух, смотрела на невысокие горы, синевшие за городом.

— Я тут хотела перед зимой Витину могилку поправить, — услышала за спиной. — Памятник качаться стал, и лавочка — труха совсем. Звоню вчера Сереже, он ведь в этой, в ритуальной работает...

Татьяна оглянулась. Мимо медленно проходили две пожилые женщины.

— Только заикнулась, а он: «Не могу, тетя Люда, завтра в двенадцать в военкомат с вещами. Отправляют».

— Ох, Сережка-Сережка, — вздохнула вторая женщина, — Чечню прошел, и опять вот...

Татьяна не хотела слышать, не хотела понимать услышанное. Не хотела совпадения имен. Какое ей дело?.. А в груди оборвалось и упало; не получилось вдохнуть. Она стала валиться на асфальт, хватаясь рукой за гранитное ограждение. Горы исчезли, появилось красноватое небо, а потом темнота.

Противный, обжигающий запах. Дернулась и очнулась. Нашатырь.

Над ней стоял мужчина с ваткой и пузырьком.

— Что со мной? — спросила Татьяна.

Мужчина пожал плечами и сказал тем тоном, каким говорят врачи на приемах:

— Видимо, сердечный приступ. Советую провериться.

Сердце ее никогда не беспокоило. Этот приступ был первый.

НАПРЯМИК

— Да, Валя, да... Не плачь, — кивала мама, отстраняя журчащую головом трубку от уха. — Да поняла я всё... Поговорю... пришлю... — Смотрела сморщившись на ковер на стене.

Положила трубку на рычажки старого розового телефона, перевела взгляд на Настю.

— Валентина звонила. Таблетки просила привезти. У нее кончились, а сама не может, плохо ей совсем... Отвезешь?

Настя только вчера приехала домой после зимней сессии.

Радость от удачно сданных зачетов и экзаменов, родная комната, в которой не была почти пять месяцев, добрый и неспешный разговор с мамой после ужина, глубокий, здоровый сон наполнили Настю светлой силой и энергией, и она без былого канюченья согласилась.

Под настроение дорога до тети Вали показалась ей быстрой и легкой, сама тетя Валя, давно болеющая, озлобленная этой болезнью, — милой и ласковой, как когда-то, когда Настя была маленькой девочкой...

— Я тогда соберу, а ты одевайся, — сказала мама. — У нее и переночуешь. Ладно? А утром — обратно. Ночью не надо, злых полно... Ладно?

— Да, мам, конечно.

Мама стала хлопотать, Настя засмотрелась на нее... Старенькой стала. Не лицом, не фигурой, а движениями... Хотелось сказать: «Не торопись, мама, не волнуйся». Не стала. Что ж...

РАЗГОВОРЫ

Оделась потеплее под мамины советы — «кофту не забудь, колготки шерстяные», — приняла тяжеленький пакет.

— Там лекарства и еды кой-какой... Валентине-то и до магазина сходить... Ох... Ну, с богом, доченька.

— Пока, мам, — Настя приобняла ее, поцеловала в мягкую щеку, — до завтра.

Открыла дверь, но мама удержала, засыпала скороговоркой вопросов:

— Сотовый-то взяла?.. Деньги есть на нем?.. А у тебя?.. Дорогу помнишь до остановки?

И Настя почти механически отвечала:

— Да, мам, есть... помню... всё в порядке.

— И осторожней, пожалуйста. Не разговаривай с кем попало. Всякие лезут...

— Хорошо, конечно...

Сбежала по лестнице, вышла на улицу. Облегченно выдохнула. Мамина забота, такая дотошная и навязчивая, не раздражала уже, как раньше, но утомляла. Да и смешила чуть-чуть. Ведь как-то же полтора года по пять месяцев она живет без пригляда мамы, нормально питается, одевается, но стоит ей вернуться, и мама следит за каждым шагом, дает и дает советы. А скажешь ей об этом, хоть и с улыбкой, — обидится... Ничего, пусть: в этом, наверное, и смысл жизни матерей — заботиться...

Их город совсем небольшой, но своего рода столица нескольких районов. Здесь и все важные учреждения, и межрайонная больница, театр, музей... Есть и автовокзал, откуда «пазики» уходят развозить и собирать пассажиров по ближайшим и дальним поселкам, селам, деревушкам. Правда, «пазики» ездят редко — в основном по утрам и вечерам. Днем их заменяют «газели»-маршрутки. И Настя направилась к той остановке, куда причаливали «газели», что заворачивают в то сельцо, где живет тетя Валя.

Тетя Валя, мамина сестра, была последней обительницей громадного родового дома. Одни из этого рода разъехались, другие умерли, а тетя Валя вот остается. Ясно, что ей там одиноко: соседи не родня, и тоже хочется в город, но дом в медленно гибнущем сельце стоит копейки, здесь и на развалюху на окраине не хватит, не говоря уж о квартире.

Как одинокая пенсионерка и инвалид, тетя Валя подала документы на социальное жилье в городе — однокомнатную квартирку, которую нельзя ни продать, ни завещать и в которую после умершего пенсионера-инвалида вселится следующий, — но очередь была длинной, и в то, что ей удастся дожить до новоселья, тетя Валя не верила.

Настя догадывалась: сестры тайком мечтали, что она выйдет замуж в том городе, где учится, поселится у мужа, конечно, хорошего, интеллигентного, обеспеченного, а тетя Валя переедет к Настиней маме. И они будут вместе. Пить чай, смотреть телевизор, беседовать, ждать, когда их навестит дочка и племянница.

Личная жизнь у обеих, что называется, не сложилась. Были мужчины, но они не стали мужьями. У мамы хоть появилась она, Настя, а тетя Валя совсем одна.

Прямо скажем, красавицами они не были. На старых фотографиях Настя видела коренастых, с какими-то испуганными глазами, жидковолосых, тонкогубых девушек. Одежда мешковатая, плечи опущенные... О таких всегда говорят: дурнушки.

Настя и у себя отмечала черты таких дурнушек и старалась поддерживать фигуру, осанку, быть обаятельной. Знала, что красоту можно восполнить симпатичностью, стильностью. Главное, не переборщить, — в общаге легко если и не стать, то прослыть шлюшенцией. Навесят этот ярлык, и шагай с ним дальше по жизни.

Девушке нужно быть всегда настороже, опасаясь не только окружающих, но и себя саму. Многих, очень многих заносит, а потом уже ничего не исправишь. Или уезжай в другое место, где тебя никто не знает, или принимай предложение какого-нибудь удода, который, как говорится, ни туда-то, ни в Красную армию...

Так, вот и остановка. Под навесом из пластикового стекла и рядом с ним стояли, топтались — скамейка сломана — человек пятнадцать. Мужчины, женщины. Настя сразу, без усилий определила, кто местный, а кто из деревень. Даже не скажешь, чем именно отличаются, — одежда вроде одинаковая, сумки тоже, да и лица похожи. Но всё же видно: вот эта из деревни приехала на два часа, а эта горожанка в первом или втором поколении.

Подошла «газель», но не та, что была нужна Насте, — эта петляла здесь, по улицам. И те, в ком угадывались жители города, забрались в нее. «Не обмануло чутье», — похвалила себя Настя... Маршрутка тронулась, оставшиеся провожали ее завистливыми и злыми глазами.

Было холодновато. Дым из выхлопных труб закручивался спиралью, пах черемухой...

— Уже полчаса ждем, это ж надо! — вскрикнула высокая, большая женщина с большой клетчатой сумкой у ног. — Не могут расписание вывесить!

— Да какое тут расписание, — пританцовывая на утоптанном до каменной плотности снегу, отозвался дядечка в шубе из искусственного меха. — Это ж пираты.

Другой, помоложе, в тонкой куртке, буркнул:

— Какие, мля, пираты еще?

Видимо, уловив в его голосе угрюмую угрозу, тот, в шубе, стал объяснять:

— Незаконно они возят. Проедут по остановкам, наберут, кто есть, — и погнажи. Ни билетов, ничего... Могут вообще сюда не завернуть... Автовокзальские сколько раз, слышал, сулились поймать да поучить.

— Они поучат, — хмыкнула женщина в ярко-красном шерстяном берете. — Все они повязаны там... Вот второй месяц в аптеку мотаюсь и добиться не могу, будет мое лекарство или сняли его окончательно.

— А что за лекарство-то? — спросила большая женщина.

В красном берете сказала что-то тарабарское — Настя не разобрала, — а большая испуганно-приглушенно, как по секрету, сообщила:

— Это ж гормональное!

— И что? — наоборот громко усмехнулась в красном берете. — Я уж свое отрожала. Трое олухов на шее. Жрут и спят.

«Бедная, — глядя на ее сухое сероватое лицо, подумала Настя. — И всё на лекарствах».

— А позвонить не легче? — спросил молодой симпатичный парень в черной шапочке.

— Куда позвонить?

— В аптеку. Узнать — есть в продаже, нет...

Женщина в красном берете отмахнулась:

РАЗГОВОРЫ

— А что толку...

На долгую минуту остановка замерла и замолчала. Как-то окаменело замерла и замолчала. Люди не двигались; Настя готова была испугаться и поводить перед лицом ближайшего рукой: эй, ты где... Но тут парень шевельнулся, кивнул:

— Ну да, толку мало.

— Да не мало, а нету. Нету! — в голосе женщины в берете послышались слезы. — Последние нервы лопнут гудки их слушать.

— Ну да, ну да...

Настя наблюдала за людьми, ловила интонации их голосов, их взгляды, и ей всё сильнее становилось их жалко.

Наверное, это после месяцев в большом городе, лекций, общения с умными и образованными людьми, — пыталась понять она. — Великие события истории, великие личности, кровавые бунты, гиль, реформы... И вот этот десяток человек на этой остановке, одной из тысяч подобных остановок по стране, где так же толкуются по десять, двадцать подобных, — они словно вне истории, вне времени. Кажется, могут так стоять и вяло жаловаться друг другу бесконечно. И морозец — не очень большая помеха. Привыкли...

Но в дали улицы показалась пассажирская «газель», и люди мгновенно подобрались, стали скапливаться, прессоваться на том пятачке, возле которого обычно останавливались автобусы.

Даже слегка стали подпихивать друг друга локтями и бедрами.

И в Насте проснулось вроде бы надежно забытое, вымывшееся полутора годами учебы — и она тоже принялась пробираться ближе к бордюру, мягко, но решительно оставляя за спиной других. Очень не хотелось минут сорок стоять скорчившись в проходе «газели» или вовсе не влезть...

Это была не та «газель». Городской маршрут. И Настя почувствовала что-то вроде злобы к городским; к тем, кто через несколько минут выскочит из этой «газели» возле своего дома и окажется в тепле и уюте... Эта пугающая ее, но непреодолимая злоба не успела разрастись — подошла нужная маршрутка, с вывеской на лобовом стекле «Большие Кныши». Значит, едет до этого села, по пути останавливаясь в десятке других: Ине, Шошине, Ойхе, Шалоболине... Заворачивает и в нужную Насте Новопокровку.

Настя забралась в «газель» одной из первых, и ей повезло — заняла сиденье. Одинокое, над бугром колеса. Ногам неудобно, поэтому, видно, туда и не садились до последнего... Ничего... Кое-как устроила ноги, положила на ляжки пакет. Рядом, буквой «Г», встал и сердито засопел дядечка в искусственной шубе.

Маршрутка тронулась, проехала метров десять и остановилась.

— Деньги передаем, — сказал водитель.

Пассажиры зашуршали.

— Передайте...

— Докуда едете?

— До Шошина.

— А я до Ини.

— До Шошина еще вот возьмите.

— До конечной...

Настя достала кошелек. Спросила:

— А до Новопокровки сколько стоит билет?

И тут же — расстроенный и удивленный вздох:

— Что, еще и в Новопокровку заворачивать будем?

— С полчаса терять, — откликнулся кто-то ворчанием. — Там еще и дорога такая — трясун.

— Да уж вечно что-нибудь...

Еще не поняв, что значат и чем грозят ей эти вздохи и ворчание, Настя повторила:

— Сколько до Новопокровки будет?..

— Да не будет! — выкрикнула большая женщина с крепкой, ударившей Настю, как камень, ненавистью. — Не заворачивает он туда.

Большую с готовностью поддержали:

— Напрямик он идет, без Покровки этой...

— Как это не идет?! — возмутилась Настя, теребя кошелек. — Всегда заходил...

— Еще есть кто до Новопокровки? — громко спросила большая; никто не ответил, и она торжествующе объявила: — Вот, нету никого. И ему ради одного крюк такой делать?

— Действительно, — хмыкнул стоявший над Настей дядечка в шубе. — Вылазь давай, на автовокзальском доедешь.

— Не задерживай! — сзади ее ткнули в спину.

— Во... — Настя задыхалась от обиды и растерянности. — Водитель... вы заезжаете в Новопокровку?

Водитель не ответил. То ли не слышал за общим шумом, то ли не хотел слышать.

— Ну, выходишь ты, нет? — досадливо простонала женщина в красном берете, и ее стон особенно поразил Настю. От этой женщины, которую успела пожалеть на остановке, не ожидала...

— Сволочи! — вырвалось.

— Ишь ты! Она еще и оскорбляет тут будет!

— Ну-ка вылазь, хамка такая, а то, как кошку лишайну, вышвырнем!

— Вставай, чего... — Дядечка в шубе больно потянул Настю за плечо. —

Сколько можно...

— Не трогайте меня!

— Да кому ты сдалась, — хохотнула большая женщина, — трогать тебя еще.

— Королевна, мля...

— Да пошли вы, уроды, блин!

Захлебываясь слезами, текущими почему-то не из глаз, а по горлу, Настя стала выбираться. Зацепилась правой ногой за колесный бугор, чуть не упала в проход.

Неуклюже, наклонившись вперед, двигалась, переступая через сумки, к двери, которую ей открыли, и сквозь обиду и оглушенность произошедшим удивлялась наступившей тишине. Показалось, что на нее смотрят даже с сочувствием. Сейчас скажут: «Да ты чего, мы ж пошутили!»

Нет, не сказали... Она спрыгнула на снег на газоне; дверь с шумом задвинулась и щелкнула, маршрутка сорвалась с места.

— Уроды... Сволочи... — повторила Настя.

Высоко поднимая ноги, вышла на тротуар, достала из кармана сотовый, посмотрела время. На тот автобус, что отходил от автовокзала, она успевала.

Сергей ДОНБАЙ

«Собираю слов огарки...»

Средиземное море

Это море работает без утомленья,
Чтоб поддерживать в нас вещество удивленья.

Доставать из своей непроглядной пучины
Человеческой памяти сны и причины.

И рождать из своей ненаглядной волны
Песнь прибоя, в которую мы влюблены.

Это море содержит в себе механизмы —
Берега превращать в человечьи отчизны.

То не скалы, то — окаменели шторма!
Человеческой мудрости в них закрома.

Это — взгляд египтянина, ставший примером.
Это — грек, навсегда упоённый Гомером.

Это — немца свинец, англосакса слеза.
Это — взгляда славянского даль-бирюза.

Хоть мольбой возвеличь, хоть умом умали,
Это море — недаром средина земли.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич — поэт, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Родился в 1942 году. Живет в городе Кемерово. С 2004 по 2024 год возглавлял журнал «Огни Кузбасса». Автор шестнадцати книг стихотворений. Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Наш современник», «Москва», «День и ночь», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Отчий край» и др. Лауреат литературных премий: имени В. Д. Фёдорова, святого благоверного великого князя Александра Невского, Г. Д. Гребенщикова, Н. А. Клюева и др. Награжден почетной грамотой Президента Российской Федерации.

На повышение пенсионного возраста

Опять неправда победила
И этим даже наградила,
Решила навсегда вопрос —
От счастья не хватает слёз...

Поверженную, как досаду,
В чулан свалили «до параду»,
Чтоб не мозолила глаза, —
От правды не хватает зла...

Ну что ж... Гори, моя слеза!
В страдании, в терпенье долгом —
Не исполняйся волей зла,
Не ржавь скрижали пред народом!

* * *

Какая тяжелая старость
У русских людей:
Вокруг ничего не осталось
От прежних идей.

Но гордость в их лицах откуда?
В недобрых краях
Бредут, опершись друг на друга,
Как на костылях.

Гремят чужеродные песни,
Ликует срамьё.
Куда ни взглянуть им — хоть тресни! —
Кругом не своё.

Пируют чужие им дети
Футбольных полей.
Осталась на всём белом свете
Лишь смерть им своей.

Вокруг ничего не осталось
От прожитых дней.
Какая тяжёлая старость
У русских людей...

Возникновение

Поднимаю жизни грядки,
Дюжу, как могу.
Собираю слов огарки,
Раздвигаю мглу.

И пока могу я с вами
Чувствовать и знать, —
Что не передать словами,
Силюсь рассказать.

Это химия иль чудо?
Или шелест букв?
Что откуда, что откуда —
Прилетает звук.

Продолжается упрямо.
И пока не стих,
Знать не знамо, знать не знамо —
Возникает стих.

Покаяние

Вот я иду:
молодой, разудалый да ладный.
Время вокруг мне как раз
и не шире, не уже.
Каждому встречному друг я
и каждому равный.
Впрочем, как все мы,
в надёжном Советском Союзе.

Время сменилось.
На мне поменялось время.
Реки разумно текут, как текли,
слава Богу...
В дебрях тайги
та ж забота у всякого зверя...
Птицы небесную знают,
как знали, дорогу...

Горы стоять продолжают
надёжно и долго...
Замысел помнит звезда
и горит по команде...
С места не сдвинутся,
как ни толкай их,
береза и ёлка...
Время на мне поменялось,
да будь я неладен.

* * *

Клясться в жизни не спеши,
Не божись, по крайней мере.
Чувств живые чертежи
Прочитает, кто умеет.

Искры Божьей свет горит,
Хоть от тела отделилась.
Расстояние томит,
И растаивает близость.

Ожидание всегда
Рассветает, вечереет.
А жива ли та звезда?
Рассчитает, кто умеет.

ОДИНОКОСТЬ

Одинокость, одинокость —
Ах ты, волчья сыть!
Близок локоть, близок локоть,
Да не укусить.

Одинокость, одинокость —
Сметь или не сметь?
В эту пропасть, в эту пропасть,
Как в себя, смотреть.

Одинокость, одинокость —
С Богом или без?
Это чудо или ловкость
Происходит здесь?

Одинокость, одинокость —
Сей программы гвоздь.
Накось-выкусь, выкусь-накось,
Словно в горле кость.

Одинокость, одинокость,
Чтоб со всеми врозь.
Молодых да ранних взрослость,
Гордость, глупость, злость!

Одинокость, одинокость —
Ах ты, волчья сыть!
Но охватывает робость,
Укрощая прыть.

Одинокость, одинокость —
В ней земная высь,
Одинокость встречи новость,
Расставанья мысль.

* * *

Оба мы из коммунизма,
Из исчадия войны.
Сладкий дым патриотизма
С детства впитывали мы.

Вот и мучаюсь вопросом:
Ты мне друг или не друг?
Почему ты смотришь косо,
Либеральных сил продукт?

* * *

Посмотришь издали — как мало
Нам надо из того, что есть.
Приблизился — и сразу стало
Родных подробностей не счесть.

Дорога через парк прямая,
Красиво выполненный вид.
Но спит душа чужого края.
Лишь удивит, лишь удивит...

Другое — нива золотая,
Просёлок ласковый, как пух.
Не спит душа родного края —
От нежности захватит дух!

Северный морской путь

И никто от порога не знал,
Хлеб и кров разделя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал,
Но узнал. И довольно об этом

Ю. Кузнецова

Здесь живём и ходим по просторам,
Дав Европе волю разговорам.

Человеку не окинуть взглядом
Сей простор, где вечность с жизнью рядом.

Здесь на мерзлоту имеем виды
И умыли нефтью Ледовитый.

Меньше прочих этот океан
Близок пролетариям всех стран.

Бороздить его в пространстве голом
Лёдьям вслед мы стали ледоколом.

Здесь прошли мы — точно не в коляске —
Пёхом от Европы до Аляски.

Сей простор к России прирастил
Мыслью из поморов Михаил.

Эту мысль до подвига напряг
Мышцей из донских краёв Ермак.

...Кажется,
Жизнь дышит здесь на ладан.
Европейцу кажется.
И ладно.

Молитва о Николае Клюеве

Воспевает он не звонко
Кареглазого лосёнка,

Не жалеет тот копытца,
Чтобы облаку напиться,

В песнь о матери великой
Вплёл полянку с земляникой,

Скажет утром он: чи-ри —
Понимают воробьи,

Разузорит слово светом
По святой Руси приметам,

По отчизне он поёт,
Жемчуг с глубины достаёт,

Чтобы сбылись дни весны,
Спи, подснежник мой, усни,

Сон баюкает тайга,
Ни гу-гу, ни га-га-га...

В Беломорье, на Урале
И в моей Сибири — сплошь

Утоли Моя Печали —
Помолись за Колю тож!

Предчувствия

Нет у меня ничего,
Только наш русский язык.
Голос его вечевой
Нас собирает за миг.

Нет у меня ничего.
Только опять и опять
Русской тоски волчий вой —
Нечего больше терять...

Нет у меня ничего.
Только наш русский орёл,
Клёкот двуглавый его
Вновь нас куда-то завёл.

Нет у меня ничего.
Только, хоть как мы живи,
Нам освещает чело
Русская свечка в крови.

«СОБИРАЮ СЛОВ ОГАРКИ...»

Нет у меня ничего.
Только наш русский исток
Передаёт ручейком
Вечный земли шепоток.

Нет у меня ничего.
Только наш русский язык
Вещим своим рычагом
Всё поменяет за миг.

* * *

Бывают люди — цифры,
Бывают люди — буквы.
И это не для рифмы,
Кривить не надо губы.

Бывают люди — мифы,
Бывают люди — бубны,
И по душе им рифмы,
Чтоб радовались губы.

Бывают люди — мифы,
Они живут веками.
И блоковские скифы
С раскосыми очами
Встречаются меж нами.

Бывают люди — цифры,
Они и мать родную
Настырно, как сизифы,
Бездумно оцифруют,
Бездушно зарифмуют.

Самид АГАЕВ

Тайна книги Аристотеля

Сказка для взрослых

(Окончание. Начало в № 1 за 2024 год)

19

Падая, дервиш сильно ушибся, однако, к счастью, членовредительства не случилось. В чем он немедленно убедился, ощутив руки и ноги. Поднялся, пытаясь что-нибудь разглядеть в крошечной темноте подземелья. Поискав вокруг, нашел вертел с курицей, который он выронил при падении.

«Какой негодяй, — подумал Хаджи-баба о хозяине. — А ведь этот вертел мог проткнуть меня насквозь. Выберусь отсюда — ему не поздоровится».

В это время послышался страшный шум, звериный рык, из какого-то дальнего коридора вырвался сноп пламени и поджег факелы, торчащие из стен. Холодея от ужаса, дервиш увидел дракона, он появился вслед за пламенем и словно заполнил собой всё помещение. Видны были его страшные желтые глаза, чешуйчатые крылья были сложены вдоль туловища, когтистые лапы ступали по каменным плитам мягко, но грозили смертью.

«Пропала моя голова», — подумал старик.

АГАЕВ Самид Сахибович — прозаик, филолог. Родился в 1957 году. Живет в Москве. Окончил Московский автомеханический институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Дебютировал в журнале «Юность» повестью «Роман нелюбящих», получившей премию имени Валентина Катаева. Следующий роман «Седьмой Совершенный» был удостоен премии Правительства Москвы. Преподавал в Литературном институте, был доцентом кафедры литературного мастерства. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022, 2024).

Высотой дракон был в два человеческих роста. Дервиш выставил вперед вертел с нанизанной на него курицей. Готовился дорого продать свою жизнь. Дракон приблизился и лег на лапы, хвост его бился о каменные плиты. Суфий был готов поклясться, что он им вилял, и вообще весь вид чудовища говорил о добродушии. Казалось, что вот-вот он замурлыкает, точно домашний кот. Желая закрепить успех, дервиш бросил ему курицу. Махнул вертелом — она сама полетела в его сторону. Дракон метко схватил ее на лету и проглотил. Благодарно рыгнул.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он, — какие будут указания?

Звуки этого самого голоса показались знакомыми.

— Ах, вот оно что, — вспомнил и спохватился Хаджи-баба. Он вытащил из кармана дудку и показал дракону: — Ты об этом?

— Да, хозяин.

— То-то я смотрю что-то очень знакомое. А почему в таком виде? Вернись обратно.

Дракон превратился в джинна.

— Ты видел, как я упал? Чуть себе шею не сломал, — пожаловался дервиш. — Даже не знаю, что я с ним теперь сделаю.

— Тебе стоит только приказать, — отозвался джинн.

— Ничего, успеется. Мне нужно обыскать замок. Здесь был мой товарищ. Хозяин утверждает, что он ушел из замка. Но я ему не верю. Может, томится в подземелье. Ты ведь должен знать.

— Его здесь нет, — сказал джинн, — он ушел, но обещал вернуться, уговор у меня с ним был. Я должен был его съесть, но дал ему отсрочку. Мы так с ним уговорились.

— Запрещаю даже думать об этом!

— Слушаю и повинуюсь.

— И давно ты этим пробавляешься?

— С тех пор как у меня этот хозяин, — признался джинн, показывая наверх.

— Ну, теперь у тебя другой хозяин, положим этому конец. Где мой друг?

— Я перенес его в горную долину. Он называл ее долиной счастья.

— Где-то я об этом слышал уже, ах да, ну конечно! Так она всё-таки существует... Продолжай.

— Оставил его там и вернулся. Там царство Сулеймана — царя джинов. Я не мог там находиться.

— Меня можешь туда доставить?

— Будет сделано. Только это очень далеко, мне надо в дракона превратиться.

— Ничего, я потерплю, — согласился Хаджи-баба.

В следующую секунду он осознал себя сидящим на спине дракона. Они летели среди облаков. Далеко внизу были видны поля, дороги, леса и реки. Сердце дервиша зашлось от страха, он вцепился в шею дракона, услышал хрипкое «полегче, задушишь, не долетим», ослабил хватку. Через несколько часов лета дракон стал снижаться и сел у подножия горной гряды.

— Дальше мне нельзя, — объявил он, — Сулейман узнает — лишит силы.

— Куда мне теперь? — спросил странник.

— Если ты ищешь своего товарища, то тебе надо подняться на ту вершину, — джинн указал на гору. — За ней лежит пресловутая долина. Но по

всему выходит, что он ушел туда и не вернулся. Поэтому я предлагаю тебе никуда не ходить. Если он пропал там, зачем тебе следовать его примеру? Не испытывай судьбу.

— Спасибо за заботу, — поблагодарил дервиш, — но лучше бы ты меня поближе подвез. Далековато будет до той горы пешком.

— Нельзя мне, хозяин. В прошлый раз я слишком близко подлетел, так едва ноги унес. Ох и крутило меня тогда...

— Ну ладно, — согласился Хаджи-баба, — нет так нет. Ты далеко-то не улетай. Попасись где-нибудь рядышком пока.

— Ты это, хозяин, может быть, дудочку оставишь мне на хранение, — предложил дракон.

— Это что еще ты удумал? — подозрительно спросил дервиш.

— Если и ты там сгинешь, сам подумай, в чьих руках моя судьба окажется?

— Ты бы лучше за меня так переживал, — с укоризной сказал суфий, — не сгину, не бойся. Прощаться не будем, до скорой встречи. Ты лучше вот что: не надо меня ждать, возвращайся сейчас в замок и этого псевдодракона заточи в подземелье, туда, куда он меня бросил. И смотри, чтобы он не сбежал. Я ему наказание еще не придумал.

— Я могу сбросить его с высоты, — предложил дракон, но дервиш отверг это.

Он махнул на прощанье рукой и стал подниматься в гору. Сделав несколько шагов, оглянулся, но дракон уже виднелся точкой в небе.

* * *

Дервиш шел неторопливо, но без остановок, шел, сбивая своим посохом соцветия репейника, попадавшие на пути. Он не знал, куда идет и что собирается делать. На него это не было похоже, но сейчас был тот жизненный миг, когда логика отступала на задний план. Такое бывает, когда точно выверенный логический поступок оказывался ошибкой, как выяснялось со временем. Что он найдет в этой долине, одному Богу известно. Подъем занял весь остаток дня. Когда он ступил на вершину, солнце уже скрылось за горизонтом. Быстро вечерело. На небе одна за другой зажигались звезды. Вскоре весь небосвод был усыпан переливающимися самоцветами. Как ни странно, отсюда, с высоты, он различал цвета звезд. Кроме привычного белого цвета он видел и красные, и желтые, и зеленоватые светила. Показалась луна и осветила плато, лежащее внизу. Красивее долины дервишу не приходилось видеть в своей жизни. Словно замороженный, он решил спускаться в долину, хотя поначалу думал провести ночь на вершине. Но прежде всего решил утолить голод. Когда еще придется ужинать с видом на полмира, лежащим у него с одной стороны, и горной долиной с другой. Странник вытащил из хурджина припасы (джинн позаботился о том, чтобы он не испытывал голода в дороге). Вино пил прямо из бурдюка, припадая губами к соску. Дальний перелет не испортил его вкус, но охладил. Закусывал лепешкой и острой вяленой телятиной, овечьим сыром и зеленым луком. Дервиш ел и пил, думая о том, что это лучшие часы в его жизни, лучше дня у него не было. Жизнь наполнена смыслом: он сидел и пил вино на вершине мира, намереваясь спасти своего

товарища из оков заточения. В самом сердце долины, на холме, виднелся сад, обнесенный высокой каменной стеной. Дервиш хорошо видел верхушки деревьев, это определенно были кипарисы. Никакого сомнения, что Галиб заточен в этих стенах. Когда наступит завтра, он его вызволит. Каким образом, он еще не знал, но не беспокоился об этом. Будет день — и будет пища. Здесь, на макушке горы, гулял ветер. Может быть, вследствие этого, но дервиш совершенно не хмелел, хотя в бурдюке вина почти не оставалось. Во всяком случае, так ему казалось. Сознание было ясным. Покончив с трапезой, он взглянул на небо, по местоположению луны определил, что прошла половина ночи, и стал спускаться в долину. Шел зигзагами, чтобы чрезмерно не ускорять движение. Когда он был на середине склона, погода начала портиться. Небо затянуло облаками, в вышине стало гроыхать, каждый раскат грома подсвечивал облака. Сверкнула молния, раз, другой.

«Об этом я не подумал, — посетовал дервиш, — вымокну, простужусь, заболелю. Некстати всё это. Палатку надо было просить у джинна, где бы укрыться от дождя». В следующий миг дождь забарабанил у него над головой. Суфий удивленно посмотрел вверх и увидел парусину. Он находился внутри палатки. Здесь же была и походная кровать. «Спасибо, — неизвестно кому сказал он. — Этот ливень надо переждать». Недолго думая и ничему не удивляясь, вытянулся на ложе и уснул под грохот грома и шум дождя.

Когда проснулся, всё так же лил дождь. Но было уже утро. «Кажется, это надолго, некстати, однако, может, оно и лучше. Всё равно не знаю, что дальше делать». Он поглядел вниз, прежде чем встать с кровати: мало ли, но ни змей, ничего такого опасного под ногами не обнаружил. Каменистый склон, местами поросший травой. Хотя какие змеи в такую погоду... Поднялся, открыл полог, забросил его наверх, откуда хлынули струи воды.

— Какой вид, однако, — поразился дервиш, окидывая взглядом долину, лежащую перед ним. Она была в серой дымке, затушеванная плотными струями дождя. Полевые или, лучше сказать, горные цветы, кустарники, рощицы деревьев, среди которых он различил эвкалипты и оливковые деревья, а также сосны. Гармонию девственной природы нарушал обнесенный каменной стеной сад. Но и он как-то смог своими строгими формами вписаться в этот пейзаж.

— Райское местечко, — невольно произнес дервиш, — затерянный мир. Может быть, в этом всё и дело. Это Эдем, и я в раю. А почему бы и нет? Галиб молод, какие за ним грехи, а я так само совершенство — суфий, аскет. За мной вообще ничего такого не числится, разве что питье вина могут предъявить. Так оно в раю обещано. Скажу: авансом взял малую толику. Опять же главный мусульманин, предводитель, так сказать, пил почем зря. Как же мне было не следовать его примеру? Однако дождь и не думает заканчиваться. Так что торопиться некуда с визитом, подождем. Время утолить голод. Вчера у меня был ужин с видом на долину, сегодня — если что-нибудь отыщется в хурджи-не — я позавтракаю, любуюсь этой долиной. Жаль, вино всё допил вчера. Как сказал поэт, *утром радостней вино, опьянение слаще. Пусть оно нас одарит счастьем настоящим.* Или, как сказал другой поэт, *случая не упусти пить вино с подругой.* Короче говоря, этот ливень переждать с красоткой я согласен.

Произнеся эти слова, дервиш обернулся и замер от удивления. Палатка словно раздалась вширь и вверх, походная кровать исчезла. Вместо нее

прямо в воздухе парила скатерть, полная яств. Хаджи-баба с опаской сел на стоящее рядом одно из двух сидений. На скатерти стояли маленькие тарелочки с сыром, маслом, оливками разных видов. Горячая лепешка еще парила от бывшего жара углей тандыра. Блюдо с фруктами — сливы, виноград, фиги. И главное, что радовало взор: это изобилие венчала высокая стеклянная бутылка, в которой пламенело вино.

— Кажется, отсюда я уже никуда не тронусь, — заявил дервиш, — пусть Галиб сам подтягивается. А пить из чего будем?

И на скатерти появился кубок из чистого золота.

— Кажется, я начинаю догадываться, в чем тут дело, остальное я сам, — сказал он, протягивая руку за бутылкой.

Эти движения надобно делать самому, ибо они способствуют аппетиту. Он наполнил золотой кубок, сделал глоток, определяя вкус. Вино было насыщенным, плотным, с фруктовыми нотками. Как раз такое он любил.

— Благодарю за гостеприимство, — громко произнес он.

Осушил бокал, сразу же почувствовал легкость на сердце и тепло в животе. Дождь лил не переставая, и это придавало некую осмысленность его праздному времяпровождению. Куда же идти, рискуя вымокнуть и заболеть? Ему всё время казалось, что рядом с ним в палатке кто-то есть. Хаджи-баба выпил еще и вдруг различил черты той, что вырисовывалась за столом. Она сидела, скромно потупив взор. Он скорее догадался, чем узнал ее. Это была его жена, от которой он ушел тридцать лет назад, вступив в суфийский орден. Странно, но она совсем не изменилась, в то время как он состарился. Ей было не больше двадцати. Сейчас, с высоты своих лет, он видел, что Зулейха хороша собой, хотя в то время он не замечал этого. Она приходилась ему какой-то очень дальней родственницей. Осталась сиротой. Отец Хаджи-бабы решил помочь ей и женил на девушке своего сына, не дал ей пропасть в жизни. Хаджи-баба выполнил волю отца, но никаких чувств к жене не испытывал. Уйдя из дому, никогда не вспоминал о ней, он много путешествовал, оставив общину. За это время, пока он собирался навестить родителей, они умерли. Сначала отец, потом мать. Домой он так и не вернулся. А теперь жена сидела рядом с ним, а пауза затягивалась.

— Здравствуй, — сказал наконец дервиш.

Она ответила кивком. Хотел спросить, откуда она здесь взялась, что делает. Но вместо этого спросил:

— Как ты?

Неопределенно пожала плечами.

«Если мне всё это кажется, — решил Хаджи-баба, — то она не будет разговаривать».

Он выпил еще один кубок. И тут она подала ему кусок хлеба с пластинкой сыра, совсем как в совместной жизни.

«Ничего, она вот-вот исчезнет, ведь я много выпил ночью. Да и сейчас вино на голодный желудок, толком ничего не ел. Вот и мнится».

Ему было как-то не по себе, щемило сердце.

— После того как ты уехал, я родила мальчика, — наконец произнесла она, — твоего сына. Ты знал об этом?

— Я знал, — глухо сказал он, нечего было притворяться, — понимаешь, жизнь так сложилась. Наш брак был ошибкой. Я виноват перед сыном. Я могу его увидеть?

— Наверное. Преград нет. Не знаю только, захочет ли он тебя увидеть. Что касается ошибки, за нее заплатила только я. Но я вырастила сына. Была несчастлива, одинока. Мне было нелегко. Я выполняла тяжелую работу. И рано умерла.

Эти слова невыносимой тяжестью придавили Хаджи-бабу. Он сидел опустив голову, подбирая слова, приличествующие моменту. А когда поднял голову, за столом уже никого не было. Самого стола тоже не было. Он смотрел, как тает и плавится в его руке золотой кубок. Невпопад сказал:

— Этот дождь уже в печенках у меня сидит. Еще немного, и долину затопит. А сад смоеет. Вместе со мной. Может, так и начинался вселенский потоп. Почему я не позаботился о плоте?..

Но плот не понадобился, поскольку дождь немедленно прекратился. Исчезла палатка. Дервиш схватился за хурджин — на всякий случай, чтобы и тот не исчез.

— Это мое, — сказал он.

И пошел вниз по склону. Было скользко на мокрой траве. Несколько раз чуть не упал, едва удержался на ногах.

— Вообще-то, говоря о красотке, я не имел в виду свою жену, — пробурчал Хаджи-баба.

Он с надеждой посмотрел на небо. Ветер разгонял остатки облаков. Солнце показалось и сразу же явило свою мощь. Стало жарко. В низине, куда спускался дервиш, образовался туман. Еще немного, и он вошел в него. И дальше двигался словно в облаке. Прошел низину и вновь стал подниматься вверх, к тому месту, где виднелась стена. Стоило только подумать о ней, как тут же уперся в нее. Теперь надо было найти вход. Дервиш пошел вдоль стены, огибая ее.

Пока он идет, вернемся в Багдад.

* * *

Саида подошла к покоям халифа. Гвардейцы, стоявшие у дверей, узнав госпожу, помедлив, раздались в стороны, пропуская ее. Муктадир спал всё еще, разметавшись на ложе. Саида опустилась рядом и стала гладить его по голове. Будто в детстве. Халиф с трудом просыпался, открывал и закрывал глаза. Стонал. Наконец сел на ложе и схватился за голову:

— Зачем ты меня разбудила?

— Солнце клонится к закату, нельзя спать в это время.

— Надеюсь, это не единственная причина, по которой ты меня разбудила, иначе не прощу тебя, — жалобно произнес халиф. — О Аллах, моя голова раскалывается от боли. Что это за звуки? Пусть немедленно прекратят! Кушури, где он? Пошли за ним. Почему бьют барабаны? Мама, ну почему у тебя такое лицо? Только не начинай опять. Эй, слуги! Когда умолкнут барабаны?

— Сын мой, мы должны немедленно покинуть Багдад, — трагическим голосом сказала Саида.

— Мам, что это за фантазии?

— Это не фантазии, нам угрожает смертельная опасность. Ты слышишь барабаны? Это приближается враг. Это боевые барабаны.

— Это что? Сон? Приснится же такое...

— Нет, это не сон, — Саида взяла сына за руку и сильно сжала, — это гораздо хуже.

— Какой враг? Откуда он взялся?

— Мунис поднял бунт против тебя.

— Разве его не арестовали? Я же приказал.

— Его солдаты обезоружили стражу. Я говорила тебе: нельзя выдавать своих намерений, надо было применить хитрость. Арестовать его здесь, одного, а ты позволил змее уползти в свою нору. Теперь надо спасаться бегством.

Халиф встал, морщась и потирая виски. Подошел к окну.

— Никакого бегства. Изменник сполна заплатит за предательство. Наместник пророка не бегаёт от врага. Он получит справедливый отпор.

— Сын мой, войска на стороне Муниса.

— Когда это произошло? Почему мне не доложили?!

— Докладывали, но ты был пьян и веселился.

— Как это возможно, чтобы мои войска перешли на сторону мятежного генерала! — воскликнул халиф.

— Ты не платишь им жалованье. Вот уже несколько месяцев.

— И что же, у меня никого не осталось? — растерянно спросил Муктадир.

— Полк твоей личной гвардии — Муфлихия.

— Значит, Муфлих предан мне?

— Не знаю. Во всяком случае, он ненавидит Муниса. Они враги. С тех пор как ты назначил Муниса исфах-салахом.

Муктадир снял со стены меч и прицепил к поясу.

— Мама, иди к себе, — сказал он, — и ни о чем не беспокойся.

— Что ты надумал? — с тревогой спросила она.

— Я приму бой.

— Ты сошел с ума: надо бежать, пока есть возможность. У Муниса солдат впятеро больше, чем у тебя.

— Имам Хусейн с семьюдесятью воинами сразился с трехтысячным войском Йезида. Я такой же имам, как и он.

— И чем же он кончил, твой имам? Его разрубили на семьдесят кусков!

— У меня есть тысяча воинов, на мне плащ пророка, у меня меч пророка.

— Это безумство, — воскликнула Саида, — надо бежать! Я уже всё приготовила, денег, собранных мною, хватит нам надолго.

— Я не собираюсь никуда бежать, — твердо произнес Муктадир, — иди к себе, мама, разговор окончен. Мне надо помолиться перед боем. Эй, слуги, вызовите ко мне Муфлиха.

Халиф более не обращая на мать внимания, стал на колени, открыл ладони перед собой и стал читать *Фатиху*. Саида горестно покачала головой. Выйдя из покоев сына, она поманила ожидавшую ее хаджибу и приказала найти Кушури. Затем торопливо направилась в другое крыло дворца, где находились гарем и ее резиденция. В одном из переходов она увидела толпу придворных. Когда приблизилась, люди расступились, и она увидела лежащего в крови человека. Это был Мутааз.

— Мы его нашли в таком виде, — сказал кто-то, хотя она ни о чем не спрашивала, — видно, был пьян, как обычно. Затеял ссору с кем-то, вот результат.

«Кажется, на этот раз я ошиблась, — подумала Саида, — не его надо было убивать. *Однако прореху уже не заштопать, а на заплату нет материи*».

Вокруг царила суматоха. Гвардейцы Муфлиха строились перед дворцом. Глядя на их построение, Саида вдруг вспомнила тот далекий день, когда на остров, затерянный в Средиземном море, высадились пираты и пленили всех, кого можно было продать на невольничьем рынке. Защитить поселение было некому: малочисленный гарнизон не смог оказать серьезного сопротивления и был перебит. Когда корабль отделился от берега, младший брат Саиды бросился в воду и вплавь добрался до берега. Она тоже могла бы последовать за ним, плавала она лучше, но не сделала этого, испугалась. Их доставили в Багдад, и еврей-работорговец продал ее в гарем халифа Мутадида. Она долго считала, что совершила ошибку, не прыгнув в воду, пока не стала матерью халифа. Тогда поняла, что это — ее судьба, так было predetermined. Ей была уготована высшая участь. Теперь же она вновь подумала о том, что, возможно, совершила ошибку.

20

Хаджи-баба продолжал идти вдоль стены и, как ему казалось, шел бесконечно долго. Но какую бы геометрическую форму ни имел этот сад, он должен был его обогнуть и вернуться к тому месту, откуда начал движение. С погодой происходили странности: времена года сменяли друг друга. В горах, конечно, погода неустойчива, но, чтобы весной пошел снег, такого он не помнил. Дервиш остановился, так как начал догадываться, что входа в этот сад в привычном понимании этого слова — нет. Он поднял голову, чтобы определить высоту стены. Но она длилась и длилась по мере того, как скользил его взгляд.

— Ну что, так и будем в прятки играть? — вслух произнес суфий, и довольно громко. — Я здесь не прихоти ради, на кону человеческая жизнь. Сезам, откройся уже наконец!

Стены тотчас же раздались в стороны, он шагнул и оказался в саду. Когда оглянулся, увидел позади гладкую сплошную стену.

— А ларчик просто открывался. Надеюсь, что обратно выпустят.

Сад был небольшой по размеру, непонятно, почему он так долго шел вдоль стены. В самом центре был водоем со статуей, вокруг нее били струи воды. Хаджи-баба подошел к водоему, зачерпнул ладонями воду, умылся. Вода была холодной, очевидно, где-то находился родник, наполнявший это озеро. Он взгляделся в статую, предполагая увидеть античного бога Древней Греции, ибо когда-то эти места были во владении Искандера Двурогого. Но, рассмотрев атланта, обомлел: это был Галиб. Или его мастерски высеченная копия. Шагнул ближе, дотронулся до изваяния, и холод статуи пронзил его до самого сердца.

— Ну что, — в сердцах воскликнул он, — нашел счастье? К этому стремилась твоя душа?

Может быть, это было следствием выпитого вина или встречи с бывшей женой, растрогавшей его сообщением о сыне, но дервиш заплакал.

— Что же теперь делать? Парень, ты перепутал все наши договоренности с халифом.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

— Эй, кто бы ты ни был! — закричал он. — Знай, что я не уйду отсюда, пока ты не оживишь его.

Дервиш вылез из водоема, снял с себя одежду, стал выжимать — он основательно продрог в холодной воде.

— А ведь могу заболеть, — говорил вслух, но не сам с собой.

Был уверен, что в саду кроме него кто-то есть. По меньшей мере, хозяин должен быть, если не сам пророк Сулейман. Во всяком случае, за фонтаном кто-то должен ухаживать. Не зря же дракон не посмел сюда залететь. Суфий развесил на камнях мокрую одежду, но солнце зашло. Поглядел на небо: серые тучи напоздали друг на друга.

— Только дождя мне сейчас не хватало.

И сразу же полил дождь.

— Нет, так не пойдет, что-то мои желания стали неверно истолковываться. Отыграем обратно. Если дождь, то шатер над головой.

— То-то же, — довольно произнес он, когда над головой натянулась ткань шатра.

— Повторяю: я отсюда не сдвинусь, пока мой юный друг не вернет свой прежний облик. Я имею в виду живую плоть. Так что вина сюда! Большой дубовый бочонок. Как говорится, *сейчас не время сну, я славить розами ланит хочу весну!*

Вместо скатерти появился дощатый, грубо сколоченный стол, на нем казаный бочонок, стоявший на поперечинах. В него уже был вделан кран, из которого сочилась розоватая влага. Дервиш наполнил кружку. Все эти вещи появлялись по мере того, как он о них вспоминал. Рубиновое вино пузырилось, в нем еще продолжался процесс брожения. Хаджи-баба выпил, появилась тарелочка с сыром, он положил в рот одну желтую пластину, кем-то заботливо нарезанную.

— В том, что Галиб превратился в изваяние, должен быть смысл. Иначе бы меня самого тоже превратили в каменного истукана. Но я не хочу этого и поэтому не превращаюсь. А он, видимо, сделал предложенный ему выбор. В каком-то смысле стал истинным суфием, отказался от собственного «я». Но ради чего?

Дервиш выпил еще кружку, чувствуя, что близок к разгадке. Он вспомнил обещание, данное халифу, и тяжело вздохнул. Без золота показываться ему на глаза нельзя. Что-то шмякнулось на землю у его ног, одновременно зазвенев. Это была котомка, пошитая из мешковины. Пнул ее ногой и рассыпал золото. Нагнулся, зачерпнул ладонью. Золото.

— Если такой силой мысли обладаю я, то почему бы мне не оживить то-варища? — сказал старик, глядя на окаменевшего юношу, но тот не двигался с места.

Дервиш наполнил еще одну кружку. Выпил и полез в водоем. Проститься и обнять на прощание. Вследствие выпитого вина он теперь не чувствовал холода воды. Напротив, она охлаждала его душевный жар. Суфий не думал, что будет так потрясен гибелью юноши. Отчасти он был виновен в его смерти, отчасти. Кто бы мог представить, что его выдумка заведет их так далеко! До самой смерти. Залез на каменный бордюру, прошел сквозь струи и обнял статую. Хорошо, никто не видит, — подумали бы: старик с ума сошел. Или набрался до чертиков. Опасность заболеть он презрел. Что простуда по сравнению с участью юноши? Это мелкая неприятность. Даже еще и лучше, если

заболеет. Всё какая-то сопричастность к страданию. Он еще не успел додумать эту мысль до конца, как почувствовал движение в своих объятиях. Каменная статуя зашевелилась, дервиш с криком *бисмиллах* отскочил от нее.

— Как ты меня напугал, — силным голосом произнес Галиб, — зачем же так кричать? Где я? Кажется, я заснул.

— Это я-то тебя напугал? — воскликнул дервиш. — Да это я чуть не помер со страху. Ты жив, что ли? Прикинулся окаменевшим, чтобы старика напугать. Давай выйдем из бассейна, и я тебе закачу увесистую оплеуху за такие шутки.

Хаджи-баба ругался, а сам недоверчиво разглядывал юношу. Живой. Он взял его за руку — точно живой. Галиб сошел с постамента и на согнутых ногах побрел по воде к берегу. Дервиш за ним. Выбрались, помогая друг другу.

— Надо выпить, — сказал старик. Он указал на стол, где стоял бочонок с вином.

— Ты опять за свое? — укоризненно заметил Галиб. — Ты о чем-нибудь другом можешь говорить, кроме как о выпивке?

Дервиш молча развел руками, хлопнул себя по ляжкам, что означало: и это благодарность... Он пошел к столу и наполнил себе кружку пенящимся вином.

— За твое здоровье, сынок, — сказал и приложился к кружке.

Юноша смотрел, как тот двигает кадыком. Его била мелкая дрожь от холода.

— Пожалуй, я тоже выпью, — согласился он, — чтобы не заболеть. Налей мне, когда допьешь свое вино.

В ответ дервиш указал на невесть откуда взявшуюся еще одну кружку. Галиб наполнил ее вином.

— Я растерян, не знаю, что сказать, мысли путаются. Последнее, что помню: как вошел в этот фонтан. Видно, я заснул в нем. Не знаю, как это могло произойти. Я долго спал, но мне было хорошо во сне. Я чувствовал, что нужен людям, что от меня зависит их судьба. Даже жалею, что проснулся.

— *И плачу я о том, что проснулся,* — сказал суфий, — стихотворная строка. Если бы не я, ты бы спал до скончания века. Я спас тебе жизнь, ты понимаешь это?

— Не совсем понимаю, что здесь происходит. Почему я заснул в фонтане... И как вам удалось меня разбудить?

— Силой мысли, *оглан*. Ты не заснул, а окаменел. Стал частью этого фонтана. Мы находимся в долине счастья. Здесь исполняются все желания. Не знаю, зачем ты полез в фонтан и окаменел там. Но я полез за тобой, и ты ожил благодаря моему желанию. Ты захотел выпить — появилась кружка. Хочу дождь! — крикнул дервиш, и сразу же начался ливень.

— Зачем же дождь? — возразил Галиб. — Мы и так мокрые.

— Значит, нам нечего терять, — весело сказал Хаджи-баба. — Но будь по-твоему. Солнце!

Выглянуло солнце.

— Надо еще вина потребовать.

— Здесь же целый бочонок, — удивился юноша.

— Не думаю, что там много осталось. Мне пришлось изрядно выпить, пока я додумался, как тебя оживить. И пора бы уже кебаба поесть.

Недалеко от стола возник очаг, в нем вертел, на котором вращалась баранья нога. Потянуло ароматным дымком.

— Кстати, золото тоже есть, — сообщил дервиш, пиная ногой мешок, — так что обещание свое мы почти выполнили. Удивительное дело, у меня с детства такая натура: мне нельзя врать, даже если я сочиняю, это потом сбывается. Уже и мечтать боюсь. Я теперь скупее стал в желаниях.

— А почему почти выполнили?

— Потому что не знаю, как это золото переправить халифу. Лично я отсюда никуда не тронусь. А почтовое ведомство вряд ли мы найдем поблизости.

— Нет, так не пойдет, мы обещали вернуться.

— Сразу никто не уходит. Не принято так. Давай хоть погостим немного. Поедим перед дальней дорогой. Наконец-то кебаба поем, а то всё рыба да рыба. Кажется, он уже готов. Впрочем, халиф недавно угостил кебабом, но он мне в горло не лез.

— Хорошо, — согласился Галиб, — хотя я и так здесь загостился, пора бы и честь знать.

Друзья воздали должное закускам. Передохнули и отправились в путь. Поднялись по склону к верхушкам гор, перевалили через гряды и спустились к тому месту, где дервиша оставил дракон.

— А как мы до Багдада доберемся? — спросил юноша. — Я даже дороги не знаю, и где мы находимся, тоже не знаю. Меня сюда джинн доставил. Это целая история.

— Да знаю я, — перебил его дервиш. — Думаешь, как я сюда попал? Точно так же. А теперь смотри сюда.

Он вынул из кармана бамбуковую дудочку и заиграл на ней несложный мотив. Через некоторое время в небе появилась темная точка. Еще немного времени, и дракон приземлился возле них.

— Слушаю и повинуюсь, — произнес он.

Галиб с изумлением смотрел на происходящее.

— Ты что же, его хозяин?

— Да, — подтвердил Хаджи-баба. — Я же укротитель драконов, — скромно добавил он. — Ты не знал об этом?

— Надеюсь, что ваше дело было успешным, — сказал дракон. — Какие будут указания?

— Ты двоих унесешь? Обратно.

— Конечно, хозяин, садитесь, и чем раньше мы улетим, тем лучше.

— Ты куда-то торопишься, джинн?

— Джинны никуда не торопятся, но боятся тех, кто сильнее. Боюсь, как бы Сулейман не обнаружил меня здесь. Мне не поздоровится. Садитесь, прошу вас.

Друзья оседлали дракона, и он тотчас взмыл в воздух. Усаживаясь удобнее, дервиш перекинул через плечо хурджин, в одно из отделений которого было пересыпано золото, а во втором лежала почти нетронутая баранья нога. Подумав, он угостил ею дракона. Тот мгновенно проглотил ее и благодарно рыгнул.

— Как ты добр и внимателен ко мне, хозяин, — сказал он.

В Багдаде было беспокойно, он встретил их шумом, городские ворота были закрыты. Пришлось ждать около часа, прежде чем они открылись, выпуская конный отряд. Во главе отряда ехал сам Муктадир. Дервиш помахал ему, привлекая к себе внимание, но их не заметили. В городе царило волнение. Бегали люди по улицам, неслись куда-то всадники. Квартал знати аш-Шамасийа, куда они направились, был особенно взбудоражен.

— Что случилось? — Хаджи-баба схватил бегущего прохожего за руку. — Что происходит?

— Вы что, с неба свалились? — ответил прохожий. — Война! Генерал Мунис поднял восстание против халифа.

— Мы встретили отряд халифа у ворот.

— Он как раз отправился сражаться с ним, будет бой. Отпусти мою руку.

— Вот тебе раз, — озадаченно сказал дервиш, — пожалуй, нам не стоит идти сейчас во дворец с этим золотом. Посидим где-нибудь в кабачке. Подождем, пока у них всё прояснится. Я знаю тут одно подходящее местечко. Кто бы мог подумать: восстание против повелителя верующих! Посягнуть на святое. О Аллах, куда катится этот мир!

— Кажется, ты не веришь в Аллаха, — заметил Галиб.

— Неправда, я верю во все религии, существующие на земле. Только давай этот теологический спор продолжим в каком-нибудь укромном месте. У моста Баб-харб есть хорошие заведения. Пойдем туда. Это в квартале Харбийя.

На реке стоял *таййар*, к нему с берега был переброшен трап, по которому сновали подавальщики. Сам кабачок и кухня располагались на берегу. Они пришли к нему с другой стороны, но это было то самое судно, на котором их арестовали несколько недель назад. Галиб сказал об этом дервишу. Тот будто бы удивился такому совпадению, но счел добрым знаком.

— Значит, круг замкнулся, — решил он, — это хорошо. Ты ведь знаешь о том, что круг — это самая совершенная геометрическая фигура.

Хозяин заведения тоже удивился:

— А! Это вы? Не думал, что вас отпустят. Кого забирают шпионы Назука, те уже не возвращаются. Есть, пить будете? Баранина сегодня исключительная.

— Так мы за этим и пришли, — заявил суфий, — а ты думал, что мы по тебе соскучились?

— Была такая надежда, — в тон ему ответил хозяин. — Пить будете?

— Есть ли у тебя кутрабульское вино?

— Найдется, но странно, что после тюрьмы ты стал привередлив. Обычно люди оттуда возвращаются неизбалованными.

— О чем ты говоришь? — усмехнулся дервиш. — Я пил вино с самим повелителем правоверных.

— Тс-с, — хозяин приложил палец к губам, оглянулся боязливо, — ты хочешь сказать, что повелитель верующих пьет вино? Не надо, ничего не говори. Не хочу знать. Это слишком даже для такого дерзкого старика, как ты. Не будем сейчас о нем, у халифа серьезные неприятности. И говорят, что он отправился на войну.

— Мы уже слышали об этом. Встретили его, когда шли сюда.

— Прошу на судно.

По мосткам поднялись на борт. На этот раз каюта оказалась со стороны реки. Малец принес огромный поднос, с которого на стол переключивали хлебные лепешки, сыр, соленые и острые закуски, оливки и много всякой зелени. Галиб отщипнул кусочек хлеба, покрошил в открытое окошко. В воде тотчас образовался бурун из прожорливых рыбешек. Юноша был задумчив и рассеян, а это первый признак влюбленности. Дервиш лукаво глянул на него:

— Что не весел, друг мой? Кого из девушек забыть не можешь? Взял бы хоть кого в жены, уж как они тебя уговаривали. Три девицы за короткий период.

— Была еще четвертая, — нехотя произнес Галиб.

— Вот как? — удивился Хаджи-баба. — Я чего-то не знаю? Да ты ходок, как я погляжу.

Когда они вернулись в замок, перед ними стал вопрос: что делать с плененным мошенником и девицами. От первого их избавил джинн. Дервиш имел неосторожность спросить у него совета, когда он находился в облике дракона: как его наказать.

— Проще простого, — ответил дракон, и не успели они моргнуть глазом, как он проглотил бедолагу.

С девицами всё было сложнее. Когда им объявили, что они свободны, те наотрез отказались уходить из замка. Только если друзья женятся на них. Старик отказался, сославшись на возраст, а Галиб известил, что не готов к такому серьезному шагу. На том и расстались. Уехали, оставив их хозяйками замка, сопровождаемые сердитыми взглядами.

— Дорогу домой вы знаете, — сказал им на прощание дервиш, — как надоест, вернетесь.

По дороге в Багдад заехали в Васит, где юноша, оставив спутника на постоялом дворе, ушел наводить какие-то справки. Хаджи-баба не стал допытываться, захочет — сам расскажет. Но сейчас самое время было спросить:

— Ну и кто она?

Галиб поведал о своем приключении.

— Это ее ты искал в Месихе?

— Да.

— Из тебя клещами всё вытаскивать?

— Весть о смерти ее мужа оказалась преждевременной: его выпустили, каким-то образом он сумел откупиться. Из всего оставшегося имущества осталась только жена. Он ее забрал.

— Так чего же ты грустишь, радуйся. Зачем тебе чужая жена? Это плохо.

— Это сложный вопрос, чья она жена, — сказал Галиб и покраснел. — Он не успел войти к ней. Не знаю только, как она перед ним оправдается. Я обязан был жениться на ней.

— Всё в руках Всевышнего, — произнес дервиш. — Избежав смерти, он, возможно, изменил свое отношение к предрассудкам.

Дверь каюты открылась, вошел сам хозяин, в руке, накрытой полотенцем, он держал глиняный кувшин.

— Кутрабульское! — гордо провозгласил он.

Сломал печать, собственноручно наполнил кубки. Суфий поднес кубок к носу, вдохнул божественный аромат, сделал глоток.

— Именно это вино мы пили во дворце.
— То-то же, — довольно сказал хозяин.
— Выпей с нами.
— На работе не пью.
— Кстати, если за нами придут, дай знать, а то отсюда не видно.
— А что, должны прийти?
— Кто знает? Храбреца осторожность украшает.
— Хорошо, — уходя, хозяин посторонился, пропуская подавальщика с блюдом, полным кебаба.

Баранья корейка, засыпанная мелкорубленным сладким луком, зеленью и зернами граната. От горки шел одуряющий запах.

— Пить будешь? — спросил дервиш.
— Конечно. Почему ты спрашиваешь?
— Я думал, как обычно, начнешь отказываться. Что собираешься делать?
— Почему ты спросил?
— Может, не будем обмениваться вопросами?
— Но всё-таки.
— Ты нашел счастье, но в долине не остался, поэтому мне интересно, что ты намерен делать дальше. Может быть, ты что-то понял?

— Это хороший вопрос, ты попал в самую точку. Я думал об этом. Счастья в чистом виде не бывает. Оно относительно. В этой долине я получал всё, что пожелаю, но мне это не приносило радости. Я дошел до конца и сам стал излучать счастье.

— Каков же вывод?

— Я уже сказал. Счастье относительно. Вокруг должны быть близкие люди. Надо видеть радость в их глазах от того, что ты рядом, что ты можешь позаботиться о них. Сознание того, что в тебе нуждаются. Так что я вернусь домой... Что с тобой? Ты словно сам не свой.

— Ничего, — нахмурился отчего-то помрачневший дервиш, — давай лучше выпьем.

Он выпил, собравшиеся на лбу морщины разгладились.

— Не знаю, чем тебя прельщали в этой долине, — сказал он, наполнив кубки, — мне же показали мою бывшую жену. Я когда-то ушел от нее... не то, чтобы от нее... просто ушел искать смысл жизни.

— Ты можешь вернуться к ней.

— Увы, она уже давно умерла. Я знаю. Но у меня есть сын.

— Ты не знал этого?

— В том-то и дело, что знал. Он вырос без меня. Я знаю теперь, что должен найти его, но не знаю, что ему скажу. Захочет ли он меня увидеть. Он спросит, почему я раньше его не искал, и мне нечего будет ему ответить.

В этот момент вошел хозяин, он был сильно взволнован.

— Ты просил сообщить, если за вами придут, — напомнил он.

— Что, уже пришли? — невозмутимо спросил дервиш.

— Нет, я думаю, что не придут: в ближайшее время до вас никому не будет дела.

— Что случилось, друг мой, не говори загадками.

— Халиф ал-Муктадир был сегодня убит в сражении. Ему отсекли голову.

Выпалив эту новость, хозяин повернулся, чтобы уйти. Дервиш вдруг ему сказал вдогонку:

— Не хотел бы ты продать свое заведение?

Хозяин обернулся:

— Неожиданный вопрос! Ты не похож на покупателя. У тебя что, завелись деньги?

— Назови цену.

— Так сразу не могу, надо прикинуть.

— Иди посчитай и приходи.

Когда хозяин ушел, Хаджи-баба сказал юноше, глядящему на него с неммым вопросом:

— Да будет земля халифу пухом, но у нас нет больше обязательств перед ним. Мы богаты. Давай купим это заведение. Всю жизнь мечтал быть владельцем такого кабака.

— А как же сын?

— Привезу его сюда, будет кому наследство оставить. С таким имуществом не стыдно в глаза ему посмотреть.

— Я вернусь домой, — объявил Галиб, — это всё было неправильно. Я имею в виду поиски счастья. Всё должно произойти постепенно. Само собой. Ребенок счастлив на руках матери или отца. Вот вся правда о счастье.

— Нет, не дашь ты мне порадоваться новости, — сокрушенно сказал дервиш. — Конечно, грешно так говорить, я вовсе не радуюсь гибели правителя. Мы были честны перед ним. Вот они, деньги, обещанное сокровище. Опять же он хотел нас казнить и казнил бы, если не моя смекалка да изворотливость. Ну так что? Купим это заведение?

— Я вернусь домой, — повторил юноша, — мне сейчас кажется, что ловля рыбы не такое уж и плохое занятие. Особенно когда тебя в море застает восход солнца, а сети полны рыбы.

— А на берегу ждет красавица жена, — продолжил Хаджи-баба. — Заманчиво, ничего не скажешь, жаль, что далеко, а то поставлял бы рыбу в мой духан. Ешь, друг мой, налегай на кебаб. Я вижу, ты исхудал за то время, что раздавал счастье людям. Но прежде еще выпьем за рыбный промысел. Я приеду к тебе погостить. Ладно? Тогда поделим деньги.

— Мне ничего не надо.

Вошел духанщик.

— Я тут прикинул, и если ты, Хаджи-баба, не шутишь надо мной, то цена составит пять тысяч динаров.

— Ты, наверное, хотел сказать «дирхемов», — поправил его дервиш.

— Нет, я пока что осознаю свою речь. Я сказал: динаров.

— За эту хибару на берегу и это уютное суденышко ты хочешь пять тысяч динаров? Возьми себя в руки!

— Это не уютное суденышко, как ты изволил выразиться, а полноценный тайяр. На нем можно плавать в открытом море.

— И далеко ты на нем уплывешь?

— Могу продемонстрировать.

— Не надо. Это лишнее. Мы же здесь не одни. Люди кушают, отдыхают.

— Хорошо, я могу немного уступить. Скажем, до четырех с половиной.

— Две тысячи, — произнес Хаджи-баба.

— Четыре.

— Две с половиной.

— Три с половиной.

Дервиш покачал головой:

— О чем ты говоришь? За эти деньги можно десять лет жить безбедно и ничего не делать.

— А что, после этих десяти лет жизнь кончится? Три тысячи — мое последнее слово, — упорствовал хозяин.

Его позвали с берега. Уходя, он сказал:

— Я пойду займусь своим делом, а вы подумайте над моим предложением.

Когда он ушел, суфий произнес:

— Я думаю, что цену можно еще сбавить, как ты считаешь?

Галиб пожал плечами:

— Мне всё равно.

— Нет, не всё равно, — возразил дервиш, — раз ты отказываешься от наличных денег, то будешь совладельцем. Можешь ехать, ловить рыбу, женишься на соседской девчонке. Но половина прибыли всегда будет принадлежать тебе.

Хаджи-баба полез в хурджин, пошарил в нем рукой и изменился в лице.

— А где золото? — спросил он. Хурджин был пуст, он вывернул его наизнанку. — То-то он мне казался таким легким. Всё время заглядывал, проверял — монеты были на месте. Это как понимать? Они исчезли! А если бы халиф не погиб в сражении, что бы мы ему отдали в обмен на нашу жизнь?..

— Я думаю, что эти два события взаимосвязаны, — заметил юноша.

— Глубоко мыслишь, — изрек дервиш, — где только нахватался...

Он был потрясен, но не обескуражен.

— Может, и не было никакой долины, — в задумчивости протянул он.

Вновь наполнил кубки и сказал:

— Пожалуй, я поеду с тобой, погощу немного. Не возражаешь? Хочется встретить зарю в море.

— А как же сын? — спросил Галиб.

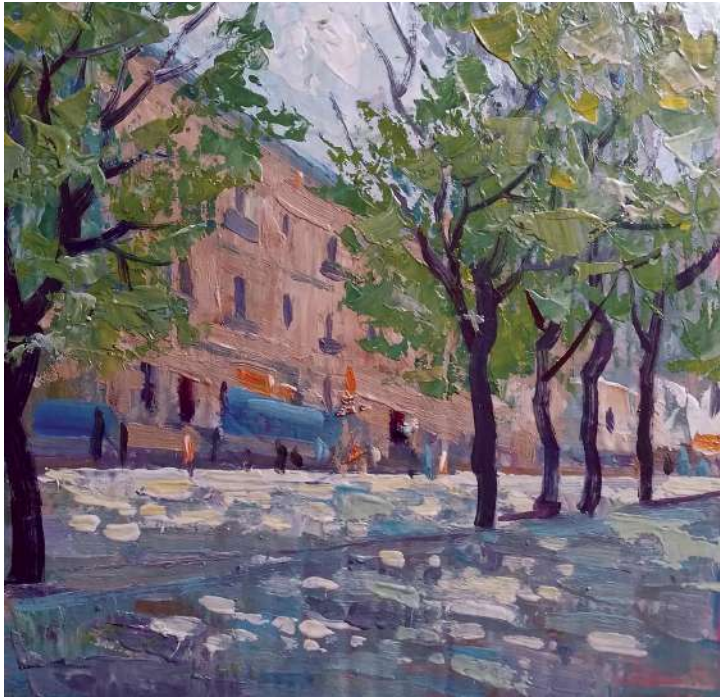
— Я так сразу не могу, — ответил Хаджи-баба, — сначала надо подготовить свое сердце. Это всё равно по дороге. Но прежде... почему-то мне хочется встретить рассвет в море.

ЗЕЛЕНЬ

УЛОЧКА

БЛИКИ

СИРЕНЬ

МИРОТВОРЕНИЕ

СОЗВУЧИЯ

Виктор КУЛЛЭ

Дерзость и смирение

I

Всяк стихотворец, взявшийся умствовать о коллеге по цеху — тем паче старшем и более удачливом, — не может украдкой не попытаться примерить на себя чужое одеяние. Смолоду это приводит к стилизаторскому зуду — эдакому суррогату состязания. Однако годы и килограммы исписанной бумаги за спиной научают, что примерять на себя чужую поэтику — бесполезно, если не саморазрушительно. А вот попытка осмыслить судьбу поэта, секрет его самостояния в истории отечественной литературы и родного языка — может научить многому. Естественно, того, кто готов учиться.

В последнее время понятие «судьба поэта» не то чтобы вовсе утратило смысл — скомпрометировано тотальной антиромантической иронией. Повинны в этом сами поэты. Искус мифологизации собственной судьбы со времен Античности заложен в природе стихотворчества. Однако не всякому — даже из величайших поэтов — доставало элементарного человеческого вкуса

КУЛЛЭ Виктор Альфредович — поэт, переводчик, литературовед, редактор, сценарист. Родился в 1962 году. Живет в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и его аспирантуру. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства и руководитель семинара поэзии в Литинституте. Член Союза писателей Москвы. Член-корреспондент РАЕН. Автор книг стихов «Палимпсест» (2001), «Всё всерьёз» (2011), «Стойкость и Свет. Избранные стихотворения и переводы 1977—2017» (2017), «Благодарность» (2020). Работал главным редактором в журналах «Литературное обозрение» и «Старое литературное обозрение», в издательстве «Летний сад». Перевел на русский язык стихотворения Микеланджело, сонеты и поэмы У. Шекспира, полный корпус стихов И. А. Бродского, в оригинале написанных по-английски. Создал сценарии к документальным фильмам о М. В. Ломоносове, А. С. Грибоедове, М. И. Цветаевой, В. С. Варшавском, Г. И. Газданове. Лауреат премий журналов «Новый мир» (2006), «Иностранная литература» (2013), «Дети Ра» (2016), «Отчий край» (2023, 2025), «Бельские просторы» (2025), Новой Пушкинской премии (2016), литературной премии «Венец» (2017).

не заиграться в творении собственной мифологии. Перед глазами стоят бесспорные примеры победительных гениев: Данте, Петрарка, Байрон. Мало кто задумывается, что мифу предшествовали реальные поступки, складывавшиеся в неповторимый узор судьбы. Данте *действительно* был изгнан из родной Флоренции и приговорен к смертной казни. Байрон *действительно* поехал в Грецию и погиб там. Мало кто задумывается и о неразрывных нитях, связывающих творимый поэтом миф с его реальной жизнью. О том, что миф в состоянии предопределять поступки, стать решающим аргументом в момент нравственного выбора. Так, «злой мальчик» Лермонтов *не мог* не накликать себе раннюю смерть на дуэли, Гумилев *не мог* не геройствовать на фронте, а Мандельштам *не мог* не написать роковых стихов о Сталине.

Произошедшее в начале минувшего века «восстание масс» потрясло устоявшуюся картину мироздания, пожалуй, не в меньшей степени, чем техногенная революция или мировые войны. Прежде всего, оно аукнулось в том, что индивидуум оказался избавлен от чувства личной ответственности за происходящее. В случае стихотворцев, автор — от ответственности за собственный текст (не говоря уже об ответственности перед текстом). В странах соцлагеря умение складно рифмовать превратилось в комфортный и не слишком трудоемкий способ зарабатывания денег, на Западе — способность записывать в столбик (как правило, верлибром) дневниковые переживания стала заменой дорогостоящего визита к психоаналитику. А когда разделению мира на два лагеря пришел конец, всё и вовсе упростилось до некоей «ментальной канализации», провозглашенной покойным Д. А. Приговым. Итог жуток и печален — он сводится к чудовищной девальвации поэтического слова, с которой мы имеем дело на настоящей момент.

Кажется, последним культурным героем уходящего «большого искусства» оказался Бродский, едва ли не идеально воплотивший в своей биографии «судьбу поэта»: гонения властей, психушка и ссылка, поруганная любовь и изгнание, благословение последних великих (А. А. Ахматовой плюс У. Х. Одена) и, в качестве законной платы, — мировая слава и Нобель. Однако не парадоксально ли, что именно этот везунок, по сей день вызывающий ревнивое раздражение у коллег по цеху, категорически протестовал против привлечения «биографического фактора» при анализе стихов? И когда дело касалось лично его, и когда сам он преподавал изящную словесность американским студентам. И это притом, что Иосиф Александрович полагал стихи делом антропологическим — важнейшим фактором, способным удерживать *homo sapiens* от сползания к деградации. Разгадка, полагаю, в том, что он не мог не видеть происходящей на глазах девальвации самого понятия *поэзия*. Как не мог и не понимать, что превращение поэта в публичную персону (не говоря о поп-идоле) способствует этой девальвации не в меньшей степени, чем властные «кнут и пряник». Ровно поэтому «главным» героем отечественной словесности Бродский упорно считал отнюдь не Пушкина, но по сей день прочитанного толком считанными единицами сумеречного Баратынского. Проще говоря, ставил во главу угла не миф о поэте, достигающийся потомкам, но качество стихотворных текстов, не подверженных коррозии времени.

Допускаю: подобное противопоставление слишком искусственно. Можно ведь на самом деле и автомифологию творить — и стихи блистательные слагать. Примеров пруд пруди: от Пушкина до Мандельштама. Увы, в наше

время всё изменилось кардинальным образом. После культурной революции, совершенной на переломе веков вавилонскими хунвейбинами, само понятие «качество текста» оказалось под вопросом. У меня есть приятель — проницательный критик и недурной стихотворец; вполне, как принято выражаться, «культурно вменяемый человек», который на полном серьезе излагал следующее: «Ты ж понимаешь, что я могу сочинять качественные тексты. Однако сейчас правильнее писать неряшливо — это такая стратегия...»

Мысль о том, что неряшливое слово может эхом отозваться в жизни, ему в голову не приходила. Да и не могла прийти — времена, когда Слову придавали сакральную функцию, кажутся канувшими безвозвратно.

Тем не менее это не так. Даже на фоне горьких потерь, понесенных нашей поэзией за последние годы, мы живем в эпоху литературного роскошества. Беда лишь в том, что не всякий, к сожалению, в состоянии оценить (или хотя бы попросту узреть) находящееся у него прямо под носом чудо. И тут я наконец назову имя стихотворца, ради которого взялся за эти путаные заметки: Олег Григорьевич Чухонцев.

На первый взгляд, в его литературной судьбе всё замечательно: поэт удостоен едва ли не всех возможных отечественных премий, он стал прижизненным классиком. На деле всё отнюдь не столь безоблачно. Начнем с того, что для современной литературной тусовки Чухонцев попросту «неактуален». Запоздалое признание настигло Олега Григорьевича чуть ли не по «выслуге лет» — и навряд ли прибавило ему читателей в подрастающем поколении. Его стихи не обладают той яркой, моментально узнаваемой уверенной поэтикой, которая отличает, например, Бродского. Однако всё это лишь на первый взгляд. Уникальность Чухонцева в том, что практически каждое его стихотворение требует внимательного и трепетного вживания: их нельзя читать потоком, «для ознакомления и принятия к сведению». Это «штучный товар». Но тот, кто не поленится вдуматься в стихи Олега Григорьевича, просмаковать их внутренним проборматыванием, будет вознагражден сторицей. Как минимум, обретет надежного спутника, помощника и утешителя.

Парадокс в том, что Чухонцев оказывался «не ко двору» едва ли не всю свою жизнь. И при советской власти, когда он на протяжении десятилетий оставался автором двух тощих, с трудом увидевших свет и моментально ставших раритетами книжек стихов. И в лагере диссидентов, ставивших ему в вину отсутствие активного противостояния власти. И в литературном подполье, где он воспринимался слишком уж невместным традиционалистом. Проще говоря, популярности Олега Григорьевича мешало именно отсутствие культурного мифа вокруг его персоны. Полагаю, это было сознательной позицией.

Чухонцев на протяжении более полувека медленно и неотвратно слагал свои удивительные стихи — не позволяя себе обращать внимания ни на злобу дня, ни на капризы моды. В этом поразительном постоянстве есть что-то соприродное росту дерева либо тектоническим сдвигам почвы. Я лично знаю свыше сотни человек (обычных людей, не одержимых зудом собственного стихотворчества), признававшихся, что в трудные минуты жизни им помогали именно стихи Олега Григорьевича, — а по всей стране, думаю, их наберутся десятки, если не сотни тысяч. Таков результат его самостояния в нашей литературе. Самостояния, осуществленного вопреки любым биографическим извещениям — исключительно силой воли и таланта. Ведь, в конечном

счете, всякая попытка мифологизации собственной судьбы — не что иное, как стремление подогнать себя под опробованные ранее клише. Чухонцев же исхитрялся на протяжении всей творческой биографии оставаться самым собой, на практике осуществляя полузабытый призыв Чехова: «Неси свой крест и веруй».

В этом — лично для меня — состоит главный урок Олега Григорьевича.

II

На носу время ухода на пенсию — невеселая дата подведения итогов, переоценки ценностей и прочих мучительных ритуалов. В моей психомоторике подобное садо-мазо воплощается в назойливом стремлении к наведению порядка. Если не в голове и в душе — то хотя бы на письменном столе. Или на книжной полке. Нынешние несвязные заметки родились из попытки рациональнее обустроить содержимое книжных полок, отведенных поэзии. Чтобы не глядя нужный томик извлечь, перечесать без того наизусть ведомое — и излечиться от отчаянья. Хотя бы на время.

Занятие это — наведение порядка — только на поверхностный взгляд кажется механическим. Дело ведь не в том, чтобы выстроить книжки корешок к корешку, автора к автору, — лакомее понять, в какие отношения они между собой вступят, соседствуя. Почему одни, прежде возлюбленные, перекочуют во второй ряд, а другие неожиданно выступают на первый план. Сопоставить новый суверенный порядок с предыдущим. Как минимум, помогает вербализовать изменения, свершившиеся в тебе самом под воздействием времени.

Итак, итог: должен признаться, неожиданный. В первый ряд — обок с Данте и Державиным, Баратынским и Мандельштамом, Ходасевичем и Бродским — непредсказуемым образом переместились книги Чухонцева. И не просто переместились — заняли законное неотъемлемое место. Тут-то и пришло время задуматься: почему прежде я столь поверхностно относился к стихам Олега Григорьевича? Не могу сказать, что не знал их, — знал, конечно. И перечитывал с должным уважением, и удовольствие от чтения получал, и ликовал вместе с друзьями, когда его наконец-то премиями отличать стали. Ан что-то важное в его стихах вовремя всё одно не узрел — ну не влюбился с первого взгляда, как это, по молодости, случилось с творениями иных, порой менее значительных стихотворцев. Почему?

Оправдаться на деле не так уж сложно: я что, один урод такой? Да несть числа им, Чухонцева проморгавшим, — почитай, вся страна! Ну, почти вся. Ведь и по сей день он, при всех нынешних наградах и регалиях, остается одним из самых загадочных, самых непрочитанных поэтов нашего времени. И это свидетельствует уже не об изъянах моего личного вкуса, но о некоем системном вывихе, некоей болезни, поразившей если не саму поэзию, то отношение читающей публики к ней.

По-любому начинать честнее с себя — вот в причинах собственной глухоты и попробую разобраться. Возможно, дело попросту в моих ленинградских корнях? Сказано ведь: «Питер есть Питер, Москва есть Москва — и им сойтись не дано». Среди стихотворцев, оказавших влияние на мой начальный круг чтения, имя Чухонцева каким-то особенным авторитетом не пользовалось. Он был прочно прописан по ведомству «тихой лирики» — где-то рядом

ДЕРЗОСТЬ И СМИРЕНИЕ

с Рубцовым и Владимиром Соколовым. А это мне, мятежному недоучке, казалось о ту пору невообразимой тягомотиной. Отрок, сызмала возлюбивший в гранит одетую Неву, не может не то что пропустить в душу — хотя бы задуматься толком над строками:

...на болотах, где не выстоит гранит,
деревянное отечество стоит.

У меня под подошвами был гранит, и я твердо знал, что гранит этот возведен именно на болоте. Пусть за него заплачено неисчислимыми жертвами, но он выстоит всегда и везде. Как Ленинград в блокаду. Как старая питерская интеллигенция в лагерях. Питер был для меня не только точкой рождения русской литературы, но метафорой культуры вообще. Пучина болот, усмиренная, по воле творца, гранитом. Хаос, преображенный в космос.

Четверть века назад, перебравшись в Москву, я столкнулся с иным отношением к стихам Олега Григорьевича. Любимейший наш преподаватель Владимир Павлович Смирнов, ведший, помимо прочего, семинары по так называемой текучке — современной литературе, в числе обязательного чтения прописал студиям «Из трех тетрадей» и «Слуховое окно». Заполучить книжки на руки было нереально — знакомились по очереди в читальном зале. Однако след вспомнить, что это были за фантастические годы! Самое начало гласности. Один за другим в печать прорывались публикации доселе запретных эмигрантских поэтов, по рукам ходили ксероксы самиздата, литературная жизнь в Москве бурлила: проходили вечера клуба «Поэзия», можно было запросто познакомиться с авторами «Альманаха», завалиться в гости к живым лианозовцам. Короче, стихи Чухонцева оказались не то что не ко двору — скорее, где-то на периферии сознания. О чем мы нахально и сообщили на семинаре любимому преподавателю. Владимир Павлович глянул на особенно дерзких с нескрываемой жалостью и проронил: «Ну ничего. Бог даст, дорастете».

Сейчас, сконфуженно вспоминая эту историю, я понимаю, почему получилось так, а не иначе. Смолоду мы склонны искать в чужих стихах набор формальных приемов, которые можно либо на голубом глазу позаимствовать, либо — отвергнуть. Именно эта — техническая — сторона казалась особо лакомой у поэтов московского (да и питерского) андеграунда. Важен был небывалый, неслыханный доселе инструментарий: не *что*, а *как* сказано. Искусство поэтики шестидесятников избежать удалось, по счастью, практически безболезненно. Однако соблазн таился в том, из чего шестидесятники выросли: в виртуозной технике Сельвинского, в стихах погибших на фронте ифлийцев, в огромных интонационных возможностях, разрабатывавшихся Слуцким и Лукониным. Не говоря уже о завораживающей долгой строке Левитанского. А на горизонте грозовой тучей набухал Бродский — с открываемым им исполинским инструментарием. На фоне всего этого Чухонцев казался слишком традиционен. Четырнадцать лет назад он опубликовал в «Знамени» свои мемуары о Слуцком, в которых речь идет о схожей ситуации периода «оттепели»: «Молодые стихотворцы... искали пути обновления в самой фактуре поэтического высказывания, часто сознательно утрированной, и кто только не блуждал тогда в лесу эвфонических химер и дебрях языковой экспрессии... я тоже сначала пытался сочинять нечто подобное, но быстро поостыл: эвфония без семантики всё-таки — нонсенс».

На то, чтобы понять, что эвфония (как и додекафония или, скажем, чистая глоссолалия) без семантики является нонсенсом, может уйти целая жизнь. Каждый волен выбирать свое — поделюсь лишь суверенным опытом. Долгие годы пытаюсь уяснить, что такое «поэтическая традиция», однажды я набрел на простейшую формулу: *дерзость и смирение*. Смирение — в осознании неизбежности принять правила игры, в которую ввязался; относиться к ним с благодарностью и уважением. И дерзость — ощущая за спиной массив сказанного до тебя, попытаться прибавить к нему что-то новое, уникальное. То есть вступить в состязание с учителями. Тут-то и начинается самое интересное. Ибо чужая, ярко маркированная поэтика (Маяковского, Цветаевой, Бродского, Всеволода Некрасова) учеников и последователей по определению не предполагает. Только, увы, унылых эпигонов. Ее функция в ином — раствориться в составе языка — и уже потом лечь в основу новой лингвистической реальности. Подлинное же мастерство, как правило, в глаза не бросается. Так, лишь многие годы спустя стало бесспорным, что главным новатором, стоящим у истоков всей русской поэзии минувшего века, оказался мало кому при жизни ведомый Иннокентий Анненский.

Парадоксально, но гораздо сложнее стать новатором, не тешась выработкой «новых конвенций», а возрождая к жизни, питая свежей кровью старые. Именно этой сокровенной, подспудной работой многие десятилетия занимается в нашей поэзии Олег Чухонцев. Оценить подлинный масштаб сделанного им возможно, лишь осознав многозвучие и насыщенность постоянной переключки, которую он ведет едва ли не со всеми значимыми именами отечественной словесности: от поэтов осьмнадцатого века — до избранных современников. В этом смысле тонюсенькая книжка стихов «Фифиа», стоящая у истоков поэзии нового века, будет для грядущих поколений значима, вероятно, не менее, чем легендарный «Кипарисовый ларец». Книга эта имела роскошную критику — однако, подозреваю, и по сей день лишь считанные единицы способны оценить предложенные в ней возможности расширения русского классического стиха. Даже с чисто формальной стороны — это подлинное пиршество для стиховедов: от виртуозных экспериментов с аллеевой строфой — до поразительных интонационных находок в традиционной силлаботонике; от трехударной народной тоники — до небывалого синтеза верлибра с ритмическим стихом. Так на переломе веков махровый традиционалист неожиданно обернулся самым радикальным — и плодотворным — новатором.

В цитированных выше воспоминаниях о Слуцком довелось наткнуться на горькое признание: «...пока, наконец, я не смирился со статусом литературного неудачника». Правда, сам Олег Григорьевич задним числом констатировал, что пресловутое неудачничество упасло его «от худшего». И всё одно не перестает саднить собственная вина: почему я (в числе многих) не разглядел и не оценил вовремя этого удивительного поэта?

До смерти обидно, что Чухонцев по сей день толком не прочитан. Впрочем, здесь он обретается в замечательной компании: с Баратынским, Случевским, Анненским, Георгием Ивановым и еще многими блистательными именами. Счастлива литература, могущая позволить себе подобное транжирство.

Варвара ПЕТРОВА

«Я хочу жизнь прожить без оглядки, напиваясь ею сполна»

Вдохновение

Вдохновение — это поля.

Вдохновение — это простор, расстилающийся по долам, уплывающий внутрь озёр.

Вдохновение — это мечта, что лелеялась с детства порой.

Вдохновение в том, чтобы знать: навсегда я останусь собой.

Вдохновение — это дома, это письма на почте вдали. Это сказки, и тополя, и идущие вдаль корабли.

Вдохновение — это моря, полны тайны своей неземной.

Вдохновение — это волна.

Вдохновение — это с тобой.

Вдохновение — это гора, свежий воздух высоких Альп. И весёлая болтовня.

Вдохновение — это я.

ПЕТРОВА Варвара Антоновна — поэт, студентка первого курса Литературного института имени А. М. Горького (мастерская поэзии Андрея Витальевича Василевского). Родилась в 2007 году. Живет в Москве. Публиковалась в журналах «Российский колокол», «Пять стихий», «Сундук», «Московский вестник», альманахах «Ковчег» и «Крылья». Победитель конкурса «Малиновские чтения — 2025» в номинации «Поэзия. Молодое дарование», финалист Всероссийского конкурса поэзии «Дороги победы. Узелки на память» и Международного конкурса имени И. Н. Григорьева «И память живая, бессонная, жгучая», полуфиналист 19-го Международного конкурса поэзии имени А. Т. Твардовского. Лауреат третьей степени Международного литературного конкурса имени Фридриха Шиллера. Лауреат второй степени Московского молодежного литературного конкурса «Веское слово» (награду вручили на Красной площади).

Немного про жизнь

Я взгляд направлю прямо в небо,
 Чтоб было видно сразу всем и никому.
 Я человек-театр, жизнь — как сцена,
 По ней спокойно и уверенно иду.
 Меняю сотни масок, сотни ролей
 И ухожу, неловко вам смеясь.
 Ведь никому не ведомо, на сколько,
 Каким трудом сюда я поднялась.
 Я снова падаю, и снова в кровь колени,
 Но выхожу, как нужно, на поклон.
 Закрыв глаза, я снова вижу тени,
 Среди которых снова он...
 Партер театра, я играю
 Опять одну из главных из ролей.
 И словно я людей не замечаю,
 Хотя весь зал — как площадка из людей...
 Кто я, зачем сюда явилась? Чего хочу?
 Самой бы мне понять...
 Оркестр, свет... Моя улыбка.
 Спасибо, мне приятно вам играть.

* * *

Видел я: два дула пистолета
 Люди направляли мне в лицо.
 Небо осветила жёлтым пламенем комета.
 Как же страшно мне, как горячо...
 Жизнь проносится передо мною,
 Словно чёрно-белое кино...
 Отчего так, ведь оно цветное!
 Мне уже должно быть всё равно...
 Под руками увядают розы, наливаясь алостью крови.
 Тяжело лежать у смертного порога,
 Тяжело сквозь жизнь мне перейти.
 Я увидел красоту рассвета, ламу, пробежавшую вдали.
 Где-то в недоступной высоте кричали
 Свою песню грустно журавли.
 Может, заберут меня с собою?
 Будем вместе в небе мы летать...
 Закрывал глаза я так спокойно —
 Мне не страшно вовсе умирать...

Тройной аксель

Тренировка. Элементы как в танце,
 Только на льду.
 «Я ведь не упаду? —
 Думает Саша. —
 Не упаду».

«Я ХОЧУ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ БЕЗ ОГЛЯДКИ, НАПИВАЯСЬ ЕЮ СПОЛНА»

И обводит каток глазами, ища близкого по духу.
Разбег, аксель, падает...
Лежит на льду.
«Для чего я на конкурс пойду? Я такая ведь... Бездарная».
Поднимается, ноги отряхивает, слёзы смахивая на ходу.
«Ты ведь сильная, моя Сашенька».
Вновь разбег: «Вот сейчас смогу!»
Результат всё такой же, заново...
Синеватого цвета кофта лежит на льду.
Саша смотрит — и видит радугу, и стоит уже на лугу.
В догонялки играет с воздухом, разбегается для прыжка.
С вдохновением исполняется
Её давняя мечта:
Она крутит тройной аксель.
И это только пока...

Аллилуйя

«Аллилуйя», — шептал мне ветер, снегом руки мои целуя.
Проходили куда-то люди, в даль глубокую и глухую.
У Большого театра толпы вновь толкаются за билеты.
Ощущение постоянно: мы не там, где должны быть. Прежде...
Мне казалось, что я сумею побывать однажды там с вами.
Что со всеми людьми в мире непременно мы станем друзьями.
Дни проходят, меняется время. Мне уж место рядом не с вами.
До свиданья, мои родные. До свиданья, свиданья, свиданья...

Исповедь

Я стояла на рыночной площади.
Абсолютно одна.
Рядом берег реки, всё мокрое,
Разливается снова вода.
И зачем эти взоры так строги, и язык этот мне не знаком.
Что за юноша в платье широком
Нам вещает ужасный закон?
Отчего говорят не на нашем, почему тут везде суета...
«Помоги нам, пожалуйста, Амбер!»
Я не тут, или правда не та...
И скопление стало огромным.
Все кричат, что ужасная роль
Всем провинциям уготована,
Коль такой на вершине король.
Среди всех я стою босая, платье рваное,
Все в тряпье.
Вдалеке появился парус.
Может быть, заберёт к себе?..

Любовь

Светлее звезды, что зажглась над землёй,
 Теплее домов и полей,
 Хладнее порой океанов самих,
 Все люди стремятся за ней.
 Что тело согреет и дух приютит,
 Научит мечте неземной?
 Спеши и смотри, хоть ночами не спи.
 Она ведь стоит пред тобой.
 Играет мечта, как огонь неземной,
 Пылает надеждой Нева.
 И хор воспевает тот путь, что с тобой.
 Становится рядом она.
 Играет на флейте, вуалью шуршит,
 И льются признаний слова...
 Так жизнь коротка, но едина она
 И вечно едина молва.
 И ради неё ты пойдёшь на поклон
 К жестокому хоть королю.
 И бунт разоришь, претерпишь и тюрьму.
 Хоть полностью мир покоришь!
 Затихнет толпа, и опустится сталь,
 Накинёт невеста вуаль.
 Тень встанет чуть слева, услышишь слова:
 «Ведь я не уйду, так и знай...»

«Брось читать свою Джейн Эйр»

Мне говорили: «Брось читать свою Джейн Эйр, пойдём посмотрим на рассвет.
 Пойдём, ведь завтра школа, колледж, опять вставать, как грянет свет».
 А я сидела и читала, и погружалась в те миры,
 где исчезает быстро зависть, где люди все и всем равны.
 Пусть и чужда мне современность, и я подросток не такой,
 как те весёлые ребята, что в клуб бегут большой толпой.
 И что с того? Что мне их нравы? Я встану — выйдет первый луч.
 Я улыбнусь, ведь это радость — что солнце вышло из-за туч.
 Ты говоришь: «Бросай свою Джейн Эйр...»
 Да даже если брошу, что с того?
 Ведь этот мир и странные надежды я вижу, словно чуждое кино.
 Пусти! Пусти меня к свободе.
 Туда, где расстилаются поля,
 туда, где нету башен небоскрёбов,
 а будет лишь природа.
 Ну и я...
 Нет, даже не пусти... Давай поедем вместе?
 Туда, где голубые небеса, где трели соловья
 играют на рассвете, где кроме ветра — только ты и я.

Исповедь Сципиона

Мечь точна и тонка, словно сотни сетей,
Что развесили над западней.
В этот сумрачный час и торжественный день
Я спокойно являюсь домой.
Отмываю с меча багровяность крови
И склоняюсь над алтарём.
И Юпитер, я знаю, меня пощадит
И наделит священным огнём.
Эта гибель благая для всех, кто со мной —
Прочь от подлости, мрака и зла.
Только я не успел, не хватило мне сил,
И из сумрака смотрит Она.
Дорогая Цезония, всё позади,
Вам не больно средь сказочных трав.
Только как мне теперь о прощенье просить,
Если глухо молчит земля?
Говорили сегодня: «Диспатер велик
И не станет невинных пытаться».
Если б лишь на минуту я смог вас забыть,
Я не стал бы об этом мечтать.
Рим спасён, больше нет бунтаря,
Только вы не узнали меня.
Не узнали, что за, а не против я вас
И виною до сих пор, что не спас.
«Заберите с собой, — тихо я попрошу, —
Я устал от земной суеты».
Не ответит никто,
Только ветер опять
Всколыхнёт голубые цветы...

Калигуле

Грохот гонга раздался по залам в камнях!
В страхе диком затихнет народ.
Им известно, кто с шумом ужасным таким,
С гордым видом ко трону идёт.
Малолетний безумец, в нём гордость и спесь
Помрачили рассудок глухой.
Самому недостаточно славы хотеть —
Остальных уведёт за собой.
Ты, Калигула, мальчик совсем не простой:
Ты великих имён и кровей.
Императора чтят повелитель морей
И далёких, к Востоку, земель.
Только что за земля поклонится ему,
Если руки его в крови,
Если крики слышны из глухой земли
И с мольбою кричат: «Помоги!»?
Правда, знай, заиграет в ночи,
И под песню острейших мечей
Ты с последним вздохом узнаешь, зачем
Люди мстят за таких же людей.

* * *

Rakkaalle

Пусть разверзнутся вещие реки,
Замолчат навсегда потоки,
Песни мигом прервутся навеки,
Забывая свои истоки.
Дай вернуться, вселенская сила,
И раскрыть объятий ладони
Муза чтоб меня вновь посетила —
Это капля Всевышней воли.
Помоги не забыть его голос,
Память дай сохранить по строкам,
Nunca olvides mi nombre,
Разве мало я так вот боролась?
Нет, я верю, шумят пусть все волны,
Люди песни поют на просторе,
Но я знаю, я знаю, *nombre,*
Мы от страхов своих свободны!

Сонет

Таких женщин ещё называли
Роковыми. Под взглядом мечты
Слишком быстро они исчезали,
Оставляя великих холсты.

Шли по улицам дерзко, упрямо,
Не скрывая своей красоты.
Словно лучшие фрески для храма,
Поправляли на шляпках цветы.

Не смотрели своими очами
На склонённых от их чистоты.
Может, станут они палачами?

Нет в народе такой любви,
И тем дамам её не надо.
Для себя лучше ты поживи.

* * *

«Я. М.»

Ты читаешь Камю по утрам
Вот так просто и вроде без пафоса,
Прислоняешься к нежным губам,
И тебе это, кажется, нравится.

Достаёшь из портфеля ты сок,
Наливаешь его — глоточек,
Продолжается жизни кино,
Где нет знаков и даже точек.

«Я ХОЧУ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ БЕЗ ОГЛЯДКИ, НАПИВАЯСЬ ЕЮ СПОЛНА»

Вечерами ты пишешь письмо
Обо всём, что здесь происходит,
Только сердце твоё нёмó.

И ответить оно не может,
Почему за твои стихи
Тебя сердце так сильно гложет?..

Монолог Метлина

Меж двух огней
Быть, должно быть,
Страшно.
Среди двух зол
Выбирают
Меньше.
Каждый кичится,
Что
Отважный.
От этих слов
Всем,
Увы,
Не легче.
В этих
Слогах
Столько лицемерья.
В этих глазах
Сотни
Многоточий.
Если бы я писал этой
Жизни
Книгу,
Путь всех героев
Был бы
Уже закончен.

Вечность

Нет, никогда не думала, что вечность
Разнится медленно по кругу,
Что сантиметры режут вены
И не встречаются друг с другом.
А ближе времени только дыханье,
Что сбивается, как самолёты,
Лучше общества только молчанье,
Нарушаемое как по нотам.
И любая игра в безделье
Обрывается за секунду,
Пропадает в крошечной бездне,
Где не слышно уж даже звука.

Чтобы что-то пробилось — крикни!
Хоть и сложно, но ты попробуй.
Крик один, а ведь может,
Может, он не только тебе поможет...

Утро Варвары

Руки Варвары — как тонкое быстрое веретено,
Ткут нить за нитью, не зная сна.
Снова склоняются над новой строкой
В мире, где будто бы нет конца.
Губы Варвары горят огнём,
Свет озаряет её глаза.
Знает Варвара, что всё пройдёт,
Знает Варвара, что не одна.
Что за окном неспроста
Заблестел рассвет,
Солнце чуть всходит, маня лучом.
Утро Варвары как будто бы летний сон
С чашечкой мятного чая
И рядом лежащим котом.

Моя Римская империя

А что для вас, скажите, Римская империя?
Какие фразы шепчете во сне?
Есть вещи вечные, бесценные, их не найти уже нигде.
Прогулки ночью по немому парку, где громом отдаётся каждый звук,
Свирель играет где-то явно, и эхом долетает его слух.
И мы идём неторопливо, тихо, так мудро наслаждаясь тишиной.
Мне хорошо и от природы рядом, и от того, конечно, что с тобой.
Задумавшись лишь на минуту, мой разум обретает звук.
И шепчет мне, что всё реально и как прекрасно всё вокруг.
Во сне, на шумных улицах, на сцене я просто наслаждаюсь тишиной.
И вам ответчу чётко, не надменно, что Римская империя — с тобой.

* * *

Говорю: восхвалять бы поле, те раскинутые поля,
что всё тянутся вдоль по простору и вселяют восторг в глаза.
Говорю: восхвалять бы небо, гром раскатистый и облака,
что бегут по картине века, время схватывая навсегда.
Говорю: восхвалять бы горы, их простой и неожиданный простор,
их гремящие реки ночные и пастуший внезапный костёр.
Говорю: восхвалять бы счастье, верить радостным всем словам.
Ты сидишь и молчишь, ни слова... Лишь внезапный спор на губах.
Может быть, и не надо просторов?
И не надо пустой болтовни?
Говоришь: восхвалять бы деньги и влиять бы всем на умы...
Говоришь: восхвалять бы силу и идти лишь по головам...
Ветер дует, тебя я не слышу. Я согласна. Молчи. По рукам?

Аттила

Мир делился на шарниры:
Этот — больше половины,
Этот — меньше половины,
Этот — меньше, чем едины.
На шарнирах есть картины,
На одной там лик Аттилы,
На другой — старик-француз,
Что рисует георгины.
А при чём тут лик Аттилы?
А зачем там георгины?
Мы, наверно, не поймём.
Век рисует на картинах,
Что случилось с этим миром,
Что такое снег и дождь.
Почему бураны дуют,
Скрипки как играют струны,
Начинается как дождь.
И на утреннем рассвете,
Просыпаясь в этом свете,
Ты выходишь и поёшь:
Что поведала природа,
Что увидел на картине,
Зацвели ли георгины
И прошёл ли наконец
По истории Аттилу.
Быстро вернутся шарниры,
А ещё начался дождь.

* * *

Давай поймём: переворот есть действие, чуждое природе.
И убедиться в этом вскоре героям многим довелось.
Бросаю я, положим, кости, игру с азартом начиная,
И вновь я с грустью понимаю, что поражение за мной.
Меня сущность мироздания, ломая хрупкие миры,
Вы оглянитесь, что за вами? Кому мешаете идти?
«Ломать чужие судьбы — страшно.
Играть с судьбою — тяжело».
И снова я твержу упрямо
Те строки, всё смотря в окно...

* * *

Перелом ощущался так чётко,
Так хотелось вернуться назад
И истории жизни страницу
Новым почерком переписать.

Но закрылись давно уже двери —
Сургучом приварили печать.
Разве трудно понять, что есть вещи,
О которых так глупо мечтать?

Жить мечтой хорошо и приятно, не волнуясь и прямо идя.
Но за мыслями этими что же?
Чистого пламени сплошь колея...

Никогда, никогда не забуду, что эмоции — сила моя.
Буду знать и идти постоянно,
За собою улыбкой ведя.

* * *

В зимний, тёмный, морозный день
Под мерцанье ночных фонарей
Мы считаем на небе звёзды,
Как создания млечных путей.
И когда день сменяется ночью,
Мы — на крыльях в сплошной пустоте.
Мы — надежда, бескрайняя сила.
Голос вечности в этой Земле.
Наша сила — любовь и вера.
Мы умеем и жить, и мечтать,
И судьбу творить право и смело.
А чего же ещё нам желать?

* * *

Замки на двери не равны запрету на душе.
И если ты зайдёшь, вполне быть может,
Тот человек за дверью запертой поможет
И в новый мир великодушно уведёт.

Нам говорили — это счастье музы,
Что знает, как, куда, за кем идти.
Поэт, читатель, будь же осторожен:
Опасны реки, остры камни на пути.

Тебя не остановят все преграды,
Коль рядом с ней решишься ты идти.
Но говорю я снова и упрямо:
Не стой у вдохновенья на пути.

Оно не принесёт тебе покоя,
Искать ты вечно будешь в жизни страсть.
Найдя, ты снова не найдёшь покоя.
И будешь ею жить, её или его искать.

Ты погрузишься в мир возвышенных мечтаний,
Не отобрать бумаги и пера.
Прекрасна жизнь такая, но запомни,
Что муза за всю жизнь есть лишь одна.

«Я ХОЧУ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ БЕЗ ОГЛЯДКИ, НАПИВАЯСЬ ЕЮ СПОЛНА»

* * *

Защитить человека при всех?
Нет, не сложно, но нужно стараться,
Чтоб соблазну трусливо уйти
Ни за что, никогда не поддаться.

«Пред тобой благодарен навек».
Отвернись и скажи: «Не надо».
Помогают не ради слов.
И уж точно не для награды.

И живи постоянно так:
Смело людям смотри ты в душу.
Если все так спешат к тебе,
Значит, миру ты точно нужен!

* * *

Поговорив опять о красоте природы,
Мне хочется под землю провалиться.
Поймите, ведь за каждым разговором
Стоит душа. Душа самоубийцы.
Их руки тонкие, как прутья, их лица бледные, как мел.
И эта боль от разговоров, заканчиваться им кто так велел?
Мне видно дальние просторы, я рассмотреть могу ту даль,
Но буду помнить ещё долго их слухи про прекрасный край.
Ты уведёшь меня с собою? Природой счастья напоишь?
Я слышала сегодня ночью, как всем ты прятаться велишь.
Но я хочу пойти с тобою, увидеть снова красный цвет
И жить в природе, может, вечно, а может, несколько хоть лет.

* * *

Мне уехать так хочется часто
Лишь туда, где фанфар не звучит.
Где спокойно и ивы качаются,
Где звезда со звездой говорит.
Я закрою глаза и забуду,
Кто сегодня мне что говорил.
Будет ветер уныло качаться
И играть со крестами могил.
Тонкий стан неизвестной прохожей
Будет тихо стоять в пустоте,
Словно это лишь сотканный образ.
Это жизнь не по ним, а по мне.
Я хочу жизнь прожить без оглядки,
Напиваясь ею сполна.
Полной чашей прелестных желаний,
Чтоб потом мне подняться со дна.

* * *

Я увидел тебя в цвете чёрной дали,
Отбивал за раскатом раскат,
Поезда, уезжая, скрывались вдали,
И полночный гремел циферблат.

Ты садилась на поезд в далёкий Ижевск
После долгого тяжкого дня.
Я увидел билеты и шапку в руке,
Ведь такая же есть у меня...

— Кто в Ижевске? — спросил. Оказалось, никто.
Просто едешь на поезде в ночь,
Просто спишь под напевы вагонных колёс
И чудесное в будущем ждешь.

Слушай, если случайно ты встретишь меня,
Может быть, у фонтанов в ночи?
Подойди поболтать, я в Ижевске живу.
Кстати, сделал вторые ключи...

Тоги

Мир дробным стал, как домино.
Ты к-т-о, ни-к-т-о...
Куда спешишь, кого зовёшь,
Что слышишь,
Чувствуешь ли ложь?
Один удар сломал крыло,
И под рукой веретено.
За голос
Сможешь отвечать?
Сквозь сумрак
Сможешь убежать?
Трещит опять веретено.
Я из бокала пью вино
И горечь чувствую губой.
Ты говоришь: «Пойдём домой».
Там сумрак
Превратится в свет,
Там мир цветёт
Уж сотни лет.
Но и меня
Уже там нет.

* * *

Что такое игра ради роста?
Как доехать до Мёртвого моря?
Отчего все вопросы так просты
Или, может, просты, да и только.

«Я ХОЧУ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ БЕЗ ОГЛЯДКИ, НАПИВАЯСЬ ЕЮ СПОЛНА»

Как поставить надёжно палатку,
Как по рунам читать эти знаки?
Почему ночью воют собаки?
Эти строки ложатся на камень.
Это мы говорим именами.
Почему разрывается время?
Люди как забывают былое?
Есть ответы, но это что-то
Совершенно, ты знаешь, иное.

Я хочу

Я хочу научиться, как Кафка,
Придавать эмоции строкам,
Видеть хитрости и уловки.
И героев читать как по нотам.
А ещё, как у Ольги Надточий,
Птицей чёрной взмывать в поднебесье,
А наутро в горах просыпаться,
Понимая, что стало мне легче.
И за этим ищу оперенье
Чёрных воронов, сов полуночных.
Нет желаний, более странных,
Но ведь нет
И более точных.

Порфирия

*Продержаться ещё хотя бы немного...
Это уже будет для меня наградой.*

Тяжело принимать
Всё былое?
Слышать громкие
Песни раздора.
Наяву, а не
В книге увидеть
Силу голода,
Боли и мора.
Жажда.
Что?
Это капли текут
По ладоням,
Исцеляя
Бездушное тело.
Перестать?
Не смогу.
Это бездна.
И иначе мы не умеем.

Роман ШКОДА

Красный Верден: Царицын в революции и Гражданской войне

(Продолжение. Начало в № 4 за 2021 год)

СТАЛИН И ДРУГИЕ

ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ

Поучаствовав в победе над Калединым, сформировав собственные отряды Красной гвардии, добившись относительного продовольственного благополучия и решив наиболее острые финансово-экономические проблемы, Царицынский Совет к маю 1918 года был совершенно уверен в себе и в своем будущем. В противоположность этому в Москве хорошо видели, какие значительные контрреволюционные силы формируются на Дону. Со времен самоубийства Каледина, за весну 1918 года, первоначально миролюбивые по отношению к советской власти настроения на Дону начали серьезно меняться. Массовые убийства казачьих офицеров, происходившие в ряде населенных пунктов Донской области при подавлении восстания Каледина, в частности убийство 12 января 36 офицеров в слободе Михайловке, заставили многих

ШКОДА Роман Валерьевич — кандидат экономических наук, краевед, главный редактор интернет-издания «Царицын.рф». Родился в 1977 году. Живет в Волгограде. Входит в редакционный совет литературного журнала «Отчий край». Член Союза журналистов России и правления Волгоградской областной организации «Союз журналистов России». Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021). Удостоен почетного знака Волгоградской области «Хранитель традиций» (2024).

казаков пересмотреть свои позиции. Политика советской власти, направленная на отъем у казачества принадлежащих ему земель, наступление на традиционные привилегии и ценности привели к тому, что к апрелю 1918 года на Дону начинают формироваться вооруженные соединения донских казаков, которые выступают против советской власти. «19 марта генерал-майор К. К. Мамонтов поднял восстание в станицах Нижний Чир, Голубинская и Суворовская, 26 апреля генерал-майор Голубинцев мобилизует казаков в Хопёрском и Усть-Медведицком округах. Из станицы Клетской на станцию Усть-Медведицкую ведет наступление добровольческий отряд Долгова. На Хопре большевикам противостоит партизанский добровольческий отряд Дудакова. В станице Михайловской Хопёрского округа против Красной гвардии действует отряд Кузьмы Строкова и группа «зеленых партизан» братьев Селезневых. С приходом в Усть-Медведицкий округ отряда генерала Фицхеллаурова в июле 1918 года группы восставших казаков вливаются в армию атамана Краснова и принимают активное участие в Гражданской войне». Для руководства в Москве стало очевидно, что эти разрозненные силы, оформившись и организовавшись, в ближайшие месяцы перейдут к решительной борьбе с большевиками.

С 20-х чисел мая 1918 года обстановка в Царицыне начинает резко меняться. Ситуация быстро накаляется, каждый день власти всё более суровеют. В этот момент основные события разворачиваются за пределами Царицына. Во многих крупных городах Европейской России, в первую очередь в Петрограде, бушует голод. Обычно говорят об огромных потерях, которые Ленинград понес во время Великой Отечественной войны в результате блокады: население города с отметки в 3 миллиона человек в начале лета 1941 года уменьшилось до 700 тысяч к началу 1944-го. При этом часто оставляют без внимания, что сопоставимые потери Петербург понес и в 1918 году. К началу революции население Северной столицы составляло около 2,4 миллиона человек, к 1921 году эта цифра упала до тех же 700 тысяч, как и в 1944-м.

Ситуация с продовольствием для Петрограда начала обостряться еще в 1916 году, что и стало одним из важнейших факторов Февральской революции. Помимо нарушения морского снабжения (ведущего в довоенный период) и снижения пропускной способности железных дорог из-за первоочередного снабжения армии, положение ухудшилось в связи с неурожаем 1916 года. Начался стремительный рост дефицита хлеба и цен на него. Установление твердых цен правительством не дало эффекта, а введение карточной системы оказалось для царского правительства непосильной задачей (в отличие от кайзеровской Германии, которая успешно провела подобные мероприятия еще в 1915 году). В период работы Временного правительства железные дороги и вовсе пришли в упадок, к сентябрю 1917 года, несмотря на острейшую потребность, 22% всех паровозов страны простаивали из-за поломок, а за пропуск поездов с хлебом в Петроград железнодорожные чиновники стали брать взятки, доходившие до тысячи рублей за состав. К 1918 году ситуация не только не разрешилась, но и усугубилась немецкой оккупацией Украины, поставлявшей до войны половину хлеба на внутренний рынок страны. В результате если в марте 1918 года голодный Петроград получил около 800 вагонов с мукой, то в мае — в два раза меньше. Из города на Урал начали эвакуировать детей, в городе были съедены все лошади, начался настоящий мор, тела умерших валялись на улицах.

С потерей Украины и Сибири единственной надеждой большевиков на хлеб остались Кубань и Ставрополье. При этом в условиях начала Гражданской войны и перехода Дона на сторону враждебной советскому правительству Донской области Царицын с его железнодорожным узлом и волжскими пристанями оказался единственно возможным путем на Северокавказском направлении. Удержание города в руках красных стало одной из главных стратегических задач советского правительства. О том, до какой же степени Центр зависел от поставок из Царицына, говорит такой факт: «Когда вражеские войска прерывали железнодорожную связь с Царицыном и нарушалось поступление хлеба из Царицына в центрально-промышленные районы и Петроград, продовольственное положение республики сразу обострялось». И вот в этих-то условиях Минин и Ерман вели себя как независимые люди: разрешали свободную торговлю продовольствием на рынках и свысока смотрели на посланцев из Москвы. В мае в Царицын приезжает Серго Орджоникидзе, нажим на местные власти растёт, и прежние вольности, имевшие место в городе до середины мая, начинают испаряться на глазах.

В газетах стал появляться термин «продовольственная диктатура», причем диктатура эта была направлена главным образом на тех, кто производил или продавал хлеб. Так, указывалось: «В области разрешения продовольственного кризиса Советская власть наталкивается на сопротивление не только крупных помещиков, крупных городских спекулянтов, но и массы деревенской буржуазии. Деревенские кулаки-богатеи в такой же степени, как и помещики, заинтересованы в сохранении высоких цен на хлеб. Целая сеть мешочников, в отсутствие надлежащей твердости в продовольственной политике, создали фактически такое положение, при котором хлебная монополия и твердые цены свелись на нет... В настоящий момент продовольственный вопрос обострен до крайности; страна накануне катастрофы. Наиболее крупные центры, такие, например, как Петроград, Москва, не обеспечены хлебом даже на несколько дней, подвоз муки прекращается совершенно. На железных дорогах творится что-то невероятное. Мешочники расхищают целые поезда с хлебом, и они, несмотря ни на какие усилия, не в состоянии попасть по месту назначения».

Статья признаёт тяжесть сложившего положения, но, разумеется, никаких намеков на признание собственных ошибок в ней не содержится, вся вина целиком и полностью возлагается на неких помещиков и мешочников, в то время как настоящие причины голода были, конечно, совершенно другие. Истинные причины наступившего голода крылись в разгорающейся Гражданской войне, в желании большевиков удержать захваченную власть любой ценой, что привело к отделению от контролируемой ими части страны других регионов, поддерживавших всенародно избранное Учредительное собрание или местные национальные центробежные тенденции, отделение Сибири, Урала, Украины и других житниц от большевистского центра. Всё, что в этих условиях оставалось Совнаркому, — выжимать все соки из последнего подконтрольного советской власти региона — Юга России, вводя там реквизиции, продовольственную диктатуру, заверяя население, что ресурсов достаточно, их якобы нужно только правильно распределить, но этому мешают разные мешочники. Удобная позиция, с помощью которой можно оправдать абсолютно любые меры.

Нарастание голода, приближение Гражданской войны, а кое-где — и ее фактическое начало (в окрестностях того же Царицына уже были фронты) привели к резкому усилению давления большевистского руководства на общество — как по всей России, так и в Царицыне. Впрочем, провести необходимые меры в жизнь власти Царицына не могли, в связи с чем в город и придет в первых числах июня нарком Сталин.

В таких условиях вольности, допустимые для марта и апреля в вопросах управления городом, проведение эсеровских митингов и возможность пламенных меньшевистских речей на заседаниях всё еще работающей, избранной еще в 1917 году городской думы стали для большевиков неприемлемы. 2 июня 1918 года в газете «Борьба» появляется официальное объявление о том, что в 12 часов дня в Доме Совета состоится общее собрание Совета, на котором будет рассматриваться единственный вопрос — о ликвидации городской думы. Примечательно, что сообщение о внезапной ликвидации городского самоуправления появляется в тот же день, когда проводится Совет, — ни днем раньше! Впрочем, шаг этот был всё же вполне ожидаем: аналогичные события во многих городах страны, где думы всё еще существовали, состоялись в мае 1918 года.

На открывшемся в полдень заседании Совета выступил Ерман. Его выступление было выдержано в тоне, не допускающем никаких сомнений или обсуждений данного шага. Ерман сказал: «На заседании нам нужно проставить штемпель над фактом смерти доселе едва дышавшего городского самоуправления». То есть речь шла не об обсуждении, а только о формальном решении: дума была признана «умершей» еще до начала заседания Совета. Между тем в мае 1918 года, до дня этого заседания, городская дума продолжала работать, причем до конца апреля в газетах, в том числе и в большевистской «Борьбе», публиковались вопросы, выносимые на повестку дня, и отчеты о заседаниях.

Так, например, на заседании, прошедшем 27 апреля, дума рассматривала вопросы о противохолерных мероприятиях в городе, о национализации городских типографий, об обустройстве городского трамвая, о субсидиях и т. п., всего девять вопросов. Однако при всей важности думы как органа квалифицированного хозяйственного управления она была крайне неудобна большевистскому Совету. Многие очевидные для Совета политические решения она трактовала экономически и решения эти не проводила. Например, вопрос о национализации типографии Баланина был решен отрицательно: дума обосновала это экономической нецелесообразностью конфискации данного имущества и подвергла критике ранее проведенную национализацию заводов Максимова, которые стали после этого убыточными и повисли на городском бюджете. Политические вопросы дума отвергала по соображениям их экономической нерациональности, — понятно, что такой орган мешал Совету. На заседании 2 июня, несмотря на категоричное заявление Ермана, несколько человек из думы всё же пробились на трибуну, в частности лидер городских эсеров Котов, заявивший, что город без органа городского самоуправления развиваться не сможет. Прослушав его и нескольких других ораторов, Ерман известил, что «список погребальных речей закончен», и предложил проголосовать. В результате голосования городская дума, работавшая в Царицыне с середины XIX века и обеспечившая городу за прошедшие десятилетия мощный экономический рост, была одним

махом ликвидирована. С ее упразднением исчезла единственная, последняя системная площадка для критики большевиков в городе. В те же дни были ликвидированы и многие другие органы власти: городская управа или ряд уже созданных большевиками — то же Царицынское городское присутствие по продовольствию и снабжению. Власть полностью сосредотачивалась в руках Совета.

Однако ни запреты на небольшевистские органы власти, ни разгоны митингов не оказались достаточными для захвата большевиками монополии на власть в Царицыне. В городе жило большое количество людей, не принимавших советскую власть или не готовых слепо повиноваться всем ее указаниям и оказывавших соответствующее влияние на настроения. В этой связи было принято решение о фактическом уничтожении или физическом устранении из города целых слоев населения: представителей бывшей буржуазии, управленцев, офицеров, беженцев, вообще мужчин, не являющихся заводскими рабочими или бедняками. До открытого террора советская власть дойдет только в августе, а в мае и июне этот террор еще маскировался под различные якобы вынужденные и временные меры, вроде бы связанные с тяжелой обстановкой на фронте. Важнейшим решением, направленным против всех противников советской власти в Царицыне, стало введение трудовой повинности, предполагавшей, по сути, арест и принудительную отправку части горожан безоружными на фронт, на рытье окопов под пулями врага. 28 июня было принято «Обязательное постановление о трудовой повинности по укреплению города Царицына», которое гласило:

Во имя соблюдения справедливости и целесообразного использования сил всех классов общества, Исполнительный комитет, обращаясь к трудящимся массам с призывом грудью своей защитить социализм от контрреволюции, одновременно считает справедливым те классы и группы, которые не взяли оружие или которым нельзя было дать его, привлечь к принудительной трудовой повинности по рытью окопов. Посему на заседании своем от 28 мая 1918 года Исполнительный комитет постановил:

1. Всех лиц мужского пола нетрудовых классов в возрасте от 18 до 50 лет обязать системой принудительной трудовой повинности принять участие в работах по укреплению города.

2. Нетрудовыми считать те классы, которые сами ничего не производят и живут за счет прибавочного продукта, созданного рабочим (купцы, фабриканты, заводчики, домовладельцы, адвокаты, саботирующие новые суды, ростовщики, студенты и учащиеся, в данный момент не занятые в учебных заведениях), а также те деклассированные элементы, которые, будучи выбиты из колеи стихийными обстоятельствами, потеряли связь со своим классом (беженцы, расформированные воинские части и пр.).

3. Во избежание злоупотреблений с возможными попытками их уклонения от трудовой повинности выезд с момента опубликования сего постановления из города воспрещается без разрешения Комиссариата внутренних дел.

Строжайшим образом воспрещается производить выписку из трудовой книги без соответствующего разрешения Комиссариата. Железным дорогам и пароходствам воспрещается выдавать проездные билеты без надлежащего на то удостоверения Комиссариата внутренних дел.

4. Лица, злостно уклоняющиеся от сего постановления, караются тюрьмой до 10 лет, штрафом до 100 тысяч рублей и конфискацией всего имущества.

За убегающих членов семей круговой порукой отвечают остающиеся.

5. Лица, по своему физическому здоровью неспособные принять участие в окопных работах, обязаны явиться на комиссию, каковую поручается создать комиссару Медико-Санитарного отдела Верцинскому.

6. Сборным пунктом для лиц, попадающих под сие постановление, является площадь перед Земской управой.

7. Постановление сие входит в силу со дня его опубликования.

Исполнительный комитет

На некоторое время данное постановление становится одной из главных городских тем. Его тезисы начинают повторяться из номера в номер, печатаются различные разъяснения и дополнения, угрозы уклонистам, списки освобожденных от трудовой повинности и списки сбежавших. Из чтения газет может сложиться странное впечатление о том, что принудительные окопные работы — важнейший элемент обороны города, без которых оборона невозможна*. На самом деле Красная гвардия в марте — мае 1918 года, обороняя Царицын, вполне обходилась без всяких принудительных окопных работ. Да и размер трудовой силы, привлеченной за счет принудительных работ, был явно не так велик: количество остающихся в городе купцов, промышленников и т. п. лиц в возрасте 18—50 лет едва ли превышало тысячу человек. Такую силу можно было легко найти в городе и без принуждения, с учетом довольно высокой безработицы, за минимальные деньги. Обращают на себя внимание совершенно драконовские меры, которые применялись к ослушникам: десять лет лишения свободы, фантастический штраф в 100 тысяч рублей и конфискация имущества. С самого начала было ясно, что без открытого насилия воплотить в жизнь данное постановление не получится.

Разумеется, смысл введения трудовой повинности заключался не в том, чтобы действительно найти необходимую рабочую силу, а в том, чтобы физически истребить представителей буржуазии — перед лицом постепенно разворачивающейся Гражданской войны. Буржуазия воспринималась как пятая колонна в революционной среде**, да и вообще в масштабах всей Советской России начинала ставиться цель физического истребления представителей буржуазного класса. Речь шла фактически о заключении на неопределенный срок в концентрационный лагерь людей, к которым до того момента никаких

* Здесь не следует проводить аналогии с ситуацией 1941—1942 годов, когда население Сталинграда также массово привлекалось к окопным работам. Во-первых, в 1941 году не было и речи о каком-либо классовом выборе работников в отличие от 1918-го. В 1941—1942 годах формировалась действительно необходимая рабочая сила, на понятных условиях и с понятными сроками работ. Во-вторых, в 1941—1942 годах вокруг Сталинграда возводились действительно жизненно необходимые стратегические линии обороны, которые должны были защитить город от масштабного наступления группы армий «Б» на город. Никаких подобных стратегических работ в 1918-м не проводилось, по состоянию на май-июнь бои всё еще носили местечковый, разрозненный характер, рытье окопов в таких ситуациях всегда выполняется силами самой воюющей армии.

** Конечно, понятия «пятая колонна» в те годы еще не было, оно возникнет позже, во время войны в Испании.

претензий официально не предъявлялось, которые продолжали руководить своими предприятиями, с которыми официальные государственные органы заключали договоры на покупку или продажу товаров и продовольствия. Понятно, что идея бессрочного рытья окопов под огнем противника и содержания в экстремальных полевых условиях с непонятными нормами питания вызвала у тех, против кого было направлено это постановление, неприятие. Было совершенно понятно, ради чего затевается всё дело. Идея создания таких трудовых лагерей была озвучена в Совнаркоме еще в январе 1918 года, когда было признано необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях».

Естественно, начались попытки уклониться от такой трудовой повинности. Во-первых, встал вопрос о представителях старого предпринимательского сословия, которые продолжали руководить своими предприятиями, фактически являясь их директорами и выполняя реальную работу по организации деятельности производства, в том числе осуществлявшего и военные поставки. Казалось бы, такие лица не должны были отправляться в трудовой лагерь. Однако данная логика не работала, так как задача заключалась не в решении вопросов организации труда, а в истреблении определенного круга лиц. Поэтому вскоре было опубликовано разъяснение о таких руководителях. 8 июня вышло очередное обязательное постановление:

Те из заводчиков, фабрикантов, предпринимателей, которые признаны годными для участия в трудовой повинности по укреплению города Царицына, обязаны выдать полную доверенность тому лицу, которое будет заменять их в предприятии. До момента отправления непосредственно на работу они не имеют права уклоняться от руководства предприятием, если доверенное лицо ими еще не избрано.

Председатель Исполкома Яков Ерман

Данное постановление фактически признаёт, что люди, руководящие предприятиями, выполняют общественно значимую работу, раз им даже запряцают «уклоняться» от нее, однако оставить таких людей (сколько их? несколько десятков?) в их должностях нельзя! Не имеет значения, насколько важно то или иное производство, насколько качественно и квалифицированно выполняется работа, — человека снимут с нее, чтобы поручить ему работу землекопа. Выслать же «доверенного» копать окопы вместо себя — тоже нельзя!

Другой проблемой стала попытка буржуазии записаться в пролетариат. Не обозначенным в постановлении от 27 мая маркером, отделявшим «трудовой» элемент от «нетрудового» являлось членство в профсоюзе, куда принимали только непосредственно рабочих. Соответственно, часть буржуазии (скорее всего, не фабриканты, а служащие предприятий) попыталась вступить в профсоюз. Заметив эту лазейку, исполком публикует новое разъяснение:

Всем профессиональным союзам. В настоящее время, для избежания от привлечения к принудительным работам, наблюдается массовое желание записаться в профессиональные союзы. Настоящим предлагается всем профессиональным союзам и секциям быть очень осторожными в приеме новых членов и принимать в профессиональные союзы только тех рабочих и служащих, которые продают свой труд, но ни в коем случае тех, которые владеют мастерскими

и являются мелкими предпринимателями. Кроме того, при приеме новых членов необходимо выяснить, почему желающие ныне вступить в союзы не вступили в оные до сего времени, и при выяснении отрицательного раньше отношения к профессиональным союзам ни в коем случае в союзы не принимать.

*Председатель Центрального совета
профессиональных союзов Абарбачук*

Разумеется, данное разъяснение не указывает, что делать семьям мелких предпринимателей после того, как отцы семейств отправятся на неопределенный срок (возможно, навсегда) рыть окопы.

Наконец, 8 июня 1918 года в городе вводится военное положение. Исполком под председательством Ермана выпускает соответствующий приказ:

Исполнительный комитет в заседании своем от 6 июня постановил: ввиду размножившихся хулиганских банд, ввиду разнуждавшихся контрреволюции и массового злостного уклонения от повинности по рытью окопов, объявить город на военном положении.

1. Воспрещаются всякие уличные скопления и сборища.

2. Воспрещается ношение оружия без соответствующего разрешения военного комиссариата Штаба обороны. Соккрытие оружия карается принудительными работами по рытью окопов на линии фронта*.

3. Воспрещается появление на улице от 10 часов вечера до 5 часов утра. Выход после 10 часов вечера для военных чинов разрешается военным Комиссариатом, для прочих категорий — участковым Комиссариатом милиции. Для членов Совета, членов Центрального совета профессиональных союзов, членов Совета народного хозяйства и для членов Комиссариата соответствующими удостоверениями служат их мандаты.

4. Все не явившиеся по мобилизации в последний день набора 8 июня будут судимы по законам военного положения. За неявившегося члена круговой порукой отвечают остающиеся члены семьи.

Сей приказ вступает в силу с момента его опубликования.

Председатель Исполкома Яков Ерман

Удивительно и, возможно, даже беспрецедентно то, что введение военного положения в городе обосновывается не угрожающим положением на фронте (оно таковым не признавалось, судя по публикуемым в тех же газетах сводкам), не наступлением врага, а уклонением каких-то людей от работ, а также хулиганством. Впрочем, о каком хулиганстве, раз уж о нем начали печатать, идет речь? Те же самые газеты ничего не публикуют ни о каких специальных мерах борьбы с якобы «размножившимися хулиганскими бандами»: ни о проведении облав, ни об арестах или даже расстрелах хулиганствующих элементов нет и речи. Складывается впечатление, что «хулиганов» (хотя понятно, что какие-то хулиганы наверняка были) приплели к постановлению лишь для того, чтобы придать ему хоть какую-то убедительность.

* Этот оборот постановления ставит всё окончательно на свои места: рытье окопов на линии фронта — это наказание, кара за преступление, то есть дело тяжкое и смертельно опасное, а вовсе не какое-то общественно полезное дело. Сами власти так и воспринимали свою инициативу.

Ну и, наконец, завершающее тему постановление закрывает, вероятно, последнюю оставшуюся «дырку» в стене решений о трудовой повинности: отличить на улице уклониста от «трудового элемента» не всегда возможно, иной предприниматель, работник в собственной мастерской, неотличим от рабочего. Для этого от всех требуют носить с собой документы. Это требование закрепляет очередное обязательное постановление:

Ввиду того что мобилизационная комиссия отмечает злостное уклонение граждан Царицына от участия в принудительных окопных работах, Комиссия постановляет:

1. Все рабочие, служащие и члены профессиональных союзов города Царицына и его окрестностей должны иметь удостоверения личности, взятые от своих организаций.

2. Все красноармейцы должны иметь удостоверения личности от той части, в которой они служат.

3. Все остальные категории лиц мужского пола от 18 до 50 лет, проживающие в городе Царицыне и его окрестностях, обязаны явиться в 1-ю Мариинскую женскую гимназию и зарегистрироваться не позднее 8 июня, каковой и является последним днем явки.

4. В случае неявки к 8 июня виновные будут караться согласно постановлению Исполкома штрафом до 100 тысяч рублей или тюрьмой до 10 лет.

Председатель Исполкома Яков Ерман

Через некоторое время в газетах начинают публиковать списки освобожденных от окопных работ с указанием причин освобождения. Таковых на весь Царицын набралось 27 человек. Несколько человек освободил сам Совет, а, например, некто Петр Иванович Пименов был освобожден «по протоколу общего собрания рабочих и служащих от 8 июня, № 18» (к сожалению, не указаны ни предприятие, ни должность Пименова). Е. И. Осмаловский (без расшифровки инициалов и вместе с ним еще шесть человек) был освобожден по ходатайству сразу двух организаций — Совета народного хозяйства по постановлению от 5 июня и самого исполкома от 13 июня 1918 года. Публикуются и списки сбежавших с работ.

Постоянная публикация новых постановлений, а также многократная перепечатка из номера в номер уже вышедших создают ощущение мощного информационного шума вокруг темы трудовой повинности, который задвигает в тень, на последние полосы газет, фронтовые сводки с боев, шедших вокруг Царицына.

Введение военного положения коснулось, конечно, не только вопросов организации окопных работ, но и ряда других. В частности, ожидая начала кровопролитных боев, поступления большого количества раненых, власти Царицына ввели мобилизационную готовность в отношении врачей. Соответствующее решение было принято 29 мая. Постановление гласило:

1. Все врачи, провизоры, фармацевты, лекарские помощники, фельдшеры, сестры милосердия, находящиеся в городе Царицыне и его окрестностях, должны в трехдневный срок, считая со дня опубликования настоящего приказа в газете «Борьба», явиться для регистрации и учета в Коллегию военно-санитарных комиссаров (г. Царицын, гостиница «Люкс», комната № 14) — ежедневно от 3 до 6 вечера.

2. Выезд из города Царицына и его окрестностей лицами указанных профессий впредь до особого распоряжения воспрещается.

3. Неисполнение настоящего приказа повлечет за собой предание виновных суду Военно-революционного трибунала

*Медико-санитарный комиссар Верцинский
Заведующий мобилизационным отделом
Северо-Кавказского военного округа Попов*

Что в эти же дни газеты, отдавшие лучшие свои полосы под разговоры о трудовой повинности, говорят о войне? В принципе, ничего особенного. Вот как, например, выглядит оперативная сводка от 9 июня 1918 года: «С фронта станции Котельниково. Нам сообщают, что в направлении села Верхне-Царицынского для советских войск всё обстоит благополучно. Кадетские банды отодвинулись и стоят на 51-й версте от станции Тингута. На Ольчинском направлении. Наши войска, потеснив неприятеля, захватили пулемет и пленных. Контратаки неприятеля были легко отбиты. На фронте станции Лог. Ввиду отступления неприятельских частей наши войска заняли переправу у станции Старо-Григорьевской и Сиротинской. Противник отступает. На Урюпинском фронте. Продвижение противника продолжается». То есть ничего страшного, судя по данным газеты «Борьба», на фронте вокруг Царицына на тот момент и не происходило. Никакой острой необходимости срочно рыть окопы и вводить военное положение еще не было, ничего нового, по сравнению с ситуацией в мае, не случилось.

Гораздо более реальная опасность для Красного Царицына в те дни исходила вовсе не от 50-летних буржуа, а совсем с другой стороны. Речь идет об организации отрядов Красной армии и степени управляемости этими отрядами. Можно сказать прямо: на фронте царил полный хаос. Угроза поражения таилась вовсе не в отсутствии окопов, которые должны были вырыть директора предприятий своими руками, а в том, что армия представляла собой рыхлую, слабо управляемую массу. Положение в этом вопросе становилось критическим. И эта проблема была характерна не только для Царицына, но и для всей Советской России того периода.

Как уже мог заметить читатель, отряды Красной гвардии, собиравшиеся с конца лета 1917 года, представляли собой непрофессиональное ополчение рабочих, вооруженных случайно доставшимся оружием, руководимых выборными командирами. Разные по численности, по структуре управления, эти отряды не вполне понимали те задачи, которые могли быть перед ними поставлены. Даже очень слабые по интенсивности боевые действия декабря 1917-го — января 1918 года стали огромным испытанием для того же Тулака и его отрядов; они показали слабость этих отрядов, их низкие боевые качества, неспособность к серьезной военной работе. Красная гвардия была хороша в качестве внутренней опоры большевизированных Советов в городах и в иных важных узлах организации власти, для борьбы с мелкими бандами и т. п., но даже противостоять такой, в сущности, несерьезной военной силе, как анархистский отряд Петренко, Красная гвардия не могла, борьба тут выигрывалась ценой огромного перенапряжения управленческого ресурса, а то и просто в результате случайного удачного стечения обстоятельств.

Царицынское начальство эту проблему не осознавало, но ее хорошо понимали в Центре. С апреля 1918 года в Москве начинается спешная работа

по преобразованию разрозненных отрядов Красной гвардии в единую регулярную армию. Днем создания Рабоче-крестьянской Красной армии стало 28 января 1918 года. В тот день за подписью Ленина, Верховного главнокомандующего Крыленко, народного комиссара по военным делам Дыбенко и по морским делам Подвойского был выпущен соответствующий декрет. Декрет указывал на необходимость «организовать новую армию под названием „Рабоче-Крестьянская Красная Армия“ на следующих основаниях: 1) Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс. 2) Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование. Воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии состоят на полном государственном довольствии и сверх сего получают 50 руб. в месяц».

Впрочем, несмотря на наличие желающих, многие из которых обладали к тому же реальным боевым опытом, создать из отрядов Красной гвардии боеспособную Красную армию оказалось нелегко. Уставшее от войны общество было не готово к большой Гражданской войне и не хотело этой войны. В боестолкновениях весны 1918 года принимали участие лишь незначительные по численности отряды активистов. С той же проблемой, с какой столкнулся зимой 1917/18 года Каледин, продолжали сталкиваться как красные, так и белые и весной 1918-го. Люди крайне неохотно шли в армию, а среди тех, кто уже был поставлен под ружье, царили партизанские и оборонческие настроения. Очень многие военные с обеих сторон, сидя с вооруженными отрядами в своих селах или станицах, не желали покидать границы своих населенных пунктов или уездов, полагая, что их задача — оборона собственной земли, а не нападение на соседей.

Общую ситуацию впоследствии описал, применительно к весне и лету 1918 года, С. М. Буденный: «Основные опорные пункты Советской власти на Северном Кавказе были в Ставрополье. Однако возникшие там в начале 1918 года краснопартизанские отряды так же, как и в Донской области, были слабые, и в основном потому, что стояли на местнических позициях, действовали вразнобой, не помогая друг другу. Местнические настроения в отрядах насаждались прежде всего командирами отрядов. Они избегали совместных действий и уклонялись от объединения только потому, что боялись попасть в чье-либо подчинение». К словам Буденного следует добавить то, что источником местничества было не только нежелание командиров кому-либо подчиняться, но и настроения рядовых участников этих отрядов. Ведь командиры рассредоточенных по селам и станицам разномастных подразделений в большинстве случаев были не назначены каким-либо командованием, а избраны народом, в связи с чем во всех важных решениях они должны были считаться со своими солдатами-избирателями, поэтому командиры не были такими уж самостоятельными, как могло показаться «сверху».

Таким образом, эти многочисленные отряды, формально входящие в состав Красной армии, фактически были автономными единицами, из высоких штабов они могли казаться силой, но в связи с местническим настроем силу эту никак не получалось собрать в кулак. Этот настрой делал Красную армию образца конца весны — начала лета 1918 года вязкой, инертной силой. Часто возникали ситуации, когда задуманное штабом наступление при кажущемся наличии необходимых сил и оружия проваливалось, поскольку рядовые солдаты, дойдя до границ некоей области, которую они считали своей, останавливались и отказывались от дальнейшего продвижения. «Без аннексий» — вот общая формула времени, подразумевающая под аннексией захват соседней станицы или города.

Не видя выхода в рамках сложившегося положения, командование Красной армии, и в первую очередь сам Троцкий, приходят к решению, которое на многие месяцы станет камнем преткновения и темой для яростных схваток между различными представителями большевистского руководства: к уменьшению роли народных командиров и к возврату в армию царских офицеров и генералов, поскольку только они, являясь профессионалами, были способны построить хоть какую-то подобающую военную организацию. Когда в июне 1918 года по инициативе Троцкого начинается создание на местах военных округов с жесткой структурой управления, организацию которой возлагают на военспецов, то есть на царских офицеров и генералов, на местах возникает активное сопротивление этим преобразованиям.

Нетрудно представить себе, как воспринималась руководством какого-нибудь сельского отряда, состоящего из местных мужиков, собиравшихся до этого в случае чего лишь оборонять собственное село, присылка к ним совершенно постороннего офицера бывшей царской армии, ассоциировавшегося со старой военщиной, в качестве... их командира! Сильнейшее сопротивление таким действиям началось как на уровне отдельных отрядов, так и на уровне уездов и городов. Однако давил и Центр, создавая единые уездные и губернские оргструктуры и заставляя местных командиров подчиняться.

Проблема была не только в местных командирах, но и в том, что привлечение к организации Красной армии военспецов вызывало остро негативную реакцию и у многих высокопоставленных партийных руководителей. Старые большевики воспринимали бывших царских офицеров как классовых врагов, они не вызывали у них ничего, кроме открытой ненависти. В результате между Троцким и частью партийной организации с самого начала возник значительный, принципиальный конфликт.

Своих противников Троцкий открыто именовал «партийными невеждами». В телеграмме от 23 августа 1918 года, посланной из Свяжска, Троцкий писал: «Больше всего вопят против применения офицеров либо люди, панически настроенные, либо стоящие далеко от всей работы военного механизма, либо такие партийные военные деятели, которые сами хуже всякого саботажника: не умеют ни за чем присмотреть, сатрапствуют, бездельничают, а когда проваливаются, взваливают вину на генштабистов». Ленин в этом конфликте до определенного времени занимал нейтральную позицию, выжидая, когда достоинства или недостатки подхода Троцкого проявятся в полной мере.

Как показала последующая практика, позиция Троцкого была в данном вопросе единственно правильной. Масштабная война, развернувшаяся в России в 1919—1920 годах, которую весной 1918-го едва ли кто-либо мог

себе вообразить, не могла быть выиграна Красной армией, если бы создавали ее и руководили ею дилетанты, в то время как противостоял ей противник, возглавлявшийся профессионалами высокого уровня*.

Насколько сложно было найти офицеров и генералов с соответствующим образованием, выслугой и боевой практикой? Таких людей в то время было очень много — Россия несколько лет активно участвовала в Первой мировой войне, и в стране было огромное количество офицеров, часть которых и планировали привлечь на службу. Именно эти люди и создали Красную армию. Достаточно сказать, что в ее рядах оказалось 252 царских генерала.

Будучи не в силах противостоять нажиму из Центра, местные командиры пытаются сопротивляться назначаемым сверху военспецам окольными путями — от саботажа приказов до продавливания различных инициатив, типа воссоздания при новых командирах солдатских комитетов, введившихся в армии после Февральской революции. Эта инициатива обосновывалась традициями, возникшими в 1917 году. Буденный впоследствии вспоминал об этих попытках: их инициаторы «очень настойчиво требовали создания солдатских комитетов, таких же, какие были созданы в русской армии после Февральской революции. Они утверждали, что солдатские комитеты необходимы и в Красной армии — для установления политического ока над командным составом, а то, мол, в среду командиров проникают чуждые революции элементы». Разумеется, в этом вопросе большевики оказались непоследовательны: солдатские комитеты были хороши для развала старой армии, допустить же их в собственную армию никто не собирался.

В целях создания условий и структур для формирования армии 4 мая 1918 года выходит очередной декрет Совнаркома об организации на территории страны военных округов. Были одновременно созданы Московский, Орловский, Ярославский, Уральский, Беломорский, Приволжский и Северо-Кавказский округа. При этом, в отличие от прочих, Северо-Кавказский округ (СКВО) существовал на тот момент только на бумаге. В его состав были включены территории Ставропольской, Черноморской, Дагестанской губерний, Области Войска Донского, Кубанского и Терского. Штаб округа должен был разместиться в Ставрополе. Однако реалии привели к тому, что штаб Северо-Кавказского округа оказался в итоге размещенным в Царицыне, хотя по декрету 4 мая Царицын, вместе с Саратовской губернией, даже не входил в состав этого округа.

В полном соответствии с политикой Троцкого в отношении военспецов 8 мая 1918 года на должность военного руководителя СКВО был назначен генерал-лейтенант царской армии Андрей Евгеньевич Снесарев.

14 мая Троцкий направляет на Юг телеграмму — приказ № 1607, текст которого гласил:

Хищническое вторжение неприятельских сил к стороне Ростова и Чертково создает угрозу целостности как Донской области, так и Северного Кавказа. При создавшихся условиях забота всех, кому дороги наши общие интересы, — это организовать надлежащий отпор

* Впрочем, в 20-е годы, когда после смерти Ленина Троцкий проиграл в противостоянии с Зиновьевым и Сталиным и отправился сначала в ссылку, а потом в изгнание, советская пропаганда постаралась забыть про сотни генералов и десятки тысяч офицеров царской армии, составивших костяк Красной армии во время Гражданской войны, выведя в качестве типичного военкома людей вроде Чапаева или Ворошилова.

противнику, остановить его дальнейшее продвижение и затем выгнать из пределов захваченной им территории. Общее руководство организацией обороны и вообще ведением всеми операциями вверяется начальнику Генерального штаба Снесареву, назначенному вместе с тем военным руководителем Северо-Кавказского военного комиссариата по военным делам. Таким образом, военрук Снесарев, помимо своих обязанностей, согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 8 апреля сего года является ответственным за ведение военных операций в борьбе со вторгшимся противником. Все боевые распоряжения военрука Снесарева подлежат безусловному и немедленному исполнению. Все местные власти, работая в полном контакте между собою, приложат все усилия к облегчению разрешения сложнейшей задачи, возложенной на военрука Снесарева, собирая, устраивая на местах рассеянные или еще не соорганизованные отряды и направляя их в районы по указанию названного военного руководителя.

Пожалуй, на тот момент в России было сложно найти такого царского генерала, который вызывал бы у подчиненных ему красноармейцев столь сильную негативную реакцию, настоящую острую аллергию!

Назначение именно Снесарева руководителем СКВО выглядело из Москвы решением вполне логичным, ведь он был не только боевым генерал, но и местный уроженец: он родился в 1865 году в городе Старая Калитва в семье священника. С южнорусскими степями, а, возможно, и с Царицыном, был хорошо знаком с юности. В 1872 году отец Снесарева был переведен на службу в Камышевскую станицу Донской епархии. Его сын, будущий генерал, учился в местной церковно-приходской школе, затем в Нижне-Чирской прогимназии, затем в гимназии имени Платова в Новочеркасске, которую окончил в 1884 году с серебряной медалью. В армии — с 1888 года.

Однако Троцкий не учел при этом назначении важный момент. Несмотря на жизнь, проведенную в армии, Снесарев был скорее ученым-исследователем, чем военным. Он в большей степени характеризуется как военный теоретик, публицист, географ, востоковед. Андрей Евгеньевич одно время служил на Памире и был действительным членом Русского географического общества, автором ряда книг. Он также любил петь, причем не просто так, а в опере! В 1895 году выступал на одном концерте с Леонидом Собиновым...

В 1904 году, получив чин подполковника, Снесарев был переведен в Санкт-Петербург, в Главный штаб. В Петербурге, наряду со службой в штабе, преподавал военную географию. По сути, полноценная военная служба началась для него только с Первой мировой войной, которую он встретил в чине полковника. Впрочем, на войне Снесарев показал себя хорошо, имел награды, в августе 1915 года был произведен в генерал-майоры, а в октябре 1917-го, незадолго до Октябрьского переворота — в генерал-лейтенанты. С ноября 1917-го по апрель 1918 года Снесарев не служил в армии, в апреле же его пригласил на службу военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич (сам по службе в царской армии — генерал-майор). Снесарев согласился с предложением, при этом оговорившись, что на военной службе не хотел бы принимать участие в боях с соотечественниками, а в большей степени рассчитывает на борьбу с немецкими войсками, в тот момент занимавшими территорию Украины.

В общем, для неопределенного, смутного времени, когда нужно было не только решать сложнейшие военно-организационные задачи, но и преодолеть

вать сопротивление старых большевистских кадров на местах, принуждать вкусивших свободы местных «царьков» и командиров к повиновению, Снесарев был кандидатурой, мягко говоря, неподходящей. Красную армию мучил кадровый голод. Лучше всего положение иллюстрирует тот факт, что в момент выезда из Москвы к месту дислокации только что сформированного штаба СКВО в его составе было менее $\frac{1}{4}$ от штатной численности — всего 25 человек! Больше никого не нашли! Но и даже этот штаб по понятиям военного времени собирался очень долго и из Москвы выехал только 24 мая.

Штаб направлялся, как и полагалось в соответствии с приказом от 4 мая, в Ставрополь, но остановился в Царицыне (где его совершенно не ждали): обстановка на Юге России стремительно менялась и планы устаревали, даже не начав воплощаться. Восстание казаков на Дону, поднявшаяся на дыбы Кубань привели к тому, что пребывание штаба на Кавказе стало невозможным. Царицын оказался тупиком, дальше которого штаб проехать просто не смог.

Впрочем, Царицын в этих условиях приобрел важное стратегическое значение: через город проходила Владикавказская железная дорога, ставшая последней нитью, связывающей Москву с Кавказом. Снесарев прибыл в Царицын 27 мая и попал в неопределенное положение, поскольку местом его официального пребывания город стал только 13 июня, после соответствующего решения Совнаркома. В этом решении состав СКВО был перестроен, в него были включены также Астраханская губерния и Царицынский уезд Саратовской губернии.

Как же встретили Снесарева царицынские большевики во главе с Мининым? В этом отношении всё было понятно заранее. Минин, Ерман, Тулак и прочие чувствовали себя абсолютными хозяевами положения, гордились относительно благополучным продовольственным состоянием Царицына, а также видели себя выдающимися военными деятелями, победителями Каледина и Петренко. Так что в полном соответствии с общими настроениями, направленными против военспецов, царицынские большевики встретили Снесарева с открытой враждебностью.

Прибывшим из Москвы штабистам не было предоставлено в Царицыне никакого места ни для службы, ни для жилья, и штаб вынужденно продолжал жить в вагонах поезда, на котором прибыл. Снесарев тут не остался в долгу, наглядно подкрепив своим образом все страхи и негативные ожидания, владевшие тогда местным большевистским руководством: он явился в Царицын в старой царской форме генерал-лейтенанта, с погонами. При виде этого сошедшего с плаката классового врага, олицетворения царизма, но при этом имеющего чрезвычайные полномочия от Совнаркома, царицынские большевики, вероятно, испытали шок.

Только спустя несколько дней Минин и Царицынский Совет начали приходить в себя и сочли наконец возможным встретиться с руководством прибывшего в город штаба. На этой встрече Минин произнес речь, очень хорошо демонстрирующую его отношение к военспецам и показывающую, как воспринимал себя и свое окружение вождь Царицына. В числе прочего Минин сказал: «Мы — представители красного Царицына — с гордостью говорили, что во все трудные минуты нашего революционного города мы никогда не опускали нашего революционного знамени и *никогда не будем идти за Центром* (курсив мой. — Р. Ш.). Мы нуждаемся в Москве постольку, поскольку

и она нуждается в нас. Помощь ее нам нужна и необходима, но пусть она не думает, что за эту помощь мы пойдем в рабство. Власть на местах — вот наш главный и руководящий принцип. В трудные времена, когда генерал Каледин послал на нас свои полчища, Красный Царицын сумел отстоять себя; он, я уверен, сумеет отстоять свою независимость и от всяких других поползновений».

Исключительно информативное высказывание! Оно очень хорошо передает и установки, которыми руководствовались Минин и его приближенные, и их истоки. Как уже говорилось, Минин чувствовал себя хозяином положения, и на тот момент он был действительно независим от Москвы. Город, в отличие от многих других, не заваливал столицу телеграммами с мольбами прислать хотя бы какой-нибудь еды, а вполне обеспечивал себя сам. Считавший войска, которые зимой удалось собрать Каледину, за предел возможностей врагов, Минин едва ли понимал в полной мере, что именно уже происходило на тот момент в каких-нибудь 100—200 верстах западнее Царицына, в районах станиц Нижнего Дона, где создавалась Донская армия, или юго-западнее, в сторону Кубани, где шло формирование Добровольческой армии Деникина. А если и понимал, то не показывал этого приехавшим военспецам, которых глубоко презирал.

Речь эта произвела на приехавших большое впечатление. Впрочем, спустя некоторое время штабу СКВО, после того как местом его пребывания был назначен не Ставрополь, а Царицын, всё-таки пришлось предоставить здание по адресу: Московская, 14, из которого и будут осуществляться все важные руководящие действия ближайших месяцев.

Здесь, кстати, необходимо выделить мнение Ермана: как ни странно, оно оказалось в оппозиции ко всем прочим. Если Минин был категорически против привлечения офицеров старой царской армии к руководству войсками, то Ерман неожиданно поддержал их привлечение. Еще 3 мая 1918 года он выступил на военном совете. Из газетного отчета о прошедшем заседании следовало, что «товарищ Ерман предлагает привлечь к работе опытных офицеров, которые должны работать под контролем наших товарищей, нужно использовать всех лиц, рекомендованных ЦИК, напрячь все усилия к созданию советского полка в 3000 человек, обратить внимание на борьбу с анархическими отрядами. Придется обратиться к частичному восстановлению старых аппаратов». Однако данное разногласие не успело развиваться во что-то материальное. Впоследствии такая троцкистская позиция Ермана неизбежно вошла бы в противоречие с позицией не только Минина, но и Сталина, прибывшего в город в июне, однако гибель Ермана летом 1918 года не дала этому конфликту оформиться*. Впрочем, Ерман, занятый на тот момент внутренними вопросами, наподобие разгрома городской думы или мобилизации буржуазии на рытье окопов, в военных событиях начала лета 1918 года значимой роли не играл.

* В сталинской версии истории, с удалением из нее фигуры Минина и многих других царицынских деятелей, погибший в 1918 году Ерман станет практически единственным, главным вождем царицынской революции периода весны 1917-го — лета 1918 года, то есть от своего приезда в город и до прибытия в Царицын Сталина и Ворошилова. В то же время, проживи Ерман чуть дольше, он наверняка вступил бы в конфликт со Сталиным и мог бы окончить свои дни подобно Думенко или, как и большинство его соратников, — с ярлыком врага народа в конце 30-х годов.

Между тем параллельно с прибытием Снесарева в Царицын военная обстановка в уезде начинала быстро накаляться. Уже в мае 1918 года на территории уезда стали появляться отряды казаков, которые время от времени брали под контроль отдельные населенные пункты. В том числе в течение мая такие отряды несколько раз занимали Ерзовку, Оленье, вели местные бои в районе Дубовки. В ответ на эти действия казаков в уезде создаются партизанские отряды, формируемые из населения сел, настроенных наиболее пробольшевистски. В числе таких сел были Ольховка, Кленовка, Гусевка, Каменный Брод и Александровка (Илюшевка). В самом Царицыне было принято решение сформировать «полк имени уездного Совета», разместив штаб полка в здании бывшей Мариинской женской гимназии.

До прибытия в Царицын Снесарева всеми военными действиями в окрестностях города, всей военной организацией руководил местный Совет под председательством Минина. Военные отряды, действовавшие в окрестностях Царицына, были разделены Советом на два фронта, положение на которых существенно отличалось. Довольно интересные сведения о ситуации к началу мая 1918 года дает описание заседания Совета, прошедшего 3 мая, опубликованное в газете «Борьба». Заседание открыл с докладом сам Минин. В частности, он сказал: «На фронтах положение различное: на одном фронте положение удовлетворительное, отряды приличные; на втором фронте положение хуже. Один из отрядов при бронированном поезде совершил ряд преступных деяний, чем вооружил против нас население. Борьба с отрядом заканчивается [такой фронт и такая дисциплина! — *Р. Ш.*]: произведены аресты и приняты меры к их разоружению — последние сведения гласят об их разоружении [информация тоже «поставлена». — *Р. Ш.*]. Фронт страдает от того, что трудно наладить дело продовольствия и снабжения. Необходимо эти дела передать какой-либо гражданской организации или Совнархозу. Работа штаба не налажена. Все назначаемые в штаб ответственные работники оказались не в силах справиться со своей задачей, нормальная работа расстраивается внеочередными делами. Ощущается большой недостаток в работниках. Нет транспортного отдела. Ликвидационный отдел нуждается в реорганизации, необходимо обусловить его существование на собственные средства. Финансовое дело в общем удовлетворительно. Необходимо усилить гарнизон ввиду опасности со стороны Дона, как от гайдамаков, так и от своих анархических отрядов, подлежащих непременно разоружению».

Как видно из этой речи Минина, ситуация под Царицыном складывалась из рук вон плохо: отряды, формально объединенные в два фронта, действовали самостоятельно, информации о себе не давали, творили бесчинства и при попытке командовать ими начинали сопротивляться. Самодеятельные кадры от Совета с задачами не справлялись, оргструктуру наладить не удавалось, а снабжение армии, вопреки всей военной практике, предлагалось перенести на плечи местной гражданской администрации (Совнархоза). И это — в условиях еще совсем незначительных боевых столкновений по местам, когда на Дону стремительно формируется мощная (по меркам 1918 года) централизованная Донская армия, нацеленная на Царицын! При всем этом Минин категорически не желал, чтобы его самостоятельность была нарушена пришлыми военными начальниками вроде Снесарева.

Итак, что именно получил в качестве объекта управления прибывший в Царицын генерал Снесарев? В районе Урюпинска стояла группа Селиванова,

в Усть-Медведицкой — группа Миронова, в районе Чира — так называемые 3-я и 5-я украинские армии Ворошилова, Вадима и Щаденко (о которых мы расскажем позже). В самом Царицыне располагались отряды Красной гвардии, в частности отряд Тулака. Южнее Царицына вдоль линии Владикавказской железной дороги до реки Маныч вытянулись несколько разрозненных отрядов, в числе которых: в районе Жутово — Котельниково — отряды Штейнера и Круглякова, в районе Гашун — отряд Скибы, далее — отряды Иванова, Белододеда и Шевкоплясова. В районе станции Платовской стояли отряды Буденного, Ситникова и Зыгина. В южной части Ростовского округа — группа Автономова и Калнина. Все эти отряды так и не были фактически связаны между собой (несмотря на формальное существование двух фронтов), их действия никем не координировались. Хаос царил даже в отношении названий. Например, в составе этой группы войск существовал отряд, именовавшийся «2-я Донская армия», состоящий из 750 человек, рядом с ней располагались 1-й стрелковый полк из 500 человек и 2-й стрелковый полк из 700 человек.

Вникнув в суть дела, Снесарев писал: «Учета людей никакого не существует, списков, видимо, не ведется, человек в определенной части не значится и с ней, строго говоря, ничем обязательным для него не связан»; «Совершенное отсутствие штабной работы, полная неподготовленность комсостава и хаотическое состояние самих отрядов до сих пор ставят нас в полную невозможность добиться точного учета и сведений о состоянии всех отрядов округа. Только благодаря личному объезду районов Грязе-Царицынской и Царицынско-Тихорецкой железных дорог удалось из непосредственных докладов самих начальников выяснить приблизительное расположение отрядов и их состояние».

В такой обстановке Снесарев мог бы и не справиться с поставленными перед ним задачами, если бы не помощь и прикрытие со стороны Серго Орджоникидзе, занимавшего в тот момент должность чрезвычайного комиссара Юга России и временно попавшего по делам в Царицын в те же майские дни. Орджоникидзе был полностью согласен с оценкой ситуации Снесаревым и сам в телеграммах в Москву писал: «Положение здесь неважное, нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблые, всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела».

Ситуация усугублялась еще и тем, что помимо высоких начальников не особенно контролировали ситуацию и сами местные командиры. Вступившие в их отряды кадры могли свободно входить и выходить из отрядов, никакой дисциплины здесь не было. Иногда командиры, желая пристыдить бойцов, размещали в местных газетах объявления, в которых рассказывалось о позорном поведении бойцов, назывались фамилии (видимо, для оказания морального воздействия и создания негативного общественного мнения). Например, в газете «Борьба» от 10 мая 1918 года было размещено следующее сообщение: «Из приказа от 08.05.1918 г. за № 68, § 3, казака вверенного мне отряда Ивана Войкова, как не желающего служить в отряде, исключить из списков отряда, выдав ему, как трусу, позорный документ». Таким образом, нельзя всю ответственность за царящий в войсках хаос возлагать исключительно на самостийных вождей Царицына: отсутствие дисциплины, самостоятельность на низовых уровнях, возможность свободно вступать и выходить из отрядов также вносили свою лепту в общую ситуацию.

В этих условиях большей стабильностью отличались войска, сформированные вдали от Царицына, солдатам которых было сложно просто так выйти из отряда и уйти домой. В этом смысле более устойчивой и самой крупной военной силой, попавшей в распоряжение Снесарева, были уже упомянутые войска, подчиненные Ворошилову и Щаденко. Ворошиловские армии, сформированные на принципах Красной гвардии в марте 1918 года под Луганском, во время боевых действий были вытеснены с Донбасса и отступали (точнее, ехали) по железной дороге до самого Царицына. Впрочем, и это были весьма рыхлые формирования, общая численность которых оценивалась в 60 тысяч человек, а боевая численность — в 30 тысяч. Кем же являлись люди, около 30 тысяч человек, отступавшие вместе с Ворошиловым, но не входящие в состав бойцов? Почему их было так много? По всей видимости, это были люди, ехавшие в огромном обозе, который тащил с собой Ворошилов. Внешне его войска представляли собой в этот момент большое количество эшелонов с «добром», вывезенным с Донбасса, при которых войска выполняли функции охранников. В некоторых эпизодах военные действия групп Ворошилова были в большей степени похожи не столько на действия сражающейся армии, сколько на поведение именно группы охранников имущества, перевозимого ими с собою по железной дороге. Например, Щаденко в 20-е годы так вспоминал один из важных эпизодов борьбы на пути к Царицыну: «Группа тов. Ворошилова вела упорные бои с войсками полковника Мамонтова в районе Чирских станиц. Бои эти были вызваны необходимостью восстановления разрушенного железнодорожного моста через реку Дон у Рычкова, чтобы получить возможность передвинуть в район Царицына ценное боевое имущество и материальную часть группы тов. Ворошилова. Восстановление моста велось под общим руководством тов. Рухимовича, в распоряжение которого были назначены необходимые силы и средства. Все стремления противника сбить Красные войска были напрасными. Скоро задымились паровозы, и эшелоны с войсками и ценными боевыми грузами двинулись на Царицын. Мост был восстановлен (немного более чем в две недели) благодаря самоотверженной и умелой работе войск группы тов. Ворошилова».

По прибытии к Царицыну войска Ворошилова были оценены чрезвычайным представителем наркомата по военным делам В. А. Трифоновым, который в телеграмме сообщил, что «отступившие с Украины войска, до 40 тысяч, совершенно дезорганизованы и деморализованы». Примечательно, что в одном случае численность групп Ворошилова их руководителями оценивается в 60 тысяч человек, а в другом — 40 тысяч. Расхождение в численности отступивших войск в 20 тысяч человек (то есть в 1,5 раза!) также говорит о существенных проблемах с учетом. Это вполне понятно, ведь Ворошилов был не военным, а слесарем в дореволюционное время и, разумеется, как и прочие ему подобные, был категорическим противником любых военспецов.

Ни от кого не зависевший до сих пор слесарь-командарм Ворошилов, прибывший в Царицын по собственному решению и внезапно для себя попавший здесь под командование царского генерала Снесарева, отнесся к своему новому начальнику крайне отрицательно. Как вспоминал впоследствии Троцкий, «в кругах Ворошилова с ненавистью говорили о спецах, о военных академиках, о высоких штабах, о Москве». Как следствие, Ворошилов стал попросту игнорировать указания Снесарева, даже не вводя его в курс собственных действий. Так, Снесарев писал в телеграмме в Высший военный

совет: «Лично товарищ Ворошилов, как войсковой начальник, не обладает достаточно нужными качествами. 13 июля я встретил т. Ворошилова на станции Царицын, причем штаб свой он оставил... Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками, почему скорее он подлежал бы удалению от занимаемой должности, чем доверию ему руководства сложной операцией».

Однако Снесарев не обладал достаточной личной силой для того, чтобы заставить Ворошилова подчиниться, к тому же форма царского генерала, которую Снесарев не снимал принципиально и продолжал носить, способствовала углублению конфликта. Эта неспособность Снесарева каким-либо образом наладить контакт с Ворошиловым, принуждением ли, договоренностью ли, — в конечном счете стала той малой точкой, что повлекла за собой важные исторические события, моментом, с которого впоследствии начнется глобальный конфликт между Сталиным и Троцким и который повлияет на развитие Советского государства в 20—30-е годы.

В общем, в городе сложилась парадоксальная ситуация. Формально главным руководителем Красной армии здесь был Снесарев, но он находился в конфликте с местным большевистским руководством в лице Минина. Самая же большая по численности военная сила региона — войска Ворошилова — по прибытии вступила в конфликт не только со своим военным руководством, но и с самим Мининым. Отзвук этих разногласий эхом прозвучал в воспоминаниях С. М. Буденного, вышедших много лет спустя после описываемых событий (Буденный по данному вопросу стоял на позиции Ворошилова): «У руководства местными советскими, партийными и военными органами находились люди либо нерешительные и неспособные, либо провокаторы из эсеро-меньшевистского охвостья. С. К. Минин, возглавляющий Советскую власть в городе и царицынские партизанские силы, не всегда правильно разбирался в сложной обстановке, а в ряде вопросов занимал вредную для общего дела позицию. Он недружелюбно относился ко всем пришлым, нецарицынским. Ему хорошо было известно о движении частей К. В. Ворошилова к Царицыну. Однако он не выступил на помощь им и даже не организовал надежную охрану моста через Дон, что уже граничило с преступлением».

Таким образом, в июне 1918 года в Царицыне оформились три силы, находившиеся в остром конфликте друг с другом: старое большевистское руководство во главе с Мининым, штаб Северо-Кавказского военного округа во главе со Снесаревым и самая значительная по численности военная сила — войска Ворошилова. Надвигающиеся на Красный Царицын испытания в лице начинающей наступление Донской армии наверняка привели бы к сокрушительному поражению, если бы не появление в городе сильной фигуры, которая принудила все прочие силы объединиться поневоле. Такой фигурой через некоторое время станет Сталин. Впрочем, до этого момента еще оставалось время.

Так и не сумев решить два острых конфликта, Снесарев пока сосредоточился на построении военного округа в тех направлениях, которые были ему доступны. Разместившись в Царицыне, он начал немедленно создавать структуру, которая напоминала бы армию. В июне — июле на территориях, где стояли подчиненные Снесареву войска, вместо разнообразных «армий» и «отрядов», формируются пять дивизий. Разрабатывается план обороны Царицына, который получает оформление в приказе № 4 от 23 июня 1918 года.

Вдоль железнодорожного полотна началось возведение полевых сооружений в виде двух-трех линий окопов полного профиля и проволочных заграждений. Южнее города, в районе Сарепты, и западнее, в районе станции Гумрак, строились укрепленные линии. По согласованию с Высшим военным советом Снесарев приступил к формированию кавалерийского дивизиона, командиром которого стал Б. М. Думенко, а заместителем командира — С. М. Буденный.

Думенко и Буденный, назначенные Снесаревым, имели в своих биографиях объединяющую их деталь, которая поможет лучше понять ожесточение в борьбе на Дону и вокруг Царицына в период Гражданской войны. Эта деталь заключается в том, что оба командира, и Думенко, и Буденный, будучи рожденными на Дону и являясь здесь местными, тем не менее не были казаками и происходили из специфического слоя жителей Донской земли — так называемых иногородних. Иногородними в казачьей среде считались пришлые люди, переселенцы из других мест, приехавшие на Дон, но не ставшие казаками. Издавна между казаками и иногородними были противоречия. Они особенно обострились после принятия императорского закона от 29 апреля 1868 года, разрешившего иногородним свободно селиться на казачьих землях, покупать и продавать там недвижимость, не испрашивая разрешения у войскового начальства (прежде такое разрешение было необходимо). С этого момента приток на Дон внешнего стороннего населения начал усиливаться, так что пришлые стали селиться рядом с казаками, а также основывать на донских землях собственные деревни и села. Служилые казаки смотрели на иногородних свысока, как на «мужиков» или «торгашей», а иногородние завидовали привилегиям, которые давала казачья служба. Это внутреннее противоречие в период Гражданской войны перешло в серьезный антагонизм. Именно с социальной опорой на иногородних советская власть устанавливалась на донских землях, а впоследствии с их помощью будет проведено расказачивание донских земель. Показательно, что крупными организаторами антиказачьих сил на Дону в 1918 году выступили именно некогда иногородние Думенко, Буденный и им подобные (хотя Думенко много лет не жил на Дону, а Буденный во взрослом возрасте всё-таки стал казаком). При этом судьбы этих командиров сложились по-разному.

Борис Мокеевич Думенко происходил из семьи иногороднего крестьянина-малоросса, родился на хуторе Хомутец-Казачий станицы Бочаевской Области Войска Донского. Во время Первой мировой войны был призван в армию, где служил в артиллерии, дослужившись до чина вахмистра. В первые же месяцы начала вооруженных столкновений на Юге России Думенко прибыл на Дон. Здесь уже в апреле 1918 года им был сформирован батальон Сводного крестьянского социалистического полка, который вступил в борьбу с казачеством. Харизматичный, энергичный, «горящий» Думенко, с детства знавший конное дело, отменно владевший шашкой, причем не только правой, но и левой рукой, стал одним из лидеров нарождающейся Красной армии. Он был популярен среди иногороднего населения Дона, чем смог привлечь в свой отряд значительное количество местных жителей, озлобленных на казаков. Во второй половине 1918 года отряды Думенко ведут непрерывные бои с частями Донской армии, он даже упоминается в пропагандистском бюллетене ВЦИК за август 1918 года. В бюллетене указано, что «особенной храбростью отличается крестьянский полк под командой

Думенко, с 1000 всадников он держит 80-верстный фронт, наводя панику на кадетские банды». К декабрю артиллерист Думенко вырастает до начальника кавалерийской дивизии. 2 марта 1919 года он попадает в число первых награжденных только что учрежденным орденом Красного Знамени, заслужив знак № 5. Несмотря на тяжелое ранение, полученное им в мае 1919 года, не долечившись, возвращается в строй, возглавив в конце года Сводный кавалерийский корпус. Именно его войска в 1920 году возьмут донскую столицу — город Новочеркасск.

Однако звезда Думенко погасла так же внезапно, как и вспыхнула. В начале 1920 года в руководстве Красной армии возникли подозрения, основанные на доносах подчиненных (в частности, известного по боям под Царицыном Д. П. Жлобы и других), что Думенко ненавидит комиссаров, ругает их «жидами» и иными ругательными словами и может повернуть корпус против советской власти, повторив путь Нестора Махно. В ночь с 23 на 24 февраля 1920 года Думенко был арестован вместе со всем штабом корпуса и 11 мая того же года расстрелян в Ростове-на-Дону, став, по сути, одной из первых жертв политических репрессий советской власти, которая направила их против своих отцов*. Через сорок лет, в 1962 году, еще живой на тот момент жене его объявят, что дело мужа прекращено и что теперь он реабилитирован**.

По-другому сложилась судьба подчиненного Думенко — Семена Михайловича Буденного, будущего Маршала Советского Союза, которому в 30-е годы припишут достижения Думенко и который, в том числе и благодаря этому, станет в советской мифологической системе одним из главных символов Красной армии в Гражданской войне. Родившийся в Сальском округе на Дону, Буденный, не будучи казаком, был призван в 1903 году в казачий Приморский драгунский полк, дислоцированный, однако, не на Дону, а на Дальнем Востоке. Принявший участие в войне с Японией, оставшийся на сверхсрочную службу, Буденный всю жизнь провел в армии. В Первой мировой войне служил старшим унтер-офицером 18-го драгунского Северского полка Кавказской кавалерийской дивизии. Сражался Буденный по-настоящему храбро, став за годы войны полным кавалером Георгиевского креста. В начале 1918 года он появляется на Дону, где сразу вступает в структуры советской власти. Уже 23 февраля 1918 года возглавляет созданный им кавалерийский отряд, который вскоре вливается в отряд Думенко. Вместе с ним Буденный растет в иерархии Красной армии, принимая участие в боях под Царицыном. Позже пути Буденного и Думенко разойдутся, что спасет первого от судьбы второго (хотя в обвинительных документах Думенко Буденный всё же упоминался в качестве возможно-

* Примечательно, что расстрел проводился крайне неряшливо. В частности, «расстрелянный» вместе с Думенко начальник снабжения 2-й бригады конкорпуса С. А. Кравченко оказался лишь ранен, ночью он выбрался из могилы и бежал, присоединившись к антисоветским частям. Вновь попавший через некоторое время в руки советской власти Кравченко был помилован (!) с заменой смертного приговора на 10 лет лишения свободы, а после — и вовсе освобожден. Миновал репрессии, доживет до 1957 года, когда уже в престарелом возрасте будет убит в драке в день празднования 40-летия Октябрьской революции (См.: Калугин Ю. Тайна бежавшего из могилы). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nivestnik.ru/2008_2/r4.shtml

** Разумеется, против реабилитации будут категорически возражать Буденный и Ворошилов.

го соучастника заговора, однако избежал репрессий). В интересующий нас период лета и осени 1918 года эти двое действуют пока как одно целое, став важной частью системы обороны Царицына, выстроенной Снесаревым.

Летом 1918 года Буденный, находясь на совещании в хуторе Дубовском, удачно познакомился со Сталиным. Буденный специально приехал на совещание ради этого знакомства, но найти среди собравшихся Сталина не смог и увидел его только после своего выступления, когда Сталин взял слово. Сталину выступление Буденного понравилось, после совещания он подозвал Буденного, подробно расспросил его о социальном происхождении и деталях биографии. Находившийся со Сталиным Снесарев в присутствии Сталина устроил Буденному целый экзамен, начав задавать ему вопросы типа: «В каких случаях вы можете идти в конном строю на пехоту противника?» Ответами Снесарев остался доволен и доложил Сталину: «Службу знает». В дальнейшем хорошее впечатление, произведенное на Сталина на совещании в Дубовском, сыграло в судьбе Буденного огромную роль.

Несмотря на все проблемы и сопротивление на местах, усилия Снесарева давали определенный результат. Вернувшись из инспекционной поездки по фронту, комиссар округа К. Зедин писал в Наркомвоендел: «С первых дней июля мне удалось опять побывать на фронте. Система отрядов почти отовсюду исчезла, вместо них роты, полки, бригады... Теперь почти на 1000-верстном фронте только три главных начальника: Миронов — на северном участке, Ворошилов — на центральном и Калнин — на Ростовском фронте». Командующим резервом округа был поставлен И. Тулак*.

Таким образом, примерно за один месяц Снесареву удалось сделать огромное дело для Красной армии. Здесь, на южной границе территорий, контролируемой Совнаркомом, он сумел сколотить из разрозненных полупартизанских отрядов, не желающих никому подчиняться и больше всего ценящих личную свободу, более-менее структурированную силу, построенную по военному образцу. Прибытие в Царицын Снесарева произошло очень вовремя для большевистского руководства: попади он в город на месяц позже, уже в июле вся оборона Царицына посыпалась бы под первыми же ударами Донской армии, одним махом город отошел бы к белым.

Активизация боевых действий на Царицынском направлении произойдет в 20-х числах июня, а решительные бои начнутся 2 июля, когда генерал Мамонтов нанесет по Царицыну первый серьезный удар. Тогда-то усилия Снесарева и покажут результат. Однако обстановка в городе к тому времени уже принципиально переменится.

Продолжение следует

* И. Тулак оставался в должности командующего до декабря 1918 года. В ноябре он направился на территорию современной Калмыкии, где руководил подавлением антибольшевистского восстания. 4 декабря 1918 года он был убит в окрестностях села Святые Кресты, ныне — село Первомайское Ставропольского края. Тулак был похоронен в Царицыне 20 декабря, в одной могиле с Яковом Ерманом (могила эта сохранилась на территории Комсомольского сквера, однако имя Тулака на памятнике не указано).

Даниил БЕЛЯЕВ

Город, куда ты бежишь?

В Комсомольском саду

Высокие и чёрные деревья,
Такие есть, наверно, лишь в стихах,
Тоска... На белую скамейку сев, я
Смотрю, как осень пробуждает страх,

Которому отвечают лишь строчки.
Их все мне до конца не уловить,
Поэтому меж них для оторочки
Ложится то, что недостойно быть

В стихах и обрамленьем, но ведь струны
Затронуты: жди нужные слова.
Встаю, ведут стихи тропой безлунной,
И мира не было, а ночь была.

БЕЛЯЕВ Даниил Игоревич — поэт и переводчик. Родился в 2003 году. Живет в Волгограде. Публиковался в «Литературной газете», альманахах «Земляки», «Царицын», «Эпифания», журналах «Перископ», «Двуречье». Автор двух поэтических книг: «Утро» (2022) и «Мили» (2023). Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации. Участник литературных семинаров Союза писателей России в Большом Болдине, Краснодаре, Вологде. Призер молодежной духовно-нравственной премии «Эпифания» (2024).

Песенка про переулок

Переулочек, переул...
А. А. Ахматова

Старый дом у дороги тих,
Продолжается прежний стих.

Тянет тополь, как вор в окне,
Иссохшую руку ко мне;

Повсюду таинственный гул,
Кто-то страшный свечу задул...

Отчего
 Всё сейчас не так?
Всё не так, и не знак —
 Пустяк.

Отчего не горит фонарь?
И ничто не идёт, как встарь?

Мне бы опять в зеркальный зал,
Куда ты мне путь указал,

Где в углу стоят образа,
Где погляжу в твои глаза.

*Москва, Шубинский переулок —
Волгоград, Ачинский переулок*

Два сонета о доме

1. Дежавю

Последнее прибежище моё
Лежит, в руинах прозябая.
Частицею земного рая
Не быть тому, что воли лишено.

Но что мне делать? Ведь я помню всё!
Я помню, как стоял, скучая,
Бессмертный вождь родного края
И как заглядывал забор в окно.

Вся зелень тополей, скамейки,
Ряды бордюров по линейке,
И паровозов радостный гудок

Туда, пусть им цена копейки,
Куда и ныне нет лазейки,
Ушли. И пуст любимый городок...

2. Жамевю

А я из всех твоих наследий
Беру опять чудной пустяк.
Который раз вокруг бардак?
Какой? Десятый, первый, третий?

Я не люблю пустых трагедий,
Но всё не то и всё не так,
Должно быть — это послан знак
Из неисчисленных столетий,

Что, несмотря на дерзость прений,
За лживой трезвостью суждений
На самом деле суть иль то

Ключ от безрадостного дома,
Где всё своё и всё знакомо
И где ещё звенит: «Постой!»

Каменная русалка в парке «Химика»

Апрельский воздух, как осанна,
И тесные врата.
Тепло, но в каменных фонтанах
Не плещется вода.

И в одиночестве мятежном
Повёрнута она
К тому, что остаётся прежним.
Одна, всегда одна.

Тот памятник — всему хранитель,
Скажи, как всё простить?
Что увидал поэт в граните?
Кого о том спросить?

Средь всех лишь ты всегда свободна
От лести и страстей
И можешь править благородно
Меня сквозь серость дней.

Над каналом

Ярко синее небо —
Прелесть весны.
Сколько есть в жизни различных чудес:
Лёгкие сны.

Робкие песни сиреней в цвету
Слышно едва.
Сколько уже я стою на мосту:
Час или два?

Вытешет солнце в чугунном гербе
Вечный сюжет.
Знаешь, отмерено сколько тебе
Радостных лет?
Нет?

Волгоградские зарисовки

1

Лежит космогоническая темень,
Такое не воспели Джойс и Пруст,
Чтоб утро гнулось, как педаль иль стремя.
Всё здесь, где воздух свеж, и дик, и пуст...

2

Я гуляю вместе с ветром
Над синеющей водой.
С той разгневанною Федрой
Мы теперь идём домой.
И течёт оледенелый,
Прошлое вернувший край:
Рядом будет друг несмелый,
А вокруг — вороний грай.

3

Неуловимая, она прошла
И пронесла
Потершийся, туманный и пустой,
Совсем простой,
Царицын, Сталинград
И Волгоград...

Сергей АЛИХАНОВ

К юбилею Василия Стружа

Василий Струж родился в 1961 году в Волгограде. Окончил Волгоградскую академию государственной службы — факультет «финансы и кредит», Литературный институт имени А. М. Горького. Живет и работает в Волгограде. Член Союза писателей России. Автор книг «Косноязычие», «Сжечь!», «Корова для детей», «Звонок соловью», «Красота».

Предельная искренность и внутренняя правдивость в стихах Василия Стружа воплощаются в удивительную образность. Используя слова и выражения классического русского словаря, поэт создает неологизмы, что позволяет ему постоянно оказываться «за пределами таинственного круга», о котором говорил еще Велимир Хлебников — основатель подобной поэтики, продолжателями которой были и лианозовцы.

Единый поток поэтической речи Василия Стружа вбирает и разные стихотворные размеры, и артистическое преобразование синтаксических норм, и всё это воплощается в тексты с характерным и естественным стилевым своеобразием — с необыкновенным, всегда узнаваемым нутряным модернизмом. Поэт воплощает в стихах события, явления — в полном спектре нашей постоянно усложняющейся действительности.

Лирический герой Василия Стружа существует и живет среди множества слышимых в строфах звуков, шумов, электронных эхосигналов, порожденных актуальной социальной средой, в текущем сверхнасыщенном и сверхсюжетном времени:

АЛИХАНОВ Сергей Иванович — поэт, прозаик, автор текстов песен, член Союза писателей России, член песенной комиссии Союза композиторов России. Родился в 1947 году. Живет в Москве. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Москва», «Наш современник» и др. Сотрудничал со многими известными композиторами, в числе которых Юрий Антонов, Владимир Шаинский, Максим Дунаевский, Игорь Крутой. Песни на его стихи исполняли Юрий Антонов, Николай Караченцов, Михаил Муромов, Дима Билан и другие популярные артисты. Награжден медалью М. Ю. Лермонтова. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» (2023).

Зачем тебе мои подвалы,
Когда, с безумием в ладах,
Ты неба тучные завалы
Пересекаешь лёгким «Ах»?!

Лети! Грешно такую пачкать.
Один я грязь своей души
Перетрясу, переиначу.
А ты лети, душа, дыши!

Перечитывая стихи Василия Стружа, по-новому осмысливаешь строки Евгения Баратынского: «...не погиб какой-нибудь несправедливый изгиб сердец людских пред нами обнаживший...». «Не погиб» — значит остался запечатленным, промелькнув в зеркале подсознания, сам краткий миг словотворческого озарения:

я обижаю сновидения
и гоголем по ним хожу
доводит бес до обалдения
и стыдно поутру Стружу

или

объегорив псов грызучих
кот взабрался на забор
потому что в небе лучше
на земле собачий вздор

Вполне может случиться, что подобные зарисовки — провозвестник нового...

О творчестве поэта написаны статьи.

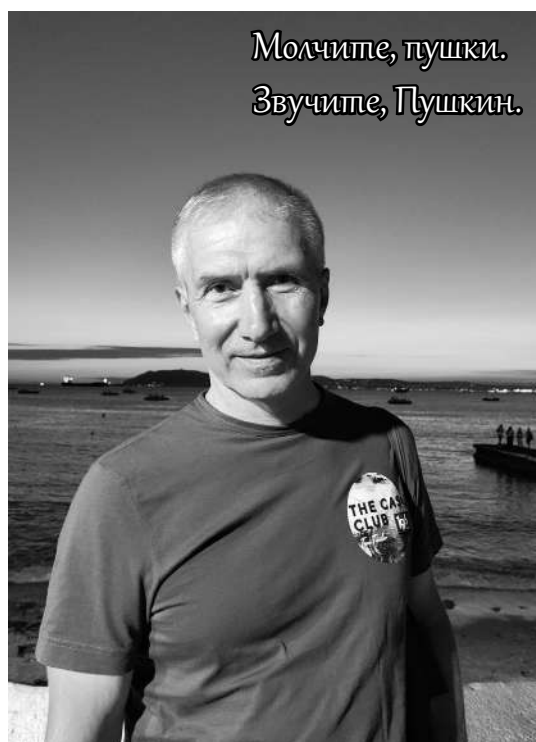
Татьяна Данилова — культуролог и критик — подчеркивает: «Сегодня Василий Струж достойно и оригинально представляет в современной русской литературе волгоградскую поэзию, давшую таких значимых поэтов, как Михаил Луконин, Маргарита Агашина, Василий Макеев.

Поэзию Стружа отличают яркость языка и своеобразие взгляда на мир... это и поток поэтического сознания, обрушивающий на читателя лавину образов и речевых экспериментов... поэт держится внешне спокойной, почти традиционной манеры, хотя ритм эмоциональных перепадов... бешеный, как горная река, закованная в тесное ущелье... Верность слову для души обходится очень дорого...»

Станислав Куняев — поэт и редактор, наш автор — написал: «В советские времена многие молодые поэтические таланты, мечтавшие поскорее издать первый сборник и вступить в вожделенный Союз писателей, усердно сочиняли себе трудовую биографию...

С автором „Косноязычия“ всё обстоит иначе. Ему нет нужды притворяться. Трудовая воспитательная колония была? — Была. Работал на северных нефтяных приисках? — Работал. Колхозная крестьянская жизнь? — Да он до сих пор в ней барахтается.

Сумасшедшие попытки „выйти в люди“, добиться успеха любой ценой, завоевать место под солнцем в наше алчное время отражены в творениях Стружа и с трагическими, и с комическими подробностями...

Шеф-редактор «Отчего края» Василий Струж

Ему не нужно тратить силы на освоение языка нынешней простонародной жизни. Ее косноязычие — его сущность. Он другого языка не знает. Правда, особенность его косноязычия в том, что, разгребая эту словесную грудку, эти сорняки и чертополохи, вдруг нащупываешь в их гуще жемчужные зерна, отливающие подлинным поэтическим блеском...»

Олег Куимов — прозаик и критик — поделился: «...в современной, омассовленной литературе тонны и тонны стилистически выверенной макулатурки — совершенной по форме и абсолютно обезличенной и выхолощенной. Строгое соблюдение правил силлаботоники вовсе не гарант достойной поэзии. У поэта Василия Стружа всё как раз наоборот. Его стилистическое „прихрамывание“ становится платой за сохранение мысли...»

Искренность Василия — искренность так и не повзрослевшего ребёнка...

Настоящий поэт должен сказать что-то новое, что-то такое, что оставит след в душе... Струж, при всех своих недостатках, самобытен, колоритно живописен, остро социален, а его поэтический почерк не сравним ни с чьим. Он стоит особняком, — ну, никому не повторить его талантливо косноязычия! Да и не нужно. Пусть Струж будет один такой».

*Редакция и редакционный совет журнала «Отчий край»
сердечно поздравляют Василия Сидоровича Стружа
с 65-летием со дня рождения
и желают юбиляру здоровья, сил и вдохновения!*

Владимир ГОЛУБЕВ

Деревянный танк

(Продолжение. Начало в № 2 за 2025 год)

Глава 6. СЕРПУХОВ

...Наши людские резервы неисчерпаемы...
Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть,
годик, — и гитлеровская Германия должна
лопнуть под тяжестью своих преступлений.

*Из речи И. В. Сталина на параде
Красной армии 7 ноября 1941 года*

Сборный состав из нескольких грязно-зеленых пассажирских и грузовых вагонов с черными клеймами «Моск. ж. д.» медленно, гремя на рельсовых стыках, пробирался с Курского вокзала по южному направлению. Нескончаемой лентой перед пыльными окнами тянулись откосы и земля, всё в пожухлой траве и опавшей листве. Поезд время от времени останавливался и подолгу стоял на переездах, вслушиваясь в дальние гудки — пропуская встречные

ГОЛУБЕВ Владимир Михайлович — прозаик, фольклорист, член Союза писателей России, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живет в деревне Каменке Серпуховского района Московской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем следственного отдела Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской горпрокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ. Писательскую деятельность начал в 1992 году, первая публикация была в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса» (2008), «Асины сказки» (2010), «Тешиловская русалка», «Зибровский водяной» (2014), «Лесовик и метелица» (2014), «Сказы Матушки Оки» (2018), «Забытый рубеж» (2019) и др. Лауреат Общественной национальной литературной премии имени П. П. Бажова (2022), Российской литературной премии (2023), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024).

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

паровозы. Бойцы молчком смотрели на печальные перелески сквозь телеграфные провода, а такое серое, дождливое небо, видимо, укрывало весь мир. Болтать никому не хотелось, сидели тесно прижавшись друг к другу, не выпуская из рук оружие. Вещевые мешки с провизией, коробки и ящики с боеприпасами завалили все тамбуры и проходы, но на это никто не обращал внимания.

Эшелон, лязгая буферами, выбрался из столицы, перемахнул через Москва-реку и Пахру и теперь по неясным для пассажиров причинам то и дело пыхтел в клубах пара на разъездах. А в это время с одного из путей, между станциями Подольск и Серпухов, путейцы сдирали рельсы с железнодорожного полотна и грузили на платформы, должно быть, для изготовления противотанковых ежей. Всего один раз состав пропустил скорый на Тулу и ближе к вечеру кое-как добрался до станции Лопасня Московско-Курской железной дороги.

Пока в локомотив заливали воду и путейцы, подогнав сзади маневровый паровоз, отцепляли вагоны со стрелковым батальоном, командир спецотряда НКВД, следовавшего до станции Серпухов, дозволил своим бойцам выйти на платформу — перекурить и размяться.

* * *

Андрей Петровский, солдат из Полка специального назначения НКВД СССР, в народе прозванного «кремлевским», после душного вагона, набитого людьми, как бочка селедками, с удовольствием дышал сырым и холодным воздухом. Октябрьские сумерки вступили в свои права, и всё тонуло в какой-то свинцовой дымке, да еще светомаскировка делала свое дело. Прикрытые окна и отключенные фонари прятали станцию от германских бомбардировщиков. Боец, прикомандированный к диверсионно-истребительному отряду секретно-политического отдела Управления НКВД Московской области, в полумраке рассмотрел одноэтажное кирпичное здание вокзала, кусок забора, еще какие-то невзрачные строения. Рядом с ним, дымя папиросой, стоял Аркадий Елфимов, тщедушный солдат лет тридцати с умными и уставшими глазами, походивший на очкарика без очков, невесть как попавший в их спецотряд и вообще в НКВД, в отличие от спортивного и подтянутого Андрея, ростом под сто восемьдесят три сантиметра.

Сосед белокурого кремлевца, покрутив головой во все стороны и посмотрев куда-то поверх крыш и фонарей, мечтательно произнес:

— А ведь здесь где-то рядом жил Чехов и сюда, на станцию, частенько наведывался за гостями, ну, за всякими там известными писателями и актерами.

Андрей улыбнулся. Ему нравились забавные короткие истории добродушного автора, запечатленного на снимках в неизменном пенсне вместо очков и с аккуратной бородкой, как теперь говорится, «гнилого интеллигента».

— Любопытно, я ведь читал в детдоме книжку о нем. Кажется, написал младший брат или даже сестра, но не додумался, что мы и вправду проезжаем недалеко от его усадьбы.

Кто-то из толпы бойцов, стоявших рядом в сизом облаке табачного дыма, весело отозвался:

— А кто это такой Чехов-то? Небось, будет из белочехов * недобитых?

Елфимов сплюнул и небрежно отозвался:

— Писатель он был и еще драматург, разные пьесы писал. Вы про «Трех сестер» или «Чайку» что-нибудь слышали?

Прежний зубоскал, видимо, потешая курящую компанию, крикнул в ответ:

— Не-а, не слыхал. А «Три сестры», чай, про публичный дом? Тогда почи-таю, я это дело больно люблю.

Взрыв хохота огласил платформу. От здания вокзала отошел дежурный по станции и недовольно забурчал на бойцов:

— Товарищи красноармейцы, прошу, потише, соблюдайте порядок!

Аркадий бросил на землю папироску:

— Так в школе надо было лучше учиться!

— Так в нашей семилетке ** мы не проходили никакого такого Чехова!

— И у нас не было! Не слыхали мы ничего про вашего Чехова! — дружно загалдели другие солдаты.

Елфимову стало неудобно под ехидными взглядами бойцов, и он повернулся к Петровскому, но всё же походя отозвался:

— А мы вот в десятом классе проходили, да и дома у родителей есть несколько книг...

— А мы университетов-то не кончали. Помню, Пушкина стихи учили, да Лермонтова, да Толстого и Тургенева почитывали. Не знаем мы никакого Чехова, — не унимался балагур под смех товарищей. — Он, небось, из буржуев или помещиков. Чем всякую ерунду писать, лучше бы землю пахал, как граф Толстой, всё какой-то толк, а не токмо бумагу марать.

Красноармейцы одобрительно захихикали.

— Он врач, между прочим, людей лечил, школы для крестьян открывал, — огрызнулся Аркадий, жалея, что их беседу подслушали, и, прихватив за хлястик Андрея, позвал: — Пойдем, я тебе лучше расскажу анекдот про Льва Николаевича Толстого.

— Прекращай базар! — скомандовал подошедший лейтенант Бабукин. — Всем готовиться к построению.

Разговорчики на платформе моментально утихли, и сразу стало слышно, что с юго-запада уже доносятся звуки таких недалёких боев. Последовала команда садиться по вагонам. Поезд отрывисто загудел и с грохотом тронулся. Стуча колесами по рельсовым стыкам, локомотив в полной темноте, освещаемый лишь светом луны, пошел к прифронтовому Серпухову, мимо темных и без всякой светомаскировки деревень.

Андрей закрыл глаза и подумал, что сегодняшний день прошел, и прошел хорошо, счастливо. Арвиль пришла его проводить, и ему выдалось, несмотря на вокзальную суету и неразбериху, даже несколько минут поговорить с ней, поддержать ее бледные ладони в своих. Но следом гурьбой навалились другие, прежние воспоминания о Серпухове, ведь он несколько раз посещал в своем непутевом детстве этот небольшой подмосковный город. Правда, последний визит случился давно, больше десяти лет назад, а когда

* Речь идет об Отдельном чехословацком корпусе, сформированном после Февральской революции 1917 года из чехов и словаков. В 1918—1919 годах корпус принимал активное участие в Гражданской войне в России.

** Неполная средняя общеобразовательная школа с продолжительностью обучения, равной семи учебным годам. Существовала в СССР в 1920—50-е годы.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

тебе всего-то двадцать один год, то даже прошедшая пара лет кажется бесконечностью, а уж что говорить о целом десятилетии. Он гостил в этом городке совсем не по своей воле... Но, чтобы не накручивать себя и не вспоминать лишний раз про большую тему, Андрей решил лучше подремать.

* * *

Городок встретил диверсионно-истребительный отряд огромным трехэтажным вокзалом, словно бойцы НКВД прибыли в какой-то столичный или, по меньшей мере, в губернский центр, и нескончаемой, несмотря на ночь, суетой. Кругом суетились военные, на ближних и дальних путях гудели паровозы, слышались зычные команды. Какую-то воинскую технику, старательно укрытую от посторонних глаз брезентом, разгружали с железнодорожных платформ прямо на перрон, а напротив вокзала на большой площади шло неспешное построение стрелковой роты или даже целого батальона.

Отряд НКВД разместили на ночлег в здании вокзала. На вечер следующего дня готовилось выступление к линии фронта. Бойцы отвели душу и с дороги вволю отоспались под гулками сводами величественного здания, украшенного лепниной и явно знавшего времена получше нынешних. Вряд ли кто мог знать, когда еще красноармейцам вновь придется поспать под крышей, пусть и на сквозняках, но всё равно в тепле. Впереди у них маячила, как минимум, бессонная ночь, а то и две. В обед их покормили горячим и распределили сухой паек. После старшина с красными от недосыпа глазами выдал каждому в руки по второму комплекту нижнего белья на случай ночевки прямо на земле или в снегу.

В назначенное время, в девятнадцать часов, отряд покинул вокзал и построился на площади в ожидании бортовых машин, которые должны были доставить бойцов на станцию узкоколейной железной дороги на окраине города. Из темноты вынырнула колонна грузовиков, хлюпая по лужам, подкатила ближе, и началась погрузка личного состава. Когда уж было тронулись в сторону центра города, одна из машин заглохла. Водитель хлопнул дверцей, пнул передний баллон и принялся грубо материться, через слово поминая какую-то неведомую «искру».

Петровскому и Елфимову не повезло, они оказались в сломанной машине. «Искра ушла в землю», — по-прежнему себе под нос бурчал шофер, с головой забравшись под капот. Командир отряда быстро переговорил с комиссаром и принял решение: оставшимся бойцам надлежало идти пешком до станции Лесная узкоколейной железной дороги. Заморосил мелкий дождик, и солдаты покорно зашагали в сторону центра города. Вскоре за их спинами в осенней мгле остались невзрачные строения, примыкающие к станции, да паровозная водокачка, что средневековой башней возвышалась в темноте, а дальше вдоль дороги тянулись то ли огороды, то ли пустыри.

Шли долго, не меньше двух часов. Поначалу бодро и даже в ногу, со смешками да прибаутками — за день отдохнули и выпались, но, когда мимо потянулись одноэтажные дома и сапоги стали утопать в грязи, разговорчики в строю сами собою утихли.

Лейтенант Бабукин всё время молча шел впереди за проводником из городского истребительного батальона, изредка он поворачивался к колонне и командовал:

— Тверже шаг!

Шеренги ненадолго выравнились.

— Вымок? — спросил Елфимов, поднимая воротник шинели.

— Есть немного, да еще ремень винтовки трет плечо, — улыбнулся Петровский.

— Надо после глянуть, что там у тебя. Нам теперь придется много бродить по лесам, всё должно быть подогнано, иначе что-нибудь натрешь или собьешь, а там, глядишь, и заболеешь. А кто в глуши тебя лечить будет, выбирай — медведь или леший?

Андрей улыбнулся: ему, в прошлом детдомовцу, которого за последние десять лет и по голове ни разу никто не погладил, вдруг стало приятно, что кто-то, совсем посторонний, заботится о нем.

— Спасибо, Аркадий. Сам постараюсь всё наладить, чай не маленький.

— Ну, сам так сам, смотри.

* * *

Бойцы миновали центр города с добротными каменными зданиями, которые, правда, уже пострадали от бомбардировок. Так, за большим перекрестком, где проходила дорога на Москву, возвышались дома без крыш, со следами пожаров, а слева стояли в ожидании своего часа противотанковые ежи, сваренные из рельсов. Что еще творилось вокруг, невозможно было рассмотреть из-за всеобщей светомаскировки, стояла непроглядная темень, и только кое-где из окон в щели пробивался слабый свет. Пешеходы почти не попадались на глаза, начинался комендантский час. Наконец-то бойцы перешли по мосту через реку Нару и, поднявшись в горку на противоположный берег, вновь очутились среди одноэтажных строений, а затем оказались в основном бору — вот и город закончился.

Они вошли через ворота на станцию узкоколейной железной дороги, огороженную со всех сторон деревянным забором. Укрывшись от дождя на станции, Андрей поправил ремень винтовки и теперь, в ожидании паровоза, пытался задремать. Внутри оказалось, на удивление, душно и накурено, многие сидели на корточках, прижавшись спинами к стене, и дожевывали пресные галеты.

* * *

К Андрею подсел широкоплечий Клим Мироненко — какой-то боец молча уступил ему место на лавке, — тот самый записной зубоскал, непременно имеющийся в каждой роте, который ничего не слышал о Чехове и вдоволь поизгалялся над Елфимовым. Новый сосед извлек из вещмешка огромный нож, походивший на тесак, виденный Андреем, кажется, в фильме «Дети капитана Гранта», что используют для рубки небольших деревьев и кустарника в далеких джунглях, хотя в ручищах такого богатыря он смотрелся скромным перочинным ножичком, и вскрыл банку тушенки. Клим принялся, почти не пережевывая, глотать мясо вперемешку с жиром прямо с ножа. В свете керосинового фонаря Мироненко казался каким-то былинным удальцом, сошедшим

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

с полотен Васнецова, или казаком из разбойной ватаги самого атамана Стеньки Разина — из-под его шапки озорно выглядывал черный крученный чуб. Петровский посмотрел на балагура с легкой завистью — он действительно завидовал шевелюре Клим, его собственные русые волосы не шли с ней ни в какое сравнение, — и вновь попробовал заснуть.

Но Мироненко спать ему не дал и снова завелся:

— Андрюха, будешь казенный харч? А то мне много, так и рожа треснет.

Петровский с неохотой открыл глаза и кинул взгляд на соседа. Из-за покатога лба и мощного носа, широкой кости и необычайно длинных рук тот походил также на какого-то ископаемого неандертальца, чей портрет он видел в какой-то умной книге о происхождении человека.

— Нет, Клим, спасибо, не хочу.

Шутник ухмыльнулся и с хрустом расправил крепкие плечи:

— Знаю, брезгуешь. Видать, не уважаешь ты трудового человека.

«Началось», — только и подумал Петровский и явно осознал, что поспать ему сегодня не удастся.

— Не городи чушь, Клим. Ты же знаешь, я детдомовский. Сколько лет побирался и доедал за всеми, чтобы выжить.

— По тебе не скажешь, что доходяга, парень ты крепкий.

— Куда мне до тебя. А нормальный вес я набрал только в школе ФЗУ* при хлебокомбинате, куда и пошел учиться, чтобы отъесться, да еще когда в НКВД стал заниматься спортом, мне паек-то и прибавили. А так меня от любого ветра качало.

— Советские физкультурники — гордость нашей страны, значит? Вот так порядок в НКВД!

— Выходит так, мой дом ныне — наш НКВД.

— Ну, в деле поглядим, готов ли ты к труду и обороне. Я-то, помнится, в тридцать седьмом по ночам вообще не спал: мотались как шальные по Москве, позабыл, как подушка выглядит, чтобы вот такие, как ты, могли спокойно физкультурой заниматься.

— Посмотрим, я не подведу.

— А то понабрали в отряд с бора по сосенке, — недовольно забубнил Клим и оглянулся по сторонам. — Есть хлопцы, что винтовку всего два дня назад впервые в руки взяли. Чую, славно мы здесь навоюем, а Москва-то совсем рядом, не в бирюльки играем.

Клим убрал тесак в вещмешок и, глядя куда-то в даль, задумчиво про-изнес:

— Я им, почитай, шестерых убрал в смоленских лесах в августе.

Петровский заерзал, ему не по душе был весь этот разговор, но выходить из помещения теплой станции на дождь он не собирался, да и шинель еще не просохла после перехода, а отправляться в леса во всем сыром не хотелось, и потому он пробурчал, чтобы хоть как-то поддержать беседу:

— Я и не сомневаюсь.

— А ты сам сможешь вот так, запросто — бац и по горлу? — и Клим провел большим пальцем по шее. — А кровянка, знаешь, так и хлещет во все стороны, только успевай руки убирать...

* Школы фабрично-заводского ученичества действовали при крупных предприятиях. Обучение проходило на базе семилетней школы. Срок обучения составлял 1,5—2 года.

Андрей хранил молчание. Сидевшие рядом бойцы затихли, то ли вздремнули, а может, просто хотели послушать, что ответит Петровский. В отряде, правда, его шибко не жаловали, да он и сам держался особняком и ни с кем сильно не приятельствовал, словно, как настоящий детдомовец, в любую минуту поджидал удара в спину. Может, тем и не пришлось ко двору, что не сквернословил по делу и без дела, не увлекался похабными да сальными анекдотами, не курил, много читал, из-за чего даже комиссар поручил ему проводить политинформацию среди бойцов. А особенно люто стали завидовать Петровскому сегодня, когда на Курский вокзал, в день их отправки на спецзадание, нежданно-негаданно явилась хорошенькая девушка с ясными глазами и вишневыми губами, в кроличьей шубке. Руки у нее были спрятаны в старорежимную муфту. Она не таилась от командиров, как все прочие, какими-то обходными маршрутами пробравшиеся к путям проститься с любимыми, а спокойно миновала все посты оцепления.

Андрей всё время уклонялся от назойливых расспросов сослуживцев, но стало понятно, что сия барышня совершила визит в отряд явно с разрешения командования. Бойцы тут же нарекли красотку «дочерью маршала» и неодобрительно косились в сторону непонятого парня из самого Кремля.

Андрей очнулся и ответил:

— Наверно, не смогу.

Мироненко засмеялся и оглянулся по сторонам, словно артист, выдерживая паузу:

— Ничего, скоро попробуешь, я тебе обещаю.

Солдаты поддержали Клима смешками и ухмылками, мол, ну мы-то все-непременно управимся со всеми тяготами и лишениями воинской службы, и привычно вернулись к повседневным делам: кто-то принялся оскребывать ложкой котелок, доедая холодную кашу, оставшуюся с обеда, кто-то рвал газету на самокрутку, кто-то разулся и сушил портянки возле печки... Ближе к полуночи скомандовали общее построение — загудел паровоз, знать, подали состав. Бойцы сразу принялись рассаживаться в вагоны, прицепленные к небольшому паровозу-кукушке. Вскоре без всяких гудков состав отъехал от станции, с ходу окунулся в непроглядную ночь, как в туннель Московского метрополитена. Дождь тем временем продолжался, и через мокрое стекло практически ничего нельзя было разобрать. Изредка локомотивчик притормаживал на минуту-другую, подавая гудок «ку-ку» возле небольших станций и полустанков. Регулярно какие-то люди молчком выходили и, наоборот, появлялись в вагоне, безучастно смотрели на солдат какими-то уставшими и равнодушными глазами. А те неумолимо приближались к линии фронта, представлявшейся новичкам огненной чертой или даже рекой, отсекавшей привычный мир от жуткого военного запределья.

Вдруг паровоз стал резко тормозить прямо посреди леса. Искры полетели из-под колесных пар, озаряя темень, и поезд встал как вкопанный. Комиссар заглянул в вагон и громко скомандовал:

— Всё, дальше дороги нет! Берем всю поклажу и выходим. Ничего не оставляем! Сам лично проверю.

— Так тяжело, товарищ лейтенант, — заскулил кто-то из солдат.

— Отставить разговорчики, мы на линии фронта. А если бы на войне было легко, то бабы бы воевали, а так нам приходится горбатиться.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

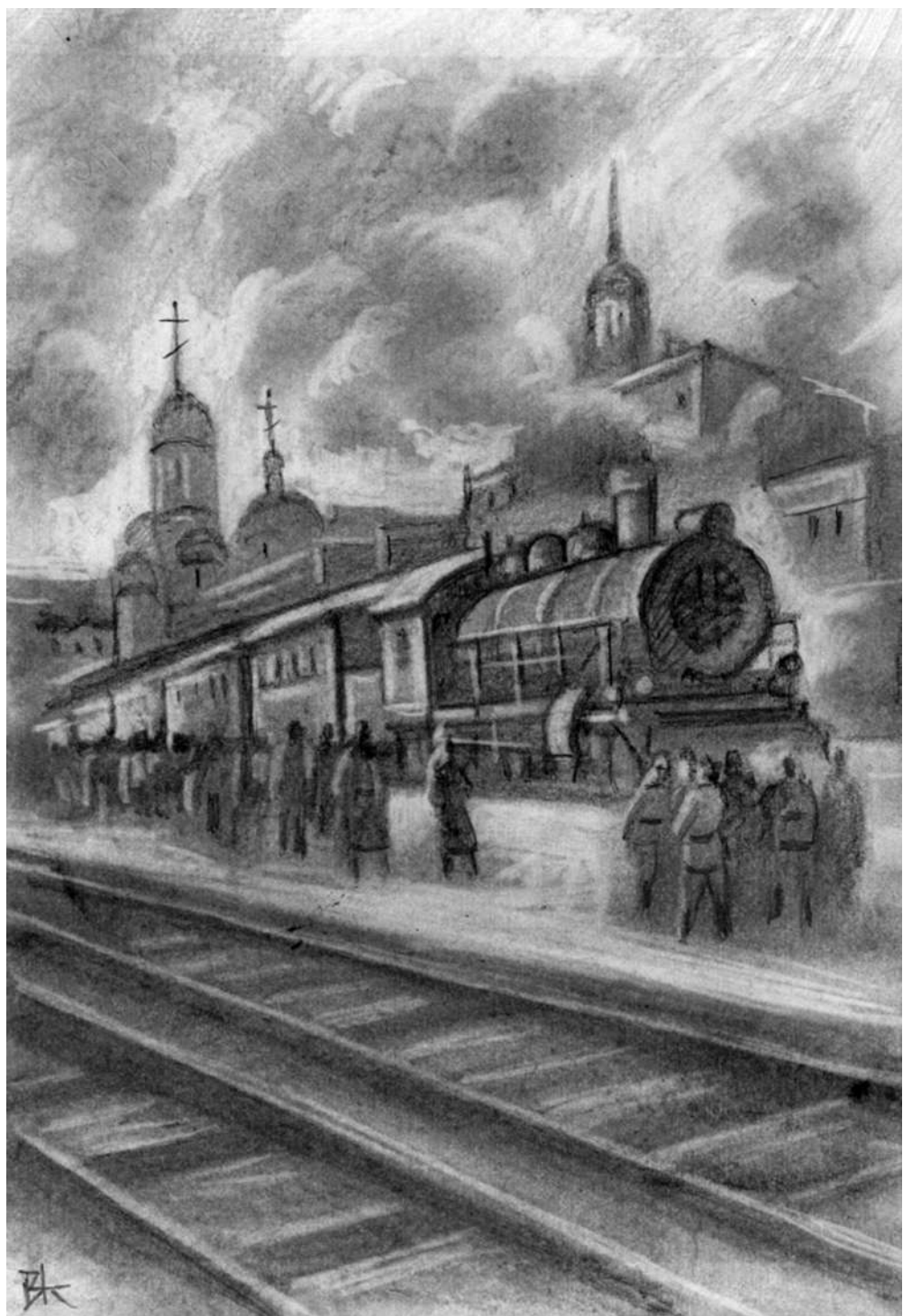

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Ему ответило нестройным хором несколько голосов, сдержанно, по-уставному:

— Есть отставить, товарищ лейтенант.

Солдаты высадись прямо на узкое полотно. Кругом стоял мрачный лес, дождь продолжал нещадно лить. Первыми налегке пошли разведчики из городского истребительного батальона, следом потянулись в полной темноте бойцы спецотряда, шагая в колонне по одному, нагруженные боеприпасами и провизией. Даже крепкому Петровскому оказалось непросто тащить мешки, винтовку, гранаты, подсумки на ремне, котелок, лопатку, тем более дрянная сырость понемногу проникала к телу через шинель, гимнастерку и нижнее белье.

* * *

Первая ночь оказалась совсем бессонной. На ночлег не останавливались. Изредка, когда вереница бойцов растягивалась чуть ли не на километр, устраивали привал, чтобы передохнуть. Солдаты валились на землю и почти сразу засыпали. Дождь без остановки моросил всю ночь, от холода и усталости на душе у всех было тоскливо.

Как только рассвело, отряд выбрался к селу Буриново. Теперь следовало незаметно миновать гитлеровцев, выйти к маленькой лесной речке Аложе и по ее берегу направиться к деревне Трояново и далее на юг, в сторону реки Протвы. Но вышло наоборот: весь день отряд, как заговоренный, кружил на месте, по лесу, плутая между черных стволов мокрых деревьев, вокруг несчастного Буринова, где оказалось полным-полно немцев.

Поутру, когда слегка распогодилось, над отрядом несколько раз тройками пролетали немецкие «мессершмитты», да так низко, что казалось, того гляди зацепятся за острые верхушки корабельных сосен и елей. Бойцы, замерев, рассматривали желтоватое брюхо истребителей, черные кресты на крыльях и свастику на хвостовых рулях. Хотелось пальнуть по этим наглецам из всех имеющихся в отряде стволов, но выдавать себя в тылу гитлеровцев не следовало, тем более на марше.

Только к вечеру командование решило, что хватит месить грязь по лесным дорогам в такую непогоду. Наиболее боеспособная часть отряда, вооруженная пистолетами-пулеметами Дегтярева* и самозарядными винтовками СВТ**, под руководством командира направилась атаковать фашистов, расположившихся в деревне Тростье, а остальным бойцам, давно падающим от усталости, дали долгожданную команду отдыхать.

Наскоро по окружности стоянки выставили караульных. Солдаты, оставленные в лагере, валились прямо на голую землю. Кто покрепче еще подкладывали под себя сухие сучья — лейтенант Бабукин строго-настрого запретил ломать лапник, чтобы не поднимать ненужный шум. Дождь, такой нещадный к людям, продолжал наяривать без остановки, от того становилось страшно

* Пистолет-пулемёт Дегтярёва (ППД) калибра 7,62 мм — первый пистолет-пулемёт, принятый на вооружение РККА. Использовался в Финской кампании и на начальном этапе Великой Отечественной войны.

** Самозарядная винтовка системы Токарева (СВТ) калибра 7,62 мм, образца 1940 года.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

зябко, особо в отсутствии огня. Красноармейцы, чуть придя в себя после перехода, сбились в кучи, прижались друг к другу, чтобы хоть как-то сохранить бесценное тепло.

Едва не засыпая прямо на ногах, Петровский выстоял на посту положенные два часа под барабанную дробь дождя, пристально всматриваясь в темноту. Когда начинало сосать под ложечкой, он не спеша доставал галету и долго жевал ее, словно леденец с сельской ярмарки. Наконец-то его сменили в карауле, и на затекших ногах Андрей поковылял в расположение отряда.

Елфимов давным-давно спал меж двух кочек, расстегнув хлястик и натянув шинель на лицо, вещмешок он подложил под голову. Петровский забился под старую ель, где еще оставался сухой пяточок земли. Плащ-палаток на всех не хватало, и он так и заснул, подставив спину редким каплям, время от времени срывающимся с веток. Только перед рассветом его растолкал Елфимов:

— Вставай, Андрюха, поешь горяченького.

Петровский открыл глаза. Сверху его бережно прикрыли плащ-палаткой, а над ним навис Аркадий с дымящимся котелком, полным горохового концентрата. Светало, бледно-зеленые глаза товарища улыбались.

— Поешь, а то скоро подъем, когда еще удастся перехватить.

— Спасибо, удружил.

Андрей достал свою ложку и принялся глотать горячую кашу. Недалеко в яме горел костер, и бойцы толкались возле него: кто-то готовил, а кто-то просто грелся, вытянув вперед руки. Самые опытные солдаты, воткнув палки в землю, сушили свои носки и портянки.

— Ты ночью стоял в дозоре? — спросил Елфимов.

— Да.

— Было тихо?

— Да. А ты?

— Я под утро. Вышли на меня двое. Я передернул затвор и их окликнул, а они как драпанули в лес, только я их и видел.

— Ну а ты?

— А я чего? Как положено, доложил комиссару, ведь командир еще не вернулся. Ладно, лучше ешь.

— Получается, тут не лес, а проходной двор.

— А ты сам посуди. Тысячи солдат выходят из окружения, народ бежит от фашистов, потом партизаны, дезертиры, не забывай про шпионов...

Проглотив пару ложек каши, Андрей спросил:

— А еще не слышал, есть какие новости, а то в этой глухомани мы скоро одичаем.

— Андрей, почтальон сюда не ходит, газеты «Правда» и «Красная звезда» не доставляет, как и письма от любимых девушек. Но, говорят ребята, ночью прибились к нам трое «окруженцев», как будто прокуроры из-под Вязьмы, всё спрашивали, мол, Москву-то не сдали?

— Ничего себе, откуда притопали, а может статья — шпионы?

— Да нет, вроде с документами. Бабукин с ними возился всю ночь.

— И что теперь с ними?

— Боец из истребительного батальона уже повел их к линии фронта, — Елфимов помолчал и, почесав всей пятерней щетину, добавил: — Эх, превращаемся тут в вонючих обезьян, теряем человеческий облик.

— Не переживай, как только выберемся отсюда, то сразу в баню, там все дела сделаем. А потом нас делает людьми не только бритье и чистка зубов... Главное, остановить проклятых гадов, а то будет нам всем кровавая баня.

— Эко тебя понесло, согласен. Помнится, моя бабуля говаривала, мол, потерявши голову, по волосам не плачут.

— Точно. Что говорить, война, а с нею рука об руку — смерть.

— Какая разница — валяться убитым со щетиной или побритым!

— Но мы-то пока живы и непременно будем жить.

Петровский улыбнулся, он вдруг почувствовал в эти самые минуты, как здорово просто жить: он выспался, согрелся и еще перехватил горячего, да и ноги больше не гудели. Даже старая ель вся в пятнах лишайников, свисавшая над ним лохматым зонтиком, казалась потешной рождественской забавой. Помнится, дома давным-давно, в другой, еще семейной жизни, они тоже ставили на Рождество с мамой и сестрами лесную красавицу посреди избы...

Но с губ Аркадия вдруг слетела улыбка:

— Я не просто так тебя тут подкармливаю, нам с тобой скоро идти в разведку.

— Готов, но куда?

— Товарищ комиссар сказал, что в какую-то деревню Трояново.

— Хорошо, приказ есть приказ. Только бы дождя снова не случилось.

— На нынешние дожди нам молиться надо, если бы это позволяли партийные органы, ведь как ни крути, а именно они проклятого шустрого немца и притормозили, вспомни, ведь почти весь октябрь ни пройти ни проехать, вот наглый фашист и прет в основном по шоссе. Была бы сушь или легкий морозец, он бы по всем нашим неслучайным проселкам валом повалил. Разве его остановишь? Ну, ладно, это так, я иногда от нечего делать размышляю, хоть это в наше время и не приветствуется.

Аркадий умолк и не спускал глаз с Андрея, прикидывая: сдаст или не сдаст. Петровский боязливо оглянулся — проверил, вроде никто не слышал их разговор.

— Опасное это дело — «размышлять», у нас есть кому за нас думать.

— Согласен, как говорится, кто головой своей живет, тот валит лес и пайку ждет. А те, кому следовало хорошенько думать, и не просто так, а за спецпаяк, допустили неприятеля аж до Московской области.

— Тихо, нашел о чем шутить. А то вместо разведки отправимся, сам знаешь куда, в расход. Следи лучше за языком.

— Да, пуль для нас не пожалеет, например, дорогой Клим Осипович.

Бойцы умолкли и снова с опаской посмотрели по сторонам. Желая как-то перевести разговор или, если всё-таки их кто-то подслушивал, ввести в заблуждение, Аркадий нарочито громко спросил:

— Ты из ППД стрелять можешь, вас в Кремле учили или нет?

— Нас в Кремле многому научили. Запросто управлюсь с «дегтярёвым». Выполним с честью любое задание командования!

— Обязуемся! Цвети, советская культура! Расти, родная детвора!

Видя, что поблизости никого нет, Елфимов присел рядом и, нагнувшись к приятелю, спросил прямо на ухо:

— Андрей, скажи лучше, а на какой хрен тебя понесло в наш отряд? Так бы и охранял великого и мудрого вождя и учителя, любимого товарища Сталина за стенами Кремля.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Как-нибудь расскажу, а сейчас можно я еще посплю?

— Давай, я тебя, если чего, разбужу. Помни и не сомневайся: капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе.

Он ухмыльнулся и, забрав котелок, пошел к костру. А после вместе со своим понес мыть к ручью. Жизнь налаживалась.

* * *

Бойцы Елфимов и Петровский вышли в разведку в десять часов двадцать минут. Лейтенант Бабукин, словно постаревший за эти дни, с темными кругами под глазами от постоянного недосыпа и впалыми щеками, прокашлялся до слез и приказал:

— Ваша задача — выяснить, что творится в деревне Трояново, сколько там немцев, что за техника, вооружение. Сами на рожон не лезьте, в бой не вступайте, только в самом крайнем случае. Ближе к вечеру возвращайтесь, до темноты не дотягивайте, мы, не исключено, сменим лагерь. Будьте осторожны, может, гитлеровцы уже знают про наш отряд. Вот и от группы командира пока нет известий.

— Есть, товарищ лейтенант госбезопасности.

И вот теперь они скрытно шли налегке, осторожно пробирались по лесу, стараясь, чтобы их никто не обнаружил. Сосновый бор неплохо просматривался, кроме глухих мест — завалов из павших в бурю деревьев или густого подлеска в овражке. Наконец разведчики, благодаря компасу и карте, подкрались с севера к деревне. Судя по кальке с километровки, перед ними оказалась искомая цель их вылазки — Трояново. Еще загодя при подходе ясно слышалось, как на задах отрывисто стреляет зенитка: видимо, гитлеровцы приметили наш самолет-разведчик.

Лазутчики залегли на опушке и принялись терпеливо наблюдать в бинокль за неприятелем. На улицах оказалось полным-полно немцев, а вот местных жителей почти не было видно, скорее всего, их просто-напросто выселили из своих домов, и они укрылись в сараях и погребах. После обеда, преодолевая дорожные ухабы и грязь, приехала легковая машина без всякого сопровождения.

Перекусив всухомятку сухарями, Петровский и Елфимов стали думать, что им делать дальше.

— Айда в лагерь, здесь всё равно тихо, — прошептал Аркадий.

— Идем, я тут даже немного зарисовал деревню и указал, где чаще всего появляются немцы.

— Молодец, прямо художник. Лучше расскажи: ты лучшего друга колхозников и ударников видел вблизи своими глазами?

— Кого?

— Да Сталина. А еще политинформацию нам доводишь, а сам политграмоте не обучен. Лозунгов не знаешь.

— Ну, видел несколько раз, совсем рядом.

— А я в основном издалека, во время майских демонстраций.

Петровский помолчал, а после добавил:

— Еще не раз лицезрел Лаврентия Павловича Берия и Михаила Ивановича Калинина с бородкой и в очках, и много еще кого, например, Молотова и Ворошилова с Буденным.

— А какой он?

— Кто, Берия?

— Да нет же, Иосиф Виссарионович!

— Да такой, небольшой, но плотный, лицо чернявое...

— Что значит «чернявое»?

— Ну, смуглое, как у южан, ну, там разных грузин, армян, не совсем белое, как у нас. Понимаешь?

— Деревня из тебя так и прет, Андрюха, но не в этом суть. Великий вождь и учитель на свои портреты-то, получается, не очень похож. Там просто орел с Кавказа. Опять дурят нас. О каждом из нас думает Сталин в Кремле, так точно.

— Есть такое дело, я сам об этом думал, а еще он немного рябой...

— Как рябой, то есть как в дурной поговорке — рябой оспы не боится?

— Ну, совсем немного, я едва рассмотрел, хоть глаз-то у меня цепкий. Нос крупный, грузинский. А смотрит так хмуро из-под кустистых бровей, словно буравит тебя глазами насквозь. Я в последний раз его видел недавно, в августе. Он, как, впрочем, и всё время, шел с трубкой в правой руке, и тут ни с того ни с сего глянул на меня исподлобья, словно выяснял, мол, что вы тут делаете, товарищ Петровский? Почему не на фронте до сих пор? Думаете, в Кремле отсидитесь за каменными стенами, пока ваши товарищи кровь проливают? Напрасно, мол, надеетесь... Я то ли с испугу, то ли от волнения чуть дернулся, и у меня винтовка соскочила с плеча и грохнулась на брусчатку, ба-бах, на всю Ивановскую площадь. Он услышал шум, подходит ко мне с начальником личной охраны и медленно так спрашивает:

— Что у вас случи-лось, товарищ красно-армеец?

Я в ответ:

— Виноват, товарищ Сталин, разволновался, увидев вас.

— Товарищ Сталин не красная девица, — отвечает мне сам Иосиф Виссарионович. — Да и не время сейчас о глупостях думать. Врага надо крепко бить, по-большевистски, как нам завещал товарищ Ленин!

Я ему отвечаю, до сих пор не знаю, как я такой дерзости набрался:

— Разрешите пойти на фронт и громить проклятых фрицев? Хочу подвиг совершить!

— Почему не ра-зрешить, ра-зрешаю. Комсомолец?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Вот и молодец, что не боишься смерти, а поможет те-бе Николай Сидорович! Так ведь?

Сталин повернулся к генералу Власику**.

— Так точно, Иосиф Виссарионович.

Вождь усмехнулся в свои усы и говорит:

— Только, комсомолец, винтовку больше не ро-няй, она на народные деньги куплена.

— Есть не ронять, товарищ Сталин!

...Вот такое свидание случилось у меня с ним, ах, совсем забыл: он мне ведь еще руку пожал. Ладонь, прямо на удивление, оказалась небольшой и мягкой.

* Николай Сидорович Власик — начальник 1-го отдела (охрана высших должностных лиц) Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Елфимов молчал, он лег на спину и смотрел в серое небо, виднеющееся меж сосен, почти не мигая, словно думал о чем-то важном.

— Вставай, Аркадий, пойдем в лагерь, — предложил Андрей.

— Да, давай собираться... Постой, скажи, выходит, ты мог, например, за здорово живешь пальнуть в вождя?

— Ну, запросто мог, полный боекомплект при мне, как положено, но о чем ты, не пойму?

— Да я так, просто стало интересно. Не зря говорят: бойся рыжих и рябых, — Елфимов как-то странно, словно извинялся, улыбнулся и добавил: — Вставай, пошли отсюда.

— Чудной ты, Аркадий...

— Да, один вдруг стишок на ум пришел. Ты про Николая Клюева что-нибудь слышал?

— Нет, не припомню.

— Послушай тогда про нашего брата:

...То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тётка Фёкла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слёзы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи.

— А разве так можно писать? За такое у нас не пожалеют, башку точно снимут... За анекдот могут упечь надолго в лагерь, а тут такое...

— Сгинул чужак в Томске, в тридцать седьмом или в тридцать восьмом году, так-то. Вот она, советская жизнь, такая, какая есть, отличник боевой и политической подготовки.

— Как многого я еще не знаю.

— Ты молод, у тебя всё впереди, поймешь, если захочешь, что у нас есть другая страна и другой народ. Ну, хватит болтать, пошли в лагерь.

Разведчики на корточках отползли от края леса и по оставленным меткам направились обратно.

Продолжение следует

Защитники Сталинграда: судьбы и свидетельства

Александр ФОЛИЕВ

Последний комбат «катюш»

17 июня 2025 года на 104-м году жизни в Петербурге скончался А. Д. Забежинский — фронтовик, прошедший всю Великую Отечественную войну, инженер, конструктор, организатор производства. Он был, наверное, последним командиром реактивной артиллерии времен войны. Его справедливо называли «удивительным и уникальным человеком». Сохраняя до последних минут жизни ясность мысли, в 103 года он умер на работе.

Аркадий Давидович родился 8 апреля 1922 года в городе Великие Луки. Кстати, в РСФСР, а не в Советском Союзе. В 1928 году его семья переехала в Ленинград. Еще в дошкольном возрасте он начал обучаться игре на фортепиано и немецкому языку. Даже в преклонном возрасте Аркадий Давидович мог сесть за инструмент и исполнить попури из произведений своих любимых композиторов — Фредерика Шопена, Эдварда Грига, Сергея Рахманинова, Петра Чайковского и... современных авторов. Его знание немецкого позволяло не только общаться, так сказать, на бытовом уровне, но и обсуждать технические, часто узкоспециальные, темы.

Любимыми предметами в школе у него были физика и математика. Вполне естественно, что после окончания школы в 1939 году он поступил в Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина) на специальность «электрооборудование артиллерийских установок и синхронноследящие системы». Впрочем, учиться ему пришлось недолго: в октябре 1940 года студент-второкурсник и комсомолец был призван на службу в Красную армию. Попал сначала в пехоту, через полтора месяца стал артиллеристом — его перевели в 438-й корпусной артиллерийский полк. Там

ФОЛИЕВ Александр Сергеевич — журналист, краевед, фотограф. Родился в 1953 году. Живет в Москве. Окончил Военную артиллерийскую академию имени М. И. Калинина. Подполковник в отставке. Сейчас — корреспондент газеты «Волгоградская правда». Публиковался в местных и федеральных изданиях. Основные интересы — история Сталинградской битвы, вооружение и военная техника Красной армии времен Великой Отечественной войны, оборона Царицына в 1918—1919 годах.

красноармеец Забежинский встретил начало Великой Отечественной войны. О его фронтовых путях-дорогах поговорим особо. Он сам подсчитал, что из 1418 дней Великой Отечественной войны, он только 44 дня не был на фронте.

В своей родной ЛЭТИ он вернулся только в июне 1946 года, после демобилизации, и на тот же второй курс. Учился вместе с вчерашними школьниками. Тогда его специальность получила другое название: «системы автоматического регулирования». За время учебы в институте в зачетке вчерашнего фронтовика — гвардии капитана не появилось ни одной четверки, он стал персональным стипендиатом. После окончания института, в 1950 году, получил направление на завод «Прогресс» инженером-конструктором. Позже завод вошел в состав объединения «ЛОМО». С того времени непрерывно, до самой смерти, Аркадий Давидович трудится на этом предприятии. Он был старшим инженером, начальником специализированного конструкторского бюро головок самонаведения, главным метрологом, главным специалистом по вопросам технического контроля, главным специалистом по системе качества.

В годы работы главным метрологом А. Д. Забежинский был известен специалистам всего Советского Союза.

С 1994 года Аркадий Давидович являлся действительным членом Академии проблем качества. Имел множество свидетельств об изобретениях, при его непосредственном участии и благодаря ему АО «ЛОМО» получило целый ряд сертификатов соответствия систем менеджмента качества. Старейший работник предприятия, и даже всей Российской Федерации, был помощником генерального директора по системе менеджмента качества. Официально А. Д. Забежинский работал на предприятии два дня в неделю — вторник и четверг. «В остальные дни, — подчеркивал Аркадий Давидович, — я работаю дома».

Им написана книга воспоминаний «Уроки жизни». А в 1996 году вышел труд под названием «О смысле. Книга для мыслящих», вобравший в себя рассуждения и философские эссе автора о многих аспектах нашей жизни.

Вернемся к военной службе, а точнее, к фронтовому пути нашего героя. По-моему, именно война наложила особый отпечаток на его характер. Как Аркадий Давидович диктовал номер своего телефона? Так же, как командир батареи гвардии капитан Забежинский передавал данные для стрельбы с наблюдательного пункта на огневую позицию: после каждой группы цифр надо обязательно их повторить, чтобы исключить ошибки.

**Ветеран Великой Отечественной войны
Аркадий Давидович Забежинский**

Фото А. С. Фолиева

О своем боевом пути в реактивной артиллерии А. Д. Забежинский вспоминал:

В июле 1941 года направили в поселок Алабино под Москвой. Там формировались, как объяснили тогда, какие-то особенные новые артиллерийские подразделения. Сначала нам не говорили, что это за батареи, оружие было сверхсекретным. Только позже мы узнали, что это реактивная артиллерия. В часть прибыли какие-то крытые машины, похожие на понтоны. Я сразу понял, что это такое оружие, и сказал: «Думаю, что из этих „понтон“ мы будем стрелять».

Во вновь формируемые части реактивной артиллерии отбирали самых подготовленных командиров и бойцов. А. Д. Забежинский был направлен во 2-ю отдельную батарею легендарных «катюш». Занятия на новой технике проходили на полигоне в Подмоскovie. Командование, заметив способности 19-летнего красноармейца Забежинского, назначило его командиром взвода, хотя на тот момент он был рядовым. Замечу, что командиры взводов 1-й реактивной батареи капитана И. А. Флерова назначались из числа слушателей Артиллерийской академии РККА имени Ф. Э. Дзержинского, окончивших её первый курс. Перед Великой Отечественной войной срок обучения артиллеристов в военных училищах был два года. В период войны время обучения сократили до 6—10 месяцев. Командиров реактивной артиллерии готовило Первое Московское краснознамённое артиллерийское училище имени Л. Б. Красина. А. Д. Забежинский стал командиром реактивной батареи на фронте, не имея никакого военного образования. Случай в истории Великой Отечественной войны редчайший! «Меня учили мои начальники», — объяснял Аркадий Давидович. Но только без напряженной работы, без — как ни странно это звучит в разговоре о войне — самообразования, без желания узнать сделать это невозможно.

BM-13 на шасси автомобиля «студебекер»

Фото А. С. Фолиева

ПОСЛЕДНИЙ КОМБАТ «КАТЮШ»

Сам ветеран рассказывал:

В командиры я совершенно не рвался. Но, хотя военного образования у меня не было, меня заметил командир батареи старший лейтенант Денисов: «Будешь командиром взвода». А это вообще-то лейтенантская должность, а я всего-навсего рядовой. И я докладывал: «Командир огневого взвода красноармеец Забежинский». Он сначала улыбался, а потом рассердился и приказал: «Сейчас же надеть три треугольника в петлицы! И чтобы я больше от тебя не слышал: „красноармеец Забежинский“».

То есть он самовольно повысил меня в звании до старшего сержанта, хотя никаких прав на это не имел. Но самое интересное, я это звание сохранил, и только уже после ряда боев К. К. Рокоссовский сделал меня младшим лейтенантом.

После короткой учебы на полигоне 2-я батарея была отправлена на Западный фронт, где произвела первый залп по врагу.

Это произошло между Брянском и Смоленском — в районе города Рославль.

Грохот был страшный. Вы сами себе представьте: четыре установки по 16 зарядов в каждой, и за восемь секунд на небольшом участке одновременно разорвались 64 ракетных снаряда. Со слов командира батареи, наш залп произвел очень серьезное впечатление: наблюдатели сообщили, что немцы побежали на запад, а наши отошли на восток. настолько неожиданно это оказалось для обеих сторон.

Впрочем, и для нас самих тоже. Ведь боевых учений у нас не было, нам ни разу не показывали, как «Раиса Семеновна» (РС) стреляет, только объясняли на словах.

БМ-13 на базе грузовика ЗИС-6

Фото А. С. Фолиева

Потом были бои в районе города Валдай. В конце лета 1942 года 23-й гвардейский минометный полк, в котором служил заместитель командира 1-й батареи лейтенант Забежинский, был направлен в Сталинград. В боях за Волжскую твердыню А. Д. Забежинский был удостоен первой награды —

медали «За отвагу». Позже — медали «За оборону Сталинграда». О боевых действиях его полка рассказывала газета «Красная звезда».

Факт, который справедливо многие считают удивительным и невероятным: Аркадий Давидович прошел всю войну без единого ранения, хотя в шинель попадали и пули, и осколки.

А. Д. Забежинский в молодости

Фото из личного архива А. Д. Забежинского

Он приезжал сюда на встречи с сослуживцами. В музей-панораму «Сталинградская битва» передал свой фронтовой «сувенир» — ключ от пульта управления огнем одной из боевых установок БМ-13 своей батареи.

Мне часто вспоминаются слова из его труда «О смысле. Книга для мыслящих»:

То, чем мы пользуемся сегодня — наша пища, одежда, жилище, транспорт, средства связи, технология их изготовления, язык для общения, элементы культуры, сокровища знаний, — создано людьми множества предшествующих поколений. Если бы не их полезный труд, у нас ничего бы этого не было. Значит, их жизнь имела смысл. Но ведь на нас, в частности, существование человечества не завершается. Люди, которые будут жить после нас, будут пользоваться благами, созданными трудом предыдущих поколений и нашего поколения. <...>

Так не в том ли смысл существования каждого человека, каждого поколения, чтобы добавить благ последующим и тем самым способствовать дальнейшему развитию человечества? Может быть, смысл существования не в том, что я взял, а в том, что я дал? Дал окружающим, потомкам, человечеству.

Пока мы живы, надо спешить отдавать, и тогда не страшно будет умирать. Страшно, когда ты много брал, но мало дал. Как говорил древнекитайский философ Лао-цзы, кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

В 1942 году командир батареи гвардии старший лейтенант Забежинский награжден орденом Красной Звезды, в 1945-м — орденом Отечественной войны I степени.

Ветеран с гордостью говорил, что всю Великую Отечественную служил в одном и том же полку, который к концу войны стал называться 23-м гвардейским краснознаменным Севастопольским орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского минометным полком. В том, что полк удостоился почетного наименования и нескольких орденов, был и его большой вклад.

После Сталинграда командир батареи А. Д. Забежинский участвовал в Ростовской, Донбасской, Мелитопольской, Крымской, Львовско-Сандомирской, Сандомирско-Силезской наступательных операциях.

О городе-герое он говорил: «Волгоград для меня город далекий и город

близкий». Он приезжал сюда на встречи с сослуживцами. В музей-панораму «Сталинградская битва» передал свой фронтовой «сувенир» — ключ от пульта управления огнем одной из боевых установок БМ-13 своей батареи.

Мне часто вспоминаются слова из его труда «О смысле. Книга для мыслящих»:

То, чем мы пользуемся сегодня — наша пища, одежда, жилище, транспорт, средства связи, технология их изготовления, язык для общения, элементы культуры, сокровища знаний, — создано людьми множества предшествующих поколений. Если бы не их полезный труд, у нас ничего бы этого не было. Значит, их жизнь имела смысл. Но ведь на нас, в частности, существование человечества не завершается. Люди, которые будут жить после нас, будут пользоваться благами, созданными трудом предыдущих поколений и нашего поколения. <...>

Так не в том ли смысл существования каждого человека, каждого поколения, чтобы добавить благ последующим и тем самым способствовать дальнейшему развитию человечества? Может быть, смысл существования не в том, что я взял, а в том, что я дал? Дал окружающим, потомкам, человечеству.

Пока мы живы, надо спешить отдавать, и тогда не страшно будет умирать. Страшно, когда ты много брал, но мало дал. Как говорил древнекитайский философ Лао-цзы, кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

Ольга ЛЫСЕНКО

«Как хочется мира и добрых вестей»

* * *

Солнца луч скатился с крыши
И пошёл по всем домам.
Там, где мы живём и дышим,
Будит нас он по утрам.

Он нам новый день напишет,
Свет его прильнёт к стенам.
Все мы здесь творим и пишем
Жизнь свою, как должно нам.

Пусть друг друга мы услышим
И доверимся глазам.
Солнца луч помашет с крыши
И уйдёт по облакам.

* * *

Как хочется мира и добрых вестей.
Увидеться с братом, проведать маму,
И знать, что любимый всегда будет рядом.
Как хочется жить безо всяких страстей.
Сидеть за столом в своей квартире,
В уюте, за чашечкой кофе с зефиром.
Как хочется целостности, не частей,
Сплоченности, воли, свободы и мира.

ЛЫСЕНКО Ольга Анатольевна — поэт, прозаик. Родилась в 1987 году в городе Антраците Луганской области. Живет в Москве. Окончила факультет английского языка и зарубежной литературы в Горловском педагогическом институте иностранных языков, а также магистратуру по направлению «государственное и муниципальное управление» в Российском химико-технологическом университете имени Д. И. Менделеева.

Александр ГОРОХОВ

Собор

*Моей жене, любимой Ирочке,
Ирине Юрьевне Мультановской*

— Дедушка, а что такое вечность?

— Раз в тысячу лет, внучек, на вершину алмазной горы высотой в тысячу километров прилетает ворон и точит клюв: один раз влево, один раз вправо. Когда он сточит гору до основания, то это будет всего лишь мгновение.

Начитанный мудрый дед

— Ну, чего ты, старый, несешь! Какие воробы? Какие алмазные горы в тысячу километров? Да у нас ее за неделю на куски попилили бы и растащили. Да что там гору — страну за двадцать лет растащили.

Не менее, а, может, более мудрая бабушка...

— А заново-то сложится?

А, собственно, к чему это я?

ЧАСТЬ I

I

Теперь здесь собор. Огромный, как богатырь с золотым шлемом на голове. За ним будто легионы воинов в зеленых мундирах, стройными и строгими рядами — молодые деревья. Клены, липы. Под их защитой от сжигающего солнца в прямоугольных колоннах травинки в газонах. Их скашивают,

ГОРОХОВ Александр Леонидович — поэт, прозаик, член Союза писателей России, кандидат технических наук. Родился в 1948 году. Окончил Волгоградский политехнический институт. Живет в Волгограде. Работал на производственных предприятиях, в научно-исследовательских институтах. Публиковался в литературных журналах, альманахах и сборниках в России и за рубежом. Автор пятнадцати книг прозы и поэзии. Награжден медалью имени И. А. Бунина.

но вновь и вновь стебли поднимаются из земли. Дождь и солнце, снег и ветер им не помеха. Непреклонные воины. Они защищают родную землю. Не дают суховеям испепелить ее, разорвать на куски, разделить на песчинки, утащить в чужие края. А чуть поодаль, по сторонам широких аллей — красивые скамейки из буковых и дубовых полированных досок, покрытых лаком. И возле каждой с двух сторон, словно услужливые лакеи с никелированными подносами, — урны. Всё основательно и торжественно.

А совсем недавно, по меркам тысячелетней истории, тут, на задворках заброшенного, одичавшего, заросшего бурьяном парка, превращенного незнательными местными жителями в свалку, собирались алкаши. Рассаживались на полусгнивших деревянных ящиках, выброшенных за ненадобностью из расположенного неподалеку гастронома. Самый вместительный застилал газетой. Ставили на середину бутылку, кулек с соленой килькой, банку баклажанной или кабачковой икры, бочковые соленые огурцы, кирпич темного хлеба. Вдыхали получившийся аромат. Потом разливали по первой, чокались. И начинался разговор о судьбах мира, грядущем рае у нас и крахе империализма у них, о местных событиях. И вообще за жизнь.

Однажды в теплый осенний вечерок под звуки громкоговорителя, доносившего из цивилизованных центральных аллей попеременно классическую и народную музыку, сюда забрел посторонний гражданин. Вида он был неопределенного, но не старого. В темно-сером костюме с давно не отглаженными стрелками на брюках. Такие известный поэт Сергей Васильев, в этот день отсутствовавший, назвал бы скорее штанами, чем брюками. Ботинки гражданина также не отличались опрятностью и походили на берцы, которые надевают для странствий опытные путешественники или военные.

Громкоговоритель во всю акустическую силу горланил любимую народную песню:

Как поел я холодца,
Так превратился в молодца.
Вот какой я молодец —
Ем с горчицей холодец!

Стоголосый военный хор подхватывал припев:

Вот какой я молодец —
Ем с горчицей холодец!

После третьего куплета вступил тенор и, растягивая верхние ноты, завершил:

Вот ка-а-а-а-кой я мо-о-о-о-лодец —
Ка-а-а-ак солё-о-о-ный о-о-о-о-гурец!

На ближнем к гражданину ящике рыдал давно небритый мужик. Остальные в задумчивости курили сигареты «Прима».

Пришелец показал рукой на свободный ящик, сказал «Салам», хотя вида был не восточного, потом попросил разрешения присесть. Ему кивнули. Мужчина присел, покачал головой и тихо, чтобы не потревожить слушателей, произнес:

— Как поют, злодеи! Как поют! Что с душой вытворяют... — и сделал вид, что смахнул со щеки слезу.

Рыдавший мужик кивнул. Помолчал, утерся, глянул на неизвестного, но, судя по поведению, правильного гражданина, и спросил:

— Тоже проняли?

Тот вздохнул, кивнул и произнес:

— Да.

Здесьшний завсегда тоже кивнул и продолжил диалог:

— А вы говорите, что умерла душа. Что вся вышла. Что вместо нее теперь смартфон... — Мужичок было преобразился, выставил руку, как Ленин на броневике, но тут же осекся и закончил: — Что вместо души смрад фонит, как на помойке. А я вам так скажу на это. Я вам скажу: «Нет!»

— Ну, нет так нет, — согласился неизвестный гражданин, но что-то ему показалось странноватым в оборванном монологе рыдавшего.

Тот тоже смекнул, что сболтнул лишнего, и сменил тему:

— Мне тут притчу недавно рассказали... А вас как, собственно, зовут? Меня — Тимофеич.

— А меня, меня, собственно... — пришелец начал с ехидцей, но сглотнул накопившийся яд и представился: — Меня — Саня. Александр.

— Так вот, Саня-Александр, очень поучительную историю недавно мне рассказали. Представьте: осень, но не как эта, а холодно, сыро. В углу скребет мышь.

Неизвестный на него строго глянул:

— Этот анекдот, братан, я еще в школе слышал. На уроке лингвистических матерных анекдотов.

Тимофеич покраснел, сказал, что Санек не так прост, как кажется, и продолжил:

— Птицы на юг потянулись. В теплые страны. Остались две вороны. У одной был сыр, а у другой мозгов не было. Уселась она на берегу озера. Задумалась, как зиму пережить. Вопрос! Думала-думала, ничего не придумала и решила утопиться. Плюхнулась с крутого берега. Брызги во все стороны, а она на дно. Однако природа берет свое. Задрыгала ворона лапами, замахала крыльями и всплыла. Вдохнула воздуха, повинувшись естественным инстинктам, головой покрутила, оказывается — плывет! На воду глянула — точно плывет! В лапах тина запуталась, стали лапы как ласты. Она ими семенит и рассекает по глади озера. Глаз скосила, увидела свое отражение и аж чуть не задохнулась — лебедь! Черный лебедь! Ну, как у Чайковского.

А в озере щука водилась. Лет двести. Умная, как кандидат наук, и, соответственно, голодная. Увидела, что-то трепыхается, — хватить за лапу и заглотнула. Думала, ногу, а в брюхо-то тина с вороньей лапы попала. У щуки глаза из орбит чуть не вывалились. Тина брюхо дерет, горькая, застряла. Ни туда ни сюда. Хоть подыхай.

Ворона тоже в толк не возьмет, что приключилось: то плыла, гладь озера рассекая, и вдруг всё, движение прекратилось, и не вперед, а вниз потянуло. Крыльями махнула и взлетела. До берега с трудом дотянула и уселась, чтобы отдышаться.

А щука на дно залегла, отплевалась, откашлялась и решила разобраться, кто это ей такую подлянку учинил. Всплыла, высунула из воды свои перископы, увидела ворону — сообразила и стала караулить...

Местный народ, надо сказать, не отличался доверчивостью и в отличие от щуки постоянно ожидал пакостей со всех сторон. Тертый был народ. На руках у многих синели знаки. У кого совсем простенькие, типа солнца с надписью «Воркута» и цифрами, по одной на каждом пальце. У кого вообще детские — имя или даже одна буква. Но у некоторых татуировки были посуровее. Перстни с понятными только знающим обозначениями. Или точки, как на пятерке кубика для игры в кости. Потому никто не удивился, когда гражданин, сидевший в центре компании, строго спросил новичка:

— А ты, собственно, кто такой? Тебе, фраерок, чего, собственно, надо?

Голос у спросившего был хриплый. Взгляд недобрый. Такой просто так не будет спрашивать. Вслед за ним столь же строго на незнакомца посмотрели остальные. Даже Тимофеич и тот отер рукавом слезу и попытался изобразить суровость.

Саня пожал плечами. Слово «собственно» прилипло, и он ответил:

— Я-то, собственно, да сейчас вроде бы никто. Вот вы тут, судя по обстановке, принимаатели, — он выразительно показал на бутылку в середине главного ящика, — а я еще недавно был предпринимателем. Предпринимателем, пока не понял полную бессмысленность этого дела. А как понял, так завязал и уехал из своего населенного пункта. В чем был, в том и уехал. И такую свободу почуял, что назад возвращаться не захотел. Поехал поближе к теплу и постепенно оказался тут.

Он замолк, вытащил недокурную сигарету из внешнего нагрудного кармашка, в котором фокусники держат бумажные цветы, а заслуженные артисты, поэты и адвокаты — платки, чиркнул зажигалкой, задымил и продолжил:

— А сейчас иду мимо, вижу: свободные, правильные люди разговаривают про... — неизвестный выдержал паузу, обвел всех взглядом и продолжил наивным голосом: — про всякий смрад, который фонит и душит. Собственно, думаю, надо познакомиться.

Объясняя, пришелец не сидел сложа руки, а вытащил из кармана пиджака увесистую емкость с прозрачной жидкостью, банку бычков в томате и, что удивило сидельцев, банку шпротов.

— Вот как-то так. Вот кто я такой.

Саня протянул бутылку Тимофеичу:

— Не побрезгуйте, угоститесь.

Хриплый, который по всему был тут главным, кивнул Тимофеичу. Тот отвинтил пробку, покачал головой, вздохнул, разлил содержимое по граненым стеклянным стаканам.

Главный скомандовал:

— Ну, тогда за знакомство.

Выпили, но напряжение не исчезло. Хриплый сделал вид, что подобрел, показал на банку кабачковой икры, хлеб, нарезанный финкой с наборной ручкой, хищно выглядывавшей из-под его локтя, кивнул и сказал незнакомцу:

— Ты тоже не побрезгуй, угощайся. Парень ты вроде нормальный, — выдержал паузу и добавил: — А там поживем — увидим.

Постепенно разговорились. Но разговор был какой-то обтекаемый, не конкретный. Так, в общем и ни о чем.

После очередного приема прозрачной жидкости Хриплый спросил:

— Вот ты, Санек, знаешь, что должен за жизнь сделать настоящий мужчина?

Пришелец слегка захмелел, но держался крепко, потому подтвердил:

— А то! Все знают. Не верь, не бойся, не проси.

Главный покачал головой:

— Так-то оно так, но я не об том. Я про другое.

— А, — сообразил Санек, — вырастить сына, убить змею, построить дом.

Ты про это?

Предводитель кивнул, продолжая жевать краюху с пряной килькой:

— Я-то про это, а вот у твоего дружбана Тимофеича всё наоборот, — он ткнул в него пальцем и произнес:

— Объясни, брателло. Что должен сделать мужик?

Тимофеич, основательно окосевший после принятого, удивленно посмотрел на стол, потом на хриплого предводителя, поднял руку, на которую опирался, и начал загибать пальцы:

— Во-первых, построить жену, чтобы она ни-ни, рот не разевала. Во-вторых, посадить сына. И, в-третьих, убить хату, квартиру, ну, в общем, где проживает.

Потеряв опору, он завалился на бок, сполз с ящика и захрапел.

Хриплый хмыкнул и махнул рукой:

— Слабак!

— А может, у него сегодня водка попалась не свежая, — вступил долговязый гражданин, до того жевавший соленое сало с толстой шкуркой. — Должно быть, перестояла. Видишь, как тепло сегодня.

Он посмотрел на новенького:

— А ты как? Как у тебя?

Санек глянул в стакан, увидел плескавшуюся муху, вытащил. Что осталось, допил и произнес:

— У меня нормально — прохладная.

Народ заржал, а Хриплый спросил:

— Я так понимаю, Саня, тебе кости на ночь кинуть где-то надо?

Санек кивнул.

— Заночуем у... — предводитель подумал, показал на Долговязого и завершил: — Владимира Дмитриевича, коего и рекомендую.

2

Полы, выкрашенные в двухкомнатной хрущевке рыжей краской, сворованной на тракторном заводе, облупились, и на них пятнами темнели остатки предыдущего благоустройства квартиры. Тех времен, когда трактора и остальное производимое на заводе было цвета хаки.

Вдоль одной длинной стены стоял диван. Напротив — кровать с панцирной сеткой. Пружины в ней чередовались с жестяными пластинами, и, должно быть, про такую поэт сто лет назад написал: «На чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ». На столе возле окна тараканы доедали остатки прошлого пиршества.

— Хорошо у вас, — сказал Санек, — просторно. А то зайдешь к некоторым, а там ни дыхнуть, ни протиснуться мимо мебели некуда.

— Ага, — поддержал Хриплый. — И в окне вид на море и горы.

За окном торчала куча, отрытая экскаватором для замены сгнившей трубы, и яма с еще не высохшей после весенних дождей водой.

— Так, говоришь, был предпринимателем? — хмыкнул Долговязый. — А ты, хлопчик, рамсы не попутал? Ну-ка, быстренько, не задумываясь. Какой теперь год?

Санек замешкался, но быстро сообразил:

— А чего?

— А того! — в один голос ответили Хриплый и Долговязый. — Ты где это в восемьдесят пятом видел предпринимателей! Сынок недоученный!

— Как где? — отпарировал тот. — Кооператив инвалидов. Мы пуговицы делали.

— Пуговицы! — оба хмыкнули. — А ты дырки в них сверлил?

— Дырки? Дырки уже готовые получались. Сразу в пресс-формах.

— Умный. Подготовился! — Хриплый показал на новичка пальцем.

— Точно, в энциклопедии для дошкольников прочитал, — согласился Долговязый.

— Ты, придурок, как сюда попал?

— Я из Палласовки. А вы чего?

— Мы того! — опять одновременно заговорили хозяева. — Ты хоть знаешь, где Палласовка?

— Палласовка возле Эльтона, — неуверенно произнес Санек.

Оба схватились за головы:

— Господи, где Палласовка и где этот твой пуговичный кооператив?

— Там, при заводе по ремонту сельхозтехники, — проблеял пришелец.

— Нету там такого завода. Нету и никогда не было. Есть мастерские при зерносовхозе. А у тебя, хлопчик, небось, и документов-то нет?

Вздыхнув, он кивнул:

— Выкрали. В поезде.

Оба заржали:

— Ага, в поезде Магадан — Флорида. Хватит нам лепить горбатого. Колись, с какого года и зачем тут?

Санек начал отступать к выходу, но дверь открылась, и появился Тимофеич. Был он трезв, подтянут и не напоминал размазню, рыдавшего от идиотской песенки полчаса назад в парке.

— Куда вы, Александр, еще не вечер, — улыбнулся он Саньку и строго доложил остальным, что хвоста не обнаружил.

Потом достал бутылку, ту самую, которую притащил новенький, отвинтил пробку и сообщил остальным:

— Там что, совсем одурели? На винте? А этикетка какая? А цена? А ГОСТ? Идиоты!

Опять поглядел на незнакомца:

— Парень, ты, вообще, откуда свалился? Это что, вечер проколов и приколов? Где тебя теперь утилизировать? Прямо тут, что ли? На газовой горелке? Чтобы даже духа твоего не осталось. Хотя вони как раз будет выше крыши. Всю хату придется спать.

До Санька, видать, дошло, что с ним не шутят, он сполз на пол, охватил голову руками и тихо завыл:

— Я расскажу, я всё расскажу, Тимофеич, правду, только правду. Всё, всё, до последней запятой.

Всхлипывания и шмыганье слушали остальные, но что-то фальшивое мелькало в этом стенании.

— Кому Тимофеич, а кому Николай Тимофеевич, — прокашлялся Хриплый. Санек согласно закивал. Потом снова завыл.

— Хватит выть! Горемыка ты наш, — рыкнул Тимофеич, показал на табуретку и скомандовал: — Садись.

Шмыгая носом (должно быть, для усиления жалостливости), новичок прошел через комнату и взгромоздился на край табуретки.

— Будешь врать или выкручиваться, считай, что слова лжи будут твоими последними. Понял? — медленно и тихо, почти шепотом, произнес предводитель.

Санек молчал, не зная, что делать.

— Если понял, кивни.

Тот закивал.

Остальным стало смешно, и они, не сговариваясь, ухмыльнулись.

— Уже плюс в крышку твоего гроба! — сказал Долговязый. — Значит, так. Ты, сынок, из какого года прибыл?

Санек назвал, как у нас принято, две последние цифры.

— Точнее, идиот! Полностью. Из какого года?

Пришелец снова закивал, сказал, что понял, и повторил, но уже все четыре цифры.

Вдохнул, вытер пот, сглотнул слюну и, слегка скривив губы, добавил:

— От Рождества Христова.

— Понятно, что не до Рождества, — вздохнул Тимофеич, потом продолжил: — И что?

Санек наконец после напора мужиков пришел в себя, выругался и прошипел:

— Говорил мне внутренний голос, что ни к чему нырять к вам. Не послушался. Дурацкий гуманизм и хреновое воспитание в духе взаимопомощи сделали свое гнусное дело — нырнул. Хотел помочь. А зря! Короче, умники, сообщаю. У нас там большие перемены. Хотите, возвращайтесь, хотите, оставайтесь тут. Помощи не будет. Там большая задница. Ни страны толком не осталось, ни нормальных людей. Без вашей науки и техники откинулись обратно чуть не в Средневековье. За какие-то двадцать лет...

Мужики поначалу не поняли, что этот сопляк сказал, да еще резко, будто не его только что чуть не порешили. Потом дошло.

— Повтори, — велел Хриплый.

Санек снова иронично скривил губы и повторил.

Долговязый присвистнул. Тимофеич тяжело вздохнул. Наступила пауза, да такая, что было слышно, как у соседей под кроватью поддатый муж вытаскивает на опохмел заначку из-под стельки старого башмака и пересчитывает, сколько осталось.

— Да у нас тут дел по горло, не до связи с вами было. А это вон чего! А теперь, стало быть, и не будет. Да, недобрую весть ты нам, Санек, принес.

— Какая была. Лучше, чем в неведении жить.

— Так, — согласился Хриплый. Приложил руку к сердцу и продолжил: — За то, что так встретили, извини. Откуда нам было знать, что ты не засланный вражина?.. А теперь давай подробненько и по порядку. Когда началось, ну, и так далее.

— А началось ... — произнес Санек и надолго задумался.

На глаза ему попала газета, он взял, сначала развернул, должно быть от волнения, потому что не знал, с чего начать, потом начал читать, увлекся и дочитал статью до конца.

Дочитал, скомкал, швырнул в помойное ведро, сплюнул от досады и произнес:

— Фашизм начинается там, где запрещают мат. И у вас тут не всё в порядке. Всё как везде.

— Да ладно, это ты чересчур круто взял. Какой фашизм? У нас тут социализм. Так сказать, в полном расцвете сил. Развитой! — иронично возразил Долговязый.

— В самый раз. Сперва запрещают матерщинников, потом тех, которые выступают против какой-нибудь свалки, потом остальных. И всех скопом в лагерь.

— Какой лагерь? — опять встрял Долговязый.

— Ну, уж не в пионерский. Историю учить надо. — Санек глянул на Хриплого и закончил: — Все беды от троечников. Сначала от лени ничего толком не учат, хватают, что на поверхности, тяп-ляп. Потом списывают то, что задавали на дом, вместо того чтобы самим заниматься, а если по-правильному сказать, воруют чужой труд. Потом это сворованное за свое выдают. Учителя видят, понимают, но им по фигу. Двойки не ставят, из школы не выгоняют. И, как в советской песне поется: «Так и проходят школьные годы». К последнему классу такое поведение становится принципом жизни. Хитрить, воровать, жить на халяву, подличать и ничего толком не знать. Как говорится, достойный финал! Обучение закончено, можно вступать в половозрелую жизнь!

— А вот это, пожалуй, верно, — одновременно согласились Хриплый и Долговязый. — Только у нас тут, кроме тебя, должно быть, троечников и двоечников не наблюдается.

— Да нет, мужики, я скорее отличник. Школа с медалью, университет с несколькими четверками, да и вообще, в своем деле скорее мастер.

— А что у тебя за дело-то? А то говорим «Санек да Санек», а чем занимаешься, пока не поняли. Давай, парнишка, рассказывай.

Пришелец хмыкнул, поглядел на них грустно и тихо сказал:

— Теперь всерьез. — Он показал рукой на Хриплого, затем на Долговязого и сообщил: — Я знаю, что вы — Виктор Федорович Благовещенский, а вы — Владимир Дмитриевич Михеев. Знаю, зачем вы здесь и всё такое прочее.

Выдержал короткую паузу и продолжил:

— Я занимался генной инженерией. Кстати, кандидат биологических наук. Да только кому там это теперь интересно?! Был мощный научный центр, интересная работа... А ныне там не тут. Тут строят светлое будущее человечества — коммунизм. Там теперь строят светлое будущее прогрессивного человечества — капитализм. Мир свободной конкуренции и прогресса. А в светлом будущем, всем известно, болезней не будет. А значит, к чему медицина? Правильно, ни к чему! Вот и разогнали научный медицинский центр. Оптимизировали. Врачей сократили, а помещения продали. Но кое-какие атавизмы оставались. А теперь строят... — Санек махнул рукой, —

а теперь совсем ничего не строят. Теперь всё, что было, рухнуло. И скоро вообще наступит каюк.

— Ну-ну, знакомая история, — одновременно хмыкнули Виктор и Владимир, — а как построят капитализм, так начнут строительство светлого будущего капитализма. Какое? Правильно — феодализм! И так, постепенно, достроятся до первобытно-общинного. Если, конечно, народ не очнется и бошки этим строителям не свернет.

— Может, народ очнется, может, не очнется, не так там всё просто. Есть свои заморочки. Я наткнулся на одну, начал разбираться, да как-то вроде бы само собой то, с чем разбирался, исчезло. Возможно, на этом и закончил бы, но есть одно но. У меня дед тогда был жив, он про вас и рассказал. Перед смертью. Объяснил, как сюда нырнуть. Дед не простой. Вас он курировал по линии органов. Всё растолковать не успел. Хоть старый был, а крепкий, но суетлив. А потом куча бед на него свалилась. Смерть жены, моей бабушки, окончательно подкосила. Она рано ушла. Я тогда совсем маленьким был. То в одну сторону его стало заносить, то в другую. Толком ничего не успел рассказать, но направил мою жизнь в правильную сторону. Выучил. Посоветовал заниматься микробиологией, генной инженерией. Я увлекся, полюбил это дело. Дед стал постепенно подготавливать к перемещению, хотя полностью не посвящал и про вас рассказал только за несколько дней до смерти. Накануне предупредил, что сообщит мне что-то очень значимое, а потом махнул рукой, сказал, что сам узнаю, и прекратил разговор. На следующий день я пришел его навестить, а он мертвый лежит на своем диване в парадной форме. Не успел подготовить меня по полной программе...

Санек перекрестился и продолжил:

— Так вот, он всё время повторял: «Внучек, ты там нужен ребятам. Поспеши. Если со мной что случится, ныряй сразу. Не вздумай хоронить или что такое, позвони в скорую, да дверь не запирай и перемещайся. А то не успеешь моргнуть, как в мир иной вслед за мной отправишься. Это приказ!» Показал, какую одежду надеть, чтобы не выделяться. Он заранее подготовил. Умный был дед Вася и предусмотрительный. Заранее всё рассчитывал, чтобы не проколоться.

— Как, говоришь, деда звали? — спросил Благовещенский.

— Вообще-то вы его должны знать как священника. Отец Василий — это имя вам о чем-нибудь говорит? — произнес Санек.

— Понятно, — ответил Виктор Федорович, — знал я твоего деда. Статный был священник, с седой бородой. Красивый. Это верно: он, можно сказать, нашу лабораторию курировал. Все связи у меня через него происходили. И оборудование он нам переправлял. Помню, любил говорить, что помощник нам подрастает. Должно быть, про тебя.

— И вас, ребята, он сюда переправлял. Вы должны его помнить, — Благовещенский обратился к Долговязому и Тимофеичу.

— Я, честно сказать, не очень помню. Был тогда в таком шоке от жизни, что смутно всё в памяти, — признался Михеев.

Тимофеич почесал затылок, пожал плечами:

— Священника с окладистой бородой, который со мной говорил в соборе, помню, но тоже смутно, встретил бы на улице — не узнал. А вот голос мне тогда показался знакомым. Я после пытался вспомнить, где его слышал, но так и не смог. Тоже был почти в шоке от тамошней жизни.

Благовещенский сказал:

— Ну, не помните, так не помните, — перекрестился и закончил: — Пусть земля тебе будет пухом, отец Василий.

Потом снова обратился к Саньку:

— А сколько же дед прожил?

— Чуть до ста не дотянул.

Главный уважительно посмотрел на внука и добавил:

— Серьезный возраст. А с тобой, Александр, теперь понятно. Зачислим в лабораторию. Сначала для адаптации пройдешь стажировку, чтобы не проколотся в здешней жизни. Документы оформим настоящие, но жизнь не простая, так что язык за зубами держи, а то из-за длинного языка можно оказаться на короткой веревке. Понятно?

Санек кивнул.

— Вот и ладно. Работать будешь с Тимофеичем. А теперь досказывай, что там у вас.

4

Пришелец приступил к рассказу:

— Всё началось ближе к концу двадцатых. Вам дед не сообщал, чтобы не травмировать. Да и непонятно было, какотреагируете. Вдобавок надеялся, что устанутся, вернется в обычное русло, в обычную жизнь.

Но то ли солнце стало активным, то ли что еще, но подлянка покатила именно тогда. Сперва вирусы. Одни за другими. Первые вы еще застали. Точнее, новую мутацию старого вируса. А за ним через несколько лет поперли с такой скоростью, что не успевали делать против них вакцины.

В мировой экономике давно надувался пузырь и назревал гигантский кризис. Мудрейшие из умнейших закулисных воротил экономики прикидывали разные сценарии, как замутить панику и под шумок передернуть карты, чтобы обнулить долги. Как ни крутили, без войны не получалось. Вот только начинать войнушку никто особо не хотел, но каждый норовил сделать так, чтобы ее начал кто-то другой. Не слишком сильный, но слишком большой и слишком глупый. Начал, завяз в войне, да и проиграл. На него, а лучше на него и его союзников, реальных или выдуманных, и хотели списать все беды в экономике, болезнях, экологии. Под этой маркой обнулить долги, устроить над побежденными показательный суд на манер Нюрнбергского процесса, а уж затем провозгласить новый мировой порядок. В качестве слишком большой и слишком глупой, естественно, понималась наша любимая родина.

Но слишком многовариантная и непредсказуемая задача вырисовывалась. Можно было всё потерять. А тут вирус. Идея вирусов давно витала в головах. Сначала вирусов компьютерных, потом, с развитием генной инженерии, перспективнее и страшнее для населения выбрали — обычный вирус. Его и раздули до бедствия вселенского масштаба. Раздували все. И Европа, и Америка, и наши. Всем, кто был при власти, показалось это выгодным. Так поначалу и было. Да, собственно, Николай Тимофеевич знает.

Целые государства посадили на карантин. Рестораны, турфирмы, кинозалы, театры, торговые центры и прочие места скопления народонаселения, приносящие прибыль мелкому и среднему бизнесу, закрыли. Естественно,

цель была вроде как благородная — спасение жизней. Народу после первых вирусных эпидемий классно промыли мозги, запугали, потому граждане в основном поддерживали действия властей. Тем более что почти во всех странах каждому гражданину делали какие-никакие выплаты. Люди засели за компьютеры. У кого была возможность, работал удаленно. У кого возможности не было, проедал то, что давало государство. Мелкий и средний бизнес, обычно сложно контролируемый государством, а потому не любимый властями, на радость им разорвался, зато торговля через интернет, принадлежащая мощным корпорациям, начиная от еды до шмоток и прочего с доставкой со складов до дверей каждой квартиры, вмиг набрала обороты и стала не просто процветать, а увеличилась в сотни раз. После первой пандемии аналитики быстро сообразили, что к чему, и корпорации, приближенные к властям, окончательно прибрали эти сферы под себя.

Граждане не дураки — в головах стало проясняться, кому этот вирус выгоден. Плюс очередное обязательное ношение масок, медицинских перчаток и прочего мало нужного, но не такого уж и дешевого, если учесть объемы продаж, доставало психологически. Короче, как говорят, кому война, а кому мать родна. Всё традиционное, привычное, то, чем жили миллионы людей, разорялось, а новое, в общем-то раньше почти не нужное, богатело и набирало силу.

Сначала те, кто терял добрый, старый, столетиями привычный и надежный бизнес, растерялись. Потому как верили в пандемию и беды от новых страшных вирусов, которыми с утра до ночи пугали из телевизоров, радио, интернета и газет. Но когда увидели, что деньги стремительно улечиваются, новых поступлений нет, а корпорации наживаются, начались волнения. Интернет запестрел подробностями обогащения на пандемии деятелей, приближенных к властям.

Сначала осторожно, а потом лавиной стали появляться сообщения, а была ли вообще пандемия. Потом призывы к протестам. Завести народ оказалось легко. Недовольство от сидения без работы, без денег и невозможность просто ходить, куда захочешь, делали свое дело. Власти явно тупили, упиваясь фантастическими прибылями, и не успевали реагировать на начавшиеся протесты оперативно. Плохо отслеживали ситуацию. Прикрываясь пандемией, вводили запреты на митинги и собрания. Но котел под названием «недовольство» уже закипал.

Подстрекатели затевали поначалу мелкие уличные столкновения с полицией. Народ-то нищал. По всему миру начались примерно одинаковые дела. Что-то вроде гражданских неповиновений. Громили офисы интернет-магазинов и центров. Полицейские начальники сначала активно противостояли, но сами полицейские, которых тоже достал этот масочный режим, не долго блюли законы, и вскоре началось черт-те что. В некоторых странах разгромили правительства, захватили власть уличные громилы, которых быстро убрали те, кто стоял за ними и отсиживался до времени в тени.

А пандемия, чтобы там ни говорили, была. Люди заболели, умирали, выжившие нищали. Страны закрывались от внешнего мира, чтобы извне не приходила зараза. Стали разворачиваться от глобализации к обособлению.

У нас, как обычно, всё случилось с опозданием. Сначала телевидение вещало про то, что всё в порядке, что у нас тихая гавань и что скоро мы по-прежнему вперед с невиданной скоростью. Но, сколько ни говорили «халва», во рту слаще не становилось, и народ вышел на улицы. Побуянили, побуянили,

но особо серьезного не произошло. Людей успокоили. Кого подачками, кого запугали жуткими последствиями, болезнями. В конце концов население успокоилось.

Ну, о первом, безобидном этапе вы знаете. А после этой, так сказать, тренировочки началось через несколько лет серьезное дело. Именно когда власти тупо повторили пандемию, но уже посерьезнее. Чувствуя накопившееся недовольство, вместо того чтобы выпустить пар, наоборот, опять запретили выходить на улицы, собираться больше пяти человек, ну и тому подобное.

Они и раньше не церемонились с ретивыми оппозиционерами, выдергивали, сажали в тюрьмы, а то и просто втихаря избивали до полусмерти, делали инвалидами, самых активных убивали. Когда на улицы вышли несколько десятков тысяч человек, с перепугу приказали стрелять. И началось! На следующий день вышли уже сотни тысяч и смели всё и всех. Осадили резиденцию. Охрана, увидев толпу, которую не перестрелять и не запугать, слиняла.

Президент и приближенные тоже пытались сбежать в запасной командный пункт. Чтобы собрать верные части и загнать быдло в стойло. Взлетели из резиденции на вертолете. Но не получилось. Вертолет подбили неизвестно откуда взявшиеся снайперы из ПЗРК. Он свалился, да так неудачно, что все остались живы, хотя и с переломами. Свиту хотели разорвать на куски. Некоторых быстро убили, а самых главных непонятно какие люди отбили и увезли. Кричали, что не допустят самосуда, что всё надо сделать по закону. Граждане бунтари думали, что будут показательно судить, оказалось гораздо проще. Через несколько дней их трупы нашли на каком-то пустыре. Показали картинку в интернете и по телику. По всему было понятно, что пытали. Пытали жутко. Видать, выбивали, куда переводили и где прятали богатства. И, должно быть, что хотели, узнали. Но богатств этих народ, естественно, не увидел. А толпа побуянила еще несколько дней. Пар вышел.

По телевизору объявили о формировании нового правительства и показали присягу нового президента. Этого никто не выбирал. Появился он из тюрьмы, в которой просидел года три за... Непонятно за что. Короче, был главным борцом с рухнувшим режимом.

Управлять этот борец за свободу толком не мог. Не было у него на местах ни достаточного числа верных людей, ни сил. И началось. Страна стала разваливаться.

Кавказ отвалился первым. Мелкие тамошние республики, поняв, что по отдельности не удержаться, то ли договорились, то ли были принуждены и запуганы, а может, им кто-то чего-то пообещал, короче, слились они под знаменем ислама в один халифат. Области, увидев такое, поняв, что центрального правительства нет, а жить как-то надо, тоже стали объявлять о суверенитете. Которые поумнее, объединялись. Создавали свои маленькие армии.

Начался полный развал и дурдом, который продолжается и теперь...

— Вот такие дела, мужики,— закончил Санек, — а теперь думайте, что делать. У меня есть мыслишка, почему всё, что теперь там у нас, произошло. Собственно, потому к вам и пришел. Но пока помолчу. Сперва сами скажите, что думаете обо всем и, главное, что делать.

— Что делать, что делать, — ухмыльнулся Благовещенский, — как говорят наши коллеги по пустырю: «снять штаны и бегать». А если по совести сказать, мы примерно этого и ожидали. И о причине догадываемся, но под-

тверждений пока нет. Собственно, это и есть основная наша задача — найти ее здесь и потом там ликвидировать.

Он прервался, оглядел внимательно всех, кто был к комнате, и тихо договорил:

— Утро вечера мудреней. Завтра обсудим и решим, что делать, а сейчас спать.

5

Рассказывает Долговязый, Владимир Дмитриевич Михеев:

— У меня болел живот. Тупо болел, неделями. От идиотской жратвы. Не знаю, что подонки, делавшие на всю страну так называемые продукты питания, подмешивали в снесь, чтобы получалось вкусно, но живот болел именно от них. Знал точно. Запах от этой гадости был такой же вкусный, как у мамы или бабушки в мои детские годы. Но после еды брюхо начало крутить, потом ныло долго и нудно. Но тянуло съесть еще хоть чуток. Тогда на какое-то время успокаивалось и наступало счастье. Жизнь становилась прекрасной. Решил проверить, из чего делают это самое счастье.

По профессии я электронщик, а заодно компьютерщик, программист и электрик. Без хвастовства, отличный. Таких всегда мало. Полазил по сайтам, нашел вакансию. Особо даже не брехал в резюме. Сходил на собеседование. Прошел. Приняли. Выдали фирменную одежду с надписью «Мир мяса». Подписал кучу бумаг о неразглашении и ответственности за разглашение тайн и секретов. До цеха допустили только через месяц. Видать, продолжали проверять.

Короче, мясом в этом «Мире мяса» и не пахло. Мясо делали из специально обработанного гороха. Выпаривали, вытягивали, высушивали. Потом туда добавляли фарш из опарышей, еще каких-то насекомых, быстро и дешево размножившихся. Красители, ароматизаторы, усилители вкуса и запаха, еще куча всякого дерьма — и получалась говядина. Хрен отличишь. Белок — натуральный, растительные волокна. Специи, соль. Химия — как у говядины. Не подкопаешься. Вкус тоже. А чтобы посадить на эту говенную говядину — специальные добавочки. Наркотой не назовешь — не подходят к известным по химическому составу, и по закону не подкопаешься, а по сути — наркота.

То же самое узнал про молоко, которое никогда не скисает и которое не от коров, а из мощной мельницы, разбивающей зерно почти до молекул. Много чего еще узнал про еду. Про вино, в котором от винограда только запах.

Постепенно собрал образцы этих полуфабрикатов, вынес из цеха. Но это особая история. Хотел разоблачить. Но, как говорится, Господь сберег. Вовремя узнал, что всей этой гигантской корпорацией рулит жена брата чуть ли не премьер-министра, а ее зам — огромная шишка в полиции. Да и другие корпорации поделены между властью и имущими.

А брюхо болит. К медикам обращаться бессмысленно. Пишут рецепты таблеток, которые не лечат, а снимают боль.

Хотел уехать в деревню, купить дом, выращивать настоящие овощи, фрукты, кур и так далее, но, увы, не получалось. Причины разные, но не получалось.

От безысходности как-то зашел в церковь. В собор. Помолиться. Стою перед иконой Николая Угодника, молюсь, а у самого слезы текут. Как у пацана пятилетнего. И прошу: «Господи, помоги. Сделай так, чтобы жил я нормальной человеческой жизнью. Чтобы работал по совести. Чтобы ел колбасу из мяса, а не из червяков и гороха и чтобы...»

Подходит ко мне священник. Постоял рядом, помолчал, потом приобнял и говорит:

— Знаю твои проблемы. Могу помочь. Если заглянуть в суть, то ты хочешь оказаться в шестидесятых годах. Где была у всех работа и натуральная пища. Так, сын мой?

— Так, — отвечаю.

— Ну, если так, то там нужен такой человек. Жалеть не будешь?

Подумал с минуту и говорю:

— Нет, не буду. Семьи у меня нет, но, батюшка, это что — на тот свет, что ли, приглашаете?

Он улыбнулся:

— Нет, — говорит, — на этот, только назад. Не удивляйся, такое возможно.

Я перекрестился:

— Тогда, — говорю, — хоть сейчас.

— Ну раз «хоть сейчас», то переодевайся.

Отвел в соседнее с собором здание, провел в дальнюю комнату, открыл шкаф, достал соответствующую одежду. Я примерил — оказалась впору. Батюшка перекрестил, сказал, что там встретят.

Что было потом, не знаю, но очутился на пустыре, на краю заброшенного парка. Там ждал Виктор. Виктор Федорович. Оказывается, я попал в специальную программу. Паспорт, другие документы выдали. Сделали всё настоящему.

А при документах и работа. К тому времени у профессора Благовещенского уже была официальная независимая лаборатория. Официально она занимается исследованиями вирусов и моделированием их биологических изменений. Кому подчиняется, толком и теперь не пойму. Но точно скажу: очень серьезным силовым структурам.

Я делаю в этой лаборатории всё, что касается вычислительной и другой техники. Моделирование, разработка программ, усовершенствование и модернизация имеющихся приборов — это моя епархия. На самом деле приспособляю к здешним условиям всё, что перемещаем оттуда. Вот только последние несколько лет связь нарушилась. Доставка техники и запчастей прекратилась. Так что детали для ремонта использую подручные, здешние.

Так и живу. Прибыл в шестьдесят пятый и вместе с лабораторией дрейфую. Назад не собираюсь.

Всё тут путем. Колбасы хоть и не много, зато настоящая. Килька соленая — настоящая. Помидоры пахнут помидорами. Огурцы — огурцами. Молоко оставишь на столе — к вечеру простокваша! Ну и так далее. В магазине никаких полиэтиленовых пакетов. Всё заворачивают в кулек бумажный. При тебе. Продавщица взвесит, свернет кулек из толстой бумаги и пожалуйста — получите. Эту бумагу, даже если выбросить, она за полгода сгниет. Мусора нету на улицах. Всё утилизируется. Стеклотару молочную в магазине обменивают на бутылки с молоком. И так далее. Битые бутылки на стекольном заводе в новые переплавляют.

Никто не визжит про экологию, а спокойно, без суеты все отходы перерабатывают.

Да дело не в еде. Когда работа интересная и правильная, а не переключивание бумажек или изображение деятельности там, где ее вообще быть не должно, то и работа спорится. И нету тоски от бессмысленности. А здесь работа правильная, интересная. Дел по горло. Руководитель — лучше не бывает. Умница, профессионал.

Назад не планирую. А если кто начнет туда тащить — на полупроводники, суку, пущу. И опять повторю: не в жратве дело. Просто здесь интереснее и честнее. Правильнее. Нет погони за баблом. Дело делается из интереса и на совесть. Чтобы польза была.

Кстати, желудок как-то сам залечился, не болит. Теперь подозреваю, что и болело не брюхо, а совесть.

6

Рассказывает Тимофеич, Николай Тимофеевич Воронков:

— Закончил школу. Учился неплохо, поступил в мединститут. Богатеньких и блатных почти не было. Видать, их пристроили предки в университеты для будущих госслужащих. А кто еще мордастей, те отпрысков за кордон переправили учиться, чтобы сразу потом сделать начальниками над теми госслужащими.

Семь лет отучился, потом аспирантура, стал кандидатом медицинских наук. Встретил девушку, красавицу. Влюбился. Хотел жениться. Но не сложилось с ее отцом. Взъелся на меня. То ли потому, что был старше его дочери, то ли еще почему. Но и то было ему не так, и это не по его. В конце концов поставил ультиматум: если не прекращу отношений с его дочкой, то посадит. И меня, и всех моих родственников. А он это мог сделать, причем легко. За себя я не очень волновался. А вот родители старенькие не выдержали бы. Пришлось уехать в другой город. Знаю, что родился у меня сын. Только я его так ни разу и не увидел, и что с ним, не знаю. Затосковал по своей несостоявшейся семье, девушке любимой, запил, но быстро опомнился. Боль постепенно утихла. Второй раз обзаводиться семьей не захотел. Привык к одиночеству. Лет пять работал в больнице. Наукой по инерции продолжал заниматься, пока не понял, что наука кончается там, где начинаются измерения. А именно измерения в деньгах. В зарплатах главврачей, надбавках, грантах для блатных и прочая, и прочая. За любой операцией — прокурор дышит в спину, и не дай бог что-то не по букве инструкций и прописей.

Подался в патологоанатомы. Плохо дело делать не умею, потому изучал книги, статьи по этому делу.

По сему случаю — притча.

Заспорила лошадь, что обгонит черепаху. Необразованная была, вот и заспорила. Не знала про Ахиллеса. В общем, как обычно: на старт — внимание — марш! А дело было в воде. Посредине океана. Черепаха плывет и плывет. А лошадь сперва выдохаться стала, потом воды нахлебалась и того гляди на дно пойдет. «Эх, — думает, — надо было на берегу соревноваться». Да поздно мысль эта умная ей в голову пришла. Так бы и утонула, да попа-

лась на глаза акуле. Та пасть разинула и со всей акульей скорости поперла на животину. Умишком своим злым соображает, за сколько раз проглотит глупую лошадь. А тут подводная лодка. Шла с учений. И как раз не истратила две торпеды. Командир первой торпедой как шандарахнет! Акула — вдрызг! Лошадь — вдрызг! Черепаха — вдрызг! А вторая торпеда прямо в лодке взорвалась. От детонации. И лодка — вдрызг!

Никогда не знаешь, где, кого, что поджидает. А про трудности или апории Зенона знали бы, глядишь и уцелели. Потому как философия — главнейшая из наук и размышлениям в жизни помогает. Причем всегда. Да и знания, чтобы там ни говорили, лишними, как правило, не бывают...

Через несколько лет стал лучшим патологоанатомом в городе.

Дело свое спокойно делаю, народ уважает. А тут эпидемия подоспела, будь она неладна. Народ все койки в больницах забил. Начальство ножонками стучит, кулачками машет. Требуется прекратить эпидемию. Да вот беда: микробы с вирусами то ли не слышат, то ли просто наплевали на приказы начальства и живут по своим законам. А народ мрет. Высокие доктора с академиком щеки надувают, совещаются — и придумали. Вернее, ничего они не придумали, а решили сделать, как двести лет назад: надеть на граждан маски, а заодно перчатки резиновые и костюмы специальные. Так и предложили начальству. Начальство хмыкнуло, спросило, чем эти академики занимались, за что деньги немереные получали в мирное время, что ни хрена предложить нового и внятного не могут. Потом поняло, что толковых врачей всё равно взять неоткуда, махнуло рукой, сказало:

— Костюмов у нас нету. А масок наберем или само народонаселение заставим пошить. Маски так маски. Перчатки так перчатки. — И на всякий случай спросило: — А поможет?

Академики, само собой, ответили:

— А как же, конечно поможет. Это единственное спасение. А еще изоляция. Чтобы все по домам сидели, ни в магазины, ни на работу носа своего не высывывали.

Про работу начальство академиком мозги быстро вправило. Объяснили, что прибыль у них получается от прибавочной стоимости и произведенного и проданного продукта, а маски и перчатки на людей заставили напяливать. В них неудобно: нос чешется, потеет. Люди в перчатках за всякую гадость хватаются, потом нос чешут. Или на улице снимут маску, в карман положат. А в кармане деньги, карточки банковские. Всё заразное, потому как вирусов и бактерий на них тьма. Потом в магазине или транспорте вытащат эту маску и грязные перчатки, наденут и, само собой, заражаются в сто раз быстрее, чем если бы без этой заразы ходили. А не надевать нельзя! Начальство велело штрафовать тех, которые без средств, так сказать, защиты, а на самом деле средств заразы. Ну и начал народ умирать с бешеной скоростью.

В общем, бред. Одни от незнания отдают идиотские команды, другие их выполняют, а потом оказывается, что делали не то и не так. Сумасшедший дом, а не жизнь.

Вот, кстати о Су... (Тут Тимофеич хмыкнул.) Был какое-то время в стране авторитетнейшим руководителем очень важного направления заслуженный-перезаслуженный господин, с колоссальными связями, кучей регалий и званий. Человеком, как он говорил всем, был верующим — верил в сую. Потому что написано в Писании, что нельзя упоминать всуе.

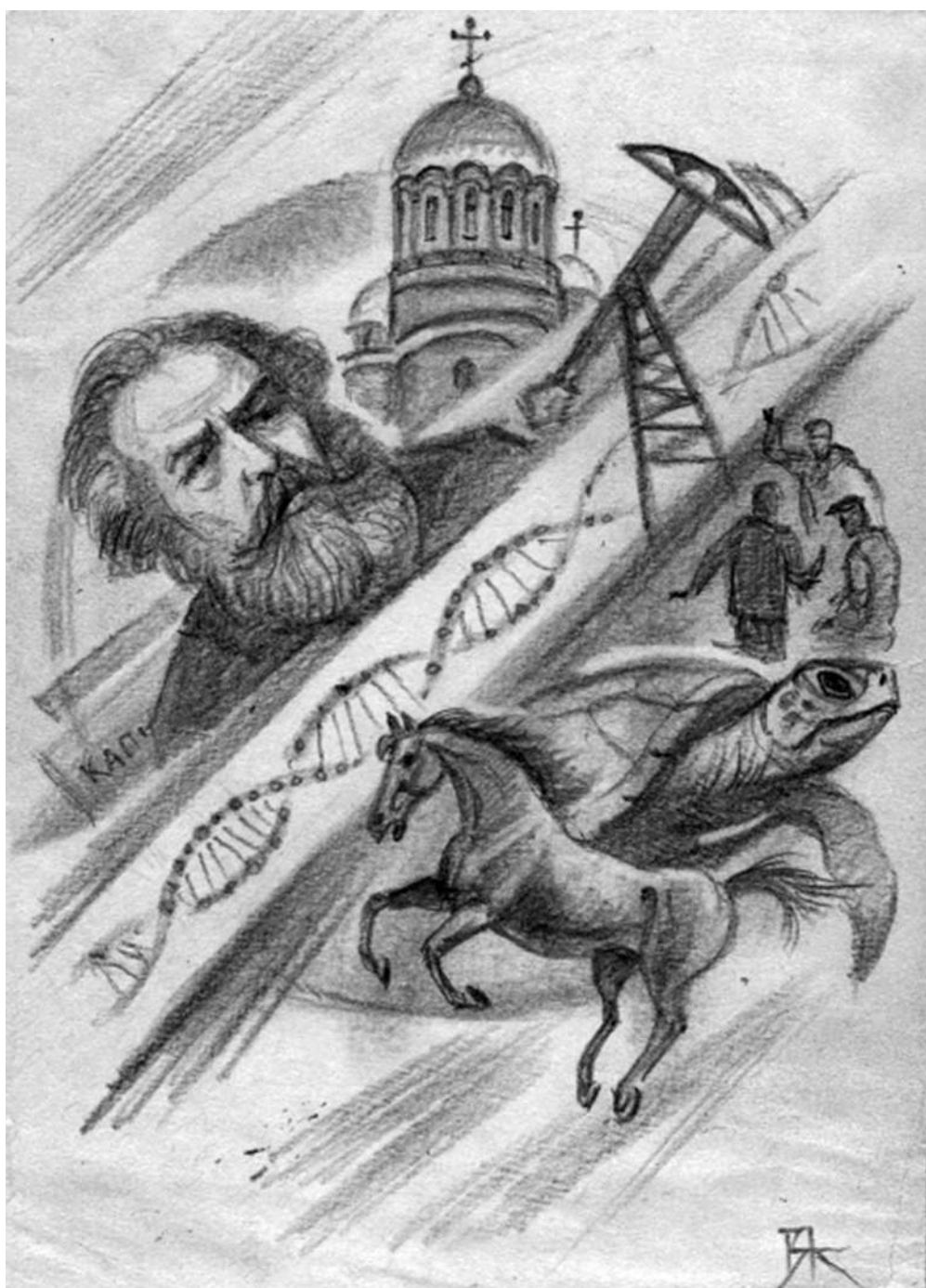

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Что такое суя, ни сам не знал, ни коллеги, ни прочие большие ученые его научного направления. А направление, собственно, и было — суя. Продвигал он эту сую как великую объединяющую задачу общества, способную объединить всё и всех. Получали под это глобальное направление многомиллионные бюджетные средства, чтобы сформулировать сначала высшему начальству, а потом, если оно одобрит, разъяснить всем прочим гражданам. Отдавали, как принято, по десять, а то и по двадцать процентов откат, сами ездили в экспедиции, собирали данные, проводили опросы, писали отчеты. Но, то ли денег не хватало из-за откатов, то ли еще по каким причинам, работа не завершалась. Самые дотошные младшие научные сотрудники прошерстили Википедию, самые грамотные старшие и ведущие научные сотрудники даже в библиотеку заглядывали — ответа не было. Так и жили в неведении.

Некоторые, особо дотошные, выдвигали гипотезу, что суя восходит к ковру-самолету. Мол, некогда его модернизировал на каком-то закрытом заводе слесарь, мастер от бога — золотые голова и руки. Мог улететь куда угодно, но показал начальству, то замахало руками, запричитало: «Не суйся, беду накличешь! Не дай бог заставят эти твои делать, план спустят, а у нас нету для этого оборудования. Все деньги на заграникомандировки потрачены, да на... Но об этом тебе, слесарю, знать необязательно по причине секретности. Так что не суйся, сиди в своей слесарке и помалкивай». Так приклеилось к нему это су, а от него суя. Мастер этот с золотыми руками и головой с горя запил, да и замерз пьяный зимой в сугробе. Буквально двадцати метров не дошел до сарая, в котором этот самолет потом и сгорел.

Но эта версия про Су, который надо построить, а потом на нем улететь к чертовой матери подальше, в смысле в светлое будущее, не впечатляла, да и не тянула на национальную идею.

Другие продвигали другую версию: мол, большие начальники, которые там (в этом месте показывали на потолок — даже не на потолок, а гораздо выше, но не у Господа Бога, а на этом свете)... Так вот, эти самые начальники, троечники, юристы-экономисты, сами понимаете, ничего ни в чем не кумекающие, получили оттуда команду. (В этом месте снова показывали на потолок, а подразумевали гораздо выше, но чуть пониже Господа.) Команда была о том, что надо немедленно снова развить авиацию. Но уже на новейшей цифровой основе. И даже конкретно выпускать самолеты Су и номер такой-то. Понятно, что номер по соображениям секретности в рассказе не озвучивался.

Ну, как говорится, надо так надо. Открыли справочник предприятий, уцелевших от лихолетий, и нашли!!! Так и написано: «Фабрика выпускала в былые времена сушки, но по причине отсутствия финансирования временно остановлена. Оборудование законсервировано». А контакты в справочнике, на удивление, имеются. Зафиксирован в том числе номер телефона директора.

Зам того начальника, которому приказано было развить, набирает номер и — о чудо! — слышит ответ:

— Директор такой-то у аппарата.

Зам воздуху побольше в грудь набрал и строгим голосом приказывает:

— К пятнадцатому числу вы обязаны выпустить десять сушек.

— Есть! — отвечает директор и уточняет: — Десять в каких единицах?

Зам замолк на секунду, но чиновник был ушлый и быстро сообразил:

— В основных!
— Денег нет, — отвечает директор.
— Финансирование будет! Куда осуществить перечисление?
— Есть, — отвечает директор и называет банк и номер счета. А для верности тут же дублирует по телеграфу.

Деньги приходят, как положено, в трехдневный банковский срок.
И закрутилось.

Работников отозвали из неоплачиваемых отпусков. Оборудование расконсервировали и запустили. Сырье закупили. Процесс с огромной скоростью пошел!

Через неделю директор фабрики звонит заму того начальника, которому приказано было развить, и докладывает:

— Задание выполняется. Куда отгружать продукцию?

— Какую продукцию? — спрашивает тот.

— Как какую — сушки!

— Какие сушки?

— Как какие... Сушки, баранки, бублики!

— Какие баранки? Вам была команда сделать самолеты: истребители и штурмовики марки Су.

Долгое молчание, потом:

— Извините, но мы всего лишь филиал хлебозавода «Югхлеб» с наименованием СУ-25. Изготавливаем сушки из пшеничной муки. Потому и называемся СУ. А цифра 25 — это потенциальная месячная производительность хлебобулочных изделий в тоннах.

Немая, как писал Гоголь, сцена. Короче, в конце концов убрали от плодотворной работы на благо народа этого господина, а направление потихонечку прикрыли.

Но счастье длилось недолго — открыли другое направление...

А со мной было так: я вскрытие делаю, фиксирую, как положено. Прибегает зам зама по медицинской части и визжит, аж слюна за метр летит:

— Вы что творите! Нам перед столицей об успешных мерах борьбы с эпидемией отчитываться, а вы всю статистику псу под хвост! Приказываю равномерно смертность записывать: инсульт, инфаркт, печенка, селезенка, онкология и всё такое прочее.

Я глянул на него:

— Вашими мерами полудурошными вы задницу себе подотрите. От них больше вреда, чем пользы. А врать я не стану и покрывать вашу неспособность и бездарность не буду!

Написал заявление по собственному желанию и через час стал безработным.

Иду, сам с собой обсуждаю беды свои. Постепенно начал успокаиваться. Смотрю — церковь. Зашел. Взял свечку. Поставил возле Николая Угодника. Говорю с ним тихонько:

— Как, — говорю, — вся эта брехня опротивела! Кругом двуличие, бесстыдство. С какой радостью уехал бы отсюда куда подальше...

Подходит священник. Разговорились. Я бы сказал, даже подружились. Насколько это возможно за полчаса. Потом он повел меня в здание рядом с собором. Перекрестил. Сказал, чтобы ничему не удивлялся. Что потом было, не помню.

Очнулся тут, в заброшенном парке. В спецлаборатории. Постепенно адаптировался. Сделали диплом, паспорт, трудовую книжку. Всё настоящее. Откуда у Виктора такие возможности, не знаю. Тут по-честному. По крайней мере, по сравнению с моим сраным будущим. Хотя теперь, скорее, не с будущим, а прошлым.

Тема моей кандидатской была о роли микробиома в жизнедеятельности человеческого организма. Дело сложнейшее. Всерьез им стали заниматься в пятидесятых. Так что тут оказался прямо по специальности. Должно быть, священник, а может, вовсе не священник, про меня знал до последней запятой.

Возможности здесь отличные. Аппаратуру оттуда доставили. Володя, то бишь Владимир Дмитриевич, электронщик от бога, так переконструировал, что любо-дорого.

Работаю. Энтузиазма выше крыши. Ищу всевозможные мутации в микробиоме. Не вылезая из морга. Он в моем ведении. Помощник мне не помешал бы. После вашей пандемии оказалось важнейшим делом изучение микробиома и влияния на него мутагенных бактерий, вирусов, грибов, которые там у вас могут бед понаделать. Определяю потенциально агрессивных. В свободное время наслаждаюсь здешней жизнью. Хотя времени свободного для этого почти нет. А если кто начнет назад, туда тащить, извините за прямоту, расчленю. Ей-богу, скальпелем прирежу.

7

Рассказывает профессор Благовещенский, Виктор Федорович:

— Я заведующий лабораторией футурологической физики. Время на самом деле, в отличие общепринятых взглядов и бредней, придуманных Эйнштейном, а до него прочими, вплоть до египетских жрецов, способно протекать не только в будущее, но и оставаться в определенных условиях неподвижным, а самое интересное — возвращать объекты и субъекты в прошлое. Мне удалось разработать систему управления этими процессами. Здесь, в 1973-м, мной установлена первая станция лаборатории.

В отличие от остальных я родился в середине XX века. Физтех окончил с отличием, потом аспирантура. Защитился по нетрадиционной тематике: «Пространственно-временные флуктуации». Был приглашен в секретную лабораторию КГБ СССР. Через несколько лет разработал первую установку по перемещению во времени.

Курировал меня заместитель председателя комитета. Подготовили записку с обоснованиями дальнейших разработок на имя председателя. Он прочитал. Должно быть, передал на независимую экспертизу. Судя по тому, что пригласил, эксперты были не липовыми академиками. Записка вызвала интерес. После трехчасовой беседы и моих ответов на вопросы председателя и двух неизвестных мне, но, по задаваемым вопросам, весьма компетентных профессионалов был подписан приказ о создании секретной лаборатории с соответствующим финансированием. Сотрудников было решено подобрать во втором десятилетии XXI века. Мужиков, по возрасту ближе к сорока пяти.

Опытную установку собирал сам. Комплектующие заказывали там, где были лучшие. В 1981 году установка была готова. Собрал и малогабарит-

ную — в 1982 году. Сначала переместился назад на десять лет, в 1972 год. Там, в соответствии с толковыми рекомендациями председателя, ждали. Проверили у медиков, протестировали приборы. Работало! Затем вернулся в 1983-й, а оттуда в 1987 год. Получилось. Председатель, благодаря которому работам была дана зеленая улица, стал к тому времени главой страны и чрезвычайно интересовался положением дел и всем, что связано с жизнью в недалеком будущем.

Доложил без прикрас. Он молча выслушал. Ничего не ответил. Пожелал дальнейших успехов. Судя по тому, с какой скоростью он начал реформы и реальную борьбу с коррупцией в МВД, других органах власти, информация, переданная мной, была воспринята чрезвычайно серьезно. Но, увы, вскоре он оказался в Центральной клинической больнице.

Убедившись, что возможно действовать без помощников в точке прибытия, самостоятельно прыгнул дальше. Осмотрелся. Сначала очумел от увиденного. Потом пришел в себя.

Лабораторию мою не прикрыли, но и помощи не было. Судя по всему, руководство поменялось, пришло новое, малокомпетентное, а мудрый Василий Егорович, которому было поручено курировать лабораторию, не стал докладывать своему руководству о нашем существовании, чтобы вообще не уничтожили или не растрепались о нас там, где не надо.

Для лаборатории требовались сотрудники. Профессионалы с техническими знаниями XXI века, да еще с желанием долгое время находиться в условиях, назовем их «1985». Повезло. Нашел, должно быть, лучших. Честно сказать, долго искать и не пришлось. Они были как белые вороны в той жизни. Бросались в глаза. Только всеобщее раздолбайство той жизни позволило им уцелеть. Соглашались переместиться легко. Видимо, тамошняя среда обитания вызывала отвращение, а попросту — обрыдла.

Так здесь все и оказались.

Бросив очередной якорь в точке 1980, лаборатория, как полярники на льдине, дрейфует уже пять лет вместе со временем. Кандидатов было пятеро. Естественно, каждый проходил отбор индивидуально и друг про друга ничего не знал. Прошли двое. Им предложил остаться для постоянной работы. Согласились. Теперь нас трое. Скажу честно: тут не просто. Но интересно. И много, очень много работы.

В XXI век перемещались еще раз пять. Установка для перемещения оборудования требовала значительных энергоресурсов, потому ее разместили в пристройке к собору. Там не было проблем со скрытым подключением к энергосистемам. Возвращались за приборами, другим оборудованием, которого тут не было. Так что оснащены мы по последнему слову будущей техники. Сейчас есть усовершенствованная малогабаритная установка на автономном питании.

То, что я там увидел, привело к убеждению: разрушительные политико-экономические и психологические изменения в обществе не случайны, а причины кроются в биологии, точнее — вирусологии. Во влиянии мутаций неких пока непонятных вирусов на функции мозга. Причем не только мозга индивидуума, а, неким образом резонируя, деструктивно влияют на поведение всей популяции.

У меня постепенно складывалось понимание того, что мутации этих вирусов не случайны. А сами вирусы возникают неестественным путем.

Николай Тимофеевич первый высказал эту мысль. Понимание приходило непросто. Некоторые идеи не подтверждались и отпадали. Потому было решено форсированно исследовать именно этот аспект.

Но специалистов не имелось. Профиль у нашего Тимофеича чуть другой.

Нам казалось, что мутировавшие не то вирусы, не то бактерии, не то нечто неизвестное и нам непонятное появляются где-то здесь, в районе заброшенного парка. Потому постоянно тут и оказывались. Естественно, маскировались, переодевались в алкашей. Брали пробы, а то и смывы с бомжей и бичей. Но пока результатов практически ноль.

Просил подыскать специалиста, но связь оборвалась. Возникли технические трудности, и туда транспортироваться не получалось. Обратной связи не было. Думал, хана. Придется действовать как полярникам на льдине, без поддержки. Да вот, слава богу, Василий Егорович спас. Перебросил внука. Когда я понял, что его убрали, — перекрыл доступ сюда. Закрыл шлюз, чтобы какая-нибудь сволочь не протекла. Надолго ли, не знаю.

Но, судя по их активности, мы на правильном пути. Будем форсировать.

8

— Что делать, что делать, — ворчал с утра профессор, — вы, Александр, правы: дело активнее делать надо. Такую страну развалили, идиоты. Тысячу лет собирали, а развалили за тридцать. Мы подозревали, что нечто разрушительное произойдет, но не ожидали именно такого и столь быстро.

Санек кивал.

Во время завтрака Благовещенский устроил совещание. Даже, скорее, не совещание, а ликбез для вновь прибывшего, а заодно напоминание для остальных.

— Дело в том, — говорил он, — что микробиологи из секретного института КГБ обнаруживали неизвестные мутанты вирусов в организме больных шизофренией, другими психическими патологиями, но влияние этих вирусов на возникновение психических отклонений у больных не прослеживалось. Да и сами эти вирусы исчезали. Как будто делали свое мерзкое дело и растворялись, улетучивались. Но аналитики четко проинтуичили их роль. Будто появлялись из другого пространства, наносили точечный удар и уходили назад.

Должно быть, в аналитическом отделе были гении, способные из абсолютно малозначимых, а в данном случае в прямом смысле микроскопических фактов делать глобальные выводы о потенциально грядущей катастрофе.

Когда узнали о моей лаборатории и установке перемещения, у них пазлы сложились. В том числе и поэтому наша лаборатория возникла.

Основная гипотеза была, что эти микроагрессоры возникают здесь, транспортируются в будущее, заражают микробиом и возвращаются обратно. Потому ни самих, ни их следы не удастся там обнаружить. Сюда и перебрались, чтобы отслеживать возникновение патогенных вирусов, отбирать образцы и передавать для разработки вакцин и лекарств, их обезвреживающих. А заодно изучать влияние психологических и политических изменений в обществе под действием этих самых вирусов и бактерий. Видать, не сумели уследить, а может, эти твари еще до нашего мониторинга в вашем

времени затаились. Весьма вероятно, из-за изменений климатических или экологических. А скорее, всё вместе вызвало синергетический эффект.

Николай Тимофеевич считает, что изменение мозговой деятельности под влиянием микробиома не могло произойти в одночасье. Не могло воздействие вирусов или иных биологических объектов на микробиом мгновенно привести к ответной реакции этого поврежденного или трансформированного микробиома на мозг. Причем столь радикально подавить сложившиеся и действовавшие столетиями схемы вообще невозможно. Разрушить — да. А вот переориентировать — нет. Из этого, так сказать, постулата мы сделали вывод о длительном и постепенном направленном воздействии чужеродных биообъектов на микробиом.

Благовещенский давно перешел со сленга на обычный язык. Превратился из бывшего зека Хриплого в доктора наук, профессора Виктора Федоровича Благовещенского.

То же случилось с Тимофеичем и Долговязым. Они размышляли вслух, и было видно, что хотят найти верное и действенное решение.

— Понимаете, Александр, — продолжал профессор, — еще жрецы в Древнем Египте заметили, что психофизические особенности индивидуумов менялись в период активного Солнца. Потому так активно процветала астрономия. Считалось, что наше светило выбрасывает специфическое излучение, которое и приводит к возбуждению психики нетренированных, психически неустойчивых людей. Я не очень-то верил в эту гипотезу. Начав заниматься микробиомом, убедился во всемогуществе этого, казалось бы, микромира. А на самом деле макромира! Его влияние на мозг человека колоссально. А Солнце, как мне представляется, делает свое дело. Благодаря повышению радиации оттаивает вечная мерзлота в Заполярье, активируются генные изменения в извечно живущих с нами бактериях и вирусах, появляются новые формы и разновидности, которые выделяют химические вещества, влияющие на мозг человека. И зачастую такое влияние становится определяющим и разрушительным. Раньше, когда коммуникации были слабо развиты, перенос этих агрессивных мутаций был малозначителен и со снижением солнечных излучений сходил на нет. Теперь самолеты за часы способны разнести заразу по всему миру.

Уродуя микробиом, эти агрессоры уродуют нас. Микробиом — структура помощнее, чем *Homo sapiens*. У него суммарный объем генов многократно наш превосходит. Вот за него и будем бороться.

Но тот случай, с которым столкнулись мы, — другого рода. Здесь чувствуется существенное и целенаправленное влияние не природы или тому подобного. Здесь, как нам представляется, влияние не природное, не естественное, а искусственное. Причем те, кто создает эти биообъекты, хоть и сволочные, но большие профессионалы. По всей вероятности, работает мощная лаборатория. А нам до сих пор непонятно, ни что это за биообъекты, ни каким образом они влияют на микробиом так, что в результате происходит зомбирование индивидов.

Вопросов много, а вот с ответами не очень. Ноль.

Виктор Федорович сделал паузу и закончил свой ликбез:

— Думаю, именно в этом направлении нам и следует активнее действовать. А вы, Саша, как специалист чрезвычайно будете полезны. Задача простая, решение сложное. Как пишут в детективах: найти объект и обезвредить. Так, коллеги, или я не прав?

— Прав, Витя, конечно, прав, и я, и Владимир Дмитриевич давно понимаем влияние микробиома на жизнедеятельность человека, но, признаться, не хотели верить в возможность управления этим, должно быть, одним из важнейших органов человека извне, — согласился Николай Тимофеевич.

Долговязый, он же Владимир Дмитриевич, согласно кивнул.

— А раз все согласны, то в этом направлении и попытаемся действовать, — подвел итог профессор. — Вы, Александр, поступаете в распоряжение Николая Тимофеевича. Он работает патологоанатомом, имеет практически неограниченный доступ к микробиомам. Будете у него числиться помощником.

— Да не вопрос.

— Тогда я набросаю план и начнем модернизацию, или, как в конце восьмидесятых говорили, — перестройку.

Профессор посмотрел на Санька, вздохнул и добавил:

— А тебе будет небольшой ликбез, чтобы ты нормально ориентировался в здешней жизни. Тимофеич и Владимир обучат. Вообще советую больше молчать и присматриваться. Здесь выскочек не уважают. Уважают человека труда. Документы тебе завтра сделаем. Паспорт, трудовую книжку, военный билет. Свидетельство о рождении и профсоюзный билет.

— А страховое свидетельство и СНИЛС? — спросил Санек.

Мужики посмотрели на него как на больного.

— Николай, займитесь этим пришельцем из будущего посерьезнее, — хмыкнул Благовещенский, — а то он весь режим секретности нам развалит.

9

— Значитца, так, — начал утром на следующий день Тимофеич, — в рабочий день советский человек просыпается в шесть или семь часов. Если, конечно, он не работает по сменам. Потому он ложится спать в десять или одиннадцать вечера. Редко в двенадцать. Молодняк не в счет. Эти ходят на танцы, потом провожаются, а с утра еле встают. Но не в них дело.

Работа на заводах обычно с восьми, в других местах попозже, чтобы не перегружать общественный транспорт. На завод вход по пропускам. Если опоздаешь, будет много мороки. Лучше не опаздывать. Во всяких конторах, институтах и прочих шарашках пропусков, как правило, не бывает, но с утра комсомольцы и кадровики следят, чтобы народ не опаздывал. Опоздаешь хоть на минуту — и будет твоя фамилия в стенгазете или на листке в «Комсомольском прожекторе». Господи, да ты ведь не знаешь, что такое стенгазета и «Комсомольский прожектор»! Это на большом листе ватмана от руки крупными буквами написанная информация о последних событиях и происшествиях именно в этой организации. Так вот, опоздаешь — про тебя напишут, а потом могут премии лишить на сколько-то процентов, а если несколько раз за месяц опоздал, то и полностью. И вообще будут твое невыспавшееся имя полоскать почем зря. Так что лучше не опаздывать.

Зарплаты по всей стране у каждой профессии одинаковые. Инженер хоть в Газпроме, хоть в нефтянке, хоть на самом простеньком заводе получает одинаково или почти одинаково. Хотя нет, не совсем одинаково. Предприятия по значимости разделены на три категории. Первая — самая значимая, а, соответственно, на таких предприятиях зарплата повыше, чем на осталь-

ных. И квартплаты одинаковые, в зависимости от площади квартиры и числа проживающих.

В этом месте Тимофеичу надоело рассказывать прописные истины, он махнул рукой и отправился пить чай.

10

Господи, как описать и сравнить жизнь в двух мирах, в которых я и мои сверстники оказались волею судьбы, волею жизни...

Про нынешний мир вы, читатель, знаете. Может быть, как и я, не понимаете или не хотите его понимать, но знаете.

Тот, другой мир, в котором прошли моя юность, детство, большая часть жизни, сгинул тридцать лет назад. Жалею ли я о нем — да, жалею. Сожалею ли — нет, не сожалею. Был ли он плох — в чем-то нет, в чем-то да. Был так же не совершенен, как и нынешний, да, наверное, и все другие миры. Жизнь и люди вообще не совершенны. Но это не повод отчаиваться и опускать руки. Жизнь, слава богу, продолжается!

Кажется, Конфуций говорил, что в эпоху перемен надо бы жить на берегу теплого моря в своем доме, возделывать огород, сад и радоваться каждой травинке, каждому цветку, каждому выращенному своими руками плоду.

Нет у меня ни своего дома, ни берега теплого моря. Раньше, лет тридцать назад, надо было подумать об этом и додуматься. Теперь поздно. Время ушло. Но пришло другое. Хотя те, кто живет на берегу теплого моря в своем доме, возможно, размышляют иначе. Может быть, думают, что надо было в молодости уехать в большой город, обосноваться там, ну и так далее. Неудовлетворенность достигнутым представляется мне одним из признаков прогресса. Эйнштейн говаривал: «Никто не чешется, пока у него не зудит». Сказано просто и понятно.

Да, пришло другое время. Не менее интересное. Жизнь вообще интересная штука. Время проходит, тело изнашивается. Болит. Ноги не хотят ходить так быстро и далеко, как раньше. Не получается перескакивать через одну или две ступеньки, как когда-то, когда спешил на работу или свидание. А душа почти не изменилась. Такая же молодая. То веселая, то грустная. И узнавать неизвестное хочет так же, как когда-то, когда жизнь была впереди и я не знал, что там, в этом «впереди»...

11

— Значитца, так, — снова сказал Тимофеич, которому Благовещенский поручил адаптировать Александра к здешней жизни, и продолжил: — Говорю по памяти, может, чего скажу не так, но в основном так и есть. Понял?

Александр кивнул.

— Про работу сказал, теперь про крышу над головой. В СССР два вида собственности жилья. Государственная и частная. Правда, в шестидесятых появился еще один вид — кооперативная. Частный домишко ты можешь и купить, и продать, только, если купишь, обязательно добрые или недобрые люди, а также соответствующие органы спросят: «Откуда денежки, гражданин?»

Государственную квартиру ни купить, ни продать нельзя. Она принадлежит государству. Прописать в нее кого-то очень не просто. Но, в принципе, возможно. А раз возможно, то таким манером эту квартиру и продают, и покупают. Незаконно, но возможно. Хотя, если узнают, накажут. И даже могут посадить в тюрьму. Это бывает, но очень редко.

Тимофеичу опять надоело рассказывать прописные истины и всем известные факты, он зевнул и свернул разговор:

— Короче, Саша, в СССР все граждане при работе, основной принцип: «кто не работает, тот не ест». У всех, кто работает, — крыша над головой. Хорошая или плохая, это второй вопрос, но есть. Или общежитие, или еще какое жилье. И с голоду не умирают. — Посмотрел на Саньку и добавил: — А вообще, я тебе так скажу: если бы в Союзе были такие компьютеры, как у нас тут, и применяли их в планировании государственной экономики, да идиоты из партаппаратчиков не совали свой нос в дела технические и не мешали технарям, то прогресс был бы колоссальный. Причем тут и сейчас. Но компьютеров тут нормальных нет, собственно, их и за кордоном не очень-то. А идиотов у нас больше, намного больше, чем надо. Потому и есть, и будем в заднице и в дерьме. В остальном сам разберешься. Больше помалкивай, смотри, приглядывайся, делай, как другие, но не переусердствуй.

Понял?

Санек кивнул.

— Тогда пошли делом займемся.

12

Саньку официально назначили ассистентом патологоанатома. Естественно, Тимофеича. Выдали паспорт, военный билет, трудовую книжку, свидетельство о рождении, диплом института. Так всё оформили, что при проверке непосвященные, но дотошные спецы из милиции не докопаются. Институт он окончил тот, который был разрушен во время землетрясения, родился и жил там же. И остальное примерно так же. Начало его биографии терялось в сгоревших архивах, под обломками зданий, и тому подобное.

Высовываться и светиться перед глазами власть имущих он не собирался, а значит, мог прожить долго и безопасно.

Санек отлично понимал логику этих яйцеголовых профессионалов, переселившихся сюда. Понимал, при чем здесь микробиом, но то, с чем он столкнулся там, в своем НИИ, убедило его в ином механизме действия микроагрессоров. Он, изучая геном бактерий микробиома, обнаружил в нем не существовавшие прежде фрагменты. Эти фрагменты были характерны только для бактерий микробиома психически больных, причем тех, которые ранее, по данным медицинских карт и медиков, наблюдавших за ними, не проявляли признаков болезни.

Александр предположил, что вирусы-агрессоры, а это, как он считал, были именно вирусы, встраиваются в геном бактерий и перенастраивают их на выделение веществ, действующих на мозг здорового человека, изменяя его социальное поведение, характер, да и вообще жизнь, причем изменяют в конкретном направлении. Выверенно и точно.

Здесь, в этой лаборатории, он надеялся поймать сам вирус-агрессор и сделать от него противоядие, но информации не хватало. Механизм

оккупации организма вирусами был не понятен. Непонятно было, как агрессор передается, да и многое другое было не ясно. Это и пытался выявить Александр. Но пока не получалось.

Чтобы отвлечься от напряженной работы, они с Тимофеичем время от времени придуривались и балагурили. Александр, он же Санек, играл роль простоватого ассистента, Тимофеич — опытного патологоанатома.

— Что же это за хрень такая, — размышлял вслух Тимофеич, — здесь еда натуральная и дерьмо натуральное, там, на далекой родине, еда в брюхе была синтетическая, а дерьмо — тоже натуральное. Загадка природы. Экзерсис организма. Фокус.

Он пожимал плечами, удивляясь в который раз человеческой натуре, однако дело не забывал. Вскрывал очередной труп, рассматривал и диктовал ассистенту заключение.

— Ты, Саня, запоминай. Когда помру или уйду на пенсию, не у кого будет спросить. Запомни и выучи, как «Отче наш», перво-наперво, что надо написать.

Опасаясь случайного подслушивания, они разработали свою систему приколов, подтрунивания, болтовни и придуривания. Так что забредший нечаянно в морг обычный сотрудник или посторонний гражданин, даже будь он из компетентных органов, приняли бы их постоянные пикировки и случайно вылетающие профессиональные разговоры за обычный, естественный треп, чудаковатость людей, в силу специальности находящихся большую часть жизни среди почивших в бозе, и не более...

Саня вздыхал и отвечал:

— Какова причина смерти.

— Правильно, — соглашался Тимофеич. — А потом что? Я из тебя клещами должен тянуть или куда?

— Потом? Потом — как давно наступила смерть?

— О господи, ладно, светильник разума, принеси-ка, пожалуйста, чаю. Да погорячее.

Ассистент, шаркая сандалиями, поплелся в соседнюю комнату. Через минуту раздался грохот, звон посуды и шлепки.

— Ну что там еще случилось, горе ты мое луковое? — запричитал патологоанатом.

Саня, улыбаясь во всю ширину физиономии, вернулся, показал на дверь и гордо заявил:

— Я там, в комнате, где мы едим и чай пьем, таракана убил.

Тимофеич поглядел на него скептически, покачал головой и неизвестно для кого язвительно произнес:

— Измельчал народишко, измельчал. Раньше мужики хвастались, когда убивали мамонта, а теперь хвастаются, когда убивают таракана.

Вздыхнул и спросил:

— А чай-то где? Забыл, за чем тебя посылал начальник?

Санек кивнул, смущенно хихикнул, скрылся из вида и через секунду вернулся с двумя полными чашками.

День был тихий, посторонних не было, разве что три трупа бытовухи: муж вернулся из командировки, застал жену с соседом в постели, причем в своей, убил обоих, а потом сам повесился. Но эти были не к спеху. Всё про них и без вскрытия, после осмотра было понятно. Почти сюжет анекдота.

Хотя участковый, который сопровождал трупы, долго удивлялся и говорил, что приличная пара была, люди порядочные. Да и сосед, мужчина солидный, женатый, не был похож на ловеласа. Уходя, пожал плечами и заключил:

— Должно, бес попутал.

Николай Тимофеевич кивнул ему, сказал, чтобы завтра приходил за протоколом вскрытия, и начал ораторствовать перед Саньком:

— Это же какие герои, какие отчаянные хлопцы раньше встречались! Не то что эти блудни. Сам видел! Врать не буду, ей-богу! — Тимофеич перекрестился и возбужденно продолжил: — Один мужик поддел ножом красную розу из сливочного крема и в рот ее направил, а потом и огромным куском бисквита заел! Запил весь этот холестеринный ужас стаканом коньяка со сметаной и попросил у официанта повторить. А другой, его сосед, тоже по виду сорвиголова, башибузук, уплел в это время кекс шахматный размером со свиную голову. И, что самое удивительное, оба остались живы! И так они обедали и ужинали годами! Под водочку, коньячок, пиво. А потом я их встретил тут, на столе, сосуды были чисты, как у младенцев. Ни одной бляшечки.

— А умерли-то отчего? — спросил Александр.

— Умерли? Да очень просто. У каждого дырка в башке, а в мозгах по пуле застряло. Такое тут редко. Очень редко, но иногда случается. Оба были воры в законе.

— Николай Тимофеич, а что такое шахматный кекс? — нерешительно спросил Саня.

Тимофеич жалостно глянул на ассистента, подошел к нему, чмокнул в лоб и стал объяснять:

— Шахматный кекс, Шурик, раньше, когда тебя еще не было, готовили так. — Он отхлебнул из литровой эмалированной кружки чаю, помолчал, вспоминая, и продолжил: — Шахматный, потому что как шахматная доска: клеточка белая, клеточка коричневая и так далее по всему трехмерному пространству. А делали так: брали муку, маргарин или масло сливочное, сахар, яйцо, ну и всякие мелкие добавки типа ванилина. Это для белых клеток. Для коричневых клеток добавляли что? Правильно — какао. Натуральный, правильной обжарки. Не такое, извини, дерьмо, как у вас там. Выпекали коржи отдельно, минут двадцать пять при ста восьмидесяти градусах, а потом сверху смазывали тонким слоем повидла. Укладывают это будущее счастье вкуса, чередуя светлый и темный слои, потом разрезают на узкие кусочки и, сдвигая, чтобы получилась шахматная доска, смазывают узкие полоски с торца тоже тоненьким слоем повидла, чтобы появлялась нежная сладкая кислинка. Образуются снизу четыре кусочка: два белых и два темных. И вверх то же самое. А в длину — сколько получится.

Тимофеич еще отпил из чашки и закончил:

— Вкуснотища необыкновенная. Рекомендую. — Потом удивленно глянул на Александра и спросил: — А почему не спрашиваешь, кто такой вор в законе?

— Про них я читал. В книжке. А вот про кекс не знал.

— Ну-ну, — вздохнул наставник и состроил печальную физиономию. — Ты, Саня, хоть и умный парень, я бы даже сказал почти гений в своем деле, такую гипотезу проинтуичил, но в плане кулинарии, извини, твой разум пуст, как церковная мышь после аборта.

— Ты, Тимофеич, еще добавь про мышь, которая повесилась в холодильнике, — добродушно улыбнулся Санек.

— Ну-ну, мое дело — вам сказать. Потому что вначале было слово. Обычное. Это потом, через века, несознательные, а может, наоборот, высокоинтеллектуальные граждане перешли на мат, — продолжал балагурить Николай Тимофеевич. — Решил я, батенька, статейку о нынешней ситуации, кстати архисложной, соорудить. А вот с названием не определяюсь. То ли «Мат Аксенова как зеркало русской действительности», то ли «Мат Солженицына как зеркало ее же». А вы-то, как считаете, товарищ?

— Я-то? Я-то назвал бы «Владимир Высоцкий как зеркало...», ну и дальше, как у вас.

Тимофеич поглядел на Саньку с прищуром, слегка наклонив голову. Ткнул пальцем в пуговицу рубашки и спросил:

— Высоцкий? Кто таков?

— Не надо, Тимофеич, меня на понт, как твои зеки, братъ: Высоцкий живет и песни пишет. Все его сейчас уже знают. Ленин и Лев Толстой почили. Остальные из упомянутых писателей тоже живы. Так что всё у меня в порядке и с пространственно-временными критериями, и с ориентацией! Как у твоего шахматного кекса.

— Ну-ну, хорошо про кекс сказал, — удовлетворенно кивнул Тимофеич и задумался.

— А чего чай-то не пьете? — спросил Александр.

Но патологоанатому уже было не до чая.

Он, как охотничий пес, вдруг почуял добычу: кинулся к привезенным трупам и начал вскрытие.

В связи с шахматным пирогом у Николая Тимофеевича сложилась гипотеза. Белое — коричневое, мужское — женское. Фрагменты вируса-агрессора проникают от мужчины в яйцеклетку. Там встраиваются в генную цепочку и не дают никаких признаков существования, а когда рождается ребенок, участвуют в формировании его микробиома и выстраивают влияние этого самого микробиома на мозг, фактически подменяя инстинкты.

Тимофеич отбирал для цитологических исследований образцы биоматериала, спешил, опасаясь опоздать. Побежал в лабораторию к специально доставленным сюда приборам, позволявшим быстро и точно определять структуры геномов.

Маленькая лаборатория, дверь в которую никогда не оставляли открытой, была оборудована новейшей техникой, даже по меркам двадцатых годов будущего века. Без гения Владимира Дмитриевича, который модернизировал приборы под возникшие задачи, ее работоспособность была бы невозможна.

Тимофеич по привычке причитал, ворчал, но постепенно замолчал и углубился в работу.

Вышел из лаборатории только под утро.

— А ты, Саня, кажется, был прав! — первое, что он сказал, — поймал я вчера одного субчика, который только встраивался в геном. Хотел улизнуть, так сказать, раствориться, спрятаться, в переносном смысле, в стог сена, но, видать, зазевался — и я его отловил! Теперь можно будет с ним поработать.

Попалась, гадина! И не одна! Представляешь, нашел одну в сперматозоиде. Это же редчайший случай! Мне удалось поймать момент вирусной атаки! Поймал момент инфицирования половой клетки. Другого поймал в ее

яйцеклетке, уже влезшего в геном. А третьего — в желудке, в генах бактерий. Этот влез туда, судя по всему, значительно раньше.

Я предполагаю такой механизм... Вначале атакуется микробиом.

Вирус проникает в клетку, превращает свою рибонуклеиновую кислоту в дезоксирибонуклеиновую, а затем встраивает ее в геном бактерий микробиома и остается в нем.

Все такое знают, но, как ты, на мой взгляд, верно предположил, этот фрагмент так перепрограммирует бактерии, что они начинают выделять ферменты, активно влияющие на мозг. Заставляют его, вопреки характеру, взглядам, убеждениям владельца, поступать так, как надо этому супервирусу. Только главное, что этот вирус-агрессор не один! Их целый клан. И задача в том, чтобы заставить мозг инфицированного индивидуума действовать по их указке. А это они формируют постепенно. Начинают с зародыша и с особой активностью продолжают после рождения ребенка. Так-то значительно проще! Они для организма фактически становятся своими, родными, и сопротивления им нет никакого. Ни фагоциты, ни микрофаги на них не реагируют. Вытворяют безнаказанно всё, на что злодеи их запрограммировали.

Тимофеич отхлебнул чай и продолжил:

— Когда участковый удивлялся, что порядочные сосед и соседка залезли в койку, чего до того за ними не наблюдалось, я сперва не придавал значения, и только потом, когда ты вроде бы ни с того ни с сего заговорил о пространственно-временных критериях, о шахматном пироге, вдруг осенило! Это же их заставило так себя вести воздействие вирусов на микробиом. Заставило вырабатывать и вбрасывать в мозг гормоны или еще какие специальные вещества. Вот этих соседей и потянуло друг к другу. И не просто потянуло, а заставило соединить возникшие из уже мутировавших под действием агрессора зародышевых клеток сперматозоиды и яйцеклетки. А конечная задача у этого клана вирусов простая — передавать измененные ими сперматозоиды и ооциты всем последующим поколениям. Передавать, чтобы создать запрограммированную бомбу с часовым механизмом, которая, когда придет, как говорят военные, время «Ч», заставит индивидов поступать не по своей воле и разуму, а так, как надо этому клану вирусов-захватчиков, а еще вернее — тем, кто их создал.

— Я тоже не верю в их случайное возникновение, тоже уверен в их искусственном возникновении, — согласился Александр.

— Ну что же, нашли, теперь будем приручать до полного изничтожения! — не унимался патологоанатом. — Погляди, Саша, я всё заснял. Буквально триллер получился.

Александр смотрел запись, восхищался наставником, поймавшим редчайшее событие, и Владимиром Дмитриевичем, доработавшим прибор до совершенства:

— Ай да Владимир! Гений, а я его «Долговязый да Долговязый». А он так модернизировал цифровой микроскоп, что хоть на премию Оскара фильм подавай.

А Николай Тимофеевич продолжал рассказ:

— Саша, вы представляете, осенило. Внезапно! Это не просто цепь событий с ничтожной вероятностью, это я даже не знаю что... Это как у нашего профессора — флуктуация! Это то же самое, как в этой комнате все молекулы воздуха переместились бы в шкаф с пустыми пробирками! Даже нет, даже

еще меньшая вероятность. Когда мне участковый сказал, что муж приехал из командировки, застукал жену с любовником и убил, я хмыкнул и ничего больше. То, что он сказал про них, будто всегда были порядочными людьми, тоже пропустил мимо ушей. Поначалу пропустил, а потом вспомнил — и осенило!

И Александр, и Николай Тимофеевич были возбуждены, полны энтузиазма. Они постоянно подзадоривали себя. Запаявали заразу в стеклянные пробирки, складывали в морозильную камеру.

Технология разработки противоядий и вакцин у Александра давно была в голове, потому он применил ее почти мгновенно. А теперь готовил вакцины, другие противоядия, делал остальную работу по определению эффективного воздействия на заразу и тихо, чтобы слышал только наставник, повторял:

— Николай Тимофеевич, точно: это не природа. Природа так не ведет себя. Это дело рукотворное. Точно, какие-то паскудники к этому приложили свои поганые ручонки.

Тимофеич кивал, соглашался, размышлял, но вскоре заявил:

— Я тебе, Саня, вот что скажу. Здешние такого сделать не могли. Не те технологии, не то оборудование. И наши не могли. Тоже слабо было. Поверь, я знаю, что говорю. Правда, возможно случайное стечение обстоятельств или событий, которое привело к возникновению всей этой заразы. Но вероятность такого события почти нулевая.

Санек внимательно на него поглядел. Отложил очередную ампулу с запаянным образцом и произнес:

— А я, кажется, знаю, откуда это запускается. Но давай так поступим. Сначала разработаем и проверим противоядие. Сделаем вакцину, нейтрализующую эту заразу, а затем займемся логовом, из которого она берется.

13

Работа была чрезвычайно опасной. Любая оплошность могла привести к эпидемии. Потому в их маленькой лаборатории двери были герметично закрыты, круглосуточно тарахтели насосы, создавая небольшой вакуум, достаточный, чтобы ни одна пылинка, ни одна бактерия, ни один вирус из нее не выбрались наружу. Каждый раз, перед тем как покинуть помещение, проводили полную дезинфекцию и лабораторной одежды, и себя. Владимир следил за тем, чтобы у них постоянно была смена одежды, чтобы постоянно работал душ в дальнем углу лаборатории и чтобы воздух, отводимый вытяжной вентиляцией, выжигался, а после этого проходил через фильтры, которые в свою очередь тоже сжигались. То же делалось и с водоотводом и канализацией. Периодически, когда вымотанные работой Александр и Тимофеич выбирались на свет божий, он проводил тщательнейшую обработку всего помещения.

Несколько месяцев пролетели как один день. Сделали сотни опытов.

Получилось! Противоядие было разработано. Легкое в изготовлении, а значит, доступное и эффективное.

Почти неделю, обессиленные, набирались они сил, отдыхали, гуляли по городу, отъедались в ресторанах, по вечерам обсуждали дальнейшие действия. Потом вернулись в лабораторию при морге.

Владимир Дмитриевич Михеев за это время разработал компьютерную модель и математически проверил условия, необходимые для создания

такого вирусного клана. Рассчитал наиболее вероятные модели эволюционных сценариев деятельности этих вирусных кланов. Определил возможный временной отрезок создания и места базирования лабораторий, создавших агрессоров.

Эволюционные сценарии получались при всех вариантах весьма пессимистичными.

Прочитав записку, подготовленную Владимиром, Тимофеич хмыкнул:

— Решили ученые крокодилу человеческий мозг пересадить. А, собственно, кому еще — живет больше двух сотен лет, все органы природа довела до совершенства. Конечно, ему! Сделали. Получилось! Но недолго радовались...

— Ты к чему это? — насторожился Владимир Дмитриевич.

— Да вот к чему, — Тимофеич начал загибать пальцы, — во-первых, в человеческом геноме почти сто тысяч эндогенных ретровирусных фрагментов, которыми заражались наши предки со времен оных, и что? Болели, переболели, выжили и живем дальше. Сценарий твой, Володя, правильный, но дело не в мутациях индивидов. Дело в данном случае совсем в другом: эти умельцы сделали такой клан вирусов, который подчиняет, причем беспрекословно подчиняет, разум человека. А сам этот человек даже не догадывается об этом. Завтра им дадут команду из центра, и в мозг огромного числа людей поступит команда — выйти на улицы, штурмом захватить власть и установить такую, какую покажет их закулисный владыка. И эти добропорядочные граждане, как зомби, потопают захватывать. Пойдут на пулеметы, гранаты, тысячами погибнут, но власть эту принесут на блюдечке своим кукловодам. А потом эти кукловоды дадут другую команду: «В стойло. За работу». И эти несчастные начнут своим владыкам таскать каштаны из огня.

Вот с чем надо бороться! Вот что надо не допустить, а значит, уничтожить!

— Я так понимаю, что Благовещенский именно этим и занимается. Или нет? — спросил Санек.

— Да, занимается. Свою модель построил на основе ваших данных. Теперь обсчитывает. На днях, надеюсь, расскажет. Так что у нас с тобой еще есть время продумать, как задавить зверя в его логове.

Александр покачал головой, посерьезнел:

— Что-то, Николай Тимофеич, внутренний голос мне опять шепчет, что логово это в такой же, как наша, лаборатории, только помощней. И спецы там не дурнее нас. А вот где оно, это логово, большой вопрос к нашему Виктору Федоровичу.

Продолжение следует

К 85-летию со дня начала Великой Отечественной войны

Виталий РУЧКИН

«...Пока не похоронен последний солдат»

Сегодня в нашей стране широко известна крылатая фраза: «Война не окончена, пока не похоронен последний солдат». Эти слова приписывают великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову. Считается, что произнес он их в сентябре 1789 года после Рымникского сражения, в котором объединенные русско-австрийские войска разгромили турецкую армию. В частности, в ряде отечественных источников утверждается, что после той битвы генералы доложили Суворову: «Победа! Война окончена!» Полководец на это спросил у них: «А убитые захоронены?» В ответ прозвучало: «Никак нет, не успели». Вот тогда-то Суворов и сказал: «Пока не будет предан земле последний погибший солдат — война не окончена!»

Простые и мудрые слова, в которых кроется великая истина: государство и общество в долгу перед сынами Отечества, не пожалевшими за него живота своего, и обязаны сделать всё возможное, чтобы они не остались лежать безымянными на просторах России, а обрели последний покой на воинских захоронениях, куда благодарные потомки смогут прийти и склонить головы перед их памятью.

Спустя восемь десятилетий после Победы еще остаются лежать в лесах, полях, лугах и болотах десятки тысяч не погребенных должным образом

РУЧКИН Виталий Анатольевич — прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1953 году. Живет в Волгограде. Участник Нагорно-Карабахского конфликта, полковник в отставке. Профессор кафедры судебной экспертизы Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки РФ. Имеет свыше двухсот пятидесяти научных работ в ведущих отечественных и зарубежных журналах, а также иных изданиях. Лауреат премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022), Государственной премии Волгоградской области в номинации «Литература» (2025).

павших советских воинов. И в этом смысле мы не можем считать оконченной Великую Отечественную войну. Потребуется еще многие годы тяжелого и кропотливого труда по возвращению всех павших защитников Отечества из небытия. Это общая задача государства и всех его граждан, хранящих благодарную память о погибших воинах. И, безусловно, особое место в работе по сохранению исторической памяти занимает поисковое движение России. Поисковики — это люди одержимые, особенного склада характера, которые в составе отрядов, без оглядки на тяготы, лишения, а порой и опасности поисковой деятельности ведут круглый год свою трудную вахту по отысканию, поднятию из земли и перезахоронению останков безымянных, но не забытых солдат, павших в годы Великой Отечественной войны. Однажды прикоснувшись к этой нелегкой работе, они на всю жизнь остаются преданы ей. Вооружившись шанцевым инструментом, картами и архивными документами, они в степях под палящими лучами солнца или по пояс в воде в топких болотах с упорством, достойным уважения, делают свое благородное дело.

В последние годы в стране уделяется значительное внимание увековечению памяти защитников Отечества, а также вовлечению детей и молодежи в общественно значимую деятельность, направленную на гражданско-патриотическое воспитание, углубление исторических знаний, приобщение к национальным ценностям и культурно-духовному наследию России и сохранению памяти поколений. Для организации и координации этой деятельности был принят ряд законов, указов президента и постановлений правительства, среди которых особое место занимает Закон Российской Федерации от 14.03.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Создано Российское военно-историческое общество, организована работа поискового движения России, сформированы другие общественные организации, которые на регулярной основе проводят поисковые экспедиции, вахты памяти и пр.

На примере двух поисковых отрядов Волгоградской области, наиболее активно участвующих в экспедициях на местах бывших сражений, и прежде всего Сталинградской битвы, хочу показать работу, направленную на увековечение памяти защитников Отечества, а также военно-патриотическое воспитание детей и молодежи. Речь пойдет о поисковом отряде Волгоградской академии МВД России «Наследники Победы» и отряде имени С. В. Бекедова Прокуратуры Волгоградской области.

В принципе, все поисковые отряды решают практически одни и те же задачи. К числу основных из них относятся:

- выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков наших воинов, погибших либо пропавших без вести при защите Отечества, включая захоронения мирных жителей — жертв военных преступлений нацистов на оккупированной территории;
- поиск и захоронение с отданием воинских почестей останков советских воинов, выявленных в ходе проведения поисковых работ;
- установление имен погибших и пропавших без вести воинов, погибших мирных жителей, а также увековечение их памяти;
- розыск родственников погибших и без вести пропавших воинов;
- осуществление деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи, углублению исторических знаний, сохранению

памяти поколений и приобщению их к национальным ценностям и культурно-духовному наследию России.

Поисковые отряды обычно действуют в рамках соглашения с региональным отделением Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», на территории которого они созданы.

Внештатный поисковый отряд Волгоградской академии МВД России «Наследники Победы» был образован по инициативе руководства академии в честь 80-летия Победы в Сталинградской битве 10 февраля 2023 года. Он объединил на добровольной основе сотрудников и ветеранов, курсантов и слушателей академии в целях обеспечения деятельности по увековечению памяти погибших при защите Отечества, совершенствования форм и методов воспитательной и патриотической работы с курсантами и слушателями академии через вовлечение их в социально полезную деятельность. В настоящее время он насчитывает 37 человек, из которых 8 сотрудников и ветеранов академии и 29 курсантов и слушателей различных курсов.

Поисковый отряд Волгоградской академии МВД России «Наследники Победы»

Поисковый отряд организует и принимает участие в различных мероприятиях, важнейшими из которых, безусловно, являются поисковые экспедиции. Они проводятся практически на всей территории области, где проходили сражения Сталинградской битвы. Чаще всего — на территории пересыльного лагеря советских военнопленных Дулаг-205 (располагался за поселком Горьковским Советского района Волгограда) и на местах боев 10-й стрелковой дивизии НКВД в пределах Ворошиловского и Советского районов города.

Наибольший объем поисковых работ выполнялся на территории пересыльного лагеря советских военнопленных Дулаг-205. В истории Сталинградской битвы можно выделить много драматических эпизодов, и, пожалуй, одной из самых мрачных страниц в ней является судьба этого лагеря.

«...ПОКА НЕ ПОХОРОНЕН ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ»

В сентябре 1942 года его переместили из Харьковской области под Сталинград. Он был рассчитан на 1200 человек и предназначался для советских бойцов, попавших в плен во время боев за Сталинград. Однако фактически количество пленных в лагере существенно превышало ранее предусмотренные нормативы.

После разгрома немцев под Сталинградом открылись ужасающие картины. Приведу фрагмент докладной записки, составленной в сентябре 1943 года начальником ГУКР «Смерш» НКО СССР Виктором Абакумовым и адресованной заместителю председателя Государственного комитета обороны Вячеславу Молотову: «В середине января 1943 года, сжимая кольцо окружения вокруг 6-й германской армии, наши войска захватили находившийся у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных, так называемый Дулаг-205. На территории лагеря и близ него были обнаружены тысячи трупов военнопленных и командиров, умерших от истощения и голода, а также освобождено несколько сот истерзанных, истощенных от голода и до крайности измученных быв. военнослужащих Красной Армии».

Более подробные сведения о творившихся там зверствах были изложены Государственной комиссией 23 января 1943 года, составившей акт о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в концлагере, согласно которому (по отдельным источникам) в нем находилось от пяти до шести тысяч военнопленных, а в живых осталось лишь несколько сотен человек.

С момента окружения армии Паулюса заключенные лагеря Дулаг-205 вообще были обречены на смерть. Так, комендант лагеря полковник Рудольф Керперт в своих показаниях на допросе отмечал: «После 5 декабря снабжение военнопленных продуктами питания прекратилось совершенно. Лишь изредка удавалось случайно достатьдохлую лошадь, которую варили для военнопленных. Таким образом с 5 декабря 1942 года среди военнопленных начался настоящий голод, на почве чего среди них наступила большая смертность: с 10 декабря ежедневно умирало около 50 человек».

Здесь уместно сослаться и на показания одной из местных жительниц: «Когда пришли наши войска, меня и еще нескольких хуторян пригласили в лагерь лично убедиться в тех зверствах, которые творились над пленными. Нами было обнаружено несколько тысяч трупов замученных, среди них со следами явных издевательств, с изрубленными головами, отрезанными конечностями. Помню, у пяти человек на груди были вырезаны звезды. Три землянки были сожжены вместе с находившимися там людьми...»

Конец 1942 года и начало 1943-го — самый драматичный период в жизни лагеря. Военнопленные, полностью лишённые продовольствия, медленно сходили с ума. Потерявшие рассудок обгладывали трупы ранее умерших.

Поисковый отряд «Наследники Победы» с момента своего создания неоднократно выезжал с экспедициями на территорию этого лагеря. За это время были обнаружены и подняты останки десятков советских солдат и большое количество принадлежащих им вещей.

Так, в ходе первой вахты, проводившейся с 20 по 31 мая 2023 года в рамках проекта «Без срока давности», совместно с поисковыми отрядами «Гвардия» и «Безымянная высота» были подняты останки 82 человек, среди которых двое детей возрастом 12—14 лет. Также обнаружены более десяти подписанных предметов солдатского быта, три солдатских медальона, оказавшихся пустыми.

Во время второй вахты с 4 по 6 ноября 2023 года члены поискового отряда обнаружили и подняли останки еще одного безымянного советского солдата и большое количество отдельных вещей, принадлежащих военнопленным.

Вахта в период с 20 по 28 апреля 2024 года проводилась совместно с внештатными поисковыми отрядами Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России «Донбасс» и Уральского юридического института МВД России «Малахит». Общими усилиями курсантов трех образовательных организаций на этом проклятом пятачке Сталинградской земли были обнаружены и подняты останки 49 советских воинов, более десяти личных опознавательных знаков бойцов РККА, семь из которых отправили на экспертное исследование. При этом по одной из записок удалось установить данные красноармейца Никитина Егора Ивановича, 1913 года рождения, уроженца Удмуртской АССР.

Отряд «Наследники Победы» организовал и провел более десяти выездов в поисково-разведывательные экспедиции по местам боев 10-й дивизии войск НКВД, сыгравшей значительную роль на начальном этапе обороны Сталинграда.

Результативными были и экспедиции отряда на территории Советского и Городищенского муниципальных образований. В частности, в районе Лысой Горы удалось поднять останки 12 погибших защитников города и установить владельца найденной там медали «За боевые заслуги». Во время этой экспедиции место поднятия останков погибших героев посетили заместитель министра МВД России генерал-полковник полиции А. Н. Кравченко и губернатор Волгоградской области А. И. Бочаров, которые высоко оценили работу поисковиков и провели церемонию их награждения.

Поисковый отряд «Наследники Победы» — участник международной военно-исторической экспедиции «Ржев. Калининский фронт»

«...ПОКА НЕ ПОХОРОНЕН ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ»

Конечно, деятельность отряда не ограничивалась лишь экспедициями в указанные и другие районы области. Его члены участвовали в международной военно-исторической экспедиции «Ржев. Калининский фронт», проходившей в Тверской области. Они принимали активное участие и во многих других значимых мероприятиях: ежегодной церемонии захоронения советских солдат, обнаруженных в ходе поисковых работ, на военно-историческом комплексе «Россошки»; военно-исторической реконструкции важнейших эпизодов Сталинградской битвы; в VIII Межрегиональной поисковой экспедиции «Студенческая Вахта Памяти»; в защите работ XXVIII Межрегионального молодежного научно-исследовательского конкурса «Сталинградская битва в истории России» имени М. М. Загоруйко, состоявшегося на базе Волгоградского государственного университета, и иных акциях.

Наиболее значимым мероприятием, организованным и проведенным поисковым отрядом «Наследники Победы», явился Первый ведомственный историко-патриотический сбор поисковых отрядов образовательных организаций МВД России «Путь к Победе» на территории волгоградской академии (с 12 по 18 мая 2024 года). В нем приняли участие поисковые отряды образовательных организаций МВД России: Санкт-Петербургского университета «Урицк»; Уральского юридического института «Малахит»; Донецкого филиала Волгоградской академии «Донбасс»; Санкт-Петербургского суворовского военного училища «Ленинград».

Проведенный на героической Сталинградской земле сбор внес весомый вклад в развитие поискового движения региона и повышение авторитета МВД России, военно-патриотического воспитания граждан и, конечно же, дал мощнейший толчок к активации поискового движения не только в этом министерстве, но и иных силовых структурах страны.

В прокуратуре Волгоградской области 17 августа 2022 года создан поисковый отряд имени Степана Викторовича Бекедова, возглавлявшего прокуратуру региона в годы Великой Отечественной войны. Одновременно с образованием отряда было заключено соглашение с региональным отделением Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» Волгоградской области.

Поисковые работы отряд под руководством прокурора Волгоградской области Д. А. Костенко проводит в Городищенском районе, преимущественно в окрестностях Самофаловки.

В период с августа 1942 года и до января 1943-го на территории Городищенского района развернулось ожесточенное сражение. Во многом это было обусловлено стратегическим значением района для быстрого выхода наступающих со стороны Дона немецких частей к Сталинграду. Район расположен в междуречье Волги и Дона северо-западнее Волгограда на Приволжской возвышенности. Его восточная граница примыкает к городской черте Волгограда и реке Волге, а западная — к восточному берегу Дона. По территории района проходил последний оборонительный обвод, в который входила часть Царицынской оборонительной линии. Опорными пунктами стали: Паньшино, Донской, Самофаловка, Новоалексеевка, Рогачик, Красный Пахарь, Большая и Малая Россошка, Кузьмичи, Котлубань, Орловка. Поэтому степные просторы Городищенской земли и стали ареной кровопролитных боев с применением крупных масс пехоты, бронетехники и авиации.

Поисковый отряд имени С. В. Бекедова в поле

Боевые действия на территории района начались 15 августа и носили особо ожесточенный характер в течение августа — октября 1942 года. Здесь ценой невероятных усилий сдерживали натиск рвавшегося к Сталинграду врага воины 35-й гвардейской стрелковой дивизии генерала В. А. Глазкова (Вертячий — Самофаловка); 38-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. А. Онуфриева (Ерзовка — Кузьмичи); 84-й стрелковой дивизии генерала П. И. Фоменко (Ерзовка — Городище); 87-й стрелковой дивизии полковника А. И. Казарцева (Россошка — Котлубань — Кузьмичи); 98-й стрелковой дивизии генерал-майора И. Ф. Баринова (с 22 августа 1942 года полковника И. Ф. Серегина) (Вертячий — Песковатка); 116-й стрелковой дивизии полковника И. М. Князева (Кузьмичи — Котлубань); 260-й стрелковой дивизии полковника Г. К. Мирошниченко (район высот 143,8 и 154,2 — х. Бородин — юго-восточная часть п. Самофаловка); 308-й стрелковой дивизии полковника Л. Н. Гуртьева (Котлубань — высота 143,8); 315-й стрелковой дивизии генерала М. С. Князева (Орлова — Городище). Достаточно сказать, что на территории Городищенского района в Сталинградской битве приняли участие 11 советских армий: 4-я танковая армия В. Д. Крючёнкина, 65-я армия П. В. Батова, 62-я армия В. И. Чуйкова, 64-я армия М. С. Шумилова, 1-я гвардейская армия К. С. Москаленко, 24-я армия И. В. Галанина, 66-я армия А. С. Жадова, 16-я воздушная армия С. И. Руденко, 21-я армия И. М. Чистякова, 57-я армия Ф. И. Толбухина, 8-я воздушная армия Т. Т. Хрюкина.

Много верных сынов Отечества навечно остались лежать в этих раскаленных от зноя степях 1942 года. Трагедия наших войск заключалась в том, что в срочном порядке прибывающим из глубинных районов страны (в основном из Сибири) частям практически без авиационной и артиллерийской поддержки приходилось, по сути, с марша вступать в бой с врагом. Войска

«...ПОКА НЕ ПОХОРОНЕН ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ»

Красной армии несли здесь очень большие потери. Приведу такой пример: на 15 сентября 1942 года 308-я стрелковая дивизия насчитывала 8671 бойца и командира, а к 20 сентября в строю осталось 4467 человек. Пехотные и танковые подразделения, прибывая в район поселка Котлубань, с марша вступали в бой. Перед ними стояла задача прорваться к Сталинграду и оттянуть на себя часть сил немецкой группировки, стремящейся захватить город. В поселке Самофаловка в братской могиле захоронено 4559 только известных солдат. А сколько осталось лежать в степях безымянными?

Передовые немецкие части вышли к Дону в районе хуторов Песковатка, Вертячий, Трехостровская. У хутора Вертячего враг образовал плацдарм, на котором началось активное накопление сил. Командующий 6-й полевой армией Паулюс в своем приказе от 19 августа 1942 года поставил перед войсками задачу форсировать Дон между населенными пунктами Песковатка и Трехостровская и нанести удар главными силами в район севернее Сталинграда до Волги. В результате этого удара южный фланг армии должен был юго-западнее Сталинграда соединиться с продвигающимися с юга частями 4-й танковой армии.

С указанного плацдарма 23 августа 1942 года противник и начал наступление на Сталинград. Командующий 62-й армией генерал А. И. Лопатин приказал 35-й гвардейской стрелковой дивизии во взаимодействии со 169-й танковой бригадой перейти в наступление в направлении хутора Вертячего с задачей уничтожить прорвавшегося противника. Войска дивизии во второй половине дня 23 августа контратаковали противника и в упорных боях прорвались в район Большой Россошки, где мужественно оборонялась 87-я стрелковая дивизия, и овладели Малой Россошкой. В результате ночного боя 24 августа 1942 года восьмикилометровый коридор, по которому немцы постоянно подбрасывали подкрепление, боеприпасы и продовольствие частям 14-го танкового корпуса, нашими войсками был сокращен до четырех километров в ширину и движение врага в сторону Волги фактически прекратилось.

Однако в течение 23—24 августа немецкой танковой группировке удалось прорваться в районе станции Котлубань у поселка Самофаловка. Этот поселок и стал эпицентром боестолкновений в междуречье. В частности, за железнодорожный разъезд «564-й километр» (высота 154,2) и вокруг него разгорелись ожесточенные бои. Развернувшееся здесь огромное степное сражение по своему масштабу и накалу превосходило боевые действия, происходившие в городе. Например, некоторые дивизии в этих сентябрьских боях теряли от 40 до 60 процентов от общей численности боевого состава. Во многом благодаря мужеству и героизму бойцов и командиров Красной армии здесь был сорван план фашистского командования по стремительному продвижению к Сталинграду. Немецкие войска понесли огромные потери, многие подразделения 6-й полевой армии Паулюса были обескровлены. На помощь им перебрасывались дополнительные силы с других участков фронта, в том числе севернее и южнее Сталинграда.

Вот в этих обильно политых кровью степях и проводит поисковые экспедиции отряд имени С. В. Бекедова. С момента его создания поисковикам удалось найти останки 234 бойцов, погибших при защите Родины. Одной из наиболее успешных может считаться поисковая весенняя вахта, проходившая в апреле — мае 2024 года. Тогда отряду удалось найти останки 125 бойцов, погибших в степях под Сталинградом.

Момент обнаружения солдатского медальона

Этот успех в значительной степени обусловлен тщательной подготовительной работой, которую участники отряда ведут задолго до поисковых выездов. В частности, детально изучаются материалы аэрофотосъемки, журналы боевых действий, мемуары участников сражений и многое другое. Кропотливые усилия по установлению мест боестолкновений, дислокации воинских соединений дают возможность более точно определить расположение боевых порядков наших подразделений на этом театре боевых действий. Подготовка соответствующего снаряжения и грамотный инструктаж командира отряда перед стартом поисковых работ также имеют немаловажное значение. На первый взгляд кажется, что находка редкого военного артефакта или солдатского медальона и есть «венец» тяжелого, многодневного и кропотливого труда поисковиков.

Однако для настоящего поисковика главная цель — достойно захоронить поднятые останки защитников Отечества, а по найденному медальону или документам бойца установить владельца, найти его родных и известить их о судьбе сгинувшего на полях войны солдата.

В ходе одной из экспедиций поисковиками отряда был обнаружен медальон с сохранившимися записями, благодаря которым потом удалось установить имя погибшего героя — уроженца Омской области Бинала Елембаева, 1898 года рождения. Наряду с медальоном обнаружили также книжку красноармейца П. М. Евтушенко. Личные вещи героев были переданы родственникам в день торжественного захоронения останков павших воинов.

Идентификация личности бойцов по обнаруженным медальонам и документам продолжается и после закрытия вахты. При этом члены поискового отряда взаимодействуют с экспертами ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области либо с преподавателями Волгоградской академии МВД России, где есть соответствующие специалисты и специальное оборудование. Аналогично осуществляется восстановление внешнего облика лица по 3D-модели найденного черепа бойца. В дальнейшем останки героев передают для торжественного захоронения на территории Россошинского военно-мемориального кладбища.

В целях патриотического воспитания молодого поколения к поисковому движению привлекаются и воспитанники подшефного прокуратуре области ГКСУ СО «Волжский центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей».

«...ПОКА НЕ ПОХОРОНЕН ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ»

Совместная фотография с родственниками Бинала Елембаева

В начале 2024 года по итогам Всероссийского конкурса на лучшие материалы в средствах массовой информации о работе органов прокуратуры специальный репортаж о поисковом отряде имени С. В. Бекедова «Найти. Нельзя оставить» отмечен высшей наградой Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В январе 2024 года в здании Прокуратуры Волгоградской области открыта экспозиция, посвященная деятельности этого поискового отряда. Важное место в экспозиции занимают предметы, документы, личные вещи павших воинов, с помощью которых удалось установить судьбы красноармейцев.

В этом очерке отражена лишь часть многогранной и такой нужной для нашего общества работы поисковых отрядов.

Татьяна ФЕДОСЕЕВА

Сталинград: послевоенное детство

(Продолжение. Начало в № 1 за 2026 год)

ЧАСТЬ 2. НА РОДИНЕ ОТЦА — В ХУТОРЕ ТУШКАНОВСКОМ

Спустя несколько месяцев после рождения моего брата отец списался со своими родителями и повез меня пожить у них, чтобы маме было полегче с часто болеющим сыном.

Несмотря на мой совсем малый возраст, мне шел только четвертый год, я помню, как отец вез меня к своим родителям на хутор Тушкановский Нехаевского района Сталинградской области, где я и прожила с поздней осени 1955-го до осени 1956 года у родных моих, казаков, деда Василия Алексеевича и бабушки Агриппины Николаевны Коловых. За свою жизнь они народили одиннадцать детей, четверо из которых умерли в младенчестве, а четверо погибли в Великую Отечественную. Остались трое: мой отец Алексей, его младший брат Александр и их сестра, живущая где-то в Фергане.

Конечно, в таком малом возрасте запомнить всё невозможно, но то, что сохранилось в памяти, сегодня ощущается как старая добрая сказка. Не было горечи переживаний от того, что меня разлучили с родителями, наверное, потому, что в доме у деда-казака на меня обрушилось столько любви, что для тоски и переживаний не осталось места в моей детской душе.

ФЕДОСЕЕВА Татьяна Алексеевна — педагог, писатель, общественный деятель, ветеран труда Волгоградской области. Родилась в 1952 году. Окончила Волгоградский педагогический институт. Живет в Волгограде. Награждена почетным знаком города-героя Волгограда «За верность Отечеству» (2006), почетным знаком «Признание» Волгоградского Совета женщин (2012). Дипломант литературной премии «Горячий снег» Волгоградского отделения Союза писателей России (2018). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024). Победитель регионального конкурса «Женщина года» (2025).

Очень хорошо помню много снега и себя, закутанную по самый нос, помню, что трясло очень, ехали-то по накатанной в степи колее. Первое воспоминание о казачьей хате, как и у всех в том краю, крытой соломой, — это тепло в доме. Дом, или хата, как говорили в этих местах, показался мне сказочно большим и очень-очень жарким. Двор, в который мы въехали, поразил меня своим простором. На единственной улице хутора Тушкановского дом казака Василия Алексеевича Колова был одним из самых добротных. Дед нас встретил на пороге хаты со словами:

— Ну, здравствуйте, заждались! Проходи, сын, давай Танюшку.

И он крепко прижал меня, закутанную, к себе, щекоча усами. Видимо, усы очень поразили меня: колючие, но не страшные — родные.

Как только мы вошли в хату, бабушка раскутала меня и сразу положила отогреваться на лежанку печи, укрыв чем-то пушистым и ласковым, меховым. Печь, делящая дом на две части — две комнаты, полюбились мне сразу: тепло, уютно и высоко так, что видно всё и всех. Я тут же закричала:

— Папа, смотри, как я высоко!

— Будешь здесь спать? — спросила ласково бабушка.

— Буду здесь жить! Здесь так тепло и хорошо! — радовалась я.

Папа потом не раз вспоминал эти мои слова: он еще и сам не знал, на сколько меня оставляет, так как всё зависело от здоровья моего брата. А пожить у дедушки с бабушкой мне пришлось почти десять месяцев, до поры, когда поспели яблоки в саду. Потом в семье говорили почти о целом годе, который я, маленькая, прожила в Тушкановке. Так, видимо, казалось моим родителям, тосковавшим по своей маленькой дочке.

Мне же это время запомнилось не долгими десятиями месяцами, а каким-то невероятно счастливым мгновением. Обожание, любовь, забота обо мне были всеобъемлющими! Здесь, в далеком хуторе Тушкановском, я ощущала себя в каком-то добрейшем, полном детских впечатлений и открытий сказочном мире. И сейчас, спустя более чем полвека, я храню эти дорогие мне ощущения безмерного счастья.

— Бабушка, а дом этот весь наш? А где соседи? — спрашивала я, впечатленная печью, просторными комнатами, отсутствием соседей. В городе-то всё по-другому. А здесь! Чего стоил один только темный чулан, в конце которого была низенькая дверь в кладовую: и страшно, и загадочно, и притягательно. И повсюду: под потолком чулана, кладовой — развешаны сухие пахучие травы.

— Наша хата, вся наша, Таня.

— Хата — это дом? Куда же делись соседи? — засыпала я вопросами бабушку.

— Да, дом — это хата. Так мы, казаки, называем наши дома. А живем в своих хатах все без соседей. У каждого соседа — своя хата.

— Вот это да! — изумлялась я. — Бабуля, а я тоже казак?

— Ты, внученька, казачка.

— А казачка — это хорошо?

— Хорошо, Танюша, хорошо. Такими мы родились, так нас называют люди.

Мне всё нравилось в хате. И сейчас перед глазами эта милая картина казачьего дома. Первая комната, в которуюходишь из чулана, или сеней, тянущихся вдоль всего дома, в ту зиму освещалась керосиновой лампой. Электричества еще не было: оно появится года через два. По левой стене — сразу

от входа — сундук, на котором можно было и сидеть, и лежать, и играть. И мне всё это было можно!

А от сундука до конца стены — широкая деревянная лавка, на которой тоже можно было спать, а еще и сесть за стол, примыкающий к ней. Над лавкой — окно, выходящее во внутренний палисадник.

Окошки — чудо из чудес! С красивыми голубыми резными ставнями, которые дед на закате перед сном закрывал, выходя на улицу, и открывал с рассветом.

По противоположной от входа из чулана стене — большой обеденный деревянный стол, над ним — два окна. Верхний угол стены — красный, с иконами и лампадкой. Мне нравилось смотреть, как бабушка зажигала лампадку. От ее мерцания лики Боженьки и «святых праведных», так говорила бабушка, озарялись подрагивающим волшебным светом. В городе мало у кого в доме были иконы. А здесь невиданное — так загадочно и сказочно красиво!

— От них добро и тепло, — ласково объясняла бабушка, протирая чистой тряпочкой иконы, с природным пониманием не посвящая меня, ребенка, в свою веру в Бога. Такие были времена: религиозность не поощрялась. Но верующие, какой была и бабушка Агриппина Николаевна, сохраняли иконы и религиозные привычки и обычаи. Когда она шепотом молилась, я притихала, детским своим сердечком чувствуя, что бабушка делает что-то важное для себя и для меня.

— Господи, спаси и сохрани рабу Божию Татьяну, — из этих странных слов, произносимых ею, я понимала только слово «Татьяна». Но от этого на душе становилось хорошо и спокойно.

Дальше — дверь в горницу, так называли деды квадратную комнату, размером побольше первой, что с печью. Но одна из стен печи была и частью стены горницы, согревающей и эту часть дома, где тоже всегда было тепло и сухо. Как было здорово, проснувшись, потрогать прямо с кровати, которая стояла под одним из двух окошек горенки, ветку яблони с зарумянившимся яблочком. Вот оно: бери и ешь! Это ли не чудо!

Палисад вдоль этой стены дома выходил на улицу. В нем росли только яблони. Они тянулись своими ветками прямо в открытые окошки: весной усыпанные пышным яблоневым цветом, осенью — крупными, удивительно вкусными яблоками. Именно эти яблочки старики присылали нам в Сталинград в фанерных почтовых ящичках с отверстиями. О, сколько было радости уже только от одного яблочного аромата, исходящего от посылки! А сами яблоки — праздничная еда в возрождающемся после войны городе.

В горнице была еще одна кровать и большой парадный круглый стол, накрытый вышитой белой скатертью. На окнах висели тоже белые с вышивкой занавески, отчего горница казалась всегда праздничной. Эта комната была предназначена для гостей: сыновей, родственников, а теперь — для меня.

Вскоре, кроме слова «хата», в моем словаре появились и другие словечки казачьего говора: баз — двор, дюже — очень, вечерять, так говорил дед, — ужинать; будя — хватит, достаточно; гутарить — говорить, бечь — бежать, любо — хорошо, надысь — недавно, на днях, а также — сеструшка, братушка и многие другие новые слова.

Когда я вернулась в Сталинград с таким набором слов, первым удивился папа. Ему было и смешно, и радостно слышать знакомые с детства слова. Соседские же дети сначала слушали меня с непониманием и удивлением,

СТАЛИНГРАД: ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

потом стали громко смеяться, когда я с серьезным видом говорила маме, наливающей мне в тарелку суп:

— Будя, мама!

Половник мамы застывал на весу.

Или спрашивала разрешения погулять:

— Можно теперь бечь на улицу?

Постепенно, живя в городском окружении, я вернулась к прежней, городской лексике. Но следующим летом в Тушкановке, куда меня вновь отвезли, к великой моей радости, я вновь вспомнила эти родные казачьи словечки. Они мне дороги и сейчас.

У дедушки Васи и бабушки Груни, или, как ее ласково называл дед, Груши, я проводила каждое лето до поступления в школу. И каждое лето было летом радости и счастья! Как не радоваться просторному двору с его козочками и курочками... Как только я просыпалась, бабушка приносила мне парного козьего молочка, невероятный вкус и запах которого не забыт и сегодня. Потом мы вместе с бабушкой шли в хлев, где жили козы и куры. В курятнике бабуля держала корзину, а я своей маленькой ладошкой осторожно, как она учила, собирала яйца.

— Грунечка, а курочки не обидятся? — спрашивала я сначала.

— Не обидятся, Таня, такая у них работа — людей кормить.

К задней стене хлева дед стопкой укладывал высушенные на солнце кизяки, которые он изготавливал сам из смеси козьего навоза и соломы. Ими топили зимой печь.

За хозяйственными постройками далеко вверх на пригорок уходили два поля — подсолнуховое и кукурузное, где можно было свободно погулять, наломать подсолнухов или кукурузных початков, а вечером, сидя на завалинке дома, лакомиться их свежими плодами.

На огромном огороде выращивали всё, что можно было вырастить в сельской местности: картофель, огурцы, морковь и даже арбузы. Помню детское удовольствие от погружения рук в землю, мягкую, черную, влажную. Особенно радовали меня огромные огурцы, которые я находила среди их плетей, лежащих на земле. Огурцов на этой казачьей земле всегда вырастало много. Я среди плетешек замечала только большие.

— Грунечка, смотри, смотри, какой я нашла! — кричала я от радости, пытаюсь оторвать от растения самый большой огурец.

Вдоль всего огорода со стороны улицы — плетень — плетенная из веток изгородь, как было принято у казаков, а в середине плетня — калитка на улице и тропка — прямо к колодцу.

Какая была радость выйти с Грунечкой по воду: напиться у глубокого колодца холодной-прехолодной водицы — аж зубы ломит, а потом бабушка обязательно зачерпнет ладонью воду из ведерка и умоет мне лицо, приговаривая:

Очищай, водичка, Танино личико,
Чтобы глазки блестели — лучше смотрели,
Щёчки розовели, губки алели!

С той поры и до сих пор верю в чистоту и целебность родниковой и колодезной воды.

Сталинградское детство

Идти рядом с бабушкой с маленьким ведерком, наполненным колодезной водой, а у Грунечки на плечах — коромысло с большими ведрами, было здорово, по-взрослому! Так мы вместе идем поливать огурчики.

— Польем огурчики — вырастут они большие-пребольшие! На радость Тане, — вела беседу со мной, малолетней, бабушка, вовлекая меня в совместный труд на земле, труд-счастье.

У всех на хуторе Тушкановском были сады русской вишни. С этой ягодой летом и зимой варили взвары — крепкие вишневые компоты, в которые не надо было добавлять сахару: вишню не жалели, насыпали по вкусу. И, конечно, сушили ее на зиму.

У моих старичков — самый большой вишневый сад на хуторе. Не сад, а лес! Столько было деревьев — можно было и заблудиться. Поначалу со мной так и случи-

лось. В густоте вишневых деревьев я потерялась. Хорошо помню, что было страшно, но не заплакала, а остановилась и тихонько позвала:

— Грунечка!

Оказалось, что бабушка в этом вишневом лесу была рядом — рвала ягоду, но глаз с меня не спускала и тут же откликнулась:

— Вот она я, Танюшенька! Испугалась?

— Нет, бабунечка, ты же говорила, что волков здесь нет. Есть только зайчики.

И действительно, как-то в конце лета, когда мы с ней пошли на дальний конец сада за грибами, из-под куста выскочил большой серый заяц и помчался на бугор в кукурузные заросли.

— За грибами косой приходил, — шутила бабушка. — Вон гляди, сколько их!

Вся полянка в конце сада была усыпана грибами. Бабушка, аккуратно срезая их, приговаривала:

— Возьму первый — вырасти второй, возьму третий — вырасти четвертый! Смотри, Танюша, а это пятый! Не наступи. Будем вечерять картошечкой с грибами.

— Вот дедушка обрадуется! — смеялась я от удовольствия.

— Давай, Таня, теперь переберем грибочки и посчитаем, сколько ядреных мы набрали.

— Один, два, три... — повторяла я за бабушкой, считая ядреные, то есть крупные и самые красивые грибы, раскладывая их на траве.

СТАЛИНГРАД: ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Так бабушка Агриппина, закончившая только два класса, учила меня, малую девочку, начальной арифметике, превращая сельскую работу в игру и уроки одновременно.

Когда созревала земляника, мы с бабушкой шли за ней в дальний лес. Дорога казалась длинной — лес находился километрах в двух от хутора. Полянка, на которую мы шли, была бабушкиной тайной, которую она никому из хуторян не сообщала. Нелегко было пройти в глубь смешанного леса через коряги и кочки, но вот открывалась зеленая поляна, и я замирала от счастья. Под ногами — лесная земляника, краснеющая из-под каждого листика.

— Танюша, теперь идем осторожно, не затаптывая кустики и ягодки, рвем бережно. Сюда нам придется вернуться еще не раз. Эту полянку мне и тебе подарил лес.

— А можно ее сейчас есть?

— Можно, можно, только не забывай, что у нас еще пирожки с собой.

Мы рвали землянику в окружении деревьев, под разнообразное и великолепное птичье пение, время от времени отдыхая, располагаясь прямо на теплой густой мягкой травке. Вкус той лесной земляники, незабываемо пахучей, с Груниной полянки до сих пор вызывает во мне ощущение бесконечного счастья. Никакая клубника, даже собственноручно выращенная, выхолощенная, не затмила той земляники детства.

Когда корзины, у бабушки побольше, у меня — маленькая, были заполнены, Груня, оставляя меня на видном месте, отходила пособирать лесную лечебную траву, а чтобы я не пугалась, она всё время, идя по краю опушки, наклоняясь за травой, приговаривала:

Крапивушка — силушка,
Чабрец — молодец,
Зверобой — хворям бой,
Полынушка — золотишка!

Дома бабушка, связав травы в пучки, развешивала их под потолок в чулане, потом мы пили чай с собранными травами и земляникой.

Теперь я знаю, что взрослое понимание необходимости сбережения природного достояния приходит только с непосредственным сближением с природой с малых лет, с прикосновением к ее красоте и дарам.

Приближалась осень, и надо было прощаться с радостями хуторской жизни, прощаться с дедом Василием и бабушкой Груней. Жалко было уезжать, но приехал папа, чтобы увезти меня к маме, которая очень скучала по мне. Обнимая моих деревенских старичков, я пообещала, что приеду, обещал и папа своему отцу и утиравшей слезы матери.

Папа Леша свое обещание сдержал, и до самого моего поступления в школу я каждое лето проводила на хуторе Тушкановском, полюбившемся мне на всю жизнь.

Продолжение следует

Александр СМИРНОВ

Когда приходишь в «Поиск», жизнь только начинается

Эпизод второй. Светлоярский боевой район

В братской могиле в селе Червлёном числился увековеченным красноармеец Ольховой Ефим Аркадьевич. Весной 2015 года на волгоградском телеканале был показан сюжет, а чуть позже в районной газете «Восход» вышла статья о том, как внук нашел, где похоронен дед в селе Червлёном, привез туда отца и недалеко от братской могилы посадил дерево. Однако по документам о потерях в ОБД, его дед был похоронен в Сталинграде в поселке Красноармейск. По документам 422-й стрелковой дивизии, в сентябре 1942 года красноармеец Ольховой пропал без вести в районе села Червлёного. Можно предположить, что, скорее всего, попал в плен, а после освобождения оказался в запасном полку в Красноармейске. Условия в немецких лагерях для военнопленных под Сталинградом были нечеловеческие, и весной 1943 года он умер от истощения и болезней в госпитале. Его прах покоится в братской могиле на площади Свободы в Красноармейском районе Волгограда. В Червлёном он увековеченным быть не может. Я связался с внуком Ольхового. Он рассказал, что получил заверения от сотрудников сельской администрации: имя деда значится в паспорте захоронения.

Эта история дала мне толчок к выяснению судеб всех, кто числился в братской могиле в селе Червлёном. В братских могилах можно увековечивать

СМИРНОВ Александр Александрович — консультант администрации Светлоярского района Волгоградской области, член Союза журналистов России, член Совета ветеранов Красноармейского района Волгограда, специалист поиска «Судьба солдата», «Поискового движения России». Родился в 1959 году. Живет в Волгограде. Занимается архивной и поисковой работой. Автор Книг нашей Памяти по Красноармейскому, Светлоярскому и Среднеахтубинскому районам Волгоградской области.

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

только тех, кто был здесь похоронен. Пропавшие без вести могли погибнуть, могли попасть в плен. В плену не многим удавалось выжить. И только если останки солдата найдены и идентифицированы поисковиками, можно считать его погибшим.

В селе Червлёном среди увековеченных в братской могиле оказалось много пропавших без вести. Даже удалось проследить судьбу нескольких таких солдат, которые выжили, пройдя плен. Результаты исследования по этому селу оказались настолько ошеломляющими, что захотелось узнать, насколько в других населенных пунктах района сведения мемориалов расходятся с информацией о потерях тех соединений, которые воевали в наших местах.

Технология поиска получилась такой: из списка существующего паспорта братского захоронения проверялась судьба каждого солдата. Потом проводился анализ, какие соединения воевали в этих местах, изучались их донесения о потерях. Таким образом, возник новый список, более полный. Я выявил также тех, кто был ошибочно увековечен.

Были и такие воины, чьих имен из паспорта захоронения не оказалось в документах о потерях в ОБД. Предстоит разобраться, откуда они взялись, но пока они продолжают числиться в этом паспорте.

Я провел анализ всех братских захоронений на территории Светлоярского района, сверил все имена на них (на плитах и обелисках) с паспортами и документами о потерях в ОБД. В 2021 году была опубликована «Книга нашей Памяти. Светлоярский район Волгоградской области. Выпуск 2-й. Захоронения советских воинов на территории района». В приведенных списках были отмечены воины, имена которых есть на памятниках и мемориалах. По установленной практике в районном военкомате не ведется учет имен, размещенных на обелисках.

Нынешние братские захоронения в населенных пунктах Светлоярского района фактически превратились в мемориалы, где увековечены воины, не только похороненные в этой могиле, но и другие, погибшие в близких местах. Мне удалось найти документы о захоронениях в 1940-х годах только в поселке Приволжском, селах Большие и Малые Чапурники, а также фотографии захоронений конца 1940-х годов.

Видимо, раньше стремились увековечить как можно больше бойцов, в том числе шли навстречу родственникам, просящим записать пропавшего без вести как похороненного в братской могиле. Самый большой дисбаланс был в братской могиле на станции Канальной, бывшей Тундутово. Жители, ставшие свидетелями перезахоронения, вспоминают всего несколько гробов, перенесенных от переезда и с кладбища, а потом количество «увековеченных» увеличилось почти до 850!

Обобщенные данные по району очень удивили. Количество ранее ошибочно увековеченных составило примерно половину — как в паспортах захоронений, так и на памятниках.

Однако после выхода Книги нашей Памяти в течение нескольких лет положение не изменилось. Родственникам сообщали ошибочную информацию из неисправленных паспортов захоронений, а иногда происходили такие случаи, когда родственники приезжали в наши села и делали то, что им казалось праведным, но на самом деле — незаконным. Так, в 2010 году в поселок Приволжский приехала кавалькада представительных автомобилей. Помощник одного государственного деятеля с родственниками поведал

приволжцам семейную легенду. Его дед, красноармеец М. М. Мунаев, служил в 255-м отдельном ингушко-чеченском кавалерийском полку. Он погиб на подступах к Сталинграду и был похоронен в одной могиле с односельчанином З. М. Межидовым в селе недалеко от Калмыкии, где было большое озеро. Посмотрев на современную карту, потомки славных воинов решили, что поселок Приволжский для этого вполне подходит: недалеко от Калмыкии и большое озеро в наличии. Они довольно легко уговорили работников администрации Приволжского, что все расходы берут на себя, изготовили и установили на памятнике братской могилы в центре поселка мемориальную доску с именами своих земляков. Вроде никого не обидели. А то, что 255-й кавполк в Приволжском никогда не воевал, что красноармеец З. М. Межидов погиб и увековечен в калмыцком поселке Яшкуль, где тоже есть большое озеро, — их это не очень-то и интересовало. Жаль, что к проблеме увековечения администрация Приволжского проявила равнодушие.

Подобный случай произошел в 2016 году в поселке Северном. Родственники пропавшего без вести сержанта 29-й стрелковой дивизии А. А. Ткаченко из благих намерений предложили установить за свой счет памятник с именами сержанта и двух его сослуживцев — И. С. Некрасова и С. Л. Авдеенко, указанными в донесении о потерях рядом с Ткаченко, как памятник всем погибшим воинам 29-й стрелковой дивизии. Кажется, ничего предосудительного в установке этого памятника нет. Но родственников Некрасова и Авдеенко не искали. А самое печальное, что этот памятник установили на могилах неизвестных солдат, найденных поисковиками и похороненных сразу за поселком. Неужели у наших современников не шевельнулось в душе сомнение, что нельзя, недопустимо на чужих могилах ставить памятник своим?! А главное, все эти воины в донесении о потерях записаны как пропавшие без вести. То есть они могли погибнуть и остаться на поле боя, а могли и попасть в плен.

Часто возникает практический вопрос: а как можно увековечить пропавших без вести? Ясно, что в случае братских могил это невозможно. Ответ прост: есть другие формы увековечения: Книги нашей Памяти по регионам, откуда эти защитники родом, а также памятники погибшим землякам на их родине.

Большую и важную работу ведут поисковики. Проводя раскопки на местах боев, они поднимают останки погибших солдат и пытаются установить их имена. Очень часто это бывает как раз пропавшие без вести.

Мне пришлось принять принципиальное для себя решение: предложил администрации Светлоярского района разработать новые паспорта захоронений с учетом проведенных мною исследований, для исправления множества ошибок в предыдущих паспортах, последняя версия которых была сделана в 2014 году. Толчком к этой работе стал приказ министра обороны России о перепаспортизации воинских захоронений, вышедший в 2022 году. Мое предложение было принято, и эта работа продолжалась больше года — при том, что я не собирал заново информацию, а выбирал из своей книги, проверяя некоторые документы. В дополнение к требуемым спискам я стал создавать списки бойцов, ранее ошибочно увековеченных в этих захоронениях. Выполненной работой я остался доволен. Вместо 30 прежних паспортов я сдал паспорта на 29 братских могил и 7 индивидуальных. Попутно мне пришлось разработать реестры учета воинских захоронений не только Светлоярского района, но и всей Волгоградской области. Реестр необходим для присвоения кодов территориям и поселениям, чтобы эти коды использовались

для идентификации паспортов. Эту работу должен был провести уполномоченный орган в региональной власти, но такого долго не могли назначить. В других регионах (Казань, Курск, Вологда) такими стали комитеты по делам молодежи, а у нас такой комитет был упразднен, его функции были переданы комитету по образованию, а заниматься учетом воинских захоронений для него, скажем так, непрофильно. Спустя несколько лет таким органом был назначен комитет территориальных образований, но и там не оказалось специалистов по нашему направлению. Прежде всего нужен навык архивного поиска. Это не просто примитивный поиск в интернете, нужно понимание хода боевых действий, особенностей территорий, географии, основных правил увековечения. Я спросил однажды у коллеги, специалиста из соседней районной администрации, переписавшего старые паспорта захоронения по новой схеме без исправлений, есть ли у них список ранее ошибочно увековеченных? Это вызвало недоумение: а разве такие бывают? Да, в Светлоярском районе таких до 50%. Вопрос коллеги был понятным: почему с нами не провели ни одного обучающего занятия?

В светлоярской администрации я получил доступ к запросам родственников об информации о месте захоронений и увековечения воинов. Таких не очень много, один-два в месяц. И вот что стало известно: большая часть запросов связана с ранее ошибочно увековеченными бойцами. Например, в Наримане на памятнике братской могилы есть фамилия солдата. Его внучка пишет нам из Красноярска, благодарит администрацию, что ухаживают за памятником, говорит, что, может, на следующий год приедут поклониться праху деда. А в донесении о потерях сказано, что он погиб в окрестностях Тингутинского лесничества, а это в 40 километрах от Наримана. Могли его перезахоронить? Конечно, нет. В тех местах, по моим данным, еще ни разу не работали поисковики. Значит, солдаты до сих пор лежат там, в степи, и ждут, когда их найдут. Мой вопрос к внучке был такой: что для вас важнее — имя на обелиске в 40 километрах или чтобы его все-таки нашли и достойно похоронили? Ответ нормального человека был очевидным.

Других примеров тоже много. В поселке Садовом после войны в ерике нашли упавший самолет, в нем — офицера по фамилии Сафонов. Его похоронили на высоком месте и написали: «Летчик майор Сафонов». Через несколько лет его могила оказалась на территории склада сельхозхимии, где хранились удобрения. И останки «летчика Сафонова» перенесли во двор школы. Очевидцы этого события рассказали мне, что «летчик» был в шинели с портупейей. А в архивных документах о потерях я встретил запись о гибели артиллериста капитана Сафонова Ивана Иосифовича, заместителя командира 1188-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 1909 года рождения, погибшего 03.12.1942 года в 6 км западнее МТФ Светлого Яра при проведении рекогносцировки. Он не был летчиком, но погиб при аварии самолета. Капитан в петлицах носил одну шпалу, а майор — две. Когда ввели погоны, у майора появилась одна звезда, скорее, по незнанию и определили звание погибшего офицера. Но самое печальное было впереди. Название поселка — Садовый — оказалось созвучным с названием станции Садовой в Ворошиловском районе Волгограда. Оттуда погибших воинов перенесли на Мамаев курган. Но не все это знали. И к «майору Сафонову» добавили еще 24 фамилии, сделав одиночную могилу братской. Даже на памятнике написали несколько имен. И вот в администрацию Светлоярского района пришло письмо от племянников солдата, которого приписали в эту «братскую

могилу». Я подробно описал им всю ситуацию, и вскоре они приехали из Воронежа. Мы съездили с ними на место, где на самом деле погиб их родной человек. Набрали земли в мешочек, чтобы отвезти на могилу родителей, нарывали в степи нашей скудной полыни для памяти.

Мы должны говорить правду родным наших защитников. Весь «Поиск» ведется для этого. Однажды я увидел слезы на глазах племянницы, приехавшей на могилу дяди по результатам моего поиска, и понял, что не брошу это дело ни за что. Сам пережил такие же эмоции, когда мы с женой побывали на месте, где покоится брат моей мамы, в Венгрии, — без слез прочувствовать это невозможно. Потому для меня так важно помогать другим, кто ищет своих родных.

Когда поисковики все-таки находят останки бойцов, их хоронят достойным образом на специальных кладбищах: в Россошках Городищенского района, в Верхне-Кумском Октябрьского района, под Суровикино, у станции Голубинской Калачевского района, в поселке Привольном Светлоярского района. Уже больше десяти лет не производят поисковые захоронения на мемориальном кладбище Мамаева кургана (кроме одного раза в 2021 году). Глава Светлоярского района Владимир Викторович Фадеев предложил создать такой мемориал в Светлоярском районе, недалеко от села Солянка. Все вместе (чиновники, поисковики) выбрали место, оформили землю, сделали проект. Название «Последний рубеж» родилось само собой: если посмотреть на карту военного времени, по дороге, рядом с которой находится этот мемориал, проходила линия фронта. До этой линии захватчики дошли 84 года назад, в 1942-м, отсюда их погнали обратно до самого Берлина. Это был действительно наш послед-

ний рубеж. При проверке на наличие взрывоопасных предметов поисковики нашли здесь в земле патроны, мину и снаряд. Это самое боевое место было выбрано, чтобы хоронить наших защитников, останки которых поисковые отряды поднимают каждый год. Пока готовы к захоронению первые 125 воинов. Мемориал будет впечатлять!

На страницах газеты «Восход» на протяжении всего 2025 года прошло восемь публикаций под рубрикой «Стена Памяти». Публикации были встречены в районе очень положительно, у меня интересовались, будет ли продолжение. Я собрал портреты более 120 воинов, погибших на территории нынешнего Светлоярского района. Одним из них был Герой Советского Союза летчик майор Владимир Васильевич Землянский, который повторил подвиг Николая Гастелло, направив свой подбитый самолет на колонну техники врага.

Памятный знак, посвященный подвигу летчика В. Землянского

КОГДА ПРИХОДИШЬ В «ПОИСК», ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

В Волгограде в Центральном районе есть улица Землянского, а в Светлоярском районе мы решили увековечить память о нем недалеко от места совершения подвига. Рядом со школой в поселке Привольном 24 июня 2025 года был открыт необычный памятный знак в честь подвига майора Землянского. Макет самолета Ил-2 в масштабе 1:12, изготовленный местным мастером, жителем поселка Октябрьского Алексеем Бабичевым из осколков, найденных на полях сражений, настолько поражает, что, подойдя к нему, невольно гладишь его руками и с благодарностью думаешь о подвиге наших отцов и дедов — тех, кто сберег нашу Родину, кто дал нам возможность жить в завоеванном ими мире.

В районе, помимо известных братских могил, есть еще места неучтенных и даже забытых захоронений. Когда я бываю в тех краях, всегда о них вспоминаю и понимаю, что еще не всё возможное сделал для увековечения подвига тех солдат, кто отдал жизни за Родину в нашем районе. Всей стране известен памятник «Катюша» в селе Цаца. Его открыли в 1982 году, когда отремонтированная установка из Волгограда своим ходом доехала до Цацы. А то, что в Цаце на кладбище были похоронены наши бойцы, которых привезли с Золотой горы, я узнал от местных жителей. Золотой горой называют синевшую за озером Цаца гору километрах в 10—20 от села. На картах она отмечена как высота 87,0. Ее долго безуспешно атаквали наши бойцы, начиная с октября 1942 года, пока вал контрнаступления 20 ноября не смёл румынских захватчиков. Останки наших воинов тогда отвезли на кладбище в Цацу.

В другом месте, на подступах к Дубовому Оврагу, есть схожая высота 86,0. Она находится даже ближе к поселку Приволжскому. По донесениям о потерях, на этой высоте были похоронены 25 человек. Там стоит необычный памятник — артполку 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Но братской могилы нет. На этом месте дух захватывает — в ясную погоду видна округа километров на 50. Волжский видно!

Во время войны важным центром нашей обороны была ферма № 2 совхоза имени Юркина. Теперь это поселок Прудовый. В центре его есть братская могила. Указано всего пять имен, хотя когда-то тут числилось 42 бойца. В ноябре — декабре 1942 года здесь стоял полевой подвижный госпиталь ППГ-592. В нем умерло от ран 118 человек, их хоронили на сельском кладбище. О них не осталось воспоминаний, есть только донесения о потерях.

Есть еще высоты, куда не добрались поисковики, — 84,5; 87,0; 111,8; 112,9; 148,0... А есть бывшие хутора, где тоже гибли наши защитники: Андреевка, Блинные, Кошары, Семкин, Солянка, Эрдешкин, Хара-Усун. Десятки наших бойцов были похоронены в каждом из них. Почему бы не поставить там стелы в память о том, что здесь лежат наши защитники? По моим подсчетам, незаслуженно обойдены нашим вниманием почти полторы тысячи наших воинов.

В заключение расскажу, чем я немного горжусь. В центре поселка Светлый Яр, рядом с Домом культуры, в начале 1990-х годов был открыт мемориал не вернувшимся с войны землякам-светлоярцам. На гранитных плитах были высечены 198 имен. Знакомые светлоярские фамилии, по пять — десять человек: Абраменко, Андреевы, Бирюковы, Бобиченко, Ветчинкины... Здесь проводились митинги в памятные даты. В 2025 году пришло время капитально отреставрировать мемориал. Я предложил обновить эти списки. В результате на плитах появились 367 имен.

А мой поиск продолжается...

Михаил СМОТРОВ

«Судьбы твоей воздушный трафик...»

* * *

Сорвать полынь и поднести к лицу,
До судорожных слёз вдохнуть степную горечь
И осознать, что жизнь идёт к концу,
Что бой моих часов показывает полночь.

И горько повторять: пора, пора, мой друг,
Уж скоро предстоит стать точкою во мраке,
А также пылью трав, соринкой на ветру,
Стихами на губах нетрезвого гуляки.

Нация работорговцев

Англичане могли бы рыбой или морковью
Торговать. Но они занимались не этим.
Они занимались работорговлей
До девятнадцатого столетия.

От жарких африканских берегов
В Америку их фрегаты и бригантины
Перевозили негров-рабов
В трюмах, словно скотину.

СМОТРОВ Михаил Васильевич — поэт, председатель правления Волгоградского регионального отделения Союза писателей России. Автор пяти сборников стихов и двух сборников авторских песен. Родился в 1963 году. Окончил Волгоградский государственный университет. Живет в Волгограде.

«СУДЬБЫ ТВОЕЙ ВОЗДУШНЫЙ ТРАФИК...»

Англичане столько срубили бабла
За триста лет такой навигации,
Что на работорговле расцвела
И поднялась английская нация.

А теперь, начиная с двадцатого века,
Они учат, с***, мою Отчизну
Демократии, правам человека,
Политкорректности и гуманизму.

* * *

Я зонтик положил в хозяйственную сумку,
Взял деньги и пошёл с той сумкой в магазин,
Купил там колбасы, ржаного хлеба булку,
Бутылку молока, селёдку иваси.

А зонтик зря я брал. Он мне не пригодился.
Хотя свинцовых туч был мрачный вид тяжёл,
Пока туда-сюда недолгий путь мой длился,
Дождь так и не пошёл,
Дождь так и не пошёл.

Совесьть

Один мой знакомый
Ограбил пивной киоск,
А после, спустя неделю,
Пошёл в милицию
И сам на себя донёс
И на дружков-подельников.

Он всегда мне скользким казался
И кличку имел Сазан,
Я спросил его из любопытства
При случае:
«Зачем ты признался?»
И он сказал:
«Совесьть замучила!»

Турникет

Ты проходила турникет,
А я стоял у турникета,
Не говори, что счастья нет,
Я знаю сам, что счастья нету,

Но главное, что денег нет.
И, потому что денег нету,
Ты проходила турникет,
А я стоял у турникета.

* * *

В одной гостинице, в Италии,
Хотел умыться я. И что же?
Напор воды не просто маленький,
Напор воды совсем ничтожный.

Другой бы им бейсбольной битой
Все стёкла вдребезги разнёс,
А я, как человек воспитанный,
Одно лишь слово произнёс...

* * *

У каждой на планете нации,
У каждого людского племени
В пространстве есть свои вибрации,
Запечатлённые во времени.

У каждой человеческой особи,
В любом мгновении ничтожном,
Вибрация обычным способом
Присутствует в размере должном.

И между жизнью каждой личности
И жизнью всей цивилизации
Одно всего лишь есть отличие —
Масштаб вибрации.

* * *

Попутчик по купе — небритый, неприятный,
На урку-пахана был старого похож:
Наколки на руках, фуфайка в бурых пятнах,
Кепарь на голове, за голенищем нож.

А выяснилось, он профессор-педагог,
И автор умных книг, и МГУ заканчивал.
Такой вот мне судьба преподнесла урок:
Внешность обманчива!

Бивни

Прошёл весенний первый ливень,
Проснулась тундра,
И вылез мамонтовый бивень
Из грунта.

Настанет лето. Грянут ливни.
Размякнет тундра.
Полезут повсеместно бивни
Из грунта.

«СУДЬБЫ ТВОЕЙ ВОЗДУШНЫЙ ТРАФИК...»

* * *

Моль гадкая изъела мне перчатки,
Стою, как идиот, на лестничной площадке,
На дырочки гляжу — куда ж теперь идти:
Ноябрь уж наступил, уж холод впереди,
Уж роща третью ночь листву на грунт роняет,
И в лужах по утрам ледок почти не тает —
Пойду-ка я домой...

* * *

Я раньше думал: жизнь — театр,
Где есть комедия и драма,
А после понял: жизнь — реклама,
Понты, рисовки и пиар.

* * *

Лети, конфетный яркий фантик,
Лети, покуда ветер дует,
Судьбы твоей воздушный трафик
Пусть долгим будет.

Лети до станции конечной,
Срываясь вниз, взмывая снова,
Подобно бабочке беспечной —
Неповторимой, бестолковой...

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение культуры
«Волгоградская областная универсальная
научная библиотека им. М. Горького»

ИЗДАТЕЛЬ: ГБУК ВОУНБ им. М. Горького
400066, Волгоград, ул. Мира, 15

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 22,4

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

400066, Волгоград, ул. Мира, 15
ТЕЛЕФОН: 33-20-19

Электронная почта: otchiykray@mail.ru
Редакционный сайт: <https://otchiykray.ru/>
ВКонтакте: https://vk.com/otchiykray_vlg

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Отчий край» обязательна.

Рукописи принимаются по электронной почте.

Редакция знакомится с текстами авторов, не вступая в переписку.

Рукописи не рецензируются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.